

Bestseller

ЯДОВИТЫЙ
ПЛЮЩ

К. Браун

П. Чейни

Р. Стаут

Bestseller

C. Brown
The Unorthodox
Corpse

P. Cheyney
Poison Ivy

R. Stout
More Deaths
Than One

ЯДОВИТЫЙ ПЛЮЩ

К.Браун
Неортодоксаль-
ный труп

П.Чеѳни
Ядовитый Плюш

Р.Стаут
Больше
одной смерти

Москва «СКС» 1992

ББК 84(0)6

Я37

Серия «Bestseller» основана в 1991 году

Перевод с английского

Художник Б. К. Ушацкий

Ядовитый Плющ: Сборник: Пер. с англ.— М.: Я37 СКС, 1992.— 384 с.— (Bestseller).

ISBN 5-86092-018-0

По-разному сражаются с «рыцарями чистогана» лейтенант полиции Эл Виллер из романа Картера Брауна «Неортодоксальный труп», расследующий загадочные убийства в женском пансионе; агент ФБР Лемми Кошен — главный герой романа Питера Чейни «Ядовитый Плющ», вступающий в единоборство с международной организацией гангстеров; и, наконец, — блистательная пара нью-йоркских частных детективов Ниро Вульф и Арчи Гудвин, в который раз сумевших в романе Рекса Стаута «Больше одной смерти» вычислить и обезвредить преступника.

Я 4703000000-13
979(01)-92 Без объявл.

ББК 84(0)6

ISBN 5-86092-018-0

© Состав и перевод на русский.
Издательство «СКС», 1992

© Художественное оформление.
Б. К. Ушацкий, 1991

Картер Браун

Неортодоксаль- ный труп

Пролог

Я машинально взял трубку и так же машинально произнес свое имя.

— Виллер.

— Это Лаверс,— проворчала трубка.

Я быстро огляделся и убедился, что никакой блондинки в комнате не было.

— Добрый вечер, шериф,— наконец ответил я.

— Вы стали вежливым! Как частное предприятие может изменить человека!..

— Вы на самом деле хотите что-то сказать или ошиблись номером?

— Так вот!.. Три месяца назад вы покинули коробку ради «Хамонд, Ирвин Снук и компания». Я хотел бы знать, довольны вы?

— Еще бы! Все идет как по маслу!

— Проклятый лгун! Вы их бросили шесть недель назад.

— Больше всего раздражает в работе шерифа то, что он повсюду сует свой нос.

— Раньше,— продолжал он, не обратив внимания на мои слова,— у меня была «язва». Теперь ее нет, и я сожалею об этом: мне недостает болезненных приступов, которые наступают в самые неожиданные моменты.

— Вам надо говорить об этом врачу, а не мне.

— Что вы! Моя язва — это вы!.. Вы, флик Виллер. Скверный флик, если придерживаться установленных правил. Но вы достигаете результатов, и будет лучше, если вы вернетесь в коробку. Все обговорено в муниципалитете. Так что приходите в понедельник утром ко мне в бюро.

— Вы ушибли голову, шериф! Надо же вообразить, что я на самом деле вернусь в эту затхлую, полную рутины коробку!

— В понедельник утром, в девять часов, вас устраивает?

1

Светловолосая головка над пишущей машинкой — это было первое, что я увидел в понедельник в девять часов утра. Когда на меня посмотрела пара ярких голубых глаз, я узнал их.

— Анабел Джексон! — радостно воскликнул я. — Пусть меня повесят...

— Это вы хорошо сказали, — приветливо проговорила она и добавила: — Представьте себе, мне было так хорошо с шерифом, именно «было» хорошо, потому что теперь все испорчено.

— Ну что вы! Виллер... Вам это ничего не говорит? А если я вам скажу, что вы по-прежнему прекрасны, Анабел!

Она слегка вздрогнула.

— В девять часов утра! Вы расшибете себе голову. Кроме шуток, не теряйте время в полиции, лейтенант! Вам бы писать рекламные объявления для теле...

— Вы не отдаете себе отчета в том, что теряете. Чем вы заняты сегодня вечером?

— Если у меня будет свободное время, я найду, чем мне его заполнить. Кстати, шериф хочет вас видеть.

— Он уже пришел, так рано?

— Шериф находится в своем кабинете с половины девятого.

— В этом углу многое изменилось, но если вам скажут, что изменилось к лучшему, не верьте.

— Я никогда никому не доверяю, даже лейтенантам полиции.

Я направился в кабинет Лаверса. Шериф сидел в своем кресле и раскуривал трубку.

— Доброе утро, Виллер! — сказал он. — Садитесь.

— Спасибо, шеф,— ответил я и взял стул.

— У меня для вас есть работа.

— Это очень кстати, шериф, я как раз нуждаюсь в этом. Знаете, хорошо организованное убийство очень подойдет для меня в настоящий момент. А кто он, этот мертвый? — спросил я, с надеждой глядя на шерифа.

— Никто,— проворчал он.

— Да?..

Я подумал немного, потом пожал плечами.

— Тем хуже. А в чем дело?.. Вооруженное ограбление, наркотики или, может быть, хорошенькое дельце организованного шантажа?

Он закончил раскуривать трубку, потом взял какой-то конверт и бросил мне.

— Читайте!

Этот роскошный конверт, пахнувший дорогими духами, был адресован шерифу Лаверсу.

— Если кто-нибудь хочет заставить вас плясать, шеф, или угрожает смертью, не расстраивайтесь. Виллер здесь, чтобы защитить вас.

— Читайте,— проворчал он,— и перестаньте молоть чепуху. Можно подумать, что слышишь реплики артиста из комедии.

Я принял огорченный вид, который обычно у меня бывает после отказа какой-нибудь блондинки. Потом я открыл конверт и внимательно рассмотрел карточку с текстом, написанным золотыми буквами:

«Директор и ученицы женского колледжа мисс Баннистер приглашают мистера... на закрытый праздник, который состоится 24 октября в девятнадцать часов тридцать минут. В программе вечера: беседа начальника полиции шерифа Лаверса и выступление иллюзиониста, Великого Мефисто... Одежда вечерняя».

Я перечитал еще раз, мало понимая, в чем дело, потом посмотрел на шерифа:

— Это относительно Мефисто?.. Мошенник?

— Весьма возможно,— ответил Лаверс.— Я ничего не знаю о нем, и мне наплевать на это.

— Тогда мисс Баннистер? Понял! Она торгует белым товаром? Эти так называемые колледжи молодых женщин прикрывают всякие мошенничества. Сколько девушек исчезло с момента открытия колледжа?

— Насколько мне известно, ни одной. Виллер, вы не возражаете, если я скажу несколько слов?

— Прошу вас, шеф, выкладывайте!

Он глубоко вздохнул, и на его лбу появились недобрые морщинки.

— Заткнитесь! — пролаял он.

— Хорошо, шеф.

В течение нескольких секунд он яростно затыгивался трубкой.

— Вероятно, вы этого не заметили, — наконец проговорил он, — но 24 октября — это сегодня. Колледж мисс Баннистер — самый шикарный в штате. Суперсливки общества посылают туда своих дочерей учиться...

— Шериф!

— Довольно, ради бога!.. Учиться хорошим манерам, различным трюкам, которые позволят им блистать в обществе. Там находится дочь мэра, дочери нескольких сенаторов и других выдающихся граждан. Нужно хотеть, чтобы тебя выгнали, отказываясь от приглашения. Я позволил им уговорить себя, но сегодня утром пришла в голову мысль, что у меня есть возможность спастись от них.

Улыбка, с которой он смотрел на меня, была какой-то зловещей.

— И эта возможность?.. — спросил я.

— Это вы.

— Я?

— Вы, и никто другой. Я днем подхватываю сильный ларингит, так что не смогу даже выругаться, не говоря уж о том, чтобы беседовать даже шепотом. И, к радости, я смогу послать того, кто прекрасно заменит меня, — вас.

— Меня! — в ужасе прошептал я.

— Вас это не может особенно затруднить, — сказал он. — Вы порядочный пройдоха. С вашим знанием женщин!..

— Женщин — согласен, но ученицы...

— Вам придется поболтать не больше получаса, к тому же я уверен, что Великий Мефисто приведет вас в восторг.

— Вы слишком любезны, — пробормотал я.

— Итак, решено: вы сегодня вечером представитесь мисс Баннистер, передадите ей мои извинения и скажете, что я попросил вас провести беседу. Ровно в семь тридцать...

Он иронически посмотрел на меня.

— Что это такое с вами, Виллер? Вы такой бледный!

— Я вижу их отсюда,— с отчаянием проговорил я.— Пятьсот прелестных малюток с рогатками в карманчиках своих передников.

Лаверс покачал головой.

— Вы ничего не понимаете, Виллер. Колледж мисс Баннистер очень-очень закрытый. Там находится не более пятидесяти учениц одновременно. И разве я вам не сказал, что в этом заведении учат наследниц и будущих жен достойно вести себя? Там десять профессоров: шесть женщин и четверо мужчин. А также, повторяю, пятьдесят учениц, младшей из которых восемнадцать лет, а старшей — двадцать один год.

— А-а,— облегченно протянул я, потом добавил еще: — А!

— Наконец-то до вас дошло! — саркастическим тоном проговорил Лаверс.— Я считаю, что там привычная для вас обстановка. Закрытое место, украшенное пятьюдесятью, вероятно, очень соблазнительными персонами, и всего четверо мужчин. Так что это место, я полагаю, покажется вам настоящим раем.

— Согласен, но я плохо представляю себя оратором, выступающим на тему о роли и обязанностях ангела-хранителя!

— Вы завтра расскажете мне, как все прошло,— промурлыкал он.— А теперь убирайтесь! У меня много работы.

Я был достаточно понятлив и улетучился из кабинета шерифа. Два занятия заполнили остаток моего дня: попытка составить себе тему вечерней беседы и наблюдение за Анабел Джексон, печатающей на машинке. В конце концов она пригрозила ударить меня машинкой, если не перестану пялиться на нее.

Около семи часов я вышел из дому одетый в смокинг со всеми аксессуарами и, скользнув за руль «ягуара», направил машину к колледжу.

Проехав по аллее около километра, я свернул на первом повороте и оказался напротив колледжа.

Это было огромное двухэтажное здание с плоской крышей и большими окнами, сверкающими изнутри.

Поставив «ягуар» между «феррари» и «мерседесом», я прошел пешком те пятьдесят метров, которые отделяли меня от главного входа. Потом поднялся по шести ступенькам на площадку и увидел около открытой двери ту, которая ожидала меня.

Она была блондинкой. Ее ясные голубые глаза прямо смотрели на меня. Лицо не нуждалось в косметике. На верхнем кармане куртки красовалась большая буква «Б», вышитая белыми нитками. Серая безукоризненная юбка, нейлоновые чулки и классические туфли дополняли туалет блондинки.

— Я мисс Томплинсон,— тепло улыбнувшись, проговорила она с британским акцентом.— Возглавляю физическую культуру. Добро пожаловать, господин шериф. Должна признаться, что ожидала увидеть более пожилого человека.

— А, да... Меня повысили в чине.

— Примите мои поздравления.

— Я заслужил бы их, если бы стал шерифом, но я лишь лейтенант Виллер.

Она стала чуть менее приветлива.

— О, но мы думали, что...

— Я его замещаю. Он просил извиниться и сказать, что страдает острым ларингитом, поэтому не в состоянии...

— Я страшно огорчена,— сказала она.— Вам нужно познакомиться с мисс Баннистер. Она ждет вас в библиотеке. Мисс Баннистер думала, что шериф... что вы захотите немного выпить перед выступлением.

— Что-нибудь выпить?

Я улыбнулся при мысли о такой приятной перспективе, но сразу же спохватился. Питье мисс Баннистер, вероятно, было чаем.

— С удовольствием,— сказал я, покривив душой.

— Отлично! — бросила она.— Если не возражаете, я покажу вам дорогу!

— Вы, вероятно, англичанка? — спросил я.

Она повернула ко мне радостное лицо.

— Как это вы догадались?

— В моем родословном древе есть одна четверть кокни и одна шестая гориллы.

— Это невероятно!

Больше ничего не сказав, она бодрым шагом направилась к библиотеке.

Мне удалось догнать мисс Томплинсон, когда она остановилась перед какой-то дверью. Она постучала, но вошла в комнату, не дожидаясь ответа. Я следовал за ней, стараясь отдышаться.

Прежде всего я увидел на столе поднос, а на подносе

стакан, ведро со льдом и бутылку скотча. Это начинало мне нравиться.

— Патронесса, — заявила мисс Томплинсон, — к сожалению, шериф не смог явиться и послал вместо себя лейтенанта Виллера. — Она указала на меня. — Вот он, и должна сказать, что его появление доказывает, — она слегка вздрогнула, — что флики не лишены чувства коллективизма.

Мой взгляд оторвался от бутылки скотча и перешел на мисс Баннистер. Ей было, вероятно, лет тридцать пять. Короткая стрижка делала ее похожей на Аву Гарднер. Она была одета в платье для коктейлей огненного цвета со скромным декольте.

Я подошел к ней.

— Добро пожаловать в наш колледж, — горловым голосом произнесла она. — Огорчена, что шериф нездоров.

— Я тоже был огорчен, — ответил я, — но теперь, кажется, это проходит.

— Благодарю вас, мисс Томплинсон.

Заведующая физкультурой казалась недовольной.

— А?.. А, хорошо. Тем хуже. Я надеялась, — на ее губах появилась ядовитая усмешка, — я думала узнать новости о взломщиках, наводчиках и убийцах. Разве не о них вы собираетесь болтать, лейтенант?

Я не смог сдержать гримасу.

— К сожалению, мне не много известно об этом, — ответил я. — Не в курсе дела после смерти Эла Капоне.

— Ах, ах! — произнесла она огорченно. — Но теперь мне надо уходить. До скорого свидания, лейтенант!

Она решительно вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Мисс Баннистер с улыбкой посмотрела на меня.

— Успокойтесь, лейтенант, вы не жертва галлюцинации. Я сама часто спрашиваю себя, существует ли она на самом деле, но она очень хороший преподаватель физкультуры.

— Безусловно, я так и вижу ее играющей в регби.

— Вы что-нибудь выпьете, лейтенант? — спросила она, подойдя к подносу.

Я не заставил себя уговаривать.

— С удовольствием. Без воды.

Она налила виски в два стакана, в оба без воды, и протянула один мне.

— Я сожалею, что шериф не смог прийти, — сказала она, поднимая бокал, — и пью за успех вашего выступле-

ния. Во всяком случае, уверена, что наши мисс будут приятно удивлены.

— Спасибо.

Я сделал глоток.

— Сколько мне нужно говорить?

— Полчаса вас устроит? И будет лучше, если я сообщу вам некоторые сведения о нашем колледже. К нам прибывает молодая девушка после окончания школы. Мы обучаем ее тому, что необходимо знать женщине, жене, а также даме из общества: как нужно одеваться, пользоваться косметикой, вести разговор об искусстве, спорте и тому подобное. И конечно, иностранным языкам.

Я закончил свой скотч и смотрел на пустой стакан.

— Если вы хотите еще, наливайте себе сами,— предложила она.— Я всегда наливаю или слишком много, или слишком мало.

Я поблагодарил ее и воспользовался предложением.

— Хотелось бы знать,— сказал я,— говорил вам кто-нибудь, что у вас такой вид, как...

— Директрисы пансиона?— в ее глазах появилось ироническое выражение.— Нет, благодарение богу. Мне этого никогда не говорили.

— Я так и думал.

— Нужно, чтобы я вам объяснила все относительно этого вечера,— спокойно продолжала она.— Я организую такие вечера один раз в месяц, и мне кажется, что они полезны для молодых девушек. Я всегда стараюсь привлечь их внимание к общественной жизни, например, к таким ее проблемам, о которых будете говорить вы сегодня. И чтобы позолотить пиллюлю, остаток вечера отдается какому-нибудь аттракциону. Сегодня у нас будет фокусник.

— Это кажется мне замечательным.

Моя вежливость вызвала у нее улыбку.

— Счастлива слышать это от вас,— сказала она.— Вот какова программа: я представлю вас, и вы начнете беседу. Когда вы закончите, я оставлю десять минут для вопросов. Потом мы будем смотреть выступление Великого Мефисто. И я надеюсь, что вы останетесь поужинать с нами.

— Спасибо.

Я с вожделением смотрел на бутылку скотча.

— Я полагаю, что мне захочется пить во время беседы.

— У мисс Томплинсон имеется совершенно изумительный рецепт какао,— серьезно заявила она.— Я уверена, что вы его одобрите.

— Умираю от нетерпения.

— Я должна вас предупредить еще об одном.

— Предупредить?

— Да, в отношении вопросов. Все наши ученицы очень развиты и, почему бы не сказать этого, софистики. Я прошу вас не удивляться никаким вопросам и видеть в них лишь желание просветить себя.

— Как вы думаете, какого рода вопросы они могут задать мне?

— Не имею ни малейшего представления. Только если существует возможность убить кого-нибудь безнаказанно, мне бы не хотелось, чтобы вы говорили об этом.

— Может быть, мне надо было надеть мой пуленепробиваемый жилет? — заметил я и поспешно налил себе третью порцию скотча.

2

— ...Как вы могли констатировать,— закончил я,— работа полицейского заключается в терпении, настойчивости и скучных обязанностях. Конспирация и гениальная дедукция не играют никакой роли.

Расстреливаемый громом аплодисментов, я упал на стул.

Рядом со мной встала мисс Баннистер.

— Я думаю,— сказала она,— что выражу общее мнение, поблагодарив лейтенанта Виллера за интересный рассказ о полицейских методах. И я уверена, что он с удовольствием ответит на все вопросы, которые вы зададите ему.

Я с мрачным видом разглядывал аудиторию. Персонал, состоящий из шести женщин и четырех мужчин, занимал первый ряд. За ними сидели ученицы. В форменной одежде была только мисс Томплинсон. Туалеты же учениц отличались большим разнообразием. Я заметил рыжую девушку, вечернее платье которой, казалось, было сшито из прозрачного газа, если это не было эффектом освещения. Мое сомнение по этому поводу подействовало на мою речь во время выступления: я четыре раза «терял педали».

Томная блондинка поднялась с места. На ней была

надета темно-серая кофточка, усеянная блестками, и зеленые, как у тореадора, брюки. Огромные висячие серьги, если не были фальшивыми, стоили в пять раз больше моего годового жалованья.

— Лейтенант,—проговорила она с заученной улыбкой,—это не вас ли называют «странным фликом»?.. Я читала заметки в газетах... Вы распутываете самые загадочные преступления, если вам не мешает какая-нибудь блондинка. Которая к тому же может быть брюнеткой или рыжей, не так ли?

— Э... да... то есть... Да нет! Это только...

— Это я как раз и думала,—проговорила блондинка с улыбкой одалиски.—Оставайтесь таким, я, возможно, смогу организовать убийство по мерке.

Совершенно растерянный, я посмотрел на мисс Баннистер, которая сохраняла полное спокойствие.

— В нашем колледже,—заявила она,—допускается свободомыслие. И у многих учениц очень возбужденный ум.

— И дьявольски шутливый,—добавил я.—Типа арсеники в какао.

Встала брюнетка в локонах.

— Лейтенант,—нежным голосом проговорила она,—какое самое эффективное оружие для убийства в упор? Я холодно посмотрел на нее и ответил:

— Духи.

Встала блондинка в легком открытом костюме.

— Лейтенант,—вздохнула она,—вы считаете, что это было от нечего делать или потому, что отец застал ее в вестибюле с почтальоном?

— Кого это? — пробормотал я.

— Но... Лиззи Борден же!

— Это была женщина,—осторожно ответил я,—и этого объяснения, надеюсь, для вас достаточно.

Я не думал, что вызову такой энтузиазм.

— Как вы правы, лейтенант! Вы в самом деле понимаете женщин.—Она глубоко вздохнула, и я подумал, что костюм ее лопнет, но этого не случилось.—Никогда я еще не встречала такого понятливого мужчину!

Рыжая девушка, которая чуть не погубила меня как оратора, встала после малоодетой блондинки. И я, наконец, увидел, что освещение тут ни при чем. Ее платье действительно было прозрачным.

— Лейтенант,—ее длинные ресницы хлопали в течение двух или трех секунд,—я занимаюсь меблировкой

новой квартиры и задаю себе вопрос, подойдут ли вставленные в раму гравюры для одинокой девушки?

— Это зависит,— мучительно изворачивался я,— это зависит от...

— Да, конечно.— Ее ресницы снова захлопали.— Если бы вы могли помочь мне, лейтенант, это было бы очень любезно с вашей стороны! Это на Вилтон-авеню, номер пятьде...

— Я считаю,— оборвала ее мисс Баннистер,— что достаточно вопросов. Пора спуститься с эстрады и освободить место для Великого Мефисто. Сюда, лейтенант!

Я последовал за ней в зал. Для нас в первом ряду были оставлены два кресла. Я сел рядом с мисс Баннистер и увидел с другой стороны от себя мисс Томплинсон.

— Попали в точку! — шепнула она мне на ухо.— Просто сногшибательно, лейтенант!

— Вы слишком добры,— протестовал я, думая, можно ли закурить.

На сцене появился занавес, а по громкоговорителю зазвучала пластинка Синатры.

Мисс Баннистер прочла мои мысли.

— Если вам хочется курить, лейтенант, то не стесняйтесь.

— Спасибо.

Я предложил ей сигареты, она не отказалась. Мисс Томплинсон отрицательно покачала головой.

— Нет, лейтенант, спасибо. Я никогда не курю. Это вредно для женщины, которая быстро бегаёт.

— Не слишком,— возразил я.— Ведь она рискует, что ее никогда не догонят.

Ее озадачила эта глубокая мысль, и она молчала в течение дюжины секунд.

— Я никогда об этом не думала,— немного огорченно проговорила она.— Знаете, вы, видимо, правы.

Пластинка Синатры кончилась, наступило короткое молчание, потом свет в зале стал гаснуть и загорелись огни ramпы. Занавес медленно раздвинулся, и появился Великий Мефисто во всем своем великолепии.

Он был высок, около двух метров, и хорошо сложен. Накинутый поверх фрака плащ на красной шелковой подкладке заставил меня вспомнить об Анабел Джексон. Я подумал, хорошо бы поразить таким же неприступную блондинку.

Мефисто с улыбкой поклонился зрителям, которые выдали ему коллективный вздох.

— Сенсационно,— прошептал голос за моей спиной.— У него есть это!

— Ты права, Марион,— прошептала другая.

— О,— сказала третья,— он забирает у меня калории. Этого большого тевтонца с покрывалом оставляю вам, я предпочитаю флика.

Я обещал себе обязательно повидать особу, сказавшую эти слова, если когда-нибудь еще приду в колледж мисс Баннистер. Единственная магия, которая по-настоящему привлекала меня, это шелест юбки весной, а также летом, осенью и зимой. Но я должен признаться, что Мефисто знал свое дело. В течение пятнадцати минут он проделал множество всевозможных фокусов. Потом подошел к краю сцены и сделал жест рукой: в зале снова зажегся свет.

— Дамы и господа,— проговорил он громким голосом,— я нуждаюсь в помощи еще одного человека. Не окажет ли мне честь одна из очаровательных молодых дам?

Что-то вроде пронзительного стона раздалось в зале, и на сцене немедленно появилась дюжина учениц. Великий Мефисто с приветливой улыбкой посмотрел на них и склонился перед блондинкой в сверкающей кофточке.

— Вы отлично подойдете для номера,— сказал он.— Могу я узнать ваше имя?

— Каролина,— выдавила она.— Каролина Партинтон.

Мефисто посмотрел на остальных кандидаток.

— Мисс, я сожалею...

Огорченно бормоча, они вернулись на свои места. Мефисто хлопнул в ладоши, и на сцене появился один из его ассистентов, одетый в черное. Он толкал перед собой длинный деревянный ящик на колесах. Ящик напоминал гроб. Еще более зловещим его делало сооружение, состоящее из двух параллельных брусков, поднимавшихся по бокам и соединенных поперечиной. Треугольный нож прижимался к поперечному бруску при помощи веревки, конец которой закручивался вокруг колышка сбоку ящика. Проще сказать, это была в уменьшенном виде гильотина.

Мефисто поднял крышку ящика и пригласил Каролину улечься в нем животом вниз. Она наградила его улыбкой и послушно выполнила распоряжение. Он закрыл

ящик так, что тело девушки исчезло, а голова торчала под ножом гильотины.

После нового жеста Мефисто свет в зале погас, а огни рампы стали медленно менять окраску, пока всю сцену не залил красный свет. Мефисто подошел к краю сцены и мрачно проговорил:

— Дамы и господа, я прошу вас сохранять полнейшее молчание во время этого эксперимента. Он требует огромного напряжения и сосредоточенности, я не могу себе позволить ни малейшей ошибки. Неверный шаг, самая незначительная ошибка может оказаться трагической для моей помощницы. Я обращаюсь к вашей доброй воле.

Публика и так уже была совершенно молчалива и неподвижна.

— Как вы сами видите,— продолжал он,— Каролина лежит в ящике, и голова ее находится под гильотиной. Я должен предупредить, что лезвие острое как бритва. Я покажу вам уникальную вещь, феномен, который медицинская наука знает давно, но боится экспериментировать из-за того, что возможен смертельный исход...

Его взгляд обежал присутствующих.

— Такая гильотина,— торжественно добавил он,— отделяет голову от тела за долю секунды. Если потом присоединить ее в течение пяти секунд, не более того, то возможно... весьма возможно, дамы и господа, что человек останется жив! И когда я говорю, что «останется жив», я имею в виду, что на нем не будет ни малейшей царапины.

Он низко поклонился и направился к гильотине. Так как в глубине зала раздался истерический смех, Мефисто поднял голову с видом льва, обнаружившего, что его львица изменила ему.

— Прошу вас,— проворчал он с упреком,— умоляю, никакого шума, никаких звуков. Иначе я не смогу отвечать за безопасность моей ассистентки.

Смех прекратился.

Мефисто медленно разматывал веревку, натягивая ее, чтобы нож не упал.

За кулисами раздалась барабанная дробь: помощник зарабатывал себе на хлеб. Начав с медленного темпа, он достиг судорожного крещендо — и дробь резко оборвалась.

— Внимание! — закричал Мефисто, опуская нож.

Он с легким скрежетом скользнул по пазам и остановился с глухим стуком.

— Смотрите!

Мефисто схватил голову Каролины за волосы и поднял ее над своей головой. Ужасное зрелище продолжалось менее секунды, так как внезапно наступила темнота.

И тут начались паника и хаос. Пятьдесят учениц и большинство преподавателей, оказавшись в темноте, вопили до хрипоты. Когда шум достиг своего апогея, огни ramпы вновь зажглись и все увидели улыбающегося Мефисто.

— Прошу вас, успокойтесь... Я вам сказал, что не будет несчастного случая, если я смогу полностью сосредоточиться, и я смог это сделать.

Он потянул за веревку, чтобы вернуть нож в первоначальное положение. Должен признаться, что я почувствовал облегчение, увидев лезвие ножа чистым. Мефисто поднял крышку гроба.

— Каролина, — сказал он, — я хочу, чтобы вы вышли из ящика и сказали вашим друзьям, что вы невредимы. Она не шевельнулась.

— Каролина! — громче произнес он. — Пожалуйста... Сейчас не время шутить. Ваши друзья беспокоятся.

Опять — тишина.

— Каролина! — закричал Мефисто. — Довольно шутить! Вставайте!

Я почувствовал, что сжали мою руку, и повернулся к мисс Баннистер.

— Я боюсь, — тихо проговорила она. — Боюсь несчастного случая. Не подниметесь ли вы на сцену и не посмотрите ли, что произошло?

— Конечно!

Я встал и быстро пошел на сцену. Сильный шум из зала оглушил меня. Очевидно, завопили сразу все ученицы.

Мефисто повернул ко мне лицо, которое в огнях ramпы казалось пунцовым.

— Я ничего не понимаю, — бормотал он. — Ничего не могло случиться... это просто иллюзия. Я ее предупредил. Вероятно, это нервы, которые...

Я отстранил его, чтобы посмотреть в ящик. Там неподвижно лежала блондинка. Я заметил, что она дышит.

Бриллиантовая булавка сверкала на пластроне Мефисто. Я быстро вытащил ее, вернулся к гробу и вонзил острый конец в самое натянутое место брюк «тореадора».

С пронзительным криком Каролина выскочила из ящика. Она упала, потом поднялась и зло посмотрела на меня.

— Гнусный... гнусный...

— Вы находились под влиянием травматического шока, — как нельзя серьезнее сказал я, — и нужен был другой шок, чтобы вывести вас из первого. — Я сделал протестующий жест. — Не благодарите меня, это совершенно естественно.

— Тем не менее, спасибо, — крикнула она. — Вы нарочно укололи меня, грубиян вы этакий! Исключительно для того, чтобы позабавиться!

— Совершенно так же, как вы саботировали номер иллюзиониста. Мы квиты.

Она глубоко вздохнула и стала тереть нос. Потом быстро подошла ко мне и обвила руками мою шею.

— Не сердитесь, лейтенант, — прошептала она на ухо. — Я знала, что моя симуляция заставит вас подняться на сцену. Разве преступно желание с вами познакомиться?

Я освободился от ее объятий и так резко отступил, что Каролина шлепнулась на пол.

Мне пришлось успокоить Великого Мефисто.

— Забавная девочка, как сказала бы мисс Томпсон. Вы должны были гильотинировать ее по-настоящему — и я бы свидетельствовал, что вы действовали в состоянии законной защиты.

— Она нагнала на меня страху!

Мефисто достал шелковый платок, чтобы вытереть себе лоб, и не заметил, как из кармана выскочили две белые мыши. Они пробежали по ногам Каролины. Она в ужасе завопила, мгновенно поднялась, перескочила через рампу и на большой скорости пересекла зал под судорожные аплодисменты присутствующих.

Свет опять погас, и в зале начался концерт оглушающих криков.

— Какой идиот сделал это? — заорал я, чтобы в этом шуме меня слышал Мефисто.

Но никакого ответа не получил.

Я терпеливо ждал, когда появится свет. Но темнота, казалось, останется здесь навсегда. Истошные крики все усиливались. Я облюбовал себе место в гробу на тот случай, если придется провести ночь в колледже мисс Баннистер.

Наконец, зажегся свет. Публика разразилась апло-

дисментами, и Мефисто машинально раскланялся. Он не успел еще выпрямиться, как снова раздался вопль.

Все ученицы и преподаватели во время темноты столпились в проходах, поэтому я не сразу заметил Каролину Партинтон, издающую этот вопль. Она указывала на что-то пальцем.

Я ошибся, когда подумал, что все девушки теснились в проходах. Одна из них оставалась на месте. Это была блондинка, симпатизировавшая Лиззи Борден.

Она повалилась вперед, руки свисали со спинки кресла, стоящего перед ней. Из лопатки торчала рукоятка ножа. Даже издали мне было видно, что она мертва.

— И подумать только, ведь я сейчас не на службе, — с горечью сказал я Мефисто.

Так как он ничего не ответил, я подумал, не лишился ли он сознания. Поблизости от блондинки две или три девушки уже упали в обморок; казалось, их примеру последуют и остальные. Я повернул голову, чтобы убедиться в присутствии Мефисто, но знаменитый фокусник исчез, не оставив следов.

3

— Это вы, шериф? — спросил я по телефону. — Жаль, что вы не пришли. Вы пропустили большую порцию развлечений.

— Сеанс уже закончен?

— Нет. Я бы даже сказал, что он еще не начинался.

— Ну что же, тем лучше, Виллер, — приветливо проговорил он. — Хорошенько повеселитесь. А как прошло выступление?

— Полностью сорвано. В зале погас свет, и кто-то подло воспользовался этим для того...

— Виллер! — строго проговорил он. — Я вас предупреждаю, что, если вы пошутили с одной из этих девиц, я...

— Подло воспользовался этим, — повторил я, — и зарезал одну из девушек.

— Что?!

— Ножом в спину.

Молчание длилось добрых пять секунд.

— Вы пьяны, — наконец сказал Лаверс.

— Я?.. Я трезв, как шериф.

— Виллер, опасаюсь, что у нас с вами различное чувство юмора. Вы говорите серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Кто нанес удар?

— Это произошло в темноте,— устало проговорил я.— Она сидела в зале вместе с другими ученицами. Но когда зажегся свет, все зрители стояли в проходах, что дает нам шестьдесят подозреваемых, не считая тех, кто мог проникнуть в зал, пользуясь темнотой.

— Возьмите это дело на себя,— твердо сказал Лаверс,— а я займусь формальностями. Пришлю вам двух парней из уголовной бригады, врача и санитарную карету. Вам поручаю провести следствие, Виллер, понятно?

— Понял, шеф, но это меня не воодушевляет.

В ответ он грубо выругался и повесил трубку. Я закурил сигарету.

Вошла мисс Баннистер. Она была белая, как пакетик из-под аспирина, ее руки слегка дрожали, но, когда она заговорила, голос казался совершенно спокойным:

— Я отправила воспитанниц в их комнаты, а мистера Пиерса и мистера Дикейя попросила остаться в зале и последить за тем, чтобы никто не прикасался к девочке до прихода полиции. Надеюсь, я поступила правильно?

— Очень хорошо. А кто эти господа — Пиерс и Дикей?

— Мистер Пиерс — профессор живописи, а мистер Дикей обучает языкам: французскому и испанскому.

— Хорошо! А вы больше не видели Великого Мефисто?

— Нет. Разве вы думаете?..

— В принципе нет, но он исчез, когда погасили свет.

— Да? — протянула она, не понимая.

— А как звали жертву?

— Жоан Крег... Это ужасно, лейтенант. Я никак не могу поверить тому, что случилось. Это как в кошмаре. Мне кажется, что я должна проснуться.

— К несчастью, это все-таки произошло. Вы можете себе представить, почему ее убили?

— Разумеется, нет, что за мысль! — Она закусил губу.— О! Простите, лейтенант, но я совершенно не представляю себе этого!

— Что вы знаете о ней?

— Она приехала из Невады. Ее отец скотопромышленник. Крупное состояние. Она пробыла у нас около шести месяцев.

— Больше ничего?

— Это все, что мне известно. Ничем не могу вам помочь в этом деле. Я очень огорчена.

— Возможно, кто-нибудь другой здесь сможет больше рассказать о ней?

— Вы собираетесь опрашивать всех?

Я вооружился терпением, чтобы ответить ей.

— Мисс Баннистер, дело идет о убийстве. Обычай требует того, чтобы нашли убийцу,— это называется вести следствие, и задают вопросы люди, которые занимаются расследованием.

— Да, разумеется.— Она вздрогнула.— Я просто подумала о той рекламе, которую все это нам сделает.

Дверь резко распахнулась, и в комнату влетела мисс Томплинсон.

— Что случилось? — недовольно спросила мисс Баннистер.

— Появились флики! — заявила та.— С фургоном для мяса.

Мисс Баннистер закрыла глаза.

— Мисс Томплинсон! Неужели вы...

— Я лучше пойду повидаяю их,— сказал я, направляясь к двери, в то время как мисс Томплинсон продолжала:

— Это ужасно для бедняжки Жоан. Знаете, если кто-то у меня под носом убивает человека, это потрясает меня...

В холле навстречу мне спешил тип, с лицом, как лезвие ножа. Это был сержант Полник.

— Лейтенант,— сказал он,— инспектор Слад вместе с фотографом находятся в машине. Врач и санитары уже работают.

— Хорошо, Полник. Скажите фотографу, чтобы поднялся в большой зал: там находится тело. А вам придется заняться поиском. На вечер был приглашен иллюзионист. Его не видели с того момента, когда обнаружили труп. Этот «большой зебр» с бородкой не прошел бы незамеченным даже летним воскресеньем в Кони-Айленде! Попробуйте отыскать иллюзиониста.

— Понятно, лейтенант.

Я вошел в зал. Врач в этот момент закуривал сигарету. Он поднял на меня глаза и проворчал:

— Пронесся слух, что шериф, впавший в детство, восстановил на прежнем месте известного мне лейтенанта. Значит, это правда?

— Салют, врач,— холодно поприветствовал я.— За это время вы много убили больных?

— Другие занимаются этим вместо меня,— указал он на труп.— Причина смерти совершенно очевидна. Я полагаю, что вы прекрасно знаете, что произошло, и совершенно не нуждаетесь в моих предположениях. И мне ясно, что я ничего не смогу сделать до тех пор, пока ваш фотограф не закончит свое дело.

— Так точно.

— Естественно, я произведу вскрытие. Но этого совершенно не требуется для утверждения, что нож был очень острым.

— Значит, мы имеем дело с везучим убийцей или с никтолопом.

— С кем?

— Никтолопом — человеком, видящим в темноте. Вы должны знать об этом, доктор.

Он не стал спорить.

— Совсем не требуется много сил,— проворчал он,— если нож достаточно острый. Я получу доказательства позже.

— Может быть, это покажется не очень правдоподобно,— сказал я,— но она была убита женщиной.

— Возможно,— согласился он.

Фотограф и Слад, маленький тип в очках без оправы, появились в зале. Четверть часа спустя санитарная машина отъехала со своими пассажирами: фотографом, врачом и трупом. Оставшись со Сладом в пустом зале, я достал сигареты и предложил инспектору.

— Спасибо, лейтенант, я никогда не курю.

— Сожалею, что не могу предложить вам стаканчик.

— Это ничего, ведь я и не пью.

Он огляделся так, как будто никогда ничего подобного не видел.

— Но скажите, в какого рода коробке мы находимся?

— В колледже для девиц из высшего общества. Не говорите мне, что это вас интересует, я вам не поверю.

В холле послышался шум шагов, и секундой позже перед нами появился мужчина. Его волосы нуждались в стрижке, а усы в ножницах. На нем были бархатные штаны и толстая куртка, видимо из шелка. Во всяком случае, шелковой была его рубашка, ярко-красная, украшенная черным дьявольским бантом.

— О боже мой! — воскликнул ошарашенный Слад.— Что это такое? Воспитанница института?

— Не разочаровывайте меня в женщинах,— сказал я ему.— Держу пари, что это профессор живописи.

— Если он научит рисовать грудь, я намерен записаться к нему.

— Послушайте, Слад... Нужно раз и навсегда выяснить некоторые детали: я лейтенант, и если кто-нибудь должен быть забавным, то пусть им буду я.

— Хорошо, хорошо, лейтенант. Не нужно сердиться на меня, я это сказал не нарочно.

— Ладно. Курите же.

— А для чего?

— Ради перемены. Любая перемена вам будет только на пользу.

Волосатый остановился около нас.

— Один из вас, господа, не лейтенант ли Виллер? — спросил он голосом кастрированного петуха.

— Он,— сказал Слад.

— Что касается вас,— проговорил я, подмигнув Сладу,— мне не нужно спрашивать, кто вы такой: мистер Пиерс, профессор живописи.

— А? Нет! Я Дикей, профессор иностранных языков. Аугустус Дикей. Что дало вам повод подумать, что я преподаю рисование?

Слад стал потихоньку смеяться, но вовремя вспомнил, что лейтенант я, и сразу же замолчал.

— В этом виноваты газетные вырезки,— ответил я.— И чем же могу быть вам полезен?

— Мисс Баннистер попросила Эдварда, я, конечно, говорю об Эдварде Пиерсе, и меня остаться здесь до прихода полиции. Миссия довольно неприятная, лейтенант. Вид крови очень действует мне на нервы, так что мы сразу же ушли, как только пришел врач. Потом я подумал, что мы должны были попросить разрешения на это, и я пришел сюда принести свои извинения.— Он посмотрел на меня очень внимательно.— Я надеюсь, у вас нет претензий ко мне?

— Нет, вы хорошо поступили. А Пиерс, куда он пошел?

— Без сомнения, в свою комнату,— презрительно проговорил Дикей.— Я полагаю, что он курит отвратительные сигареты и, может быть, даже пьет виски!

— Конечно, вы не курите и не пьете?

— Скверные привычки!

— Да-а. А позвольте вам представить инспектора Слада. Внимательно посмотрите друг на друга: вы пой-

мете, какие преимущества имеют некурящие и непьющие.

Они смотрели друг на друга в течение нескольких секунд, потом каждого из них охватила легкая дрожь.

— Лейтенант, — угасшим голосом сказал Слад, — я охотно выкурю ту сигарету, которую вы мне предлагали.

— Это ни к чему не приведет, мой бедный друг. Чтобы избавиться от порока, надо было начинать раньше.

Дикей сложил руки так, будто собирался прыгать в воду.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, пока вы здесь. Вы знали эту молодую девушку?

— Маленькую Крег? Как ученицу, конечно!

— Вам известен какой-нибудь мотив ее убийства?

— Возможно, из зависти, — осторожно ответил он. — Видите ли, она была очень красива, а семья ее очень богата. У нее всегда было много денег для расходов.

— И никаких других причин?

Он некоторое время колебался, потом, бросив взгляд через плечо, заговорил.

— То, что я вам сообщу, страшно конфиденциально, понимаете, лейтенант? Я знаю, что она была дружна, очень дружна с Пиерсом.

— И это могло быть достаточным поводом для того, чтобы он убил ее?

— У меня нет никаких идей, лейтенант! — оскорбленно проговорил профессор. — Лично я никогда не смешивал мою служебную деятельность с личной жизнью. К тому же, — промямлил он, — я уже жених.

— А какая она? — испуганно спросил Слад.

— Вы, безусловно, уже встречались с Агатой, — с гордостью продолжал Дикей. — Ее нельзя не заметить. Естественная красота, она дышит здоровьем.

Я на мгновение закрыл глаза, чтобы представить себе его невесту.

— Речь, случайно, идет не о мисс Томплинсон?

Дикей обрадовался:

— Я так и знал, что вы ее заметите! Она восхитительна, не правда ли?

— С первого взгляда! — ответил я. — Вы сделали замечательный выбор. Девушка в теле. Мои поздравления и все прочее!

— Вы хорошо себя чувствуете, лейтенант? — озабоченно спросил Слад.

— Отлично, спасибо.

Тяжелые шаги в холле предварили появление Полника. Он остановился, задыхаясь.

— Вы нашли Мефисто?

Он кивнул, пытаясь перевести дух, и наконец заговорил:

— Чтобы оказать нашел... Я его нашел.

— Хорошо. Почему вы не привели его сюда?

— Да из-за правил, лейтенант. Я еще был совсем юнцом, когда узнал, что нельзя перемещать труп с места преступления.

4

— Шеф, будьте любезны, попросите санитарную машину вместе с врачом и фотографом развернуться в обратном направлении. Мне было бы неудобно самому просить их об этом.

— Виллер...— Голос бедного Лаверса звучал почти умоляюще.— Признайтесь, что вы выпили! Что вы — черный!

— Даже не серый, — твердо возразил я.

— Это то, чего нужно было опасаться: теперь этот несчастный фокусник воспользовался оружием.

— Волшебник.

— Что?

— Волшебник, иллюзионист, не фокусник.

— Для вас волшебник...— проворчал он.— Заколот, говорите вы, как девица?

— Совершенно точно. Полник его нашел.

— А где это произошло?

Вот вопрос, которого я опасался. Я глубоко вздохнул:

— В гимнастическом зале. Он сидит на деревянном коне: повис на ручках, они мешают ему упасть.

— Виллер,— сказал шериф еще спокойным голосом.— У нас ведь не первое апреля?

— Нет, шеф.

— Вы не плетете мне небылицы?

— Нет, шеф.

— Тогда, лейтенант, выкручивайтесь сами из неприятного положения. Вызовите уголовную бригаду и заставьте вернуться врача и других: я больше этого делать не буду. Я лягу в постель и буду спокойно спать...— В трубке раздался щелчок.

Я позвонил в уголовную бригаду, потом закурил си-

гарету. Мисс Баннистер вопросительно смотрела на меня.

— Лейтенант, я знаю, что вы находитесь при исполнении служебных обязанностей, но то, что происходит, настолько невероятно... Могу я предложить вам стаканчик?

Я с восторгом принял предложение, и она наполнила два стакана неуверенной рукой.

— Кажется, лед немного растаял, — сказала она. — Я позвоню кухарке, чтобы она принесла...

— Не стоит! — Я почти вырвал стакан у нее из рук. В этот момент постучали в дверь.

— Войдите! — сказала мисс Баннистер, Вошел Слад.

— Да, лейтенант?

Я вытаращил на него глаза:

— Что да?

— Я не знаю, лейтенант... Это вы должны мне сказать.

— Что сказать?

— Ну... что вы хотите.

— Сказать о том, что я хочу? Это будет долго: миллион долларов, фургон хороших вещей и... Но, в конце концов, на кой это вам, черт возьми? Я сказал, чтобы вы оставались в гимнастическом зале, пока туда не приедут остальные.

Он снял свои очки, энергично протер стекла, водрузил их обратно на нос и обиженно посмотрел на меня.

— Вы, может быть, забыли, лейтенант, но две минуты назад вы позвонили мне по телефону, сказали, что находитесь в кабинете мисс Баннистер, и просили меня прийти сюда.

— Я не помню ничего подобного. К тому же у меня есть свидетель, который все время находился здесь. Вы помните этот разговор по телефону, мисс Баннистер?

— Да нет, — ответила она. — Вы позвонили шерифу, потом в уголовную бригаду, и все.

— Вот видите, Слад, если у кого-нибудь и бывают галлюцинации, так это у вас...

Не закончив фразу, я устремился в холл. Мигом проскочил коридор, ведущий к лестнице; перепрыгивая через несколько ступенек, одолел лестницу и влетел в гимнастический зал. Труп Мefисто там уже не было.

Слад появился на несколько секунд позже. Он не верил собственным глазам.

— Ушел! — воскликнул он. — Это невозможно! Как это мертвый может ходить?

— Если ушел, — сказал я, — значит, это возможно. Что касается вашего последнего вопроса, он слишком сложен, чтобы я мог на него сразу ответить. Но, судя по всему, он «вышел» при помощи персоны, которая позволила вам по телефону.

— Лейтенант, — сказал Слад, — вы, вероятно, правы. Стоило мне куда-нибудь прийти, как тут же раздавались чьи-нибудь шаги. Они послышались и на этот раз: вошел врач в сопровождении санитаров и фотографа.

— Вот и мы, — сказал он с кислым видом. — Где же труп?

— Вот когда гаснут огни, — ответил я. — Я знаю столько, сколько и вы.

— Сейчас не время для шуток, Виллер. У меня свои планы на ночь.

— Чтобы ничего от вас не скрывать, труп исчез. И я не имею представления о том, куда он переместился. Вероятно, это место должно быть недалеко. Пойдите повидайте Полника, — сказал я Сладу. — Он разговаривает с Пиерсом где-то в павильоне для рисования. Обшарьте все помещения и не возвращайтесь без этого проклятого трупа.

— Хорошо, лейтенант, — жалобно ответил Слад и вышел из гимнастического зала.

— А я что буду делать в ожидании? — проворчал врач Мурфи.

Я подошел к деревянному коню и стал внимательно осматривать его.

— Вы могли бы провести наблюдения, — сказал я. — Вы же в хорошей форме в настоящий момент.

— Боже мой! — взорвался он. — Если вы не представите мне через пять минут труп, я пошлю подробный рапорт шерифу, и он отправит вас туда, откуда вы явились два дня назад!

— Крови нет.

— Что?

— На коне не видно крови.

Мурфи подошел ко мне и осмотрел поверхность снаряда.

— Нет, — сказал он, — а это доказывает что-нибудь?

— От этого зависит многое. По-видимому, он был заколот совершенно таким же образом, как девушка. А что, такая рана очень кровоточит?

— Нет, если удар нанесен так же хорошо, как и в том случае. В каком положении он был, когда вы его нашли?

— Верхом и наклоненный вперед. Ручки мешали ему упасть.

Мурфи стал на четвереньки и внимательно осмотрел пол.

— Если вы хотите кость,— предложил я,— то скажите, как хорошо воспитанная собака.

Он быстро поднялся и стряхнул пыль.

— Никакой крови на полу тоже нет. Странно. Что ее нет на коне, это вполне понятно, раз он находился в таком положении, какое вы описали, но на полу должно быть хоть несколько капель.— Он неприязненно посмотрел на меня.— Вы уверены, что он был мертв?

— Да-а! Я не подумал об этом. Может быть, в этом году модно носить ножи в спине?

Мурфи с ворчанием посмотрел на часы.

— У вас остается еще около трех минут, Виллер!

— А вы познакомились с директрисой мисс Баннистер?

— Нет.

— Это просто Ава Гарднер, только у нее более короткие волосы.

— В самом деле? — спросил явно заинтересованный Мурфи.— Она случайно не нуждается в помощи, пока я здесь?

— Я узнаю.

В глубине зала на стене висел телефонный аппарат, рядом с ним — лист бумаги с внутренними номерами телефонов. Кабинет мисс Баннистер отвечал на номер 23. Она тотчас же взяла трубку.

— Это Виллер,— тихим голосом проговорил я.— Я попал в скверное положение. Можете что-нибудь сделать для меня?

— Все что захотите, лейтенант.— Она спохватилась и добавила: — Все что захотите в пределах благоразумного.

— Если я отправлю к вам врача, фотографа и санитаров, вы сможете угостить их скотчем?

— Разумеется, если это вас устроит.

— Скотч в вашем присутствии устроит многое.

Повесив трубку, я вернулся к врачу.

— Она не нуждается в медицинской помощи,— сказал я.

— Тем хуже,— огорченно ответил он.— Она как Ава Гарднер, вы сказали?

— Совершенно такая. И она приглашает на скотч вас и этих господ тоже.

— Bravo! — радостно крикнул он.— Как туда пройти?

Я объяснил ему, и они все вышли из зала, оставив меня одного. Я закурил новую сигарету, надеясь на то, что Слад или Полник обнаружат сбежавший труп. В углу зала стоял большой сундук, который служил местом, куда складывали различные гимнастические принадлежности. Удобно усевшись на обитую медью крышку сундука, я решил спокойно поразмышлять.

Если существует на свете человек, которому всегда не везет, то это — Эл Виллер. И если бы у меня было на два цента благоразумия, я бы лучше позволил себя стереть в порошок, но не стал фликом.

Раздалось приглушенное ворчание, и мне показалось, что это я ворчу бессознательно. В моем состоянии такое было совершенно естественно, несмотря на отсутствие во всем этом логики.

Я сильно затянулся дымом сигареты — и снова раздалось ворчание. Невольно проглотив дым, я закашлялся. Появилось беспокойство: как это можно ворчать, глотая дым? Еще одна проблема?.. Я ничего не понимал.

Ворчание раздалось в третий раз. После чего, послав к черту свою глупость, я встал и поднял крышку сундука, на котором сидел.

Великий Мефисто медленно поднимался на ноги, все время ворча и потирая себе затылок. Я чуть не проглотил сигарету.

— Меня оглушили,— сказал он,— и если найду этого...

Я остановил его жестом.

— Осторожнее с выражениями! Вы, может быть, не в состоянии отвечать за свои слова?!

— Что вы такое говорите, Боже мой!

— Вы ничего не чувствуете на спине?.. Зуд?.. Или, может, раздражение, как будто вам воткнули иголку в спину?

— Вы, случайно, не сумасшедший? — Он ошеломленно посмотрел вокруг.— И к тому же, как я попал сюда?

— Не беспокойтесь об этом.

Дружески похлопывая его по спине, я провел рукой по лопаткам. Никакого ножа там не торчало. Крови тоже не было, и одежда не нуждалась в штопке.

Мефисто вылез из ящика.

— Я хочу знать, что произошло! — сказал он. — Последнее, что я запомнил, — погасший в зале свет. Я подумал, что, возможно, это сделал мой кретин помощник и пошел искать его. Поиски закончились тем, что меня оглушили!

— Вы должны быть счастливы, что вас не убили: не зарезали, как девушку.

— Кто может меня убить? — проверещал он. — И по какой причине?

— Ну! Они все видели ваш номер тогда.

Он широко раскрыл рот, чтобы сказать что-то, но его перебил вбежавший в зал Слад.

— Лейтенант! — задыхаясь пробормотал он, — мы обыскали все комнаты. Ни малейшего признака трупа.

— Тем хуже.

— Вы знаете, что у каждой воспитанницы имеется отдельная комната. Я осмотрел пять, потом появился сержант и сказал, что он займется этим сам, а мне предоставил ваннские комнаты и шкафы.

— Это неприятно. Кстати, вас никогда не знакомили с Великим Мефисто?

— Нет, — он машинально поклонился иллюзионисту. — Очарован. Я ничего не понимаю, лейтенант, я...

Больше он ничего не сказал. Его рот открывался и закрывался, но из него не вылетало ни звука. Лицо стало багровым. Он зашатался, сделал три шага и упал на пол.

— Что это с ним? — поинтересовался Мефисто.

— Когда он вас видел в последний раз, он вас принял за труп. Теперь ничего не может понять, и это его взволновало.

— Разве здесь все сошли с ума?

— Знаю четырех типов, которым это угрожает, — ответил я и пошел к телефону.

Я позвонил в кабинет директрисы и попросил позвать к телефону доктора Мурфи. Через несколько секунд Мурфи был у телефона, он заявил мне почти приветливым тоном:

— На этот раз вы были правы: это совсем Ава Гарднер.

— Когда я высказываю какую-нибудь мысль, она всегда удачна.

Врач издал насмешливое хихиканье.

— Но я звоню вам по другому поводу: мы нашли труп. Хотите с ним поговорить?

— Не утруждайтесь, Виллер. Это совсем не смешно.

— Согласен. Тем не менее это необыкновенный труп: находился здесь — и вдруг исчез, был мертвым — и стал живым.

— Еще раз повторяю, Виллер, если вся эта история лишь шутка, то у вас очень странное и извращенное чувство юмора, с чем вас не поздравляю.

— С юмором, доктор, у меня все в порядке.

— Вы заставили нас всех вернуться сюда: санитарную карету, фотографа и меня исключительно потому, что какой-то болван устроил шутку, в которой вы не разобрались! — Фраза закончилась воплем. — Виллер, я скажу шерифу, вы слышите, что отныне я отказываюсь выезжать по вашему вызову. Вы идиот, несмышлениш, снабженный мозгами в таком же количестве, как дегенеративная амеба. Я...

— Спасибо, доктор. Я знал, что наши мнения совпадают.

Я повесил трубку и вернулся к Мефисто, который продолжал уничтожающе смотреть на меня.

— Я хочу, чтобы мне объяснили...

— Что все это означает? Успокойтесь Мефисто, не вы один задаете этот вопрос.

В зал вбежал сержант Полник.

— Лейтенант... — Он остановился и уставился на Слада, по-прежнему лежавшего на полу.

— Что это с ним?

— У него не выдержали нервы, когда я представил его присутствующему здесь труп.

— Присутствующий здесь труп... — Полник уставился на Мефисто и глубоко вздохнул. — Значит, это была шутка?

— Он получил хороший оглушающий удар сзади. Я нашел его в ящике.

— А нож в спине?

— Мы хорошенько не рассмотрели его. Вероятно, это был один из театральных ножей, знаете, с лезвием, которое входит в рукоятку.

— Детская шутка! — презрительно проговорил Полник.

— Или иллюзия. Что вы об этом думаете, Мефисто?

— Я по-прежнему ничего не понимаю, — с горечью ответил бородатый, — и отказываюсь понимать.

— Врач и санитарная машина уехали,— сказал я Полнику.— Я не думаю, что Мурфи оценил обстановку. Он сказал много жестоких слов.

— Тогда ему придется сразу же повернуть обратно, едва он придет в уголовную бригаду.

— Что?.. Объясните!

— Я только что нашел еще один труп — другую ученицу. В ее комнате. Она по-настоящему мертва, я проверил это.

— И, без сомнения, с ножом в спине?

— Совершенно точно, как и у той. Я проверил, лейтенант. Это без ошибки.

Глухие стоны стали раздаваться с пола. Слад поднимался и ошалело смотрел на нас.

— Что такое произошло? — прошептал он.

— Вставайте, Слад! На этот раз имеется настоящий труп, который протягивает к вам руки!

5

Трупом оказалась та девочка с темными локонами, которая хотела знать лучший способ убить человека в упор. Ее убийца, безусловно, не строил из этого проблемы.

Она лежала на животе поперек кровати, в том же платье, в котором я ее видел на вечере. Нож был вонзен между лопатками, и, как сказал Полник, она была по-настоящему мертва.

В комнате все находилось на своих местах: ни малейших признаков борьбы.

— Нужно опять позвать врача,— сказал Полник.

— Черта с два! Он предупредил, что не вернется!

— Тем не менее нужно, чтобы...

— Сержант,— сухо проговорил я,— я не выношу, когда нарушают иерархию. Называйте меня лейтенантом, если вам не трудно.

— Хорошо, лейтенант.

— Я скажу, что вам нужно будет делать. До сих пор нас заставляли плясать под их дудку, нас водили на поводке, как трех дураков. Мы играли в их игру, но довольно! Отныне мы будем трясти других. Это дело закончится к завтрашнему утру.

— Безусловно, лейтенант,— сказал Слад.— Но как?

— Вопрос по существу,— согласился я.— Сначала вы обшарите как следует эту комнату. Прочешите ее час-

тым гребешком и постарайтесь найти какой-нибудь след. Когда здесь будет закончено, нужно проделать то же самое в комнате малышки Крег. Потом найдете меня в кабинете мисс Баннистер и сообщите результаты.

— Хорошо, лейтенант,— ответил Слад.

Я повернулся к Полнику.

— Сержант, я хочу чтобы все обитатели этого пансионата через четверть часа были в большом зале. Это приказ. Не разрешайте никому уклоняться. Соберите весь персонал, всех учениц, а также не забудьте Мефисто и его помощника.

— Хорошо, лейтенант.

— Четверть часа — максимальный срок. Я буду в кабинете мисс Баннистер.

— Хорошо, лейтенант,— проворчал Полник, выходя из комнаты.

Я холодно посмотрел на Слада, который начал рыться в одном из ящиков, и отправился в кабинет мисс Баннистер.

— Я думала, что такое с вами случилось? — сказала она.— Вы вернулись выпить стаканчик?

— Не сейчас,— ответил я с героическим усилием.— Кто эта девушка, брюнетка, завитая как баран, которая не знала, как можно убить человека в упор?

Она слегка поколебалась.

— Ненси Риттер... Надеюсь, что она больше не пристаёт к вам с глупыми вопросами?

— Нет, она мертва. Убита.

Мисс Баннистер, казалось, меня не понимает.

— Это серьезно,— добавил я.

— Но... это невероятно!

— Сержант собирает всех в большом зале. Я хочу поговорить с каждым в отдельности. И если не возражаете, то в этом кабинете.

— Нет. Он в вашем распоряжении.

— Спасибо. А где вы выудили Великого Мефисто?

— Простите?

— Его пригласили для выступления на вашем вечере. Вы его лично знали, или вам его направило агентство, или еще кто-нибудь?

— О! Я поняла, что вы хотите сказать. Он был рекомендован мне одной из моих служащих.

— Кем?

— Мисс Томплинсон. Она сказала мне, что он — сенсация!

— Я задам вам тот же вопрос, который задавал относительно маленькой Крег... Вы дагадываетесь о причине убийства?

— Абсолютно нет. Мы имеем дело с сумасшедшим, лейтенант.

— Вы уверены в поле?

— Не понимаю?

— Сумасшедший. А почему не сумасшедшая?

— Я уверена, что это мужчина.

— Почему?

— Предчувствие, вот и все. Я не смогу вам объяснить.

— Женщины никогда ничего не знают. Пока это все, мисс Баннистер. Не пройдет ли вы в зал?

— Я вижу,— сухо проговорила она,— что вы отправляете меня в ту же корзину, что и учениц.

— Дело не в этом. Допросы могут продлиться долго, и я думаю, что девушки в вашем присутствии будут держать себя лучше.

— Это верно. Я покидаю вас, лейтенант.

Она вышла. Ее кресло протягивало ко мне ручки, я сел в него и закурил сигарету. Через несколько минут в дверь постучали: вошел Слад.

— Ничего у маленькой брюнетки,— сказал он.— Но посмотрите, что я нашел в комнате мисс Крег!

Слад положил на стол нечто вроде музейного экспоната: кольт с ручкой из слоновой кости. Он, вероятно, был выпущен лет сто назад и не слишком восхищал меня.

— Ее отец имеет ранчо в Неваде и любит шик,— пояснил я.— Этот утиль, вероятно, семейная память. Ей дали его на счастье.

— Значит, этот ее папаша довольно странный тип,— усмехнулся Слад.— Ведь кольт заряжен!

— Вы не в своем уме!

Я взял револьвер, поднял собачку и увидел, что это я не в своем уме... Держа палец на собачке, я разрядил револьвер с большими предосторожностями.

— Что вы на это скажете, лейтенант?

— Что «это» не стоит и гвоздя. А вы, что вы думаете?

— У меня есть идея: девочка знала, что ей угрожало. Она родилась на ранчо и умела обращаться с петардами. Может быть, она с детства привыкла к таким игрушкам... Итак, она привезла ее с собой. Пойдет, а?

— Слад, вы опять много часов провели у телевизора. Когда Полник всех соберет в зале, вы пойдете и осмот-

рите остальные комнаты. Теперь, сможете ли вы запомнить три имени или четыре?

— Безусловно! — ответил он. — Смит, Робин, Джон и Браун. Это здорово... а, лейтенант!

— Попробуйте запомнить: Баннистер, Партинтон, Дикей и Пиерс.

— Баннистер?.. Но ведь это директриса, нет?

— От вас ничего нельзя скрыть. Пойдите в зал и поглядите Полника. — Я посмотрел на часы. — Скажите, что у него осталось ровно две минуты.

Слад тяжело вздохнул и направился к двери.

— Знаете, лейтенант, — проговорил он, обернувшись, — для легавого, не такого как все, у вас бывают дни, когда вы здорово приспособливаетесь.

— Я должен отбиваться от судебного врача и комиссара, которые шумят, и от двух трупов, которые молчат.

Слад подошел к двери и открыл ее.

— Кстати, прибавьте к тем именам, что я вам назвал, еще и Томплинсон.

— Хорошо, лейтенант.

Дверь за ним с шумом закрылась. Я закурил сигарету от окурка предыдущей и подумал, что был очень глуп, отказавшись от скотча, который мне предложила мисс Баннистер.

Полник появился через пять минут. Я решил, что настало время перестать играть роль шерифа.

— Вы пригнали их всех туда?

— Да, лейтенант. Они все там.

— Хорошо. — Я указал ему на кресло. — Садитесь.

Он сел и вопросительно посмотрел на меня:

— Что теперь произойдет, лейтенант?

— Я буду их здесь по одному допрашивать. Вы нашли помощника Мефисто?

— Да-а. Забавный паренек. Он не болтлив.

— Возможно, он не смеет заговорить. Если он когда-нибудь побывал под гильотиной Мефисто, то понятно, почему у него нет желания разговаривать.

— Да, лейтенант. Я хочу сказать: нет, лейтенант.

Он стал очень вежлив, этот Полник.

— Прежде всего мне хочется встретиться с мистером Пиерсом. Пришлите его сюда. А пока я буду с ним разговаривать, вы поглядите мисс Баннистер, которая передаст вам список всех учениц и преподавателей.

— Хорошо, лейтенант, — сказал Полник.

Он пошел очень воодушевленный.

Вскоре его заместил профессор живописи мистер Пирс. Он был высоким, крепким и красивым парнем, по внешним данным вполне подходящим для роли первого любовника. На нем был прекрасный серый костюм, белая рубашка и серый галстук. Его волосы были ни длинными, ни короткими, у него не было бороды и даже усов.

— У вас здесь все наоборот,— сказал я.— Вы должны бы преподавать языки, а мистер Дикей — живопись.

Он засмеялся, обнаружив прекрасные белые зубы.

— Вы не в курсе дела, лейтенант. Теперь все артистические натуры одеваются в обычные костюмы, не подчеркивая свою принадлежность к миру искусства. Нечесанные волосы, верблюжья шерсть и джинсы — это для продавцов магазинов, которые хотят сойти за кого-нибудь в свой свободный день.

— Очень может быть. Я провожу большую часть времени в джинсах.

Он принужденно засмеялся.

— Вы знаете, что сегодня вечером была убита Жоан Крег,— сказал я ему.— Но вы, может быть, не знаете, что немного позже наступила очередь Ненси Риттер.

Его лицо омрачилось.

— Нет,— тихим голосом проговорил он.

— Вы их знали обеих?

— Естественно. Обе занимались у меня. Жоан могла стать прекрасным иллюстратором, а у Ненси совсем не было способностей.

— Вы ей об этом сказали?

— Разумеется.

— И тем не менее она продолжала учиться?

— О! Эти женщины! Я никогда не смогу их понять!

— Между тем вы не слишком усложняете свою жизнь, судя по тому, что мне сказали.

Он возмущился:

— Что вы хотите мне инсинуировать?

Некоторое время я смотрел на него, не отвечая.

— Похоже на то, что взаимоотношения между вами и Жоан Крег были гораздо интимнее, чем должны быть между профессором и ученицей.

Он достал пачку сигарет, старательно выбрал одну и закурил.

— Вы знаете, что это такое,— без всякого замешательства ответил он.— Здесь находятся пятьдесят молодых девушек, большинство из них очень привлекательны. Мужчин только четверо. Можно даже сказать, троё,

так как Дикей... К тому же он жених этой сильной английской личности... словом, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Я не слишком хорошо понял, но очень хочу быть в курсе всего.

— У меня была симпатия к Жоан. Мы интересовались одинаковыми вещами.

— Я понимаю вас,— одобряющим тоном произнес я.

— Так вот, это все. Не было ничего серьезного.

— Но, без сомнения, вы ее знали лучше остальных учениц.

— Я бы не пошел так далеко, нет...

— У нее были неприятности, что-нибудь ее беспокоило или волновало? Она вам никогда не говорила об этом?.. Не торопитесь, подумайте.

Он размышлял несколько секунд.

— Была одна вещь...— он колебался.— Может быть, это глупость, но тем не менее... Это произошло сегодня днем, около пяти часов: я ее встретил в парке. Она спросила, пойду ли я на беседу шерифа. Я ответил, что безусловно пойду, тем более что профессора будут при исполнении служебных обязанностей... Тогда она мне сказала, что задаст шерифу определенный вопрос, и, если я хочу увидеть, как кто-то изменится в лице, мне нужно хорошенько присмотреться к присутствующим в зале.

— А она вам не сказала, кто это будет?

— Нет. Боюсь, что я недостаточно серьезно воспринял ее слова. Особенно после того, как услышал этот абсурдный вопрос о Лиззи Борден.

— Да-а... Это не освещает дело. А у вас нет предположений относительно мотивов убийства?

— Нет, в самом деле нет. Она была славной девочкой, иногда слишком экзальтированной, но это прошло бы с возрастом.

— А Ненси Риттер?

— Это была ученица, как другие.

— У которой не было способностей, но которая пре небрегла тем, что вы ей об этом сказали.

— Совершенно точно.

— Ну что ж, отлично.

— Я вам больше не нужен?

— У меня есть ваше заявление, и этого достаточно. Тем более если оно совпадает с действительными фактами.

Он вышел, а в приоткрытую дверь просунулась голова Полника.

— Чья теперь очередь?

— Помощника Мефисто,— ответил я.— У него есть имя?

— Его зовут Пис.

— Пис что?

— Просто Пис.

— Вот полное отсутствие воображения. Надеюсь, что вы полностью уверены в нем?

— Я пойду за ним,— быстро проговорил Полник, не пытаясь понять смысла моих слов.

Пис был немного выше метра пятидесяти. У него был вид умного и дельного продавца наркотиков или порнографических открыток. Принужденно остановившись посередине комнаты, он смотрел во все стороны — только не туда, где сидел я. Его левую щеку регулярно подергивал нервный тик.

— Это вы Пис?

— Конечно, это я.

Голос у него был хриплый и приглушенный, как будто ему стерли в табак голосовые связки.

— Ты вышел из тюрьмы?

— Скажите, вы не вернете меня туда?

— Откуда я могу знать? Сколько времени ты у Мефисто?

— Шесть месяцев, лейтенант. Только тогда, когда он работает.

— Он работает не регулярно?

— Примерно два раза в неделю: на частных вечерах, приемах, в коробках, как эта.

— И каждый раз по две смерти за сеанс?

Лицо Писа стало еще более серым.

— Я ничего не знаю об этой истории.

— А в чем заключается твоя работа?

— В основном я занимаюсь освещением: меняю цвета, работаю с прожектором, гашу...

— ...И в зале? Может быть, даже выключаешь свет во всем доме?

— Вы говорите не то.

Я встал и вышел, старательно закрыв за собой дверь. Полник вопросительно посмотрел на меня.

— Вернитесь в зал и постарайтесь узнать, не потерял ли кто-нибудь своих драгоценностей во время выступления фокусника. Если потери есть, сделайте список и при-

несите его мне, ни слова не говоря. Если нет, так вы все равно принесите мне лист бумаги.

— Гм?..

— Просто кусок бумаги, ясно! И пусть это произойдет скорее!

Вернувшись на свое место, за письменный стол мисс Баннистер, я стал пристально разглядывать лицо Писа. Из всех методов работы флика этот — самый неприятный. Когда не знаешь, что сказать и даже что подумать, тогда нужно окружить парня ледяным молчанием. Если он немного нервный, то признается во всем в течение трех минут.

Это не дало осечки. Пис не мог прямо смотреть на меня, а бросал взгляды украдкой, ожидая, когда кончится пытка. Он то теребил галстук, то засовывал пальцы за воротник, то дергал отвороты своего пиджака — короче говоря, был очень беспокоен.

Вошел Полник и положил на стол лист бумаги.

— Вот список, лейтенант.

Он раздавил тяжелым, угрожающим взглядом Писа.

На листке значилось одно имя: Каролина Партинтон. Темпераментная блондинка потеряла висячие бриллиантовые серьги.

Пис начал тяжело дышать.

— Скажи сержанту, который стоит за дверью, — обратился я к Полнику, — чтобы тот немедленно привел Мефисто.

— Хорошо, лейтенант, — прохрипел он, направляясь к двери.

Понадобилось менее минуты для того, чтобы Полник вернулся с Мефисто. Он пропустил иллюзиониста вперед, закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Что еще такое? — агрессивным тоном начал Мефисто. — Я надеялся, что будет покой хотя бы ночью.

— Что еще такое, а? — спросил я его.

— Лейтенант, я отказываюсь расшифровывать ваши загадки. И вас об этом уже предупреждал.

— Я говорю о висячих бриллиантовых серьгах. У кого они? У вас или у Писа?

— Висячие бриллиантовые серьги? Какие серьги?!

— Можно обыскать обоих, но будет лучше, если вы не заставите себя уговаривать.

— Я не знаю.

— А! Заткнись! — проворчал Пис сквозь зубы, повернув рожу к Мефисто. — Легавый знает музыку. Не стоит

трудиться и корчить из себя святошу, только больше будет неприятностей. Они у тебя, отдай их, вот и все!

Мефисто уничтожающе посмотрел на него, но сунул руку в карман брюк. Он сделал шаг вперед, положил руку на бювар и, медленно разжимая пальцы, стал выпускать серьги.

— Вот так-то лучше,— сказал я.

Полник не верил своим глазам.

— О! Как это вы догадались, лейтенант?

— Это старая комбинация, первые жертвы которой — римляне на банкетах Нерона. Тогда не было электрического света, так что все было сложнее. Но теперь... гаснет свет на две-три минуты, и этого достаточно для того, чтобы два дельца обшарили присутствующих и забрали несколько безделушек — разумеется, их интересовали лишь дорогие вещи, — а обворованные не замечали своей потери до конца сеанса.

Я сделал паузу, потом добавил:

— Здесь находятся удивительные типы. Они приобщаются к воровству и занимаются им все время или, точнее, все время, когда не сидят в тюрьме.

— Вы,— сказал Пис,— вы, чувствуется, собираетесь привести нас на суд присяжных.

— С маленькой Партинтон,— продолжал я,— все было очень просто: Мефисто выбрал ее из-за бриллиантовых серег, и она была у него под рукой, на сцене, в то время, когда погас свет. Если я верно понял, он слегка оглушил ее, перед тем как снять драгоценности. Когда зажегся свет, Каролина оставалась неподвижной дольше, чем это предполагал Мефисто. И ему пришлось изображать удивление.

— Я заявляю, что не дотронулся до нее,— возмущенно запротестовал Мефисто.

— Тогда, может быть, Пис? На вашем месте, Мефисто, я бы обращал внимание на то, что говорю. Лично я предпочел быть на месте того, кто оставался на сцене и взял драгоценные серьги.

— Я тоже! — сказал Пис.— И утверждаю, что, когда свет погас во второй раз, я был ни при чем. Кто-то другой выключил его!

— Кто же из вас двоих взял бриллиантовое кольцо? — спросил я.

Они сразу же среагировали:

— Бриллиантовое кольцо?

— Маленькой Крег. Когда снова зажегся свет, его

не было на девушке. Кто это воткнул ей в спину нож, прежде чем сорвать колье?

Рожа Мефисто стала приобретать такой же серый цвет, как и у Писа.

— Я не касался этой девушки! — закричал он. — Клянусь! Я не покидал сцену ни в первый, ни во второй раз!

— Это, должно быть, все-таки был ты, — сказал Пис, — потому что это был не я.

— Проклятый лгун! Грязная сволочь...

Мефисто хотел схватить своего маленького помощника, но промахнулся. Полник разубедил его в этом, хлопнув по затылку. Удар парализовал иллюзионисту нервную систему, но не лишил сознания. Я пожал плечами.

— У нас хватит времени заставить их сказать правду, когда они будут отдыхать в каталажке. К тому же, кто бы ни был убийцей, другой все равно будет его сообщником.

Я указал пальцем на дверь.

— Уведите их, сержант, туда, где нет окон и хорошо запираются двери. В котельную, например. Там не очень чистый воздух, но зато им будет тепло.

— Хорошо, лейтенант.

Полник достал свой пистолет.

— Идите впереди, вы оба. Ну, быстрей!

Когда они пересекли порог двери, Пис показался еще меньше ростом, а у Мефисто был вид фокусника, который превратил золото в олово.

Полник вскоре вернулся.

— Они в котельной, — сказал он и положил ключи на письменный стол. — Боже мой! Я снимаю перед вами шляпу, лейтенант! Вот хорошая работа. Если сказать по правде, то я не заметил этого бриллиантового ожерелья.

— В данном случае объяснение очень простое, и вам не надо извиняться.

— Объяснение?

— Не было никакого ожерелья.

6

Томная блондинка поблагодарила меня такой улыбкой, которая растопила бы статую.

— Тысячу раз спасибо, лейтенант. Я спрашивала себя, куда они делись? Можно потерять одну серьгу, не заметив этого, но две!.. Вы их где-нибудь подобрали?

— Нечто вроде этого. Ведь они дорогие, не правда ли?

Она пожала плечами.

— Около пяти кусков, я полагаю. Мне их подарил папа на последний день рождения.

Каролина Партинтон, сидящая напротив меня, после нашей последней встречи переменяла туалет. Серое шерстяное вязаное платье прилегало к ее телу так же, как шерсть к барану. Я подумал, что ей, вероятно, нравится ее настоящее местопребывание.

— Вы знали Жоан Крег и Ненси Риттер? — спросил я.

— Разумеется. Ненси была моей близкой подругой.

— Вы можете себе представить причину ее убийства?

Я ожидал услышать отрицательный ответ.

— Могу себе представить дюжины, — спокойно ответила Каролина. — Бывали моменты, когда и я была способна убить одну или другую.

— Почему?

— Вы наивны, лейтенант, — с небрежной улыбкой проговорила она. — Этот дом — настоящий гарем, в котором только четверо мужчин. Профессору Колеману более шестидесяти лет, и весь пирог достается троим. Лапу сорок пять лет, и у него ревнивая жена — остаются двое. Двое возможных мужчин для пятидесяти девушек, которые заняты лишь уроками. Вы это учитываете?

— Я не рассматривал это дело под таким углом. Полагаю, что Пиерс — мечта всех этих дам.

— Да, о Пиерсе мечтают, и о Дикее тоже.

— Вы смеетесь!

— Лейтенант, не будьте наивны. Все горлицы воркуют для Дикее. Может быть, он будит больше материнские инстинкты, но факт остается: он имеет успех.

— И вы сказали, что по этой причине способны убить подругу?

— Совершенно точно. Конкуренция ужасная. Когда одна или другая получает билет...

— Что?

— Получает... свидание, если вы так предпочитаете. Вы понимаете по-английски или нет?

— Более или менее. Продолжайте...

— Вы напоминаете мне мою бабушку, лейтенант! Постарайтесь вспомнить язык вашей юности, чтобы можно было немного поговорить...

— Я чувствую, что скоро окажусь среди сумасшедших, и, вероятно, довольно скоро!

— Вы просто прелесть, лейтенант! Я не хочу, чтобы вы кончили сумасшедшим домом. И я сделаю что угодно, чтобы вам помочь.

— Спасибо. Опять напомнили мне, что я развалина.

— В самом деле вы смотрите хорошо... на тридцать,— призналась она,— и у вас прекрасные возможности.

— У меня скрытые возможности и способности. Парик тоже хорошо устраивает дело. И если вы хотите посмотреть вблизи на мои зубы, я их выну, чтобы показать вам.

— Тем не менее я увлечена вами,— проговорила она с большой нежностью.

После этого я сразу закурил сигарету, наполнил дымом свои старые легкие и подумал, не созрел ли я для надгробного камня.

— Прошу вас,— осторожно начал я,— не будем менять тему разговора. Этой ночью мне еще предстоит поговорить с многими людьми. Будем придерживаться фактов.

— Хорошо, лейтенант. Я говорила, что мы рвали на части этих двух парней. И поверьте мне, чувства очень сильны в подобном курятнике.

— Вы серьезно хотите сказать, что одна из вас могла совершить эти два преступления исключительно из-за ревности?!

— Вот как! Вы начинаете соображать. Я никогда не говорила ничего другого.

— Хорошо. Вы еще что-нибудь знаете?

— Относительно этих двух преступлений я знаю не больше вашего.

— Без труда верю. А у вас, случайно, нет бриллиантового кольца?

— Не говорите только, что кольцо я тоже потеряла.

— Не одолжите ли его на некоторое время?

— Вы думаете, что это будет красиво со смокингом?

— Подождите меня где-нибудь в холле, и я пойду вместе с вами за колье.

Я проводил ее до двери и вернулся с Полником.

— У меня идея,— сказал я ему.— Идея не слишком замечательная, но она займет некоторое время. Вы продолжите допросы. Будете спрашивать, не знают ли они, по какой причине были убиты девушки, и узнают ли они

ножи. Они все видели нож, который торчал из спины маленькой Крег. Наконец, вы сами понимаете...

— Хорошо, лейтенант,— проговорил он с воодушевлением.— Рассчитывайте на меня.

— Конечно, рассчитываю на вас. Теперь вам играть.

Я вышел из кабинета, и Каролина тепло улыбнулась мне.

— Можно подумать, что это тайное свидание. Вот увидите, как нам будет уютно у меня в комнате, когда все остальные будут внизу. Никакого риска, никто не мешает.

Нам понадобилось пять минут на дорогу, так как ученицы размещались в другом крыле здания. Каждая комната здесь была больше, чем мой дом.

Только мы вошли, как Каролина зажгла свет и закрыла дверь на замок. После этого она глубоко вздохнула и упала мне на руки.

— Если я правильно понимаю, мы начнем с нуля,— заметил я.— Не забывайте, что я пришел одолжить у вас кольцо.

— Хорошо, хорошо, я соображаю! Но как вы торопитесь все же!

Она отцепилась от меня и пошла к туалетному столику. Содержимое плоского ящика заставило меня свистнуть от восхищения. Она взяла кольцо так, как будто это была дешевая побрякушка, и швырнула его мне.

— Лейтенант,— сказала она,— вы ФТВ.

— Что?..

— Вы заставляете меня приходить в иступление! Вам все необходимо объяснять, раскладывая по полочкам.

— Я провожу вас в зал.

— Если вы так настаиваете,— вздохнула она.— Но вы будете сожалеть об этом всю свою жизнь. Я здесь, готова стать вашей, а вы принимаете официальный вид! Но тем хуже для вас! Будем выше этого!

— Я очень люблю играть в домино,— сказал я ей, когда мы возвращались в большой зал,— но с тем, кто умеет играть. Помните о моем преклонном возрасте.

— Да, дедушка.

Я покинул Каролину у дверей и сказал Сладу, чтобы он проводил ее на место. А сам спустился в котельную.

Мефисто и Пис сидели на трубе. При моем появлении они быстро встали. Я старательно закрыл дверь и сунул ключ в карман.

— Это скандал! — проворчал Мефисто.

Я прислонился к двери и с улыбкой посмотрел на него.

— Еще нет, дружок, но будет.

— Как это?

Я вытащил кольцо. Бриллианты сверкали и переливались всеми огнями, а мои два «зебра» с выпученными глазами смотрели на них.

— Где вы взяли это? — завистливо спросил Пис.

— Ты должен знать. Ожерелье было на маленькой Крег, когда ее закололи. Оно является причиной ее смерти.

Пис провел языком по губам, которые, видимо, были очень сухими.

— Где вы это нашли, лейтенант?

— В твоём кармане.

У него начались конвульсии, и он закричал:

— Это неправда! Это неправда! Вы отлично знаете, что неправда.

— Я могу ошибиться, — сказал я. — Может быть, то был карман Мефисто.

— Что вы в точности хотите от меня?! — воскликнул иллюзионист. — Получить шкуру невинного?

Я заставил ожерелье еще немного поиграть, прежде чем ответил. Они смотрели на него, как кролики на удава, ожидая, что он их проглотит.

— Я ничего от вас не скрою, — приветливо проговорил я. — Это дело страшно горит, и шериф настаивает, чтобы оно было быстро закончено. Я же хочу удовлетворить его желание.

— Каким образом?! — закричал Мефисто.

— Благодаря вам обоим. Пис находится под наблюдением, а на тебя, каким бы волшебником ты ни был, заведено, думается, досье в каком-нибудь месте. Вы увеличиваете свои заработки, похищая безделушки у зрителей. Серьги Каролины Партинтон — вещественное доказательство. Полник будет свидетелем, и девушка тоже. Вместе с ожерельем это будет комплект. Я скажу судьям, что ожерелье было на шее у маленькой Крег перед тем, как ее закололи. Один будет обвинен как убийца, другой как его сообщник. Другими словами, газовая камера для одного и пожизненное заключение для другого.

— Мерзкий подонок...

— Заткнись, — злобно шепнул Пис.

— Ты, ты не хочешь...

— Заткнись, — повторил Пис. — Хотел бы я знать, что

у тебя на уме, Мефисто. Я знаю легавых лучше, чем ты. Этот ищет что-то.

Я утвердительно кивнул:

— Ты прав.

— Ну, тогда что же?

— Я рассказываю сказки относительно ожерелья, и вы протягиваете лапки. Эта ситуация самая простая. Другая ситуация сложнее, она требует поисков виновного. А вы оба, что вы делаете, чтобы помочь мне?.. Вы вставляете мне палки в колеса, забрасывая меня враньем.

— Каким враньем? — спросил Мефисто.

— Не прикидывайся несмышленищем, — возразил я. — Вранье о твоём присутствии на сцене во время темноты, о непричастности к проделкам со светом, о...

— Я вам сказал чистейшую правду, лейтенант. Слово!

— Проверь свои ягодицы, — вмешался Пис злобным тоном. — Лейтенант, мы вам скажем все, а вы не станете выкидывать с нами ваших штучек. Вы согласны?

— Согласен.

— Хорошо. Действительно, это я выключил свет во второй раз. В первый раз я выключил свет для того, чтобы люди привыкли к темноте и поняли, что освещение немного не в порядке. Во второй раз я оставался около щитка до того момента, пока Мефисто не вернулся на сцену. Он слегка толкнул меня локтем, после чего я подождодал еще пять секунд и включил свет.

Мефисто не спускал со своего помощника бешеного взгляда.

— Мерзавец! Ты посылаешь меня в газовую камеру!

— Да нет, друг мой. Я пытаюсь тебя вытащить оттуда одновременно с собой. Если бы ты был менее глуп, ты бы сел за стол переговоров.

Наступило довольно долгое молчание.

— Неприятно то, — сказал Мефисто, — что он не поверит, если я скажу правду.

— Тем не менее попробуй, — сказал я. — Это не сможет ухудшить твоего настоящего положения.

Он наконец решился:

— Пусть будет так. Когда я смотрел на публику из-за кулис во время вашей беседы, я понял, что это будет жалкий вечер. Понимаете... я рассчитывал, что все девицы будут одеты в лучшее. А вместо этого там были

джинсы, пуловеры и черт знает еще что. Вы сами видели не хуже меня.

— Да, я видел.

— Ничего не предвиделось зацепить, кроме серег маленькой блондинки. Я подумал, что они стоят добрых пять кусков, а может быть, и больше. Когда я вызвал на сцену добровольцев, я надеялся, что она облегчит мне дело,— так и произошло. Каролина была у меня под рукой, когда погасли огни, и мне не было нужды спускаться в зал. Мне только нужно было снять игрушки...

Он не смог удержаться от улыбки.

— Несмотря на все, у меня пальцы феи. Я могу ощипать голубя, так что он этого не заметит... Когда бриллианты были у меня в кармане, я толкнул локтем Писа, и это было все...

Его улыбка исчезла.

— Но я вижу, что вы не верите мне, лейтенант.

— Я тебя удивлю, Мефисто. Я буду вынужден тебе поверить, когда услышу продолжение.

— Какое продолжение?

— Продолжение и конец. О трупe в гимнастическом зале с ножом в спине. Что же произошло?

— Вот этого я совершенно не знаю.

— Как хочешь.— Я снова достал кольцо из кармана.— В таком случае снова будет первый вариант.

— Секунду! — умоляюще произнес он.— Я вам говорю правду. Когда Пис включил свет и я увидел, что кто-то охладил одну девочку, меня обуял страх. Я подумал, если эта заметит исчезновение своих бриллиантов и начнет вопить, для меня все может кончиться очень плохо. Тогда Пис и я смылись. Мы стали искать местечко, где бы их можно было спрятать.

— И вы нашли гимнастический зал?

— Да, Пис вернулся за кулисы, а я остался один. Вдруг меня... Брр!.. Меня кто-то ударил по голове. Очнулся я уже в темноте.

Он вздрогнул при этом воспоминании, и на лбу выступили капли пота. Потом он продолжил немного дрожащим голосом:

— Вы можете себе представить, что я тогда почувствовал... В темноте, запертый в чем-то похожем на деревянный ящик. Заживо зарытый, вот что! Наконец крышка поднялась, и я увидел вас. Никогда еще вид флика не был для меня таким приятным!

— Без труда понимаю вас.

В этот момент дверь сотряслась от ударов. Я открыл ее — влетел Слад.

— Лейтенант! Мы узнали, у кого были ножи!

— У кого?

— У одного из профессоров.

— Которого?

— Красивого парня: Пиерса.

7

Комната Пиерса имела вид магазина антикварных вещей или арсенала XVII века.

На стене висела пара скрещенных сабель. В одном из углов стояли настоящие доспехи. Я даже поднял забрало и посмотрел внутрь: нет ли там еще одного трупа? В другом месте я увидел чрезвычайно острое мачете, малайский крис, аргентинский болас. Короче говоря, можно было открывать лавку.

— Что вы собирались со всем этим делать? — спросил я у Пиерса. — Демонстрировать как оружие смерти?

— Это мое хобби, — нервно ответил он. — Я коллекционирую старинное оружие... Музейные вещи.

— А ножи принадлежат вам?

— Да.

Он показал футляр, лежащий на письменном столе.

— Они были там внутри. Я внезапно вспомнил об этом, когда вы нас собрали в зале. Я не разглядел нож в... в спине у Жоан, но подумал, что он может быть моим. Тогда я сказал об этом инспектору, и тот проводил меня к сержанту.

Я открыл футляр. На ярко-синем бархате был виден след от двух скрещивающихся ножей. Ножей с острыми концами.

— Вы давно не заглядывали сюда?

— Примерно неделю. — Его голос дрожал. — Нужно мне верить, лейтенант... Я никогда не...

— Какими они были?

— Фактически это были стилеты. Настоящее произведение искусства. Треугольное узкое лезвие. Изготовлены у фабриканта Врешиа — знаменитого оружейника XVIII века. Закалка...

— Я отдаю должное вашим энциклопедическим знаниям, дело именно в них. Вы сказали, что видели ножи на своих местах приблизительно неделю назад?

— Да.

На его письменном столе стоял телефон. Я позвонил в кабинет мисс Баннистер. Полник сразу же снял трубку.

— Это Виллер,— сказал я.— Вы помните о находке Слада во время обыска? Принесите это сейчас же в комнату мистера Пиерса или пошлите Слада.

— Понял.

Я повесил трубку и прикурил новую сигарету от старой. Если я буду продолжать так все время, мне не нужны будут спички.

Пиерс пристально смотрел на меня.

— Вы полагаете, что убийца украл у меня эти ножи?

— Я считаю, что он ими воспользовался.

— Что вы хотите этим сказать?

— Если они ему принадлежали, у него не было необходимости их красть. Вы следите за ходом моих мыслей?

Он густо покраснел.

— Вы меня обвиняете в...

— Пока еще нет.

Вошел Слад, протянул мне старинный кольт и очень огорчился, когда я попросил его вернуться в зал. Я протянул кольт Пиерсу.

— Раз вы специалист по старинному оружию, вы, вероятно, знаете и этот предмет?

— Разумеется. Это старинный кольт с простым действием.

— Спасибо за разъяснение. Даже мне это известно. Вы его уже видели?

— Естественно: он был моим.

— Был?

— Да. Я отдал его Жоан Крег.

— Почему?

— Это подарок, вот и все. Она приехала из Невады — вы, без сомнения, знаете, — и я подумал, что он доставит ей удовольствие.

— Она его оценила?

— Мне кажется, да.

— Вы рассчитывали, что она разнесет им себе голову?

Он подпрыгнул, потом заставил себя улыбнуться.

— Этим?!

— А почему нет? Вы посмотрели, заряжен он или нет?

— Заряжен? — Его смех казался естественным. — Лейтенант, с такой стариной...

Он внезапно перестал смеяться, поднял собачку и побледнел:

— Невозможно! Этого патрона здесь никогда не было!

— Что я подтверждаю. Его заложил сюда кто-то, и этот «кто-то» должен быть достаточно опытным. Сфабриковать патрон для такого старинного кольта не каждый сможет. Но безусловно сможет такой тип, как вы, так?

— Э... да, может быть. Но вы не думаете же, что... Почему, к дьяволу, я стал бы забавляться этим?

— Может быть, вы хотели, чтобы с ней случилось несчастье? Очень удобно: несчастный случай... Предположим, что она нажимает на спуск и смотрит, что же происходит внутри дула. Такая история не раз описывалась в журналах. Никогда не доверяйте револьверу, призывали читателей, даже античному!

— Это сумасшествие! Зачем мне убивать Жоан?

— Я еще ничего не знаю, но я узнаю. Может существовать множество разных причин. Вы валандались с ней, а также с маленькой Риттер. Сами же в этом признались. Может быть, Жоан серьезно восприняла ваши отношения, а может быть, угрожала, что расскажет обо всем своему отцу или мисс Баннистер? Это было бы концом вашей карьеры, не так ли?

— Это бред!

— У вас была такая возможность, — возразил я. — Оружие было вашим. Вы убили Жоан, чтобы быть уверенным в ее молчании, а потом нужно было, чтобы маленькая Риттер последовала за ней. Они были близкими подругами. Вы ликвидировали Ненси, потому что она знала убийцу Жоан. Может быть, вы были настолько ловким, что заставили плясать их обеих и получали с двух сторон...

— Нет! — закричал он. — Нет!

Внезапно он упал в кресло, закрыл лицо руками и заплакал.

Я посмотрел на часы и вызвал по телефону Полника. Была уже ночь, десять минут первого.

— Как идут ваши допросы? — спросил я у сержанта.

— Не слишком быстро. В настоящий момент у меня шестой.

С такими темпами, подумал я, на остальных понадобится еще двенадцать часов.

— Приостановите вашу работу, верните клиента в зал

и подождите меня. Я приду через две минуты. Не вешайте трубку... Пришлите ко мне Слада.

Пока я ожидал Слада, Пиерс пытался вернуть себе спокойствие. Наконец он высморкался с таким шумом, что чуть не оглушил меня.

Вошел Слад, немного задыхаясь.

— Продолжайте в таком же духе, лейтенант, и я скоро потеряю десять кило.

— Делаю все, что в моих силах,— сказал я и протянул ему ключ.— У вас новый жилец в котельной.

Слад нахмурил брови и пальцем показал на Пиерса.

— Он?

— Совершенно верно. Когда вы его запрете, возвращайтесь в зал. Я буду там.

— Хорошо, лейтенант. Вставайте! — крикнул он Пиерсу.

Выйдя из «арсенала» я вернулся в «театр». Полник встретил меня в дверях.

— Они здесь все,— сказал он,— и им начинает надоедать это. Они дьявольски недовольны.

— Осталось уже недолго томиться. Я хочу поговорить с ними. И что бы я им ни сказал, не удивляйтесь.

— Лейтенант,— ответил он,— меня давно ничего не удивляет в ваших действиях.

Я вошел в зал вместе с ним, поклонился и услышал недовольное ворчание. Рискую быть освистанным, я все же влез на сцену и повернулся лицом к публике.

— Дамы и господа,— начал я,— сожалею, что так долго пришлось держать вас здесь, но мы не в состоянии были проводить следствие, не прибегая к такой мере. Более того, соединяя вас всех в одном месте, мы исключали новое преступление.

Плешивый господин, который, по описанию Каролины, вероятно, был профессором Колеманом, быстро поднялся со своего кресла.

— Мистер, вы еще долго собираетесь держать нас в этом месте? — без предисловий спросил он.

— Нет, сэр. Вы сможете уйти через пять минут.

— Уже давно пора! — проворчал он.— Это невероятно! Это скандально, мистер!

— Эти убийства тоже, вы не находите? — возразил я.

Он упал в свое кресло, продолжая что-то бормотать себе под нос, а я продолжил свою речь:

— Дамы и господа, вы, безусловно, оцените то событие, благодаря которому я разрешаю вам покинуть этот

зал. Больше нет никакой опасности: убийца задержан. Всеобщее возбуждение выразилось в громких восклицаниях.

Я терпеливо ждал, пока они успокоятся.

— Он обвинен в преднамеренном убийстве, и сейчас его везут в комиссариат. Мне остается пожелать вам доброй ночи и снов без кошмаров.

Колеман снова вскочил.

— Правильно ли я понял, мистер, что вы даже не собираетесь назвать нам имя преступника?

— Ну что вы, профессор! Я полагал, что вы все догадались. Это единственный преподаватель, который отсутствует. Господин, который рассматривает убийство, как произведение искусства.

— Пиерс! — заорал он. — Вы сошли с ума!

Крик раненого животного раздался на расстоянии трех кресел от Колемана. С искаженным отчаянием лицом привстала мисс Баннистер.

— Нет, — простонала она. — Нет, это невозможно!

Она тихо свалилась на ковер.

Я должен сказать, что с этого момента мисс Томплинсон взяла все в свои руки. Она отстранила любопытных, чтобы дать приток воздуха директрисе, потом подняла ее с такой легкостью, как будто та была ребенком, и понесла эти пятьдесят килограммов свежего мяса к кабинету патронессы. Я следовал за ней. Когда мы прибыли по назначению, я закрыл дверь.

Мисс Томплинсон осторожно положила мисс Баннистер на диван и стала похлопывать ее по руке.

— Ничего особенного, — сказала она. — Это лишь потрясение, понимаете.

— Да, но какое потрясение! Хотелось бы знать, что оно скрывает?

— Секрет школы! Я не должна вам ничего говорить, но раз вы из полиции... Разве я буду предательницей, если расскажу? Как вы думаете?

— Безусловно, нет, — заверил я.

— Она была влюблена в него. Необъяснимо, но факт. Я, знаете, всегда находила его немного неискренним и малоподходящим для этой школы. Я заметила его притворный вид, когда он встречался с некоторыми девицами в коридоре. — Она энергично покачала головой. — Хитрец! Вот впечатление, которое он на меня производил. Ему следовало больше заниматься упражнениями и принимать холодные ванны, это избавило бы его от паути-

ны. Посмотрите, например, на моего Аугустуса... Знаете, мы поженимся... И это мне нравится, это чисто, романтично и все прочее. Потом, ему необходимо, чтобы кто-нибудь о нем заботился, бедный малый. Этот не станет особенным образом разглядывать учениц. Он знает разницу между чувствами и всем остальным!

Мисс Баннистер захлопала веками.

— Эдвард? — пробормотала она и открыла глаза. Потом опять впала в забытие.

— Это шок,— лаконично прокомментировала мисс Томплинсон.— Она долго не приходит в себя, вы не находите, лейтенант?

— Да, конечно.

Внезапно мисс Томплинсон посмотрела на меня с восхищением:

— Решительный человек! Быстрая рука!

— Простите?

— Так быстро обнаружить, что Пиерс нанес удар! Первый сорт! Сильнее, чем в кино! Но такой вечер, все же... Когда я подумаю о двух бедных девочках... Этот тип чудовище. Извращенный монстр. Лейтенант, я обычно думаю о своих словах. Просто невероятно... Чистый разум в чистом теле... И такое не может случиться. Вы со мной не согласны, лейтенант?

— Только наполовину: о чистом теле.

Она громко засопела и снова стала хлопать по рукам мисс Баннистер. В дверь осторожно постучали. Я открыл и оказался перед Дикеем, который робко улыбался.

— А что Агата... простите... мисс Томплинсон... еще здесь? Могу я вас об этом спросить, лейтенант?

— Ну да, входите же.

— Благодарю.

Он вошел, и его невеста одарила его кроткой улыбкой.

— Ты беспокоился обо мне, мой волк?

Она повернулась ко мне.

— У Аугустуса такой трогательный характер, лейтенант. Если он не видит меня в течение двух минут, он сразу же начинает беспокоиться.

— Он должен подготовиться к женитьбе,— предположил я.— Это нормальный цикл. Вначале мужья всегда беспокоятся о своих женах, потом этим занимаются женщины.

— Не будьте таким циничным,— строго проговорила она.— Цинизм — наш злейший враг. Вы должны бороться.

ся с такой тенденцией ударами ног и кулаков. Вы сами удивитесь результатам.

— Это мой цинизм будет удивлен!

Мисс Баннистер издала тихий, мучительный стон и открыла глаза.

Дикей прочистил горло.

— Любовь моя.

— Да, малыш?

Я вздрогнул.

— Хотелось бы поговорить с тобой, дорогая.

— Аугустус! — В ее голосе послышался упрек. — Ты прекрасно видишь, что я занята. Мы вскоре увидимся, а пока исчезни!

Дикей поколебался секунду, потом пошел к двери. Он старательно ее за собой закрыл. Вскоре мисс Баннистер глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Ну, патронесса, ну! — материнским тоном проговорила мисс Томплинсон. — Теперь все будет хорошо. Лейтенант принесет вам стакан воды, не правда ли, лейтенант?

— Я займусь этим. Мне также необходимо поговорить с мисс Баннистер. Спасибо за вашу помощь, мисс Томплинсон.

— Я не знаю, не должна ли я...

— Это ничего. Я сам ничего не знаю.

Я широко раскрыл перед ней дверь.

— Еще раз спасибо, мисс Томплинсон.

— Я не должна покидать ее, но раз вы представитель закона... — У нее появилась плутовская улыбка. — Я не жажду оказаться за решеткой.

— Я понимаю вас.

— Послушайте! — Она была уже в коридоре. — Будьте шикарным, хорошо? Я хочу сказать... сделайте все, что надо. Директриса в плохом состоянии, и от вас зависит, чтобы она встала на ноги, вы улавливаете?

— Еще бы!

— Я знала, что на вас можно рассчитывать. Вы настоящий воспитанник Итонского колледжа, как говорят у нас: никогда не плачете в юбку матери и всегда добры к животным!

Я осторожно закрыл перед ее носом дверь, хотя мне хотелось сделать это более энергично. За это время мисс Баннистер переменяла положение лежа на положение сидя, и я вспомнил о стакане воды. Тот, который я про-

тянул ей, содержал воду лишь наполовину, остальное — скотч. Она быстро опорожнила его и вернула мне.

— Благодарю вас,— спокойно сказала она.— Я полагаю, что эмоции...

— Мисс Томплинсон мне все объяснила. У вас есть слабость к Пиерсу.

— Если это означает, что я его люблю, то это действительно так. И просто странно думать, что Эдвард способен убить кого-нибудь. А тут беспричинно убил двух девушек!

— Между тем факты говорят об этом.

— Я ничему не верю. Послушайте, лейтенант: я знаю Эдварда, а вы его не знаете. Если имеются показания против него — они ложные. Или вы извратили их.

— Откуда такая уверенность?

— Я вам сказала, что знаю его.

— Этого будет недостаточно для суда.

Она встала и холодно проговорила:

— Я не вижу никакой пользы в дальнейшем споре. Вы, по-видимому, закончили свою работу здесь, поэтому покиньте наше здание как можно скорее.

— Мне надо проверить кое-что, и это займет еще немного времени.

— Могу я по крайней мере попросить вас покинуть мой кабинет?

— К вашим услугам.— Я открыл дверь, потом повернулся.— Если вы считаете, что Пиерс невиновен, кого же вы подозреваете?

— Дикей! — не колеблясь ответила она.— Этот человек настоящий монстр. Каким образом он заставил поверить Томплинсон, что любит ее и хочет жениться на ней, я не знаю. Единственное, что мешает сказать ей правду, так это то, что она мне не поверит!

— Если он такой мерзкий тип, почему же вы не выставите его за дверь?

Она внимательно посмотрела на меня, потом отвернулась.

— Ваш вопрос заслуживает ответа,— наконец сказала она.— Вернитесь и закройте дверь. Я вам кое-что покажу.

8

Мисс Баннистер открыла ключом нижний ящик своего письменного стола и достала картонную папку, которую протянула мне с каменным лицом.

— Я полагаю, что вы найдете здесь ответ. А я в ожидании выпью, поскольку нуждаюсь в этом. Вы составите мне компанию?

— Это первые приятные слова, которые я услышал за последние часы!

Я положил папку на стол и открыл ее, прислушиваясь к приятной музыке в глубине комнаты: звяканью стаканов и бутылки. Да здравствует такая музыка!

Что касается содержимого папки — оно заключалось в нескольких вырезках из газет. На одной огромными буквами было написано: «Два года заключения за мошенничество!» Под заголовком находилась фотография очень молодой мисс Баннистер. Балтиморская газета была четырнадцатилетней давности.

Статья объясняла, как молодая девушка Эдвина Баннистер обжулила одного делового человека на тысячу долларов. Она продала ему половину доли воображаемой нефтяной скважины, представив фальшивые бумаги на владение и не менее фальшивые заключения экспертов, судя по которым, скважина должна была принести целое состояние после того, как будут осуществлены материальные вложения для ее эксплуатации.

«По счастью,— было написано в газете,— адвокат потерпевшего услышал об этом деле. Он произвел расследование, обнаружил обман и известил об этом полицию».

История была банальной, и только потому ее поместили на первой странице, что личность Эдвины Баннистер оказалась необычной. Дочь миллионера из Коннектикута была в девятнадцатилетнем возрасте вышвырнута за дверь. Отец сказал ей, что никогда больше не захочет ее видеть и что она не получит ни гроша из его состояния. По какой причине — в статье ничего не говорилось.

В других статьях рассматривалось то же дело, только на разных стадиях его развития: арест, судебный процесс и тому подобное. Я поднял голову: мисс Баннистер стояла около меня и протягивала стакан.

— Спасибо,— машинально сказал я и взял его.

Она закончила эту историю бесцветным голосом:

— В последний момент у моего отца заговорила совесть. Он разорвал свое завещание и все оставил мне. Конечно, он не был миллионером. Газеты всегда все преувеличивают. Его состояние заключалось в двухстах пятидесяти тысячах долларов.

Я выпил глоток скотча, который согрел мой желудок и укрепил надежду дотянуть до утра.

— Я поехала в Калифорнию,— продолжала мисс Баннистер,— и просидела восемнадцать месяцев в тюрьме. Когда меня освободили, я узнала, что мой отец умер шесть месяцев назад и что я стала единственной наследницей. Я все продала и устроилась здесь. Моим единственным желанием было забыть прошлое, а также чтобы все забыли о нем... Мне пришла в голову мысль организовать подобного рода колледж. У меня было достаточно денег, и я знала, что смогу быть на высоте в этом деле. Более того, это было прекрасным прикрытием. Кто бы мог вообразить, что директор подобного заведения, закрытого и респектабельного, была воровкой и сидела в тюрьме! — Она засмеялась безрадостным смехом. — Год тому назад должность преподавателя иностранных языков стала свободной. Дикей был подходящей кандидатурой: у него были хорошие рекомендации, и я его наняла. Я не знала, что он работал в Балтиморе как раз в то время, когда газеты так много писали обо мне.

— Он показал вам вырезки из газет и угрожал рассказать всем об этом, если вы не будете платить ему?

— Совершенно точно.

— И вы согласились?

— Как я могла поступить иначе? Тридцать тысяч долларов за это время. И я продолжала бы платить, если бы не случилась эта трагедия. Он мог разрушить не только мое социальное положение, не только мой колледж, но и мое будущее с человеком, которого я люблю: с Эдвардом.

— Почему вы мне показали эти вырезки из газет?

— Потому, что идти дальше некуда... Я не могу допустить, чтобы Эдварда обвинили в этом преступлении... Мне наплевать на то, что со мной случится, но я не хочу, чтобы с ним произошло что-нибудь.

Я закурил сигарету.

— Не увлекайтесь. Вы безусловно доказали, что Дикей шантажист, но ведь это еще не доказывает, что он убийца?

— С той поры, когда он понял, что я ни в чем не посмею ему отказать,— продолжала она с горячностью,— он изменился во всех отношениях. Я знала, что он назначал свидания ученицам, и иногда небезуспешно. Когда я говорила, чтобы он перестал это делать, Дикей смеялся мне в лицо. Я не могла вышвырнуть его за дверь...

Она наклонилась вперед с напряженным лицом.

— Вы узнаете о причине, побудившей его убить этих двух девочек. Вы найдете, лейтенант, я в этом уверена. Это гений в некотором отношении, гнусный гений!.. Этот вид, который он принимает! Он может представиться таким робким, а под своей робкой наружностью он скрывает нечеловеческую жестокость!

— Я рассмотрю это... А относительно шантажа вы решитесь свидетельствовать перед судом?

Она закусила губу, потом решилась.

— Да. Я буду свидетельствовать против него.

— О'кей! Я скажу ему об этом.

Выйдя из кабинета, я увидел Полника и Слада, которые ожидали меня.

— Лейтенант,— сказал совершенно озабоченный Полник,— что же происходит?.. Вы сказали им всем, что Пирса везут в комиссариат и все закончено, а я узнал от Слада, что Пирс сидит в котельной вместе с двумя другими. Но фактически... Может быть, уголовная бригада переместилась в котельную?

— Если я попытаюсь объяснить, то мне покажется все это таким же идиотизмом, как и вам. Итак, никаких объяснений. Попытайтесь лучше найти кухню, это нетрудно, должно быть, и приготовьте немного кофе. Я присоединюсь к вам минут через двадцать... Идет?

— Идет, лейтенант,— удовлетворенно ответил Полник.

Я прошел в жилой корпус и постучал в дверь к Дикею. Сперва слышались крадущиеся шаги, потом неуверенный голос профессора иностранных языков:

— Кто там?

— Виллер. Откройте, мне нужно поговорить с вами.

— Уже очень поздно, лейтенант. Я...

— Откройте! Или я взломаю дверь!

Ключ повернулся в замке, и дверь открылась.

Мисс Томплинсон стояла позади него, красная как вишня.

— Аугустус был так потрясен,— сказала она,— и я зашла к нему, чтобы немного поговорить. Он запер дверь на ключ, потому что мы не хотим дать повод... э-э, для неприятных предположений, понимаете?

Она еще более покраснела и, проскользнув мимо меня, помчалась по коридору. Дикей смотрел на меня, все время моргая.

— Что такое, лейтенант?

— Я только что беседовал с мисс Баннистер,— сказал я, входя в комнату и закрывая дверь.— Я говорю «беседовал», а подразумеваю, что говорила в основном она.

— Да? И на мой счет?

— Вот именно.

— Не знаю, какой интерес я могу представлять для вас и для мисс Баннистер также. Для нее — за пределами моей работы в колледже, конечно.

— Шантаж наказывается сроком от одного года до семи лет. Даже один год — это большой срок за решеткой.

— Боюсь, что не понимаю вас, лейтенант.

— А я полагаю, что вы прекрасно все понимаете. Я говорю о достойном сожаления эпизоде из жизни мисс Баннистер, на котором вы спекулировали. Я говорю, если вы хотите точнее, о тех деньгах, которые вы вытянули из нее. Надеюсь, что теперь ясно?

Он удивленно покачал головой.

— Я ровно ничего не понимаю, лейтенант. Для меня это просто греческий язык.

— Тогда я даю вам пять минут, чтобы перевести, в противном случае я помещу вас в дом на казенный счет.

— Это сумасшествие, лейтенант! Вы пришли, чтобы обвинить меня в шантаже!

Его усы начали дрожать, как ветви на ветру.

— У вас остается немногим более трех минут, Дикей. Я жду.

— Вы сходите с ума! Это навязчивая идея!

— Чтобы ничего от вас не скрывать, у меня есть еще привычка курить в ванне.

В дверь кто-то сильно постучал. Забавно у меня получается с дверьми: стоит мне запереться, как кто-нибудь начинает стучать.

— Лейтенант!

Это был опять Слад.

— Держите кофе горячим,— сказал я ему как можно спокойнее.— Я выпью его в скором времени.

— Разговор идет не о кофе! Шериф на конце провода, и он производит адский шум.

Это действительно было другое дело.

— Входите.

Слад ворвался в комнату и посмотрел вокруг. Он казался огорченным, увидев только Дикей и меня.

— Держите под присмотром этого субчика, пока не вернусь,— сказал я.

— А вы не хотите сунуть его в котельную вместе с другими? — предложил он.

— Я не понимаю, почему это «Интеллидженс Сервис» еще не забрала вас к себе. Вы как раз такой человек, который хранит секреты.

Я вернулся в кабинет мисс Баннистер. Ее там не было, но остался запах ее духов. Я взял телефонную трубку.

— Виллер! — Моя барабанная перепонка чуть не лопнула от собственного имени.— Я получил официальный рапорт на вас. Что заставило вас вызвать врача, санитарную карету и фотографа ради трупа, которого не было?

— Врач слишком передергивает. Как бы у меня ни шли дела, но для него есть труп с ножом в спине.

— А, тот! — закричал Лаверс.— Он сейчас его вскрывает!

— Это Мурфи так думает! Он режет, вероятно, первый, Жоан Крег, но имеется второй — Ненси Риттер, который по-прежнему находится здесь.

— Врач говорил, что был мужчина: Мефисто или что-то в этом роде.

— Вы сами видите, что Мурфи просто выпил! Это еще одна девушка. Что касается Мефисто, то это не колдун, а престижиджитатор.

— Простите,— сказал Лаверс,— я хотел сказать прести... колдун или все что вы хотите, мне на это наплевать! Сколько в точности у вас на руках трупов?

— Только парочка, о которых и идет речь. В течение часа или двух здесь все спокойно.

Послышался звук, похожий на тот, который издают, когда жуют сырые спагетти.

— Я держу вас в курсе дела, шериф,— вежливо проговорил я.

— Виллер...— проговорил он внезапно жалобным тоном.— Я знаю, что вы любите работать, пользуясь своими персональными методами, и что вы не любите болтать о том, что делаете. Я вас не упрекаю... совсем нет. При условии, что вы даете мне результаты. Надеюсь, у вас они имеются?

— Уже двое мертвых! Чего же вам еще надо?

Он чуть не задохнулся, но не потерял надежды.

— Хорошо. Я буду говорить с вами другим языком.

Мне нужно было уговаривать администрацию муниципалитета, чтобы вас восстановили в должности с прежним окладом и соответствующим положением. Они не были в восторге от этого, но в конце концов согласились. Если только Мурфи не будет официально осведомлен, что вы как минимум освобождены от ведения следствия, то он может пойти к прокурору, к мэру и вопить как осел о том, что произошло. Вы понимаете, что я хочу сказать этим, Виллер?

— Превосходно, шеф. Но позвольте мне представить случившееся под другим углом зрения: Мурфи утверждает, что я побеспокоил его ради несуществующего трупа. Я же говорю, что Мурфи был «тепленьким». Это все пустые слова. Но я располагаю настоящим трупом, опровергающим его слова.

— Он на самом деле был пьян? — спросил шериф.

— Между нами, нет. То, что он вам сказал, это правда. Слишком сложно объяснять все в настоящую минуту. Но я вам сказал чистейшую правду: второй труп у меня на руках.

— Виллер! — Его голос был хриплым. — Вы ведь не убили кого-нибудь, чтобы опровергнуть слова Мурфи?

— Если бы я решился на это, то угробил бы самого Мурфи.

— Хорошо. Это успокаивает. Но что же там происходит, Боже мой!

— Я сам не знаю слишком многого, но дайте мне только время до завтра. Скажите Мурфи, что у меня есть труп, и он выставит себя настоящим дураком, если повсюду будет говорить, что его у меня нет.

— Вы знаете, что больше всего меня убивает? Если бы я сам отправился провести эту беседу, ничего бы не случилось. Никаких убийств, ничего. Я вам гарантирую это! И в настоящий момент я бы спокойно храпел, вместо того чтобы сражаться с моей «язвой»!

Он повесил трубку, причинив этой тирадой неприятность моему правому уху.

Выходя, я столкнулся с Полником.

— Скажите, пожалуйста, вы!

Он узнал меня и пробормотал:

— Простите меня, лейтенант.

— Ничего особенного. Кажется, ничего сломанного. Что нового?

— Кофе остыл. Приходила дамочка Баннистер. Она сказала, что вас просят к телефону, и я послал за вами

Слада. Но так как ни один из вас не вернулся, я решил сам заняться поисками.

— И вы нашли меня, хитрец! Теперь пойдемте со мной. Я оставил Слада сторожить Дикея.

— Для чего это?

— Чтобы он не убежал.

— Кто? Слад?

— Нет, Дикей.

— А к чему ему убегать?

— Я надеюсь, что он мне это скажет.

— Да, конечно,— с непонимающим видом ответил Полник.

— Значит, вы меня поняли?

— Нет, я отказываюсь понимать.

— Какое облегчение.

Мы дошли до комнаты Дикея, и я открыл дверь. Комната была пуста.

— Вы кого-нибудь ищете, лейтенант? — раздался слащавый голос в коридоре.

Повернув голову, я увидел Каролину, прислонившуюся к стене. Она была в шелковом халате и пижаме из такой же материи. На первый взгляд создавалось впечатление, что видишь только шелковистую кожу.

— Они прошли вон туда, лейтенант! — сказала она, указывая в том направлении, откуда мы пришли.

Я медленно сосчитал до десяти. Потом сказал Полнику, чтобы он проверил, не отвел ли Слад Дикея в котельную, и сам себе пообещал разодрать его на куски и сунуть в печь еще до наступления дня, если он это сделал.

9

В то время как Полник устремился в котельную, я направился навстречу Каролине. Она осторожно зевала.

— Невозможный ребенок, невозможно заснуть, я такой нервный ребенок! И такой взволнованный.

— Доверьтесь мне.

— Я потеряла покой. Я не могу больше спать по ночам. Я бросаюсь на шею мужчине, и что же происходит?.. Он освобождается — вот что происходит. И я падаю на...

— Нос,— быстро dokonчил я.

— Естественно. Ведь не могли же вы в самом деле

подумать, что воспитанница колледжа мисс Баннистер так плохо воспитана, чтобы упасть на...

— Совершенно невозможно. Сколько времени назад ушли Дикей и Слад?

— Слад, это тот маленький тип в очках, смешной?

— Смешной? Это зависит от точки зрения, но остальное описание верно.

— Это было три, четыре, а может быть, пять минут назад.

— Они ушли вместе, просто так?

— Как вы сказали? Совершенно просто.

— Они вас видели?

— Я этого не думаю: никто не посмотрел в эту сторону.

— А вы находились в коридоре, потому что не могли спать?

— Точно. А вы?

— Я должен дать вам объяснения?

— Я думала, что вы поспешили в город проводить убийцу до тюрьмы — судя по той речи, которую вы произнесли в последний раз.

— Знаете, у меня очень чувствительное сердце. Эмоций во время следствия для меня достаточно.

— Это заметно! Я не хочу вас огорчить, но вы в самом деле не такой, как все: единственный тип на свете, способный приложить столько усилий, чтобы выйти из комнаты девушки.

— Что вы хотите! Зов долга! Пока я здесь стою в ожидании, расскажите мне немного про Дикей.

— Но я ведь уже все сказала, что мне известно.

— Начните сначала, и если можно, то ясным языком. На этот раз я хочу понять то, что вы говорите.

Она снова стала зевать.

— Ладно. Так вот, прежде всего, это большая голова!

— Так и есть. Вы опять начали...

— Он интеллектуал, вот что! Это мозг и без мускулов. Воробыный череп наоборот, это мужчина мускулистый, с пустотой в черепе. А у больших голов имеется внутренний шар для женщин всех возрастов. Маленькие головы нравятся очень молодым или очень старым.

— Вы должны были писать книжки.

— Кто посмел бы их издавать? — презрительно возразила она. — Это то, что вы хотели узнать о Дикее.

— И все?

— А что вы хотите знать другое?

— Каково его отношение к ученицам?

— Донжуанское. По-честному МДВ.

— Это значит?

— Мистер Делаю Все. Кроме шуток, лейтенант, вы, вероятно, прожили годы в захолустье. Хотите, чтобы я показала вам свою коллекцию гравюр?

Меня позвал хриплый голос. Это был Полник. Он сильно жестикулировал.

— Спасены призывом долга,— сказал я Каролине.— Меня зовут дела.

Ее ответ был таким же ледяным, как и ядовитым:

— Я не знала, что вы коллекционируете старье.

Я подошел к Полнику. Он смотрел на меня глазами-шарами.

— Кто же теперь умер? — спросил я.

— Вы были правы, лейтенант: Слад действительно отвел его в котельную. Я нашел его.

— Дикея?

— Нет, Слада.

— Если бы вы говорили законченными фразами, я, может быть, понял бы что-нибудь.

— Как я вам уже сказал, лейтенант, Слад — в котельной. Вот и все.

— Живой?

— Да. Но еще немного одуревший, так как получил удар по затылку, но он от этого не умрет.

— Тем хуже. И никаких следов остальных: Мефисто, Писа, Пиерса и Дикея?

— Да, лейтенант.

— Мефисто и Пис, без сомнения, устремились к океану. Они останутся лишь для того, чтобы вдохнуть воздух, перед тем как нырнуть. У двух других есть в жизни женщины, и эти женщины находятся здесь. Я уверен, что вы найдете Дикея поблизости от мисс Томплинсон.

— Да?

— Та, у которой чистые помыслы и совершенно невероятное чувство юмора.

— А!.. Эта!

— Да, эта. Идите и найдите мне «эту». И когда вы получите «эту», вы одновременно получите и Дикея. Я же отправлюсь искать Пиерса.

— О'кей, лейтенант,— проговорил он немного горьким тоном.— Знаете, было время, когда я думал, что ремесло флика приносит одну вещь...

- Плоскостопие?
- Нет, достоинство.

Он ушел. Я отправился в директорский кабинет. Там никого не было, и я вернулся в жилой корпус. Каролина по-прежнему была на своем посту.

— Я думаю, потолок обрушится, если вы тронетесь с места,— сказал я.

— Вот как,— проговорила она задумчиво,— кусочек уже упал.

— Где находится комната мисс Баннистер? — приветливо спросил я.— Постарайтесь по возможности ответить мне без ваших шуток, в противном случае я способен здорово стукнуть вас.

— Это номер двадцать восьмой. В конце коридора, после поворота.

Она смотрела на меня широко открытыми глазами.

— Боже мой!.. Вы почти напугали меня!

— Я могу иногда напугать самого себя, особенно когда небрит: зеркало показывает мне то, чего я не ожидал увидеть.

Я продолжил свой путь, но шум шагов заставил меня обернуться. Каролина следовала за мной почти бегом.

— Отправляйтесь поддерживать стену,— приказал я ей.— Я не жажду, чтобы потолок обрушился на мой череп.

— Позвольте мне сопровождать вас! Я уверена, что это будет очень впечатляюще!

— Нет!

— Мне наплевать на ваши приказания. Я все равно пойду с вами!

Я постучал в первую попавшуюся дверь. Мне ее открыла секунд через двадцать рыжая куколка в пижаме.

— Вот как? — сонным голосом протянула она.— Наш гость собственной персоной!

— У вас есть ключ от вашей комнаты?

— Естественно.

— Дайте его мне. Живо!

— Но...

Она покопалась немного в замке и протянула мне ключ.

— Отодвиньтесь! — грубо приказал я.

Она отступила, держа руку у рта.

— Что вы собираетесь делать? — пролепетала она.

Каролина толкалась около меня очень заинтересованная.

— Что вы делаете, лейтенант? — спросила она. — Вы хотите войти туда?

— Я? Нет. Это вы войдете туда. Я с силой толкнул ее, она потеряла равновесие и мгновенно оказалась в объятиях рыжей куколки. Я быстро запер дверь на ключ, положил его к себе в карман и спокойно продолжил свой путь.

Достигнув номера двадцать восемь, я на мгновение остановился: нужно ли стучать? Решил этого не делать.

Я резко открыл дверь и вошел. Посредине комнаты стояла в положении кариатиды, с задранной комбинацией, мисс Баннистер. Ее сходство с Авой Гарднер было особенно заметно.

Одним взмахом она сняла через голову комбинацию и бросила ее на ковер, потом бросила на меня ледяной и презрительный взгляд.

— Но...

— Вы заставили меня любоваться прекрасной картиной, мисс Баннистер.

Она поспешно схватила халат, лежащий на кровати, и немного прикрылась.

— А вы часто входите в спальни, не постучав?

— Почти всегда.

Я внимательно посмотрел вокруг. Пиерс мог спрятаться под кроватью или в шкафу, если он вообще находился здесь, — таковы были мои детективные соображения в этот момент. Больше в комнате крупной мебели, за которой мог бы спрятаться такой большой детина, не было.

— Ищу одного из ваших друзей, — объяснил я ей. — Некого Пиерса.

— Эдварда! Вы дали ему уйти! — с восторгом воскликнула она. — Он ни в чем не обвиняется?

— Э... И да и нет.

— Вы — замечательный, лейтенант! Вы видели Дикю и вырвали у него правду. Он признался, я знаю. Вы гений, и мне хочется вас поцеловать!

Я не пытался помешать ей. Мисс Баннистер меня с чувством поцеловала, и я вернул ей ее поцелуй. С чувством... Это было единственное, что я мог сделать.

Итак, мы с чувством поцеловались. Я охотно бы остался в таком положении до конца недели, но, как всегда, в самый неподходящий момент меня прервали.

— Расслабьтесь совсем, лейтенант, — проговорил го-

лос Пиерса за моей спиной,— и не пытайтесь достать револьвер. В противном случае я всажу пулю в вас.

— Должен доверить вам один секрет, Пиерс: я никогда не ношу револьвер, когда в смокинге. Это портит линию.

— Разрешите убедиться в этом.

Мисс Баннистер неприязненно смотрела на меня.

— Вы, без сомнения, думали,— сказала она,— что Эдвард, как идиот, спрячется под кроватью или за дверью.

— Нечто вроде этого, действительно. Откуда он вышел?

— Комната напротив пуста,— с триумфальной улыбкой заявила она,— и Эдвард находился в ней. Вы решили, что он немедленно придет ко мне, как только освободится. Мы знали об этом и стали ждать. Вы нам необходимы, лейтенант Виллер!

— Я потрясен: так редко жаждут визита флика.

— Тем не менее это факт. Вы послужите паспортом, который поможет нам выйти отсюда и пересечь границу штата.

— Что дает вам повод думать так?

— Это,— ответил Пиерс, уткнув дуло пистолета мне в бок.

— А где вы взяли такую петарду?

— Вы не можете ее видеть, но она вам известна. Вспомните, ведь эта петарда принадлежит мне.

Холодная дрожь, пробежавшая по спине, не была моим воображением.

— А вы уже стреляли из нее? — задумчивым голосом спросил я.

— Нет, разумеется. Вы прекрасно знаете, что внутри имеется лишь один патрон.

— Если бы я это знал! Я знаю также, что спуск очень мягок. Они сами стреляют, эти машины! Не дышите слишком глубоко и не топайте ногой.

— Пока вы будете вести себя так, как вам говорят, лейтенант, я не стану стрелять.

— При всех обстоятельствах я вам это советую. Имеется также один шанс из двух, что пуля вообще не выйдет из дула, а револьвер просто взорвется. И какой у вас будет хороший вид, мой дорогой Пиерс, когда не будет больше лица.

Мисс Баннистер с подозрением посмотрела на меня.

— Стоит только вспомнить все эти басни, которые вы

нам выдали только что со сцены! Рассказывать всем, что Эдвард убийца, что он уже находится на пути в комиссариат, тогда как вы просто заперли их всех в котельной!

— Кстати...— сказал я.— Эдвард... Ничего, если я буду вас так называть? Ведь мы в настоящий момент очень близки друг другу.

— Я не вижу никаких противопоказаний. А что вы хотели сказать?

— Как удалось выйти из котельной?

— Очень просто. Ваш маленький флик в очках привел Дикея. Иллюзионист стукнул его, мы все удрали.

— Простота большой трагедии,— сказал я.— Ударить и бежать.

— Мы зря теряем время,— заторопился он.— Ваша машина совсем близко. Мы дойдем до нее пешком. Если кого-нибудь встретим по дороге, вы устроите так, чтобы не возникло подозрений. Если это не получится, я не отвечаю за ваше здоровье.

— Самое забавное,— сказал я,— это то, что до сих пор я вас серьезно не подозревал.

— Что? — прошипела мисс Баннистер.

— Подумайте. Почему я его скрывал в котельной, в то время как сказал всем, что он уже отправлен куда следует?

— Не просите меня объяснять ваши поступки. Я считаю, что вы...

— Заговариваюсь? Я знаю. Такое впечатление создается почти всегда, но очень часто я заговариваюсь с пользой. А вы даже не пытаетесь понять.

— Он,— вмешался Пиерс,— много трудится, чтобы выиграть время, а мы должны немедленно отправиться!

— Да нет! Именно нет! Я подумал, если заявлю об аресте, убийца почувствует себя в безопасности и станет любопытным. Задержавшись в этих местах, я и без большого везения смогу обнаружить след. Что, по вашему мнению, подумает убийца, когда увидит нас выходящими из дома? Даже если вы не будете держать револьвер у моего бока, он будет находиться у вас в кармане, а это большая шишка и очень заметная. Вы дадите возможность убийце совершить еще и третье преступление. Вероятнее всего, он выстрелит вам в спину и будет считать себя героем. Он не забыл моего сообщения о том, что вас задержали за убийство, и догадается, что вы каким-то образом удрали. Он вас «спустит», чтобы

спасти мою жизнь. И полиции останется лишь выдать ему медали!

Мисс Баннистер прикусила губу.

— Если это правда, Эдвард...

— Да,— ответил Пиерс очень недовольным тоном.— Это возможно, я не подумал об этом. Я не жажду, чтобы меня убили.

— Это очень неприятно,— согласился я.— Повсюду кровь.

— Нет! — с ужасом воскликнула мисс Баннистер. Она внезапно решила. — Не нужно этого делать, Эдвард! Нельзя идти на такой риск. Теперь, когда я нашла тебя, я не хочу тебя терять... никогда.

— Эдвард,— великодушно проговорил я,— если вы уберете этот револьвер, я готов все забыть.

— Чтобы опять сунуть меня в котельную?.. Большое спасибо.

— Котельная потеряла свой смысл. Трое других типов убежали вместе с вами, и они могут взяться за прежнее. Проходя по коридору, старайтесь не поворачиваться к кому-либо спиной.

Я почувствовал, что нажатие револьвера ослабло, но мой пульс еще не начал приходить в норму.

— Простите, но мне кажется, что я сейчас закачу глаза,— сказал я, доставая платок и вытирая лоб.

— Эти офицеры полиции на самом деле очень крепкие,— усмехнулся Пиерс.

— Никто меня так не устрашает, как любители. Я бы в десять раз меньше беспокоился, если бы револьвер у моего бока держал профессионал: была бы уверенность, что не буду убит случайно.

Я с облегчением закурил сигарету.

— Нет, это место в котельной убито, похоронено, и меня не интересует, чем вы отныне будете заниматься, при условии — не покидать дом.

— Я рассчитываю остаться именно здесь,— со смехом ответил Пиерс.— Не представляю себе более приятного места.

Он посмотрел на старинный кольт, который держал в руке, и засмеялся еще громче.

— Держу пари, что эта штука не убьет даже мухи с двух шагов!

И, не дав мне вмешаться, он прицелился в противоположную стену и нажал на спуск.

Взрыв страшно ударил по моим нервам и ушам. Столб черного дыма поднялся к потолку.

В стене появилась дырка, как раз около окна. Я полностью всунул палец в отверстие.

— Теперь вы отдаете себе отчет, — сказал я Пиерсу, — какую дыру эта пуля проделала бы во мне?

— Я понимаю, — прошептал он умирающим голосом. — Мне кажется, что я сейчас потеряю сознание.

Он сделал несколько шагов к двери, согнув колени, и тихонько улегся на полу. Очень аккуратно.

— Посмотрите на то, что вы наделали! — взорвалась мисс Баннистер.

— Ему совсем не так уж плохо. К тому же он очень удачно упал. А я хочу у вас кое-что спросить.

— Грубиян! — закричала она. — Бессердечный!

— То, что вы мне рассказали, неправда, так ведь?

— Это о том, что произошло в Балтиморе?.. Ведь вы сами видели газеты.

— Я говорю о другом. Вы мне солгали в отношении автора шантажа.

Она облизала губы, потом посмотрела на меня и, не моргнув глазом, сказала:

— Шантаж? Вероятно, вы видели это во сне. Я вам никогда не говорила о шантаже.

10

Я увидел Полника в тот момент, когда открывал ключом дверь в комнату красивой рыжей девушки.

— Все в порядке, лейтенант?

— Я нашел парня. Но чтобы сказать, что все в порядке...

— Этот несчастный Дикей, — сказал он, — никак не попадется мне в руки. Его нет у мисс Томплинсон, что, кстати, меня несколько не удивляет. Лично я никогда бы не приблизился к этой курочке.

— Продолжайте искать. А как чувствует себя Слад?

— Хорошо. У него болит череп, но для такой головы, как у него, это нормально.

— Замечательный человек Полник! Если и дальше пойдет так же, и о вас станут говорить, что вы не такой флик, как все.

Он пробормотал что-то непонятное. Я решил, что бесполезно просить его повторить, и предоставил ему

возможность продолжать свой путь. А сам наконец открыл дверь: я не торопился...

— Пришел вернуть вам ключ,— вежливо сказал я рыжей девушке, всовывая его в замочную скважину с внутренней стороны.

Каролина, очень прямая, прошла мимо меня. Я подождал, пока смолкнет шум ее шагов, и закрыл дверь, не покидая своего места. Рыжая девушка смотрела на меня с большим интересом.

— Это для непосредственных признаний, лейтенант?

— Может быть, вы сможете ответить мне на несколько вопросов?

— Я отвечу «да» на все, что захотите.— Она улыбнулась.— Знаете, вы все-таки ЛИЧНОСТЬ! Так обращаться с Каролиной, как вы это сделали!.. Давно пора ее немного встряхнуть. Она стала на самом деле совершенно невыносимой!

— Как это?

— У нее появилась манера презрительно смотреть на всех... А потом, она тратила столько денег, откуда они только у нее!

— Ее родители, вероятно, очень богаты.

— Нужно полагать, хотя Каролина никогда о них не говорила.

— Слишком горда?

— Я не знаю.— Она наморщила нос в усиленном размышлении.— Она никогда не говорила о себе. Только о цене, которую заплатила за драгоценности, или за платье, или за что-нибудь еще.

— Спасибо,— сказал я, открывая дверь.— Большое спасибо.

— Эй! Минутку! Я думала, что у вас есть вопросы ко мне.

— Не стоит задавать их: вы ответили на все. Кстати, сколько вам лет? Восемнадцать, да? Приходите повидать меня, когда вам будет двадцать два. И будьте до тех пор благоразумны.

— Но тогда я буду уже замужем!

— Вы придете вместе с вашим мужем. Почему бы и нет?

— Ах, нет! — с дрожью ответила она.— Это будет слишком гадко.

Я вышел из комнаты и посмотрел на часы: без четверти три. Я не обедал, и было слишком рано для первого завтрака. Какая ночь!

Я вернулся в кабинет мисс Баннистер, плотно закрыл дверь и стал шарить в ящиках конторки. Через двенадцать минут нашел то, что искал: список учениц, имена и адреса их родителей. Что касается Каролины, то она была сиротой и жила у своей сестры в Нью-Йорке.

Я положил все на место и снова направился к Каролине. Постучал.

— Кто это?

— Виллер. Должен вернуть вам бриллиантовое кольцо.

— Ах, да! — произнесла она равнодушно. — Это может подождать до завтра.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Нам не о чем говорить, лейтенант, после такого грубого обращения, которое вы себе позволили!

— Я сожалею, милочка. Но я не хотел, чтобы вы подвергались опасности, и...

— Повторите это! — ее голос стал немного мягче.

— Я сказал, что не хотел...

— Нет, не это. С самого начала!

— Я сожалею, милочка...

Дверь отворилась, и Каролина встретила меня с улыбкой.

— Милочка! Вы называли меня «милочка»! Может быть, я все же интересую лейтенанта?

— Это весьма возможно, — ответил я, закрыв дверь ударом ноги.

Секундой позже мы нежно обнимались. Это могло бы долго продолжаться, если бы не судорога в моей ноге. Я осторожно освободился и вынул из кармана кольцо. Она лениво протянула руку, и камешки упали в ее ладонь.

— Это, вероятно, стоит целое состояние, — небрежно заметил я.

— Пф! — произнесла она еще более небрежно и пожала плечами. — Две или три тысячи, я полагаю.

— Я вижу, что не смогу выдержать конкуренцию с моим лейтенантским жалованьем, — улыбаясь, проговорил я.

— Не говорите глупостей, Эл! Вы прекрасно знаете, что это не подарок поклонника.

Она пошла открывать дверцу шкафа.

— Что хотели бы выпить?

Я уставился на батарею бутылок.

— Не убеждайте меня, что ученицам разрешено превращать свои комнаты в пивное заведение!

— Фактически я единственная. Это своего рода уступка моему возрасту: мне двадцать два года, Эл!

Я закурил сигарету.

— Тогда это будет скотч. И с водой, пожалуйста.

— Будьте спокойны. Низ шкафа — холодильник, и у меня есть лед.

Она наполнила два стакана.

— Давайте сядем на диван, это более интимно.

Я послушался. Она села рядом со мной и протянула стакан.

— За наше более близкое знакомство! — сказала она, сделав глоток.

— Я тоже за это!

Она прижалась ко мне с такой силой, что мы оба стали похожи на сиамских близнецов.

— Скажите мне, Эл, вы потешались над публикой, объявляя мистера Пиерса убийцей? Если бы это было правдой, вы бы уже ушли.

— Каролина на самом деле очень сообразительна. Безусловно, это была неправда. Я хотел успокоить настоящего убийцу и заставить его совершить ошибку или действовать неосторожно, что практикуется во всех полицейских романах.

— И это вам удалось?

— Вот неприятность: я ничего не знаю. Мне известно только то, что я провел бессонную ночь.

— Может быть, вы не станете о ней сожалеть, — сказала она с многообещающим взглядом.

— Это было бы замечательно, — признался я, — но не могу отделаться от чувства ревности, оно отравляет мое существование.

Ее глаза заблестели.

— Вы... ревнуете? И к кому?

— К парню, который подарил вам это кольцо.

Она стала смеяться.

— Вы можете успокоить свою ревность, мой дорогой. Парень — это папа.

— Такой вариант мне больше нравится, — с облегчением проговорил я. — А по какому случаю? В ваши двадцать два года?

— О, нет! По правде говоря, он мне дал его на прошлой неделе, и только потому, что ему захотелось сделать мне подарок. Он всегда, когда видит меня, делает подарки.

Я опорожнил свой стакан, не спуская с нее глаз.

— А где он прячет свои крылья?

Каролина без выражения посмотрела на меня.

— А?

— И лопату?

— О чем, к дьяволу, вы говорите?

— Я говорю не о дьяволе, я говорю о вашем отце.

— Я не понимаю, — она покачала головой, все более недоумевая. — Сожалею, но я ничего не соображаю.

— У меня мания к загадочным выражениям. А вы любите играть в разные игры?

— С вами? О да, Эл!

— Это, может быть, не совсем то, о чем вы думаете. Это игра при помощи слов.

— Слов?.. Мне нужно еще выпить. — Она встала. — Для вас то же самое?

Я дал ей свой стакан. Она наполнила его и села около меня.

— О'кей. Игра слов... Я полагаю, что мы можем позволить себе это, пока уничтожаем питье.

— Игра несложная, — сказал я, — но очень забавная. Я говорю какое-нибудь слово, и вы отвечаете мне любым словом, которое придет вам на ум. Профессиональные психологи забавляются этим долгие часы.

— Хорошо, — проговорила она, не очень убежденная. — Начнем? Нет? Если вы считаете это стоящим.

— Я нахожу это замечательным. Я начинаю: черное?

— Белое, — сухо ответила она.

— Высоко!

— Низко.

— Мы ведь едва начали... Парень!

— Девушка!

— Сестра!

— Нью-Йорк.

— Балтимор!

Она открыла рот, но ничего не сказала. Она довольствовалась улыбкой.

— Сожалею, Эл, Балтимор мне ничего не говорит.

— Такие вещи случаются, не огорчайтесь. Я продолжаю: отец!

— Мать!

— Сирота!

— Покровитель.

Она закусил губу. Я решил ободрить ее.

— Bravo! Вы прекрасно играете! Но, может быть,

для вас уже достаточно. У меня есть еще несколько слов в резерве, очень интересная серия, как мне кажется, но я не хочу утруждать вас.

Она медленно допила свой стакан, потом с упреком посмотрела на меня.

— Вы пришли ко мне под фальшивым предлогом, Эл. Я подозреваю, что вы продолжаете работу полицейского...

— Это тоже весьма возможно. В данный момент я нахожусь перед такой волнующей проблемой, что никак не могу отвлечься от нее.

— Какой проблемой?

— Она связана с тем, что происходит в колледже... С одной стороны, богатая директриса, с другой — сиротка, у которой богатства нет, но которой повезло жить в Балтиморе в то время, когда будущая директриса была звездой газет и находилась в тюрьме за мошенничество. Остальное — это просто сказка о Золушке: внезапно сиротка становится богатой. Ее видят в прекрасных платьях и бриллиантах... Эта история вас не забавляет?

— Нет, совершенно нет.

— Очень жаль. Я надеялся, что она вас позабавит, и тогда все было бы намного проще.

— Я очень устала, Эл. Спасибо, что принесли мое кольцо. А теперь, если бы вы покинули меня...

Я встал, но не пошел к двери. Я подошел к шкафу и налил себе третий стакан скотча.

— Будем говорить прямо,— сказал я.— Мне очень легко будет доказать шантаж и заставить осудить вас.

— Валяйте! Не стесняйтесь!

— Я могу пойти на уступки.

— Уступки? — она недоверчиво посмотрела на меня.— Какого рода уступки?

— Я хочу знать правду. И на этот раз настоящую правду. Это ваш последний шанс.

— Пусть будет так,— тихо проговорила она.— Задавайте ваши вопросы.

— Сколько вы выудили у мисс Баннистер?

Каролина колебалась.

— Пять тысяч долларов,— наконец ответила она.

— По словам мисс Баннистер, это раз в шесть больше.

— Тогда она лжет! Я получила не более пяти тысяч долларов!

— Вы были в Балтиморе, когда это случилось?

Она утвердительно кивнула.

— Я работала... официанткой, так же, как и здесь, в Пин-Сити. Однажды я увидела проезжающую в автомобиле мисс Баннистер и тотчас ее узнала.

— Вы выяснили, что она делает, и повидались с ней?

— Это так. Мне было шесть лет, когда умерли мои родители и меня поместили в сиротский приют. Я никогда там не ела досыта, и у меня появилась навязчивая идея: стать богатой. И не только деньги мне были нужны, но и положение...

Она встала, наполнила свой стакан и продолжала:

— Выйти замуж за богатого нетрудно, если вращаешься в определенном обществе. Когда я увидела Эдви-ну Баннистер, у меня было ощущение, что моя добрая фея подала мне знак. Мне не очень улыбалось заниматься шантажом, но эта была единственная возможность добиться своего. И я заключила с ней договор: она примет меня сюда как ученицу, будет платить мне пятьсот долларов в месяц во время моего пребывания здесь, введет меня в общество, в котором сама теперь вращалась, а я пробуду здесь один год и больше ничего не потребую от нее. Она избавится от меня сразу же, как я выйду замуж, или, вернее, смогу найти себе мужа с солидным банковским счетом.

Шантаж — некрасивая штука, но убийство — это уж совсем другая история. Я мог обещать Каролине забыть ее мерзкое поведение взамен некоторых сведений. Такой торг имел смысл, если эти сведения приведут меня к убийце.

— Очень хорошо, — сказал я. — Хочу вам верить. А что происходит между мисс Баннистер и Пиерсом?

Она подняла голову, и на лице ее появилось выражение искреннего удивления.

— Разве между ними что-то происходит?

— Еще бы! Они страшно влюблены друг в друга.

— Вот это новость!

— А жертвы: Жоан Крег и Ненси Риттер, что вы можете сказать мне о них?.. Это страшно важно, Каролина. Никаких шуток!

После небольшой паузы она ответила:

— Очень огорчена, Эл, мне нечего сказать. Я совершенно не представляю, из-за чего их могли убить.

— Этого мне недостаточно. Советую вам сделать небольшое усилие и подумать.

— Честно, я стараюсь рассуждать.

Она казалась очень огорченной.

— Это были две очень предприимчивые девушки. Всегда хвастались своими победами, а единственные победы, которые они могли одержать у нас здесь, это над Пиерсом или Дикеем.

Я закурил сигарету.

— Пиерс и Дикей?

— Единственные мужчины в нашем секторе, которые пользовались наибольшим спросом.

— Даже Дикей?

— Особенно Дикей, — ответила она. — Я вам уже об этом говорила, и это правда. У Дикей большая голова, у него сумасшедшие идеи, не для меня, конечно, я являюсь исключением среди них...

Она многозначительно посмотрела на меня.

— Я люблю, когда у мужчины одновременно с головой и мускулы.

— Вы просто приводите меня в восторг! Что еще можете рассказать?

— Это почти все. Между ними было нечто вроде соперничества. Они часто спорили: пытались выяснить, которая из них на неделе имела больше свиданий с одним или с другим или с обоими... Некоторые у нас даже держали пари в отношении результатов!

— Мисс Баннистер была в курсе этих дел?

— Все были в курсе.

— Она ничего не делала, чтобы помешать?

— Она пыталась. Всего несколько часов назад она угрожала Жоан исключить ее, если Жоан не остановится. Я не знаю, делала ли она упреки и этим типам.

— Надеюсь узнать об этом. Я никогда не видел дела более ненормального!

— Что вполне понятно, — сказала она, — потому что поручили настоящему мужчине провести следствие.

— Тем не менее я не самый умный в нашей службе, — скромно возразил я.

— Я не это ведь хотела сказать, — проговорила она нежным голосом. — Я хочу сказать, что вы, безусловно, самый из всех нормальный.

— И на этом спасибо. Вам больше нечего мне сказать?

— Еще существуют сплетни, но мне кажется, что на них не стоит обращать большого внимания... Вы, вероятно, уже слышали относительно жениховства Дикей и мисс Томплинсон?

— Она заявила об этом мне сама, и даже с большим чувством.

— Я никогда не видела ничего более абсурдного,— засмеялась Каролина.— Мисс Томплинсон, должно быть, считает его новорожденным или кем-то в этом роде. Она вертится вокруг него, как курица вокруг цыпленка, и если кто-нибудь посмеет сказать ей что-либо по этому поводу, с ней бывают истерики!

— Да-а. Все это не очень приближает меня к делу. Во всех криминальных историях существуют мотивы преступления, и в основном все объясняется мотивами более существенными. Но здесь я до сих пор никак не могу уловить малейший повод.

— Сожалею, я очень хотела вам помочь.

— У меня плохо продвигается дело, и тем хуже это для меня.

В дверь постучали.

— Лейтенант Виллер? — Это был голос Полника.— Вы здесь?

— Что случилось?

— Опять шериф у телефона. Он хочет с вами поговорить.

— До скорого,— сказал я Каролине, направляясь к к двери.— Сейчас я должен подвергнуться головомойке.

11

— Их схватили в двух километрах от колледжа, и конечно, на полной скорости,— сказал Лаверс.— В коробке они все рассказали. В настоящее время, оба «зебра» повторяют ту же историю, только уже в кабинете прокурора.

— Мефисто и Пис?

— Вот именно: иллюзионист и его помощник. Они сказали, что вы их заперли в котельной и угрожали обвинить в убийстве, если не признаются в краже драгоценностей во время представления. Они это отрицают самым решительным образом. Если прибавить к их рассказу еще и рапорт Мурфи, из которого следовало, что вы или были пьяны, или сошли с ума,— складывается впечатление, что с вами случилось и то и другое!

— Я могу все объяснить, но это займет слишком много времени.

— Я хочу вам помочь, Виллер. У прокурора все против вас, потому что я не заместил вас, как обычно, слу-

жащими криминальной бригады. Прокурор посчитал это дело таким важным, что оторвался от кровати и пришел в контору. Он мобилизовал двух своих людей, и они в настоящий момент записывают каждое слово, которое произносит этот мошенник и его помощник.

— Представляю себе.

— Если вы не сотворите чуда, нас обоих разнесут!

— Сколько времени вы можете мне дать?

— Э... очень немного. Я могу задержать отъезд отряда уголовной бригады... скажем, на час, но не дольше. Это все, что у вас есть, Виллер: один только час.

— Не густо.

Его интересовал оптимистический прогноз.

— Ну а кроме этого? Начинает что-нибудь вырисовываться?

Я нагло соврал:

— Я обещаю вам, шериф! Задержите, насколько сможете, наряд бригады! Я немедленно извещу вас по телефону, когда появятся новости.

— Если это не произойдет в течение часа, можете не беспокоиться. Я уже буду находиться в пути вместе с парнями из уголовной!

Я повесил трубку и, уставившись на телефон, думал, не найдется ли хорошее место флика в Парагвае.

Полник и Слад вошли в кабинет и остановились, глядя на меня.

— Лейтенант,— мрачным тоном спросил меня Полник,— вы ничего не хотите мне сказать? Что же мы в точности должны искать здесь?.. Лично я стучу во все двери и спрашиваю, не там ли вы.

Слад деликатно прочистил горло.

— А я провожу время, дегустируя кофе около кофеварки.

— Вы! — бросил я ему.— С меня довольно! Такой ловкач, что позволил всем выбраться из котельной! Мэфисто и Пис были задержаны патрульной машиной в двух километрах отсюда. Теперь они в нашей коробке.

— Ну что ж,— спокойно проговорил Слад.— Это ведь хорошая новость, не правда ли?

— Превосходная! Они рассказывают прокурору, что мы незаконно лишили их свободы, и прокурор дегустирует это, как сгущенное молоко. Шериф звонил, чтобы сообщить мне эту новость.

Полник сделал гримасу.

— Да-а,— протянул он и вздохнул.— Я думаю, что

теперь настал черед заняться воспитанием кур и кроликов.

— Только не берите себе Слада в компаньоны. Через неделю куры начнут нести квадратные яйца.

Эта мысль воодушевила Слада.

— Знаете, лейтенант, — сказал он, — а это ведь было бы неплохо. Квадратные яйца! Они никогда не упадут со стола!

С умоляющим видом я обратился к Полнику:

— Вы не могли бы увести его куда-нибудь и там потерять?

— Я пытался, но он каждый раз находит дорогу обратно.

— По-прежнему никаких следов Дикей?

— Нет. Я обшарил комнату известной вам особы: его там не оказалось.

— О'кей! Продолжайте искать, пожалуйста.

— Слушаюсь. Ты идешь, Слад?

Они пошли, а я отправился в комнату Жоан Крег. Слад уже обыскал ее и нашел кольт; вряд ли от него что-нибудь ускользнуло, но я тем не менее решил побывать там, так как это все же было лучше, чем ничего не делать в ожидании приезда Лаверса и парней из уголовной бригады.

Через четверть часа я закончил обыск, не найдя ничего интересного. Я еще раз взглянул на проигрыватель. На нем лежал диск: «Новые лица 1952 года». В тот год был открыт Эрл Китт и его записи находились среди других. Последняя песня называлась «Лиззи Борден».

Лиззи Борден?.. Где я слышал это имя?.. И я вспомнил о вопросе, который задала мне Жоан Крег после этого проклятого собеседования. Ее интересовало, можно ли оправдать преступление Лиззи Борден. Жоан, вероятно, как раз перед конференцией прослушала эту пластинку.

Я запустил песню о Лиззи Борден с самого начала и с усмешкой стал слушать... Это была очаровательная экстравагантность. Особенно то сентиментальное место, где Лиззи Борден рассказывает, что встретила свою мать на улице и зарезала ее.

Прослушав песню, я погасил свет и быстро пошел в комнату Ненси Риттер. На этот раз я торопился. Через семь минут все закончил и ничего не обнаружил.

Я вернулся в кабинет и вспомнил, без особой причины, что оглушенного Мефисто сунули в сундук в гимна-

стическом зале. Я подумал, что гимнастический зал — хорошее укрытие, особенно для такого типа, как Дикей.

Дверь была закрыта, но не заперта. Я приоткрыл ее. В зале горел свет, и я услышал диалог:

— Аугустус, дорогой,—ворковала мисс Томплин-сон,—ты любишь своего цыпленка?

— Ну да, Агата.—В голосе Дикей слышалась нервозность.—Ты прекрасно знаешь, что я тебя люблю.

— Тогда еще раз скажи своему маленькому цыпленку, что ты любишь его больше всего.

— Я люблю тебя, Агата! — Дикей был явно обо-злен.—Этого довольно!

— Не для твоего маленького цыпленка! Ему будет плохо, если он не будет слышать, как его Аугустус гово-рит, что он любит...

Я закрыл дверь и сделал полуоборот. Дикей, вероят-но, жалеет, что не находится больше в котельной.

Вернувшись в директорский кабинет, я посмотрел на часы: без четверти четыре. Мне оставалось меньше по-лучаса до приезда Лаверса и остальных.

Я уселся в кресло мисс Баннистер, положил ноги на ее письменный стол и попытался размышлять. Я по-очередно рассмотрел все, что было у меня в голове, и ни к чему не пришел.

— Я не могла спать...—проговорил извиняющийся голос.

Я поднял нос и увидел Каролину в амбразуре окна.

— Входите же! Я тоже не сплю!

— А вам не хочется чего-нибудь выпить?

— Это неплохая мысль...

— Тогда пойдемте со мной.

— Подождите секунду... Вы коллекционерка?

Она засмеялась:

— Только бриллианты.

— А я держу пари, что вы собираете целую кучу ненужных вещей. Все женщины это делают.

— Я исключение. Никогда ничего не храню такого, что не могу немедленно использовать.

— Вы совершенно уверены в этом?

— Конечно. Но почему вы спрашиваете?

— Просто так. Я только удивлен, что вы спрятали все вырезки из газет, касающиеся девицы, о которой рань-ше никогда не слышали. Вы хранили эти вырезки в те-чение двух лет до того момента, пока не встретили, бла-

годаря простой удаче, эту девушку в Пин-Сити. Если это не предвидение, то я не знаю, что это такое.

Она грустно улыбнулась.

— Может быть, одна из маний собирательства.

— Послушайте, малышка, мне больше нельзя терять времени. Будьте откровенны со мной. Шантажист никогда не действует так, как вы. Ведь вы не профессиональная шантажистка. Appetit является во время еды, и чем больше получаешь, тем больше хочется. Мисс Баннистер была ближе к истине, когда сказала мне, что у нее вытянули тридцать тысяч долларов. Шантажист не стал бы терять времени на комбинации, о которых вы мне говорили.

Она закусила губу.

— Вы в самом деле знаете свое ремесло детектива.

— Я не очень уверен в этом в настоящий момент. Объясните мне, как все было. Только говорите правду!

— Тем хуже. Вы все равно узнаете об этом в конце концов. Я сирота, так же, как и моя сестра. Партинтон не настоящая моя фамилия. Я — Баннистер.

— Баннистер?

— Совершенно точно.

— Почему вы это скрывали?

— Потому что шантаж продолжался десять месяцев. Бедная Эдвина была как сумасшедшая. Она не знала, кто заставляет ее плясать, и не знает об этом сейчас... Я была неделю в Нью-Йорке. Во время одного уик-энда она пришла повидаться со мной и все мне рассказала. Она не знала, что ей делать. Она не смела известить полицию, так как боялась крушения всего того, что здесь создала. Мы с ней долго спорили и потом решили, что я приеду сюда и попытаюсь узнать, кто ее шантажирует. Это объяснит вам мое вымышленное имя и прочее. — Она сделала гримасу. — К несчастью, я не имела успеха.

— Совершенно очевидно, — сказал я, что мисс Баннистер увлечена Пиерсом. Когда она поверила в то, что я арестовал его, она заговорила о шантаже и показала вырезки из газет, обвиняя во всем Дикей.

— Она влюблена в Эдварда, — согласилась Каролина. — Никаких сомнений в отношении этого. Она сделает для него Бог весть что.

— Когда я убедился, что Дикей не участвует в шантаже, тогда вспомнил о вас и о ваших бриллиантах. Я хотел узнать, откуда вы приехали, но в бумагах об этом ничего не было сказано. Кроме того, когда я вас

обвинил в том, что вы занимаетесь шантажом, вы решили, что лучший способ послужить сестре — не отрицать этого, а подыграть мне.

— От вас ничего нельзя скрыть.

— Это очень красиво, но не приводит нас к желанному результату. Во всяком случае, ни к убийце, ни к шантажисту.

— Мне тоже так кажется.

— Любопытно, любопытно... Ваша сестра готова была все сделать, чтобы защитить Пиерса, когда его обвинили в убийстве; и мисс Томплинсон готова все сделать для своего горячо любимого Аугустуса. Но ни один из мужчин не пытался обвинить кого-либо, когда находился под подозрением.

— И что же это доказывает? — усмехнулась она. — Что мужчины лучше женщин? Или что женщины любят сильнее, чем мужчины, и более привязчивы?

— Или более ревнивы, да?

— Вот теперь вы пытаетесь доказать приоритет сильного пола. А каждый знает, что это бесполезно доказывать.

— Может быть, вы правы.

— Итак, вы придете выпить стаканчик?

— Нет, не обижайтесь на меня. Я вспомнил, что мне надо кое-что сказать Полнику.

Она пожала плечами.

— Как хотите. Тем хуже для вас, лейтенант!

— Возможно, я подойду и постучусь в вашу дверь немного позже.

— Ну а я, возможно, уже буду спать крепким сном.

У меня была уверенность, что я найду Полника и Слада в заветном месте, и я не ошибся.

— Когда что-нибудь интересное, то никогда не предупреждают! — сказал я, входя на кухню, где Полник и Слад потягивали кофе.

— Слад как раз собирался пойти за вами, — проговорил Полник с улыбкой. — Не так ли, Слад?

— Разумеется! — подтвердил Слад. — Квадратные яйца, это потрясающая мысль.

— А в ожидании этого, — сказал я, — бросьте кофе и принимайтесь за работу. Слад, пойдите в комнату мисс Баннистер и приведите ее в кабинет. И я не хочу, чтобы Пиерс сопровождал ее, понятно?

— Да, патрон... Да, лейтенант.

У Слада словно выросли крылья.

Я обратился к Полнику:

— Мисс Томплинсон и Дикей находятся в гимнастическом зале. Нападите на них. Если слегка толкнете, это ничего. Заприте Дикей в комнате мисс Томплинсон и приходите в кабинет вместе с ней...

— Хорошо, лейтенант.— Он как-то странно посмотрел на меня.— Могу я задать один вопрос?

— Валяйте.

— Почему мы делаем это?

— Я считаю аморальным оставлять вместе в такой час людей разного пола.

— Я не сомневался, что вы ответите что-то в этом роде,— пробурчал он, выходя.

Я не спеша пошел в кабинет, снова сел на место мисс Баннистер и закурил сигарету. Минута спустя появился Слад, сопровождавший мисс Баннистер. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Посторожите мистера Пиерса, вот и все,— сказал я.

Когда Слад ушел, мисс Баннистер потуже завязала пояс своего халата и холодно посмотрела на меня.

— Что вы хотите, лейтенант?

— Я прошу вас, садитесь. Это будет недолго.

Она выбрала одно из кресел, предназначенных для посетителей, и стала нетерпеливо постукивать ногой по ножке кресла. Примерно через четыре или пять минут вошел Полник с мисс Томплинсон, на которой был белый пуловер и черная юбка.

Она была очень возбуждена.

— Лейтенант! Это уже слишком! Такое насилие просто недопустимо! Я напишу своему сенатору.

— Садитесь, мисс Томплинсон. Через секунду я займусь вами.

Я взял Полника под руку и вместе с ним вышел из директорского кабинета.

— Лаверс и парни из уголовной могут появиться с минуты на минуту,— сказал я.— Отправляйтесь на улицу и, когда встретите их около входа, займите чем-нибудь как можно дольше: это даст мне возможность выиграть время. Когда они все же войдут в помещение, удалите от этого кабинета, а если возможно будет, то от Пиерса и Дикей тоже. Прикиньтесь немного дурачком: вы не знаете, где я нахожусь, вы ничего не понимаете...

У Полника был скептический вид.

— Да, разумеется, я попытаюсь... Но шериф!

— Вывернитесь. Скажите дедушке, что я умер с улыбкой на устах.

Я вернулся к своим гостям, медленно обошел вокруг письменного стола и расположился напротив женщин.

— Полагаю...— начала мисс Томплинсон.

Я укоризненно покачал головой, и она замолчала.

— Мисс, у меня есть для вас заявление относительно убийства двух учениц вчера вечером. Боюсь, что оно будет неприятным для вас.

Они обе одновременно наклонились вперед.

— Я знаю, что мои методы расследования иногда не выдерживают критики,— честно признался я,— но они приносят результаты. Чтобы информировать об этих результатах, я и просил вас прийти сюда.

Мисс Баннистер глубоко вздохнула.

— Начинайте!

— Для убийцы необходимы две вещи: причина, побуждающая совершить убийство, и удобный случай. Удобный случай представился всем, когда в зале погас свет, и маленькая Крег была заколота: каждый мог пройти в комнату мисс Риттер, чтобы убить ее. Так что этот удобный случай в нашем деле сможет помочь нашим поискам.

— О! Скажите только,— воскликнула мисс Томплинсон, невольно заразившись энтузиазмом.— Это рывок, а? Казалось, что уже ясно?

— Исключив удобный случай, мы стали базироваться на причине убийства. Таким образом, всего осталось двое подозреваемых.

Мисс Баннистер спросила на одном дыхании:

— Двое?.. Кто они?

— Я вас предупредил, что мне предстоит говорить о неприятных для вас вещах.

Энтузиазм мисс Томплинсон явно пошел на убыль.

— Вы хотите сказать... вы хотите сказать, что мы обе подозреваемые?

— Нет, конечно. Разговор идет о двух мужчинах. И я должен вам выложить факты, несмотря на мучение, которое это принесет вам обоим.

Мисс Баннистер приподняла голову и спокойно проговорила:

— Продолжайте, лейтенант, я прошу вас.

— Да,— подтвердила мисс Томплинсон, сжимая челюсти.

— Все было профильтровано, проанализировано и подтверждено множеством свидетелей.

— Мы понимаем,— холодно проговорила мисс Томплинсон.

— Я надеюсь. В этом колледже, что вполне естественно, подавляющее большинство обитателей — представительницы прекрасного пола. Помимо женского персонала колледжа, имеются пятьдесят учениц. Для них, по их собственным заявлениям, только двое мужчин расценивались как «возможные»: мистер Пиерс и мистер Дикей.

— Отвратительно! — выплюнула мисс Томплинсон. — Если бы я только знала, что в колледже такое направление умов, я бы постаралась, чтобы они больше сил затрачивали на волейбол. Ревматические боли в шее или в берцовой кости совершенно изгнали бы из головы такие грязные намерения.

Она на секунду замолчала, чтобы перевести дыхание. Я воспользовался этим и продолжал:

— Такова была ситуация. Что же касается двух молодых девушек, обеих жертв, факты говорят о том, что они затеяли нечто вроде игры или соревнования. Победительницей считалась та из них, которая в течение недели получала больше свиданий с обоими мужчинами. Их похождения даже служили поводом для пари у остальных.

— Какой невероятный абсурд! — взорвалась мисс Томплинсон.

— Ведь вы не можете заставить нас поверить этому,— с горечью добавила мисс Баннистер.

Я был очень терпелив.

— Вспомните о том, что я вам сказал вначале. И пожалуйста, слушайте дальше очень внимательно: это важно для всех заинтересованных... Оба мужчины охотно принимали авансы учениц. Они оказались в ситуации, которую можно назвать даже завидной: у них была возможность выбирать себе кандидаток среди множества пленительных молодых особ.

— Я больше не могу выносить это,— тихо проговорила мисс Баннистер.

— Но это необходимо. Я не для того просил вас прийти и не для того рассказываю обо всем, чтобы вы не дослушали меня и ушли. Вернемся к трагическому вечеру... К вчерашнему вечеру. Я предполагаю, что мисс Крег угрожала одному из этих мужчин. Чем угрожала,

я не знаю. Но эта угроза, очевидно, была очень серьезной, поскольку заставила мужчину совершить преступление. И когда он убил маленькую Крег, тогда сообразил, что ее близкая подруга, партнерша по игре со свиданиями, может быть в курсе всех этих угроз. Он решил убить и ее.

Мисс Томплинсон вскочила с кресла.

— Вы не имеете права инсинуировать,— сказала она.— Мой Аугустус не смеет смотреть на другую девушку. Он мой жених!

— Одним словом,— ответил ей я,— смеет.

Она снова упала в кресло.

— Я не могу этому поверить,— бормотала она.— Я не могу поверить тому, что мой дорогой Аугустус мог так обманывать меня!

Мисс Баннистер оказалась более агрессивной.

— Вы считаете себя большим шутником, лейтенант? Вы здорово забавляетесь, не правда ли?

— Я совершенно не забавляюсь! Я так подробно ввожу вас в курс дела, потому что нуждаюсь в вашей помощи. Никто к ним теперь, когда нет мисс Крег и Риттер, не близок так, как вы. И я надеюсь, что вы сможете повторить мне то, что они говорили в течение последних нескольких часов. Даже вещи незначительные могут оказаться очень важными.

Я посмотрел на них и стал ждать.

— Аугустус был со мной, как маленький ягненок, который бежит к своей матери! — сказала мисс Томплинсон.— Он нуждался в защите, бедный ягненок, и я была для него этой защитой.

Мисс Томплинсон вдруг заговорила угрожающим тоном:

— Совершенно невероятно, что он мог... что он мог поднять взгляд на другую женщину.

— Что касается Эдварда,— сухо проговорила мисс Баннистер,— меня удивляет, что вы утруждаете себя вопросами. Вы видели, до какой крайности он может пойти, чтобы защитить меня: даже взять в руки револьвер.

— Я не совсем согласен с вами. Я только вижу, до какой крайности вы способны пойти, та и другая, чтобы защитить их.

Раздался стук в дверь, и она резко распахнулась: на пороге показался Слад.

— Могу я поговорить с вами одну минуту, лейтенант?

Я встал и вышел к нему в коридор.

— Они только что приехали,— прошептал Слад.— Шериф, лейтенант Ханлон и полдюжины других из уголовной бригады. Сержант Полник пошел к ним навстречу две минуты назад. Он постарается, насколько сможет, задержать их, но просил сказать вам, чтобы не рассчитывали более чем на четверть часа в лучшем случае.

— Спасибо, старина. Присоединяйтесь к Полнику и попробуйте помочь ему исполнить этот номер. Я снова занял свое место у письменного стола.

— Кто-нибудь из вас вспомнил?

Они, сжав губы, расстреливали меня взглядом.

— Я должен вам повторить, что человек, который убил два раза, не станет колебаться, чтобы убить в третий раз. Одна из вас очень рискует.

Мисс Томплинсон встала.

— Лейтенант Виллер! Мне с трудом верится, что человек, на которого возложена высокая обязанность лейтенанта полиции, унижается до повторения такой лжи! Если бы я не слышала собственными ушами, то не поверила бы в это! — Она подошла к двери и на секунду остановилась. — Я пойду к Аугустусу! Он нуждается во мне и доверяет мне, а я ему!

Она вышла с высоко поднятой головой. Родись она двумя или тремя веками раньше, какую великолепную фигуру сделали бы из нее пираты на носу корабля!

Я закурил новую сигарету, надеясь, что Полник смог уговорить Лаверса и его компания свалилась в глубину какого-нибудь колодца.

— Интересно,— тихим голосом сказала, вставая, мисс Баннистер,— заметили вы или нет, что аргументы, выдвинутые против Эдварда и Дикей, подходят не менее логично и к двум женщинам, которые сидят к ним привязаны.

От этого замечания я остался без голоса. Мисс Баннистер пристально смотрела на меня, и я подумал, что должен существовать закон против женщин, снабженных умом и оружием более грозным, чем их чувства.

— Если вы это заметили,— торопливо продолжала она,— вы должны были обдумать эту возможность и предусмотреть неизбежный результат...— Ее глаза расширились.— Вы просто демон! — прошипела она и, резко повернувшись, направилась к двери.

— Мой привет мистеру Пиерсу! — закричал я ей вслед.

Она исчезла.

Прошло десять минут. В кабинет влетел Лаверс, следом лейтенант Ханлон из уголовной бригады, а за ними Полник. Было еще много других, но они остались в коридоре.

— Виллер! — завопил багровый Лаверс. — Что, ваш сержант совершенно сумасшедший?!

— Полник! — позвал я.

— Да, лейтенант, — отозвался сержант, выпрямившись.

— Вы совершенно сумасшедший?

— Нет, лейтенант

Я вежливо перевел Лаверсу.

— Он говорит, что нет, шеф.

Лаверс готов был взорваться, но сдержался.

— Ладно, — наконец проговорил он. — С чего мы начнем? Этот безмозглый сержант прогуливал нас повсюду! Мы видели бассейн, теннисный корт... Брр!

Он достал трубку и сунул в зубы, потом сердито стал ее кусать.

— Может быть, начнем сначала, — продолжил шериф, — чтобы немного разобраться. Где находится этот второй труп, который вызвал столько шума?

— По-прежнему в своей комнате. Полник укажет вам дорогу

— А, нет! — запротестовал он. — Только не Полник, я уже достаточно нагляделся на него!

— Уверен, что сейчас он прямо отведет вас туда. — Я сделал жест Полнику. — Разве не так, сержант?

— Да, лейтенант, — ответил он, подмигивая.

— Тогда пойдемте! — недовольно проговорил Лаверс. — Он сделал два шага к двери, потом повернулся и посмотрел на меня недоверчиво и угрожающе. — А что вы собираетесь делать в это время?

— Я размышляю, шериф.

— О блондинке?

— О непостоянстве мужчин, — холодно ответил я.

Лаверс покачал головой и отправился в путь.

— Мурфи, вероятно, был прав, — громко сказал он Ханлону. — Он ведет себя, как ненормальный.

Через некоторое время Полник вернулся.

— Они там все так заняты, что я потихоньку смыл-

ся,—сказал он.—Я подумал, что, может быть, смогу быть вам чем-нибудь полезен.

— Это очень шикарно с вашей стороны,—ответил я.—Садитесь.

— Лейтенант... если позволите мне сказать... вам остается очень мало времени. Мне не нравится то, что они замышляют против вас. Я надеялся, что у вас в голове есть идея... Работать вместе с вами, это...— он тщетно искал подходящее слово, потом отказался от него,— это не как обычно...

— Еще раз спасибо. Садитесь же и помогите мне ждать.

— Когда они вернутся?

Я покачал головой.

— Еще три минуты, и будет взрыв.

Он пристально посмотрел на меня, потом отодвинул кресло.

— Неприятно, что ты легавый,—продолжал я.— По-неволе даешь рутине овладеть собой и в конце концов делаешься неспособным думать самостоятельно, работать не по шаблону.

— Безусловно, лейтенант,—согласился он, отодвигаясь еще на несколько сантиметров.

— В девяноста девяти случаях мотив преступления — деньги. Мы считаем, что и сотый не будет исключением — и мы ошибаемся. Если бы я подумал об этом раньше, все уже храпели бы или пили виски в приятных местах.

— Вы так думаете, лейтенант?

— Вы проделали хорошую работу, прогуливая шерифа.

— Спасибо, лейтенант. Но это, кажется, не доставило ему удовольствия,—добавил он.

— Это у него пройдет.

Полник казался обеспокоенным.

— Три минуты уже прошли, лейтенант.

Я посмотрел на часы.

— Осталось еще около сорока секунд.

— И тогда что мы станем делать?

— Посмотрите на пейзаж.

Полник не смог скрыть своего любопытства.

— Да, но вы, вы не смотрите: вы чего-то ждете.

— Да... я ожидаю трубного гласа.

— Да, конечно! — Спинка его кресла уперлась в

стенку напротив.— Я понимаю, вы ожидаете чего-то, связанного с делом, и...

Прозвучал выстрел.

— Ну вот! — сказал я Полнику.— Трубный глас!

12

Я первым выбежал в коридор, потом проник в комнату: Полник наступал мне на пятки. Шум шагов в коридоре все усиливался, а в комнате нежный голосок напевал:

— Спи малютка, спи спокойно...

Дыхание Полника за моей спиной напоминало кузнечный цех.

Мисс Томплинсон стояла на коленях, держа в своих объятиях Аугустуса Дикей, и нежно покачивала его.

Мистер Дикей не мог протестовать, так как у него на левом виске была дырка, а его правая безжизненно повисшая рука еще держала револьвер.

Мисс Томплинсон посмотрела на меня испепеляющим взглядом, потом продолжила свою песню, сильнее прижав к груди голову, которой теперь все было безразлично.

— Самоубийство! — воскликнул Полник.

Вскоре в комнате собралось много народа. Здесь были: Лаверс и Ханлон, с абсолютно невыразительными физиономиями; Каролина, демонстрирующая сильное любопытство; Пиерс, с взглядом, полным ужаса, и мисс Баннистер, сочувственно смотрящая на мисс Томплинсон. Она обратилась ко мне:

— Значит, лейтенант, я упрекала вас напрасно. Это был действительно один из мужчин!

Я пожал плечами, не отвечая.

— Ну же! — сказал Лаверс.— Делайте же что-нибудь! И для начала удалите эту женщину от трупа.

Мисс Томплинсон подняла на него такой свирепый взгляд, что он невольно отступил.

— Никто до него не дотронется! — заявила она резким голосом.— Никто, кроме меня! Он мой, и он всегда был моим, и все остальное только ложь!.. Грязная ложь!

Ненавидящий взгляд перешел на меня.

— Это все вы сфабриковали! Вы, лейтенант полиции! Вы придумали все эти подлости о моем маленьком сокровище и других девушках...

Она любовно спрятала голову Дикей в своих руках и стала раскачиваться взад и вперед.

— Да, да, мое сокровище, никто тебе не причинит бобо. Никто!

— Виллер,— сказал Лаверс с выражением отвращения на лице.— Сделайте что-нибудь!

Я ничего не сделал, но ответил безразличным тоном:

— О! Как я рад, что вы здесь! Чтобы подтвердить наличие трупа, пока доктор Мурфи не заставит его исчезнуть!

Ханлон засмеялся, но сразу же спохватился, почувствовав на себе маленькие глазки Лаверса.

Я сделал шаг к мисс Томплинсон, и она оскалила на меня зубы.

— Вы не дотронетесь до него!

— Почему? Все кончено, Лиззи... Идите, Лиззи Борден!

Она издала резкий крик и рывком вскочила на ноги, забыв про труп Дикей.

Его голова ударилась об пол, револьвер выпал из руки и заскользил по натертому паркету.

Мисс Томплинсон приближалась ко мне в позиции коршуна настороже: с вытянутыми вперед руками и растопыренными пальцами.

— Это правда, не так ли, Лиззи! — тихо проговорил я.— Правда то, что рассказывали маленькая Крег и маленькая Риттер. Вы им не хотели верить. Это ведь так?

— Они лгали,— проскрежетала она.— Они рассказывали мерзости, пакости про моего бедного Аугустуса. Я предостерегала их, я им сказала, что с ними случится, если они будут продолжать свое свинство; и они стали называть меня Лиззи Борден!

Я проговорил равнодушным тоном:

— И естественно, вы решили заставить их молчать.

— Это необходимо было сделать. Я совершенно не могла выносить их вранье. Аугустус был неспособен сам защищаться...

Улыбка внезапно осветила ее лицо, улыбка маленького ребенка, который наконец получил любимое им лакомство.

— Я знала о ножах Пиерса,— продолжала она.— Не трудно было найти предлог и войти к нему в комнату. Мне почти сразу же удалось спрятать один из ножей в чулок...— Она покраснела.— Простите меня, я не должна была говорить такое: здесь много мужчин... Когда в первый раз погас свет, я колебалась и не смогла этим воспользоваться, но во второй раз я была уже готова!

— А иллюзионист?

— Этот-то! — презрительно протянула она. — Я уже видела его идиотский номер с гильотиной, которая никого не режет, и с его ножами, которые не вонзаются в спину.

— Видимо, вы позаимствовали у него один.

— Да, лейтенант, — охотно ответила она, превратившись в маленькую девочку, которая старательно отвечает свой урок. — Я взяла один у его помощника. Потом я оглушила иллюзиониста. — Она немного посмеялась. — Профессиональная спортсменка должна быть на высоте во всех ситуациях... Я вставила ему фальшивый нож в спину. А прежде чем убежать, позвонила маленькому смешному легавому в очках и сказала грубым голосом, что я лейтенант Виллер. Думаю, что я хорошо симитировала голос, потому что он мне поверил.

Она снова стала хихикать.

— А потом?

— Потом было ребячество. Я знала: полицейские, решив, что волшебник мертв, не будут знать, что им делать; и я спокойно отправилась свести счеты с маленькой Риттер. Хитро?..

— Вы умная женщина, — признал я. — А потом вы вернулись в гимнастический зал?

— Мне хотелось посмотреть, что же произошло. Никто не удивился бы, увидев меня там, ведь я профессор физической культуры. И должна сказать, я твердо верю, что холодная ванна с физическими упражнениями — самое лучшее средство физической культуры. И я должна еще сказать...

Я постарался прервать этот поток.

— Да, это гимнастика. Что же произошло в гимнастическом зале?

— Все ушли, оставив бедного Мефисто на коне, — она снова засмеялась. — Я подумала, что эта шутка может быть еще смешнее. Я сняла Мефисто с коня, засунула его в большой сундук и закрыла крышку.

Она посмотрела на реакцию окружающих, и, так как никто не стал аплодировать, ее улыбка сползла с лица.

— Это очень хорошо придумано, — осторожно проговорил я. — А Аугустус?

Я бросил взгляд на труп, лежащий на полу.

— Вы хотите, чтобы поверили в самоубийство?

— Я думала об этом, — ответила она доверительным

тоном, — но теперь я считаю, что не стоит труда утверждать это. А вы как думаете?

— Я тоже так думаю.

— Нет! — Она энергично покачала головой. — Не стоит труда.

— А как насчет шантажа? Он должен был принести вам хорошую сумму?

— Пятнадцать тысяч долларов, — с гордостью ответила она. — Нам они были очень нужны, понимаете, раз мы собирались пожениться: Аугустус и я.

— Разумеется. Насколько мне известно, вы никогда не были в Балтиморе?

— Нет, никогда. Я сожалела об этом, потому что Балтимор, вероятно, прекрасное место. Совершенно потрясающее!

— Значит, сообщница рассказала вам о неприятности, которая произошла там с мисс Баннистер?

— Да... это она. Это она дала мне вырезки из газет. Я была очень честна с ней, она получила ровно половину: пятнадцать тысяч долларов, как и я.

— Вы должны поприветствовать ее, — сказал я осторожно, — раз она пришла сюда повидать вас.

— Вот это хорошая мысль.

Она поблагодарила меня взглядом, потом стала рассматривать тех, кто сгруппировался у двери. Через несколько секунд она облегченно вздохнула.

— Хелло, Каролина! Я тебя совсем не вижу! Можно подумать, что ты прячешься за спиной мистера Пьерса! Я почувствовал, что с меня хватит.

— Ладно! — сказал я и взял ее за руку. — Теперь мы можем отправляться.

Она отступила.

— Не дотрагивайтесь до меня, — холодно проговорила она. — Аугустус не вынесет этого. Мой жених очень ревнив. Сам он никогда не позволит себе бросить взгляд на другую девушку и требует того же от меня. Я не обману его.

Смеясь, она любовно посмотрела на труп.

— Аугустус!.. Посмотрите на него, он как ребенок забавляется на полу. Пойдем, Аугустус, пойдем!

Она зарыдала и, резко повернувшись, оказалась точно напротив меня.

— Он умер! — дико закричала она. — Вы насмехались надо мной! Он умер уже давно: я хотела, чтобы это приняли за самоубийство, но вы все испортили!

Она бросилась ко мне, целясь ногтями прямо в глаза. Подошел Полник и ударил ее по шее ребром ладони. Несложный прием и неопасный. Он подхватил ее, не дав приземлиться.

13

Лаверс посмотрел на меня, качая головой.

— Вам невероятно повезло, Виллер. Без этого...

— Я недавно говорил Полнику, что мы слишком привыкаем к ремеслу флика. Рутинна нас поглощает, и мы часто не в силах понять простых вещей. Я сразу же раскрутил историю с шантажом и автоматически решил, что она является явной или скрытой причиной обоих преступлений. Я забыл про чувства, элементарные чувства, например ревность! Что она может сделать с женщиной, переполненной комплексами! Довольно было маленького толчка, чтобы она вышла из равновесия и перешла к крайностям.

Лаверс глухо что-то пробубнил себе под нос.

— А почему это упоминание о Лиззи Борден сделало ее такой болтливой?

— Интуиция... и просто удача. После моей конференции, то есть вашей, встала Жоан Крег и задала мне вопрос о том, можно ли оправдать Лиззи Борден. На первый взгляд это была шутка. Но в ее комнате я увидел пластинку, на которой была записана песенка о Лиззи Борден. Мне уже было известно, что девушки хвастались своими свиданиями с Дикеем. И я подумал, не делали ли они этого и в присутствии мисс Томплинсон. Я полагаю, что эта ненормальная рассердилась до крайности и стала угрожать им, а девочки стали ее все время дразнить Лиззи Борден. Вопрос Жоан Крег был шуткой, но шутка оказалась очень опасной.

Лаверс посмотрел на свои часы и проворчал:

— Семь часов! Начался другой день! Нам лучше всего уехать, раз все дело завершено. Мне не терпится повидать прокурора и сказать ему, чтобы не расстраивался из-за этого дела.— Он встал.— Отдохните сегодня, Виллер. Вы, должно быть, измучились.

— Спасибо, шеф. А Полник и Слад?

— Тоже. Они совсем забегались. Можно вас подвезти в город? Но нет... ведь вы приехали сюда на вашем смертоносном автомобиле.

Все вышли, и я закурил сигарету. Через несколько

секунд в кабинет вошла мисс Баннистер и, увидев меня, замерла на месте.

— Я считала, что все уехали.

— Я тоже немедленно уеду.

— Полагаю,— беззвучным голосом проговорила она,— что я должна была поблагодарить вас: вы обнаружили, что моя младшая сестра занималась шантажом. Но это страшно для меня мучительно.

— Я понимаю.

— Я закрою колледж. Было бы абсурдно продолжать.

— Я понимаю.

— Десять минут назад уехал мистер Пиерс. Кажется, он уехал на север.

— Вы увидите его.

— Не на этом свете! — Она обошла вокруг письменного стола и села в свое кресло. Потом посмотрела на меня.

— Вы прекрасно понимаете, что я не могу выйти за него замуж. Он мне изменял так же, как Дикей изменял мисс Томплинсон. Мне еще повезло, что мисс Томплинсон убила своего жениха. Это могла сделать и я. Вы знаете, что шансы были более или менее одинаковые, не так ли?

— На весах вы оказались легче. Я смутно подозревал мисс Томплинсон. Она была слишком усердной. Например, тогда, когда вы потеряли сознание... Она боялась что-либо пропустить из происходящего. А ее энтузиазм, а ее стремление поговорить со мной! Она пыталась не мытьем, так катаньем вытянуть что-нибудь из меня.

Мисс Баннистер согласно кивнула головой.

— Очень интересно. А теперь, я надеюсь, что вы извините, у меня много дел.

Я посмотрел в окно.

— У меня день отдыха,— сказал я.— Стоит прекрасная погода. Солнце встало. Вы не хотели бы воспользоваться этим?

Мисс Баннистер поднялась и с такой силой оперлась руками о край стола, что суставы пальцев побелели.

— Лейтенант Виллер,— тихо проговорила она.— Двенадцать часов назад я ничего о вас не слышала. А в течение этого времени вы разрушили мой колледж, вы превратили любовь в ненависть. Вы обнаружили, что моя сестра — это маленькая змея, которой я никогда больше не скажу ни слова...— Ее голос сорвался.— Теперь у вас

хватает наглости предлагать мне провести с вами день! — Она гордо выпрямилась. — Лейтенант Виллер, я не пойду с вами, даже если вы будете последним мужчиной на земле. Вы можете умирать от жажды, и здесь, в этот момент, я не дам вам напиться. Единственное, что я хочу от вас, это чтобы вы как можно скорее ушли отсюда. Я ненавижу вас до глубины души! — Она прерывисто дышала. — Надеюсь, что вам ясно?

Все было ясно...

Я закрыл в последний раз эту дверь и направился к выходу.

Я сел за руль своего «ягуара» и сунул ключ в замок зажигания.

— Простите меня, — произнес голос.

Я увидел рыжую куколку, которая так мало была похожа на ребенка.

— Все что вы хотите, — сказал я.

Ее улыбка была ободряющей.

— Я подумала, если вы едете в город, может быть, вас не затруднит подвезти меня?

— Никаких затруднений. Влезайте!

Она устроилась рядом со мной. Должен сказать, что у спортивных машин есть преимущество: если к вам села девушка в короткой юбке, то ее колени всегда в центре внимания.

Рыжая девушка и я рассматривали эти колени с одинаковым интересом.

— У них есть ямочки, — сказал я.

Она была в восторге.

— Вы находите? Я рассчитывала на это.

— А что вы собираетесь делать в городе? — спросил я, запуская мотор.

— Я обожаю шум мотора!.. В городе? Я еще не знаю. Сегодня утром я почувствовала себя очень одинокой и решила подарить себе день отдыха.

Я на первой скорости проехал аллею, потом переключил на вторую: шестьдесят пять километров в час. Выехав на шоссе, перешел на третью скорость — сто десять километров в час, потом выжал газ до отказа.

— Получается так, — сказал я, — что я тоже свободен сегодня. Какое счастливое совпадение!

Путер Чейни

Ядовитый Плющ

Шифровальный отдел

Заместителю директора
отделения Федерального бюро
расследований в штате
Небраска.

Для передачи специальному
агенту Лемюэлю Г. Кошену.

От директора
Федерального бюро
расследований Соединенных
Штатов Америки.

*Департамент юстиции,
Вашингтон*

ОПЕРАЦИЯ-42-73-36

Специальному агенту Лемюэлю Г. Кошену предлагается немедленно выехать в Нью-Йорк для установления тайной связи со специальным агентом ФБР Мирасом Дунканом из Чикаго, от которого Кошен получит дальнейшие инструкции.

Специальному агенту Кошену надлежит назваться именем Перри Чарльза Райса, торговца акциями из Мэзон-Сити, штат Айова.

Место свидания с Мирасом Дунканом — ресторан «Мокси», Уэстерфронт, Нью-Йорк.

Дункан будет принимать участие в этой операции под именем Харвеста В. Мелландера, богатого промышленника из среднезападных штатов, приехавшего в Нью-Йорк развлечься. Его особые приметы: на правой руке нет верхнего сустава мизинца. Особые приметы специального агента Кошена: шрам от пореза бритвой на левой ладони.

Необходимые суммы следует получить в местном отделении ФБР. Выехать немедленно. Прочсть. Запомнить. Уничтожить.

Глава 1.

Одного убрали

Ну и доволен же я, ребята. Должен вам сказать, что я никогда не был в восторге от бесцельного отсиживания в штате Небраска, а в последнее время стал даже побаиваться задревенеть в этой глуши до такой степени, что у меня на голове вместо волос начнет расти мох.

Но я полагаю, не мое дело обсуждать распоряжения нашей главной конторы. Впрочем, если вникнуть хорошенько, вероятно, они нарочно забросили меня подальше, чтобы хоть немного поулегся шум, который я поднял вокруг дела Миранды ван Зельден.

Кажется, меня ожидает нечто весьма интересное, потому что, если для связи со мной в Нью-Йорк вызвали из Чикаго самого Мираса Дункана, значит, будет настоящая работа, не для молокососов, ведь Дункан входит у нас в число козырных тузов, а сколько у него медалей за успешные ликвидации шаек гангстеров и прочие подобные дела, вы себе и представить не можете.

Я считаю поезд замечательным местом для размышлений. Всю дорогу от Небраски до Нью-Йорка я сидел, развалившись в мягком кресле, и давал волю своим мыслям. Многие ребята называют работу джимена (Агент Федерального бюро расследований, разг.— *Прим. ред.*) дурацкой. Может, быть, Но, с другой стороны, кому как,

Вот если вы такой парень, как я, который любит приключения, переделки разные, то для вас наша работа великая вещь, если, конечно, вас первого не пристрелят где-нибудь из-за угла. А интересно было бы знать, что теперь ожидает Лемми Кошена и что еще приключится с ним до того, как он вручит апостолу Петру входной билет и полный отчет о своей земной деятельности.

Я приехал в восемь часов. Получил багаж, отправился в отель в западной части города, на 23-й улице, где меня совсем не знали, и зарегистрировался там как Перри Ч. Райс. При этом я немного поболтал с дежурными, всячески стараясь произвести на них впечатление неотесанного провинциала, который считает, что Нью-Йорк ничего себе местечко, только уж слишком большое.

Потом я принял ванну, достал из чемодана смокинг, именно того покроя, который бы носил такой парень, как Райс, и пошел прогуляться по городу. По дороге забрел в какое-то заведение, выпил немного виски, а часов в десять поймал такси и покатил в «Мокси» на Уэстер-фронт.

Погребок «Мокси» — обычная забегаловка такого сорта. Раньше я ее не знал, потому что вообще плохо знаком с Нью-Йорком: мне нечасто приходилось здесь работать и, вероятно, поэтому теперь выбор пал именно на меня. На набережной полным-полно подобных погребков, где вы можете получить в неограниченном количестве отвратительный самогон и вообще все, что угодно, включая расколотый черепок и бесплатное купанье в Ист-Ривере с железным утюгом на шее.

Когда я спускался по ступенькам, довольно подозрительные парни у входа окинули меня взглядом с головы до ног, но не выразили при этом никакого удивления, из чего я понял, что им и раньше приходилось видеть людей в смокингах. В одном из углов бара над стойкой возвышался громадный детина, которого, я слышал, называли Мокси. Я заказал у него одну ржаного чистого, и мне показалось, что он и сам не прочь составить мне компанию. Я оказался прав. Он охотно ко мне присоединился. Тогда я начал плести всякую чертовщину относительно прелестей жизни в Мэзон-Сити, где отлично поставлено производство кирпичей и сахарной свеклы, и к концу моего рассказа у присутствующих ребят сложилось обо мне совершенно определенное мнение как о

такой неотесанной деревенщине — что у меня того и гляди из ушей начнет расти папоротник.

Наконец минут через двадцать в заведение с приветливой улыбкой ввалился довольно полный парень среднего роста. На нем был отличный серый костюм, а в галстук огромная булавка. Правой рукой он держался за пройму жилета, и я увидел, что на мизинце у него нет верхнего сустава. Как вы понимаете, без особого труда я догадался, что это и есть Мирас Дункан, мой коллега, другими словами, мистер Харвест В. Мелландер.

С ним пришли две дамы. Было похоже, что он разыгрывал из себя провинциала, попросившего этих красоток познакомиться его с городом. Они сели за столик, но тут подоспел какой-то тип и девочек увел.

Все это время я спокойно сидел. Просто сидел.

Вскоре этот самый мистер Харвест В. Мелландер какой-то величавой походкой подошел к бару — он вообще изображал из себя важную персону, — заказал порцию ржаного, а когда начал пить, пристально посмотрел на меня и чуть заметно улыбнулся.

— Слушай, паренек, — обратился он ко мне, — случайно твое имя не Райс? Ты не из Мэзон-Сити?

Я посмотрел на него, сказал «да» и спросил, откуда ему это известно. Тогда он объявил, что сразу меня узнал, потому что когда-то, проезжая по нашему городу, разбил свою машину, а я пустил его к себе переночевать.

Тут я разыграл великолепную сцену встречи со старым знакомым, и мы начали заказывать по этому поводу бесконечное количество спиртного и угощать всех присутствующих. Примерно через час мы до того накачали всю компанию, что в поднявшемся шуме и гвалте никто не обратил внимания, как мы с Мирасом, захватив с собой бутылку, смылись к столику, стоявшему в дальнем углу зала, при этом продолжая довольно громко распространяться о событиях той ночи, когда он у меня ночевал.

Потом я показал ему свою левую ладонь, чтобы он мог увидеть шрам, которым меня четыре года назад отметил один гангстер. Он налил мне еще стаканчик и сказал:

— Хорошо, приятель. Теперь слушай. Нам с тобой предстоит гоняться за химерой, за некой фантазией, если хочешь, ибо, поверь мне, работа столь деликатная, что никто ничего о ней не знает, включая и меня. Полагаю, тебе тоже ничего не известно?

— Ты чертовски прав,— сказал я ему и нарочно громко икнул.— Мне ничего не известно, Харвест. А в чем суть? Кто-то собирается убить президента?

Он закурил сигару. Надравшиеся посетители так орали, что мы без опаски могли разговаривать о своем.

— Ну, до этого еще не дошло, однако дело очень серьезное. В ФБР поступили сведения, что готовится похищение золотых слитков, которые на будущей неделе должны быть отправлены в Саутхемптон, в Англию. Как это будет сделано, в Бюро неизвестно, там просто откуда-то узнали, будто кто-то что-то намеревается предпринять. А тебе надо выяснить, кто именно и что именно. Понял? Собственно, я приехал только для того, чтобы рассказать какие-то крохи; через пару дней я испарюсь, и тебе придется заняться этой работенкой одному. В Бюро считают, что тебя несколько подзабыли в этих краях, потому ты и здесь.

Я закурил и подлил себе виски. А дельце мне, кажется, по вкусу.

— Слушай, Харвест,— сказал я,— а откуда все это выяснилось? Может быть, это пустые бредни здешней полиции? Может, они недавно фильм посмотрели о похищении золота?

Он улыбнулся.

— Мне тоже сначала так казалось. Только это, к сожалению, неверно. Дело вот в чем. Как-то в одну прекрасную ночь в одном не менее прекрасном заведении произошла потасовка и какому-то парню от души вlepили по роже бутылкой виски «Уайт Рокк». Как сам понимаешь, ему от такого удара стало нехорошо, он потерял сознание и так в него больше и не приходил.

Но между прочим, его отвезли в больницу, и там в бреду он начал высказывать кое-какие идеи. Бормотал о золотых слитках. Причем выдавал довольно подробные сведения, например о количестве переправляемого золота, знал он и название судна, на которое оно должно быть погружено, все распоряжения казначейства по этому поводу и прочее. А откуда у него такая информация — установить не удалось. Нью-йоркский джимен Карсон записал весь этот бред, после чего парень отдал концы. И что мы с этого имеем?

— Да, конечно, немного для начала,— согласился я.— Ну а еще что известно?

— Это все,— ответил он.— Больше сказать нечего. Я здесь уже несколько дней и все пытаюсь наладить хоть

какие-то связи с местными гангстерами, хоть что-то разнюхать об их делах, но пока ничего не получилось. Ты же знаешь, что в городе только пятеро достаточно крупных преступников, которые бы могли решиться на кражу золотых слитков стоимостью около десяти миллионов долларов. Думаю, тебе сейчас следует разыскать этих ребят и любыми способами втереться к ним в доверие: разыграть из себя простачка, продуть деньги или что-нибудь подобное. Короче говоря, необходимо войти с ними в контакт.

Тут он достал из жилетного кармана зубочистку и принялся довольно активно орудовать ею. Потом, видимо что-то вспомнив, улыбнулся мне и сказал:

— Да, слушай, я тебе сейчас объявлю кое-что очень интересное. Как только Карсон сообщил обо всем в Бюро, меня назначили на эту работу. Я подобрал трех хороших копов и решил с их помощью заняться расследованием. Так что же ты думаешь? Мак-Нейла, между прочим отличного парня, убили около Бруклинского моста. Второго, Фанрона, тоже очень ученого копа, выловили в Ист-Ривере, причем в его непромокаемый кисет была засунута записка: «Заходи к нам опять». Третьего огрели по башке дубинкой, так что он, не успев опомниться, отдал богу душу. Ну, что ты на это скажешь?

Он замолчал, так как в подвальчик ввалилось еще несколько ребят, и некоторые из них близко подошли к нашему столу.

— Прекрасно,— сказал он и нарочно так громко икнул, что его можно было услышать по крайней мере за целую милю.— Теперь так: тут на меня работает пара человечков, не копов, а просто обыкновенных людей, любителей. Давай сегодня около часа ночи встретимся в ресторане Джо Мадригала, может быть, там я тебе кое-что покажу.

С этими словами он крепко пожал мне руку и вальсировал из погребка.

А я остался посидеть еще немного, чтобы спокойно все обдумать, ведь насколько я понимал, мне предстояла нелегкая работенка, вроде поисков иголки в стоге сена. И в то же время Мелландер совершенно правильно отметил, что сейчас в Нью-Йорке осталось на свободе только пять таких гангстеров, у которых хватит нервов и организованности, чтобы провернуть это дело. По-моему, он дал мне совершенно правильный совет: любыми способами втереться в их компанию, а там, может быть, удалось бы

случайно наткнуться хоть на маленькую зацепочку, с которой начнет распутываться эта история.

Я всегда придерживался мнения, что в любом случае не следует, так сказать, напрашиваться на неприятности, нужно спокойно выжидать, пока они сами свалятся тебе на голову. Уверяю вас, многим ребятам приходилось раньше срока прибегать к помощи восстановителя для волос только потому, что они начинали волноваться и нервничать преждевременно. А потом, я уже достаточно долго занимаюсь такой охотой, чтобы переживать по поводу нового задания.

Единственное, отчего я мог сейчас огорчаться,— мой славный друг мистер Мелландер смылся, оставив меня расплачиваться по счету, который, как вы сами можете догадаться, был довольно кругленьким, так что мне пришлось доставать крупную ассигнацию и долго дожидаться, пока парень, обслуживающий мой стол, бегал ее разменивать. Я воспользовался этим для новых размышлений.

Я думал: какое бы тут ни было дело, это все-таки перемена в жизни, да и работенка, похоже, такая, что придется запустить мой мыслительный механизм на полный ход. В мечтах я уже осыпал себя букетами цветов за успешное завершение операции.

Но, вернувшись на грешную землю, я вспомнил, что не только еще не выполнил задание, а даже и не принимался за него и в ближайшее время имею все шансы заработать либо избитую гангстерами морду и штопаный саван, либо выговор от начальства. И будет гораздо лучше сейчас проявить максимальную осторожность.

Несмотря на мрачные думы, я, получив наконец сдачу, решил, что Нью-Йорк все же очень милое местечко. И говорят, здесь масса роскошных девчонок, а они как раз интересуют меня больше всего на свете и в любое время, если, конечно, это не мешает текущей работе.

После этих рассуждений я отчалил, вернулся в отель, лег в постель и начал серьезно обмозговывать дело с золотыми слитками. По-моему, здесь все очевидно: где-то завелся предатель, ведь к бандитам просачиваются официальные сведения. К этому выводу я пришел на том основании, что трое копов, которым поручили все разносить, были убиты. Причем я не особенно удивляюсь этому, ибо часто замечал: когда полицейские хотят провести какое-нибудь расследование, они вступают в контакт со слишком многими людьми и так широко раскры-

вают рот по поводу выясняемых обстоятельств, что слухи доходят до самих гангстеров, которые немедленно начинают тренироваться в стрельбе, используя в качестве мишени каркас не в меру разболтавшегося копа.

Вот почему и была создана организация джименов. В наших правилах говорится, что нам полагается работать в одиночку, не связываясь с копами, за исключением особых ситуаций, когда мы должны это делать, и все равно, поверьте мне, ребята, мы этого не делаем, разве только в случаях, когда слово *Должны* пишется с чертовски большой буквы. У нас работают самые разные парни, самых разных классов, и практически вся страна охвачена джименами. Есть они и среди адвокатов, и среди артистов, а иногда их посылают в какую-нибудь темную компанию, чтобы они немного обжились, вошли в доверие и потом помогли бы ее ликвидировать. Словом, наши ребята работают везде, даже в таких местах, о которых бы вы никогда и не подумали.

Должен сказать, я был ужасно доволен, что именно мне поручили это дело, потому что совершенно точно оно обещало быть очень крупным. Да и начальство собиралось отозвать Мираса Дункана, дабы все целиком возложить на меня. Что же, видно, там, наверху, меня весьма высоко ценят за то, как я в Англии провернул вместе с английскими копами дело Миранды ван Зельден.

И тут я предался воспоминаниям о Миранде, об этой роскошной штучке. Поверьте мне, у нее была такая фигура, которая могла бы произвести впечатление даже на слепого. И я подумал: а с какими девчонками придется встретиться теперь? Попадется ли мне хотя бы одна достойная, когда я буду втираться в компанию бандюг, собирающихся стибрить золотые слитки?

Уж такой я человек: ужасно люблю женщин! Должен вам сказать, они очень интересные создания. По работе мне приходилось сталкиваться с самыми разными дамочками, и я заметил, что в девяти случаях из десяти, если вы поведете с ними правильную линию, они выболтают все вас интересующее прежде, чем успеют сообразить, что слишком широко раскрыли свой очаровательный ротик. Помню, у меня был случай в Миссури с подружкой одного гангстера. Так вот, эта крошка трепала мне о своем дружке только потому, что ей очень нравилось, как сверкали мои белые зубы, когда я во весь рот зевал, слушая ее рассказ.

Вот так-то.

Я взглянул на часы. Половина первого. Пора было двигать на свидание с мистером Харвестом В. Мелландером в ресторан Джо Мадригала, который находился в десяти минутах езды от моего отеля. Прежде чем отправиться в путь, я устроил совещание сам с собой относительно того, брать пушку или нет, потому что пользы от Лемми Кошена без люгера под мышкой ровно столько же, сколько для правоверного раввина пользы от соленой свинины, особенно если вспомнить, как эти мальчишки поступили с тремя копами. Но, поразмыслив хорошенько, я решил, что такой парень, как Перри Чарльз Райс, вряд ли пойдет в ресторан с револьвером, поэтому люгер я оставил, и, учтя последующие события, вы убедитесь, что Перри Райс, или, другими словами, Лемми Кошен, поступил исключительно разумно.

Была потрясная ночь, а так как на дорожку я подзаправился небольшой дозой виски да еще страшно гордился тем, что получил такое серьезное, так сказать «золотое», задание, то чувствовал себя как игрок, заграбаставший в покере фантастический банк, поскольку олухи-партнеры забыли «просчитать» его карты.

Вскоре я подошел к заведению Джо Мадригала, которое называлось клубом «Для избранных», что показалось мне очень милой шуткой, так как этот самый Джо Мадригал, по происхождению грек, был, вероятно, одним из тех знаменитых сорока разбойников, если только истории о нем соответствовали действительности.

Правда, его клуб оказался классным: он походил на ночные клубы, которые вы обычно видите в кинокартинах, только выпивка здесь была настоящая. Через позолоченный вход проходите по широкому коридору, затем поднимаетесь на несколько ступенек, проникаете через несколько дверей и в комнате направо сдаете свою шляпу. Перед вами вновь открывается широкая лестница, затем танцзал со столиками вокруг и справа сцена с опущенным занавесом. Налево, примерно посередине зала, маленький тупичок и там — несколько телефонных будок. Направо, около двери, бар с парой барменов в нарядных белых куртках. А справа от сцены место для оркестра, рядом с которым небольшая дверца. Когда я вошел, оркестр наяривал классную ритмичную мелодию, услышав которую, сам Карузо захотел бы стать танцором.

Я направился к бару, и только хотел открыть рот, чтобы произнести: «Ржаного», как вдруг на другом конце зала увидел некоего парня. Что-то в нем показалось мне знакомым, и хотя он был здорово на взводе, довольно прилично держался на ногах. Взглянув на него еще раз попристальнее, я вспомнил, что это Джерри Тарнан, репортер «Чикаго ивнинг сан», и меня даже в дрожь бросило, потому что он знал меня как Лемми Кошена. Надо было срочно предупредить его не распространяться обо мне.

Кстати сказать, этот Джерри Тарнан правильный человек: я пару раз прибегал к его услугам. Он умеет моментально доставать нужные сведения, которые было бы нежелательно проверять официальным путем. Парень он умный и способен держать язык за зубами, поэтому я расхлябанной походочкой направился к нему и подоспел как раз вовремя, чтобы подхватить его, так как он чуть не свалился со стула.

— Слушай, Хмельной,— сказал я ему,— ну-ка, приди на минутку в себя и поздоровайся со своим старым другом Перри Чарльзом Райсом, который приехал сюда из Айовы по делам своей верной доброй лавочки, торгующей акциями. Надеюсь, ты не настолько пьян, чтобы не понять мои слова?! А, дружище?

И представьте себе, хотя Хмельной здорово накачался,— между прочим, этот парень всегда под мухой, я его знаю уже несколько лет и ни разу еще не видел трезвым,— так вот, несмотря на то что он здорово накачался, котелок у него варил нормально, потому что он понимающе взглянул на меня, улыбнулся и сказал:

— Черт возьми... никак это старина Перри... Что ты здесь делаешь? Ты, чертов сын? А как поживает твой босс? Все еще торгуете акциями? Разреши-ка мне, Перри, угостить тебя двойной...

С этими словами он подхватил меня под руку и потащил к бару, где я предупредил его, что нахожусь здесь по одному дельцу и ему нельзя забывать, что я мистер Райс, иначе я приду в страшную ярость и насыплю ему полные штаны рыболовных крючков.

Потом я повернулся на крутящемся табурете и начал подробно рассматривать заведение Джо Мадригала. Роскошное местечко, доложу я вам, и, надо полагать, вложено в него немало. В зале было полным-полно посетителей, все они ели и пили, и все были людьми, привыкшими без счета сорить деньгами.

Непонятно, почему мой друг Харвест В. Мелландер избрал для нашей встречи именно это заведение и каким образом оно связано с делом, которым нам предстоит заниматься? Хотя чего же удивляться. Всем давно известно, что самые крупные мошенничества, убийства и грабежи берут свое начало вот в таких ночных клубах.

И тут я увидел нечто, от чего у меня перехватило дыхание по крайней мере минут на пять. Я увидел дамочку. Она вышла из маленькой дверцы около эстрады для оркестра, справа от меня. И хотя я на своем веку встречал классных женщин, такую девчонку мне еще видеть не приходилось.

Надеюсь, ребята, вы достаточно образованные люди и слышали о некой греческой даме по имени Елена и о том, как ее прекрасное лицо стало причиной гибели тысяч кораблей. Уверяю вас, ребята, лицо этой красотицы вполне могло послужить причиной гибели всех кораблей военно-морского флота Соединенных Штатов да еще пары подводных лодок в придачу. Высокая, походка королевская, а если бы Рип ван Винкль увидел ее фигуру, то решил бы, что все еще находится в волшебном сне. Лицо у нее было овальное и белое, как мрамор. А огромные жгучие глаза, как говорится, видели тебя насквозь и даже глубже.

Шикарная малышка!.. У нее был такой великолепный рот, что непременно хотелось взглянуть на него еще раз, чтобы удостовериться в его существовании.

Рядом с ней стоял парень. До того безобразный, что ему без лишней волокиты дали бы ученую степень в колледже для квазимодо. Уверяю вас, смотреть на него было ужасно неприятно, даже вроде как бы больно. Коротенький, толстый, с неживым, как пергамент, лицом. Он до смерти был чем-то напуган. Я на своем веку видел много испуганных людей, но ни одного до такой степени.

С минуту постояли они в дверях, как бы не зная, на что решиться. Потом, когда совсем уже было хотели сесть за один из столиков около эстрады, оттуда же появился еще один парень и присоединился к ним.

Это был высокий, стройный, красивый малый. Лицо у него было тонкое, но до того жестокое, будто он вот-вот собирается выдернуть у кошки все четыре лапы. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать: типичный звероподобный бандюга. Ну конечно, он был отлично одет и выглядел ослепительно. На манжетах у него сверкали

два огромных бриллианта, которые наверняка были куплены не в магазине «5 и 10 центов».

Он улыбнулся очаровательной даме и что-то ей сказал. Тогда она, в свою очередь, повернулась к квазимодо и тоже ему что-то сказала. Потом все трое развернулись и снова удалились в маленькую дверцу.

Меня эта компания очень заинтересовала, и я решил задать Хмельному пару вопросов о ней. Хмельного по праву можно было назвать «королем ночных клубов». Не было ни одного подобного заведения ни в Чикаго, ни в Нью-Йорке, в котором бы он не слыл своим человеком.

Не знаю, говорил ли я вам раньше, что Джерри Тарнан отличный репортер по криминальным делам. В газете у него полная свобода действий: он идет куда хочет и часто добывает такие сведения, что даже я с удовольствием пользуюсь ими в своей работе.

Я еще раз оглядел зал. Да, это действительно была потрясающая хибара. Народу набилось почти до отказа, торговля шла бойко, то и дело раздавались хлопки шампанского. Женщины выглядели прекрасно и танцевали, умело покачивая бедрами.

Хмельной стоял в конце бара, пил ржаное и о чем-то разговаривал с краснорожим парнем, который платил за его виски. Я отвел эту газетную ищейку в сторону и спросил, не знает ли он ту роскошную даму, что ушла сейчас в боковую дверь.

— Это Карлотта, Перри. Разве тебе не известна Карлотта? Что ж... надо будет вас познакомить, только побереги глаза, Перри, как бы она их тебе не опалила. Ты когда-нибудь слышал легенду о мотыльке и пламени? — Он отхлебнул значительный глоток виски. — Она чудо как красива, но, бог мой, до чего скверна! А как она поет, Перри!..

И тут он начал рассказывать, что Карлотта выступает в этом клубе, что имеет страсть какой горячий нрав и что парни всегда получают от нее по роже после того, как она с ними немного позабавится. Если верить Хмельному, — а я уже говорил вам, что он в курсе таких дел, — эта бабенка нечто вроде современной Клеопатры, считающей любого мужчину, если только его кошелек туго набит, неким заменителем Марка Антония. Хмельной рассказал мне еще по секрету, что этого паренька с физиономией квазимодо завсегдатаи ночных клубов зовут Вилли-простофиля.

У Вилли-простофили есть настоящее имя — Чарльз

Фрэн, но никто никогда и не думал так его называть. Сейчас он, кажется, по уши влюбился в Карлотту и из всех сил пыжится, чтобы добиться ее благосклонности.

Из слов Хмельного я понял, что Карлотта не прочь прикарманить квазимодовы наличные, которых, оказывается, гораздо больше, чем парень может потратить сам со своей куриной фантазией.

Я так заинтересовался местными сплетнями, что чуть не забыл о цели моего прихода, а именно — о свидании с Мирасом Дунканом, или, вернее, с мистером Харвестом В. Мелландером. Было уже двадцать минут второго, а мой друг все еще не появлялся. Опаздывал. Это меня крайне удивило, поскольку я не раз слышал, что он отличается необычайной точностью и всегда и всюду приходит вовремя.

Я посидел еще несколько минут, а потом решил позвонить и спросить в погребке «Мокси», где мы с Дунканом встретились, не оставлял ли он мне какого-нибудь поручения, ведь это было единственное место, где он мог меня найти. Я пошарил в кармане, нашел монетку и между столиками пробрался к левому коридорчику, в котором еще раньше заметил телефоны.

Коридорчик я внимательно осмотрел. Он был узкий, примерно пятнадцати футов длиной, в нем помещались три телефонные будки, покрашенные в кремовый цвет с позолотой, чтобы не нарушать ансамбль всего заведения. На окнах висели маленькие занавески-плиссе. Освещался коридорчик тремя лампочками в виде тюльпанов, по одной над каждой будкой.

Я пошел к самому последнему автомату. Надо сказать, пошел оттого, что два первых, один напротив другого, хорошо были видны из зала, а я не очень-то хотел засвечиваться, так сказать, привлекать к себе внимание.

Я заглянул в телефонную книгу, нашел номер «Мокси», приготовил монетку и открыл дверцу будки, но тут меня ожидал страшный удар.

Потому что как раз напротив дверцы, прислонившись спиной к стенке, с телефонной трубкой в руках и со съехавшей на один глаз шляпой, в луже крови на полу сидел не кто иной, как Мирас Дункан, или, другими словами, мистер Харвест В. Мелландер! Кто-то досыта накормил его, всадив три пули в упор, так что на его светло-сером костюме ясно вырисовывались обожженные порохом дырки.

Да. Что-то предстоящая работа начинала нравиться

мне все меньше. Ведь если Дункан умер, не у кого будет узнать дополнительные подробности, а кроме того, наверняка некие люди в этом заведении весьма недоброжелательно относятся к джименам. И, разделавшись с мистером Мелландером, они, очевидно, планируют устроить какую-нибудь пакость и мне.

Я закрыл дверцу, вернулся в бар, проглотил солидную порцию ржаного и начал думать. Потом пошел к девчонке, у которой оставил шляпу, и спросил, нет ли у нее картонки размером двенадцать на двенадцать дюймов.

Малышка оказалась очень славной. Она мигом клюнула на взгляд, которым я ее наградил, и засуетилась: вырезала дно картонной коробки и с улыбкой протянула мне вместе со шнурочком, который я предварительно попросил соответствующим тоном. Я вручил ей за хлопоты доллар и пошел в туалет, куда надо было подниматься по широкой лестнице. Там я достал авторучку и начал печатными буквами писать объявление на картонке. Потом в верхних углах прорезал дырки, продернул в них шнурок, завязал его бантиком, спрятал все сооружение под пиджак и вернулся в бар.

Проглотив еще одну порцию ржаного, я небрежно направился к телефонам. Бросив быстрый взгляд на крайнюю будку, я убедился, что мистер Мелландер все еще там и все еще абсолютно мертвый.

Я плотно прикрыл дверцу и на ручке повесил то самое объявление, которое с таким усердием рисовал в уборной. Объявление гласило: «Аппарат испорчен». Закрепив его, я снова пошел в бар и заказал очередную выпивку.

Потому что, кажется, дело обещало быть очень интересным!

Глава 2

Подарок для Вилли

Я, ребята, пришел к такому заключению, что здесь, в заведении Джо Мадригала, находился парень, которому было кое-что известно. Наверняка убийца Мираса Дункана знал, что тот работает по «золотому» делу, и, похоже, мне теперь также приходилось ожидать своей очереди.

Кроме того, в дело, очевидно, был замешан некто, имеющий доступ в самые верха. Вы ведь помните, как Дункан рассказывал мне, что, когда тот парень, из-за которого, собственно, и началось это расследование, разболтался в бреду, он проявил необычайную осведомленность в некоторых технических деталях отправки золотых слитков?

Но все это отнюдь не могло мне помочь, и, пожалуй, единственное, что следовало сейчас делать, это спокойно сидеть и дожидаться, пока что-нибудь само собой не выпрыгнет на сцену, хотя у меня вдруг появилось довольно трусливое предчувствие, что следующим эпизодом в этом спектакле будет меткий выстрел в мою грудь.

Интересно, сколько времени Мирас Дункан пролежал в этой будке? И когда его убили: до или после того, как он позвонил куда-то? Ведь если он все-таки пошел звонить мне и если ему это удалось прежде, чем получить пулю, то у Мокси меня ожидало от него какое-то сообщение. Значит, нужно было сейчас же связаться с Мокси и спросить, не передавал ли кто-нибудь какое-нибудь поручение для мистера Райса, но из соображений безопасности я решил озадачить этим Хмельного, чтобы не болтаться по укромным местечкам, где меня легко могли пристрелить.

Так я и сделал: подошел к Хмельному и попросил его позвонить Мокси и узнать, не было ли какого-нибудь поручения для мистера Райса. Он сказал «отлично» и удалился, нетвердыми шагами обходя столики с левой стороны танцплощадки, останавливаясь то у одного, то у другого, чтобы переброситься парой шуточек со своими знакомыми. Я видел, как он вошел в коридорчик с телефонами и направился не к ближайшей из будок, которые отсюда были видны, а к третьей, последней, стоявшей в самом конце. Правда, вскоре он вернулся к первой будке, и я облегченно вздохнул, ибо наверняка объявление «Аппарат испорчен» он прочитал и дверцу не открыл.

Так или иначе, мое поручение он выполнил, объяснил, что Мокси никто не звонил и меня не спрашивал, и, заявив, что у него где-то назначено свидание и ему нужно уйти, выразил желание узнать, где я остановился, дабы зайти ко мне потом выпить. Затем он опрокинул еще стопочку и слинял.

Минуты через три после этого оркестр умолк, только барабан продолжал выбивать жуткую дробь, а свет на-

чал постепенно меркнуть. Потом зал погрузился в темноту: все люстры были выключены, лишь от отдельных бра, тут и там разбросанных по стенам, на ближние столики падал слабый свет. Прожектор выхватил занавес. Он раздвинулся, и за ним в неопишемом черном платье, будто она была в него влита, возникла Карлотта. Черт возьми, и где я раньше был? Почему до сих пор не встретился с этой дамой?

И Хмельной оказался прав, утверждая, что малышка умеет петь. Уверяю вас, большая часть олухов, сидевших в этом зале, слышала на своем веку множество всяких певиц, но когда эта начала выдавать им медленный суинг о том, как она все время ищет любовь и никак ее не найдет, все присутствующие так и замерли с открытыми ртами.

Когда же она закончила припев после первого куплета и перешла ко второму, я уже думал, что мне следует заняться ею, только осторожно, чтобы случайно не обжечься, как меня предупреждал Хмельной.

Я решил, что после выступления она присоединится к Вилли-простофиле, парню с лицом квазимодо,—он в одиночестве швартовался за ближайшим к Карлотте столиком,—и мне пришла в голову мысль завести знакомство с двумя ее провожатыми, поскольку отплатить за Дункана можно было, только разняюхав, кому именно. А кроме того, я вообще очень любопытный.

Поэтому я отошел от стойки бара и тихо, как на резиновых подошвах, начал пробираться к столику Вилли, держась у него за спиной. Я всячески старался не шуметь и не привлекать ничего внимания.

Когда Карлотта дошла до половины второго куплета, я был уже в десяти футах от Вилли-простофили, но его не видел, так как бра над его столиком около сцены не горело. И только я хотел чиркнуть спичкой, чтобы закурить сигарету, как послышалось «хлоп!». В своей жизни я не раз встречал этот звук. Это, конечно, могла быть и пробка от шампанского, если ее очень осторожно вытаскивали. Только сейчас к хлопку примешался еще легкий металлический стук. Я знал, откуда он происходит. Если выстрелить из оружия с глушителем, получится именно такое «хлоп!».

Как раз в это время Карлотта закончила припев после второго куплета и поклонилась, а в зале вспыхнул свет и раздались громоподобные аплодисменты. Но поверьте мне, они тут же смолкли, поскольку все увидели,

что кто-то аккуратненько уложил Вилли-простофилю на месте. Он валялся на своем столике, ударившись головой о вазу с цветами, красовавшуюся посредине. На белой скатерти и на салфетках растекалось, разрастаясь, красное пятно.

Я замер на месте, наблюдая за Карлоттой. Она и глазом не моргнула! Просто спокойно взглянула на то, что мгновением раньше было Вилли-простофилей, повернулась и ушла со сцены. Занавес опустили.

А на верхних ступеньках входа в танцзал я увидел Джо Мадригала. Он был здорово напуган.

— Леди и джентльмены,— проблеял грек,— прошу вас быть совсем спокойно, не двигаться и вообще ничего, пока не придут копы и захотят вас много спросить, потому что кто-то убить этот парень.

С этими словами он прикрыл за собой двойные двери и запер их на ключ.

Ну и гвалт поднялся в клубе!

Все что-то орали и толпились вокруг Вилли, стараясь разглядеть его получше. Многие дамочки делали вид, будто это их ужас как потрясло, но, надо сказать, такой вид они принимали, только вдоволь налюбовавшись кровавым зрелищем.

Я воспользовался этой дикой суматохой и потихоньку, за столиками, пробрался к маленькой дверце с правой стороны опустевшей эстрады для оркестра: музыканты тоже присоединились к посетителям ресторана и с любопытством разглядывали труп. Потом прошел сбоку, обогнул эстраду сзади и вышел в коридор с другой ее стороны. Здесь располагались артистические уборные. В самой крайней комнате дверь была полуоткрыта, и в щель пробивался свет. Похоже, это была уборная Карлотты. Из-за двери слышались голоса, и я мог бы держать пари, что там происходил разговор между Карлоттой и щегольски одетым парнем с жестоким лицом, который сегодня вечером беседовал на пороге с Карлоттой и Вилли-простофилей.

Я толкнул дверь, вошел в комнату и убедился, что был прав: Карлотта сидела перед туалетным столиком, повернувшись к мужчине, развалившемуся в кресле в углу комнаты с сигарой в зубах. Он взглянул на меня.

— Вам чего, дружище?

Я улыбнулся и начал:

— Извините, может быть, я не в свое дело вмешаюсь, но я просто проходил мимо, и мне показалось

странным, что вы вдруг устраиваете здесь совещание, когда в танцзале лежит убитый. Скажите,— я окинул обоих многозначительным взглядом,— скажите, этот мальчонка был вашим приятелем?

Она ничего не ответила, а он отбросил окурок и достал другую сигару. Все это время он смотрел на меня из-под полуопущенных ресниц.

— А почему бы вам, дружище, действительно не заниматься только собственными делами и не лезть в чужие? А? — сказал он. — Кажется, у нас свободная страна, не так ли? И мне хотелось бы знать, почему это вы подкрадываетесь и задаете неуместные вопросы? Между прочим, кто вы такой?

Я улыбнулся еще шире.

— Мое имя Райс, из Мэзон-Сити, штат Айова. А пришел я сюда потому, что мой приятель Джерри Тарнан, репортер, обещал представить меня этой даме. Он совсем уже было собрался это сделать, как вдруг вспомнил, что у него где-то деловое свидание, и исчез. А я подумал, почему бы мне самому не познакомиться? — Я взглянул на нее. — Привет, как поживаете, детка?

Она посмотрела на меня и заговорила. Забавно, но мне еще не приходилось встречать красивых женщин, у которых голос гармонировал бы с лицом и фигурой. Но Карлотта представляла собой приятное исключение, которое, кстати, не подтверждало никакого правила. Голос у нее был такой же изумительный, как и лицо. Он был как малиновый сироп, зато выражение ее глаз с сиропом сравнить было нельзя. Я ведь уже говорил вам, как они были прекрасны, но посмотрели бы вы в них сейчас: два огромных зеленых кошачьих глаза. Колючих глаза.

— Очень рада встрече с вами, мистер Райс,— сказала она,— но мне кажется, сейчас не совсем подходящее время для завязывания знакомства. И пожалуй, вам самому следует ответить на ряд вопросов, вместо того чтобы спрашивать о чем-то нас. — Она повернулась к своему гостю. — Я знаю этого молодого человека, Руди. Я все время следила за ним, пока пела. И видела, как он подходил сзади к Вилли. По-моему, он должен что-то знать об убийстве.

Руди взглянул на меня и улыбнулся.

— Может, ты и права,— сказал он. — Думаю, копы с большим интересом побеседуют с вами, мистер Райс.

Теперь я ему улыбнулся в свою очередь.

— Ладно,— сказал я,— не возражаю. Но только дело

пришить не так-то легко. Если вы кого-то застрелили, у вас обязательно должен быть револьвер, а револьвер — такая штука, которую я никогда с собой не таскаю. Ведь он... может выстрелить... даже из кармана... и убить кого-нибудь. Слушайте, малышка,— продолжал я,— если говорить о парне, лежащем сейчас в танцзале, то, скорее всего, его кокнули из дверей, ведущих за кулисы.— Я улыбнулся еще шире.— Между прочим, интересно, а у вас-то револьвер есть? — спросил я этого типа.

Тот встал.

— Слушай,— процедил он уже более сурово,— давай мотай отсюда! Никто тебя не приглашал, и ни у кого нет ни малейшего желания с тобой разговаривать. Давай уматывай, а то плохо будет! Вот если бы копы задавали мне какие-нибудь вопросы, я бы им охотно отвечал, но когда посторонние проявляют здесь излишний интерес, то они ведь могут и схлопотать.

Я помахал шляпой в сторону дамы.

— Отлично, детки. Мистер Райс не таков, чтобы совать свой нос туда, где его не ждут. Пока! Как-нибудь увидимся. И пожалуйста, не вздумайте сделать со мной то, чего бы я сам с собой не сделал.

С этой милой шуткой я повернулся и через маленькую дверцу снова проник в танцзал. Здесь всюду суетились какой-то лейтенант и четыре работника отдела по расследованию убийств, приставая ко всем с обычными в таких случаях вопросами, и, как только я появился в зале, лейтенант, чья фамилия оказалась Ресслер, сейчас же меня сцапал и настойчиво начал допрашивать. Очевидно, Джо Мадригал или кто-нибудь еще видел, как я потихоньку пробирался к столику Вилли-простофили, и посчитал меня убийцей.

Лейтенант довольно грубо наседавал на меня до тех пор, пока я не посоветовал ему успокоиться и быть полегче на поворотах, ведь если меня обвиняют в убийстве, то было бы неплохо сначала показать револьвер, из которого я мог бы выстрелить. Вот если бы он стал задавать вопросы вежливо и спокойно, может быть, я ему кое-что и сказал бы.

Тогда он поинтересовался, где я был сейчас. Я ответил, что уходил перекинуться парой словечек с мисс Карлоттой, поскольку подобные красотки не так-то часто встречаются, особенно в Мэзон-Сити. Потом я указал ему на дверцу сбоку эстрады и объяснил, что Вилли-простофилю запросто мог ухлопать человек, который

вышел оттуда, так как эта дверь, пока Карлотта пела, была в темноте.

На это лейтенант сказал, что, когда ему понадобится мой совет, он ко мне обратится. А я огрызнулся в том смысле, что мне-то, собственно, безразличны их дела и что я просто очень люблю читать детективные романы и разбираться в них.

Как раз в это время Карлотта и парень, которого она называла Руди, вышли в зал, и лейтенант метнулся к ним.

Короче говоря, после длительных допросов и расспросов этот коп, который, кстати, оказался неглупым парнем, установил, что кто-то, находившийся от Вилли на расстоянии примерно пятнадцати футов, угостил его пулей, и теперь коп считал необходимым всех людей, размещавшихся тогда в этом радиусе, включая и меня, забрать с собой в Главное полицейское управление для небольшой дружеской беседы.

Карлотту и ее дружка Руди он внес в список и пригласил с собой потому, что считал их поведение несколько странным: они ведь сразу после убийства удалились за кулисы, а не остались вместе со всеми.

Пока этот малый разглагольствовал, я помалкивал, курил сигарету и все думал, обнаружит ли наконец какой-нибудь умник еще один труп, а именно — труп Мираса Дункана, или, другими словами, мистера Харвеста В. Мелландера, который все еще сидел в будке с телефонной трубкой в руке? И не сможет ли телефонная станция сказать, когда оттуда разговаривали в последний раз? Это бы дало приблизительное время убийства Мираса.

Мои мысли прервала полицейская машина. Всех нас собрали и отправили в Главное полицейское управление, где снова разыграли первоклассную сцену допроса. Так как я все это время стоял, наострив уши, то извлек для себя кое-какую пользу, другими словами, узнал некоторые сведения. Прежде всего, полное имя Карлотты оказалось — Карлотта де ля Рю, что наверняка было самой настоящей липой: звали ее как-нибудь вроде Лотти Хиггинс.

Ее приятеля звали Руди Сайлджери. Должен сказать, что во время допроса он держался спокойно, с достоинством, и вид у него был такой, будто он ни о чем не беспокоится.

Затем принялись за меня. Я назвался Перри Ч. Рай-

сом из Мэзон-Сити, штат Айова. Я, конечно, не был таким дураком, чтобы показывать им свою федеральную бляху или представлять оскорбленного джимена, так как это могло помешать мне в дальнейшей работе. Я искренне надеялся, что пройду этот допрос без зацепок и настоящего имени у меня не вытянут.

Карлотта и ее приятель Сайлджерри тоже должны были выпутаться из этой истории. Во-первых, все отлично видели, что она во время выстрела пела на сцене, а когда при свете обнаружилось, что Вилли убит, поскорее ушла за кулисы, так как боялась упасть в обморок. Во-вторых, у Сайлджерри было тоже железное алиби: парень, работающий осветителем, со своего поста видел, что дверь в уборную Карлотты была открыта и Сайлджерри сидел там, не выходя и во время выстрела.

Когда вся эта волынка с допросом начала мне надоедать, в комнату ввалился Хмельной, который где-то еще хлебнул виски и стоял на ногах только благодаря усилиям собственной воли и рук полицейских, поддерживавших его.

Он от кого-то услышал об убийстве, вернулся к Джо Мадригалу, узнал, что меня забрали в Главное полицейское управление, и ворвался сюда, чтобы объяснить Ресслеру, какой я отличный парень, честный и невинный гражданин, который только-только приехал в Нью-Йорк, а значит, никогда раньше не был в заведении Джо Мадригала, ну просто такой, что даже если бы выиграл в благотворительной лотерее револьвер, то и тогда бы не знал, что с ним делать и к чему приспособить.

Вся эта брехня, да еще в придачу мои замечания, которые, как я думал, мог бы сделать Перри Райс, помогли мне выпутаться. Лейтенант сказал, чтобы я мотал на все четыре стороны, и посоветовал в будущем, если мне придется столкнуться с полицией, не дерзить ей и вести себя как полагается. На это я ответил, что я такой, какой есть, не привыкший разговаривать с чересчур мнящими о себе городскими копами. И после того как он отпустил еще несколько не особенно лестных замечаний в мой адрес, я слинял.

На улице я подождал Хмельного и горячо поблагодарил его, на что он предложил пойти куда-нибудь дернуть, поскольку теперь ему стало совершенно очевидно, что без него в таком шумном местечке, как Нью-Йорк, я непременно попаду в какую-нибудь гнусную историю.

Я сказал, что в принципе не возражал бы выпить с

ним, но сейчас у меня есть парочка сугубо личных дел, а вот если он зайдет ко мне в отель завтра утром, то чрезвычайно меня обяжет, так как я хочу его кое о чем попросить. На это он ответил «отлично», ввалился в свою машину и куда-то укатил.

Минуты две я потоптался на месте, потом потихоньку пошел. Пройдя примерно с полквартала, я увидел Руди Сайлджери, который остановился закурить. Он тоже заметил меня, улыбнулся, и я подумал, что, когда этот парень улыбается, он как-то особенно становится похожим на пару тигров.

— Ну, мистер Райс,— сказал он,— я вижу, в первую же ночь в Нью-Йорке с вами столько всего приключилось, что теперь дома вам на два года хватит рассказов.

— Еще бы,— ответил я,— мне любой может позавидовать. А я и раньше слышал, что Нью-Йорк довольно опасное местечко.

Он улыбнулся.

— Да, говорят. Слушайте, а почему бы нам с вами не пойти промочить горло? А? Я мог бы показать вам нечто, что отнюдь не оскорбит ваш взгляд.

Я поблагодарил его и сослался на дела. И потом, спиртным я сегодня уже достаточно накачался, вот если бы по чашечке кофе... Сказал я так потому, что увидел невдалеке вывеску ночного кафе и подумал: не клюнет ли он на это мое предложение. И он клюнул:

— Отлично, приятель. Вот здесь мы сможем выпить кофе. Я с удовольствием угощу вас. Так сказать, нью-йоркское гостеприимство.

Он снова улыбнулся.

Мы зашли в кафе и заказали две чашки. А потом он засунул руку в карман, чтобы достать деньги, и слегка повернулся. Свет из-за стойки упал прямо на него, и тут я заметил нечто очень интересное.

Я ведь, кажется, уже говорил вам, ребята, что этот Руди Сайлджери был ужасный щеголь, тем больше я удивился, когда увидел, что смокинг у него был совсем из другого материала, чем брюки: они были сшиты из гладкой шерстяной материи, а смокинг из трико в елочку. Это показалось мне очень примечательным по причинам, о которых я вам расскажу потом.

Пока мы пили кофе, Сайлджери успел задать мне тысячу вопросов относительно Мэзон-Сити, только поймав меня ему не удалось, потому что я так изучил все

данные об этом городишке, будто действительно родился и прожил в нем всю свою жизнь.

Потом я сказал, что мне пора, что очень благодарен ему за кофе и за внимание и что надеюсь снова увидеться с ним у Джо Мадригала. Он ответил, что, конечно, мы увидимся, но будет гораздо лучше для всех, если я воздержусь от прогулок за кулисы без специального его приглашения. И вообще дал понять, что считает Карлотту вроде как бы своей личной собственностью и, значит, тот, кто вздумал бы крутиться около нее, рисковал бы заработать по морде.

Мы уже вышли из кафе. Мимо проезжало такси. Я остановил его и велел шоферу отвезти меня в отель «Корт». Я нарочно громко назвал свой адрес, чтобы Руди его услышал. А когда мы миновали пару кварталов, я попросил шофера повернуть к клубу Джо Мадригала, поскольку у меня в голове родились некоторые догадки, нуждающиеся в немедленной проверке.

Выйдя из такси, я обошел здание клуба. Сзади был переулок. Все окна первого этажа закрывали железные решетчатые ставни. С тыльной стороны дома чуть выше моей головы оказалось окошечко. Подумав хорошенько, я решил, что оно выходит из коридорчика, где расположены уборные. В переулке никого не было. Побродив вокруг, я нашел мусорный бак, принес к этому окошку, встал на него и немного поработал над запором одной маленькой стальной штучкой, которую всегда ношу с собой. Минут через пять окно приветливо распахнулось, я спрыгнул с бака, отнес его на прежнее место, вернулся к окну, подтянулся, влез внутрь и аккуратно запер за собой ставни.

В помещении было очень темно. Но единственного источника света — маленького фонарика, вмонтированного в головку моей авторучки, — было для меня вполне достаточно, чтобы убедиться, что я действительно нахожусь в коридоре с уборными.

Я прошел сначала по нему, потом по сцене, вышел за опущенный занавес и очутился в самом центре танцзала. В жизни мне приходилось видеть множество тягостных картин, но, кажется, не было зрелища более гнетущего, чем теперешний вид этого зала. Уборщицы еще не появлялись, вероятно из-за убийства, а на скатерти одного из столиков слева от меня мрачным пятном темнела кровь Вилли-простофили.

Я заглянул в коридор с телефонами. Мое объявление

«Аппарат испорчен» все еще висело. Я открыл дверцу. Мирас Дункан был там. Никто так и не обнаружил труп бедняги! Потом я вернулся в танцзал и устроился за одним из столиков. Те, кто сидел за ним, наверное, здорово расстроились из-за выстрела, поскольку убежали, не прихватив бутылку, поэтому я позволил себе налить стаканчик и, попивая виски, еще раз все тщательно обдумать.

Может быть, вам покажется чудно, как я мог вот так сидеть преспокойно в полумраке танцзала ночного клуба и стараться мысленно представить точную картину всего происшедшего, когда в тридцати ярдах от меня в телефонной будке лежало тело убитого Дункана. Конечно, это может показаться чудным, но такой уж я человек: ничуть не боюсь покойников, вот живых опасаюсь.

Посредине танцплощадки лежал длинный кусок серпантина, ну, знаете, такой ленты, которую для развлечения бросают друг в друга, и она разматывается. И я подумал, что жизнь — как эта самая лента, которая постепенно все разматывается и разматывается, только в случае с мистером Харвестом В. Мелландером кто-то преждевременно ее оборвал. И хотя я не очень хорошо знал Дункана, он мне показался таким отличным парнем, и у него была такая замечательная репутация джигмена, что я дал себе слово: во что бы то ни стало наказать тех, кто посмел убить его.

И тут — сам не знаю почему — мне в голову пришла одна идея! До того странная и нелепая, что в первый момент мне показалось, я рехнулся, но, поразмыслив немного, я решил, что она совсем не так глупа. Может быть, тот, кто внимательно слушает мой рассказ, тоже уже додумался до этого?

Но от одних только пустых фантазий в темном танцзале ночного клуба в четыре часа утра ничего бы хорошего не получилось. Мне обязательно надо было найти, куда Руди спрятал свой первый смокинг.

Сейчас меня уже меньше интересовал вопрос, кто убил Мираса Дункана. Этим я решил заняться немного позже. Теперь мое внимание целиком было поглощено делом Вилли-простофили. И по-моему, я знал, как он был убит.

Я ведь уже не раз говорил вам, каким Руди Сайлджер был щеголем, а в кафе я вдруг обнаружил, что его смокинг совсем из другой пары. А получилось это вот

почему: вероятно, пока Карлотта исполняла свой коронный номер, Руди потихоньку выскользнул из боковой двери, подкрался в темноте к столу Вилли-простофили и, держа револьвер в кармане смокинга, выстрелил, быстро улизнул и переоделся. Если это именно так, то смокинг с простреленным карманом он, наверное, где-нибудь спрятал, и, скорее всего, у Карлотты в уборной.

Я встал, проник за занавес, а потом — в коридор с уборными. Комната Карлотты оказалась заперта, но я уже неоднократно получал призы за быстроту открывания дверей: мне достаточно двух минут, чтобы отомкнуть любую.

Я вошел внутрь. Огляделся по сторонам. Воздух тут был сладкий и немного спертый, знаете, как это бывает в комнатах с закрытыми окнами, да еще у дамы, которая обильно употребляет пудру и духи. Я долго стоял, наслаждаясь нежным ароматом. Да, духи у этой дамочки отличные, их запах я не забуду и в гробу.

Я методично осмотрел всю комнату, выдвинул все ящики, заглянул во все шкафы, но ничего не обнаружил. Убедился только, что у Карлотты был хороший вкус на белье и чулки она носила до того тонкие, что с моей стороны грешно было даже так ворошить их в ящиках.

Наконец я отказался от мысли найти что-нибудь в этой комнате и вышел в коридор посмотреть, нет ли там подходящего местечка, в котором джентльмен мог бы на время спрятать свой смокинг. И, уже обыскивая его при свете фонарика в авторучке, я подумал, что ведь Руди Сайлджери может в любую минуту вернуться за своим пиджаком, и, пожалуй, Лемми не поздоровится, если это случится именно сейчас, особенно учитывая тот факт, что я, разыгрывая из себя Перри Райса, оставил люгер дома.

В конце коридора, как раз около окна, через которое я сюда пробрался, на стене висел умывальник, а над ним — бак с водой. В другом конце я нашел лестницу, поставил ее около умывальника и пошарил рукой по крышке бака. И оказался прав. Потому что именно там и был запрятан смокинг. Внимательно его осмотрев, я установил, что сшит он из той же материи, что и брюки, в которых Руди ходил со мной в кафе, а в петлице смокинга был тот же самый цветок, с которым Руди появился в дверях, когда я увидел его в первый раз.

Я слез с лестницы, еще раз взглянул на смокинг —

и что же вы думаете?! Меня ожидал приятный сюрприз: в правом его кармане зияла дыра, простреленная пулей. Значит, мое предположение о том, как был убит Вилли-простофиля, оказалось правильным.

Я засунул руку в боковой карман смокинга и выловил оттуда письмо. Это был сюрприз номер два, потому что оно адресовалось мисс Карлотте де ля Рю, в клуб «Для избранных» Джо Мадригала. Сначала я удивился, как это послание попало в карман Руди.

А потом прочитал его. Оно, кстати сказать, было написано чертовски паршивым почерком, как будто его автор до краев нагрузился. Вот что там говорилось:

«Карлотта, у меня сейчас нет времени долго распространяться, но я обязательно должен увидеть Вас сегодня же вечером и поговорить. Я ужасно встревожен тем, что мне удалось узнать, но еще больше я тревожусь за Вас.

Не знаю, зачем Вам нужно водить меня за нос, ведь Вы дружите с Сайлджери. Может быть, из-за моих денег, но, даже если это так, даже если Вы такая бессердечная, такая жестокая, такая расчетливая, как мне об этом говорили, я все равно должен непременно увидеть Вас вечером, хотя бы на несколько минут.

Я не могу ничего сообщить по телефону. Все слишком важно и секретно. Я приду сегодня в клуб, чтобы после Вашего выступления мы могли серьезно побеседовать.

Вилли».

Я засунул письмо обратно в конверт так, как было раньше, конверт снова положил в боковой карман, а смокинг оставил на том же месте на баке, чтобы Сайлджери мог его забрать, когда вернется.

Потом поставил лестницу на место и присел на одну из ее ступенек, чтобы спокойно подумать. Теперь стало совершенно ясно, как это письмо попало в карман Сайлджери. Карлотта сама отдала его после того, как прочитала.

Ясно стало и то, что Вилли-простофиля пришел сегодня к Джо Мадригалу с намерением широко открыть рот по поводу какого-то дела, а Руди ни в коем случае не хотел этого допустить. Вероятно, красотка Карлотта совершенно прозрачно намекнула Руди, что пришло вре-

мя по уши напоить Вилли-простофилю горячим свинцом, а Руди, выслушав ее, сказал: «Заметано».

Кажется, я не мог пожаловаться на то, как развивались события, потому что в происходящем постепенно начинал вырисовываться определенный смысл, и, если бы мне удалось еще немного подождать, пожалуй, я бы смог запустить зубы поглубже.

Я прислушался. Стояла абсолютная тишина, я закурил. Потом осторожно пробрался через танцзал, в темноте нащупывая дорогу, и подошел к коридорчику с телефонами. Занял одну из передних будок, положил на микрофон носовой платок, чтобы какой-нибудь умник случайно не узнал мой голос, и позвонил в Главное полицейское управление.

Попросил дежурную телефонистку соединить меня с лейтенантом Ресслером, и через некоторое время тот взял трубку. Я поинтересовался, действительно ли это он, и получил в ответ «да» и вопрос о том, кто такой я.

— Слушай, красавчик,— сказал я ему.— Я знаю, что ты примитивный и до того неповоротливый полицейский, что у тебя колени обросли мохом, но все-таки я хочу рассказать тебе пару очень интересных историй.

Так вот, во-первых, позволь посоветовать тебе немедленно послать полицейскую машину в заведение Джо Мадригала. Там, в одной из телефонных будок, лежит труп хорошего парня. Его звали Харвестом В. Мелландером, кто-то трижды выстрелил в него в упор. Как видишь, убийство было не случайное, а предумышленное. Во-вторых, он все еще держит в руках телефонную трубку, значит, его аппарат выключен как раз с момента убийства.

А теперь послушай: если ты будешь хорошим мальчиком, то немедленно свяжешься с телефонной компанией и узнаешь, в котором часу это произошло, а завтра в газете «Нью-Йорк ивнинг мирэр» поместишь объявление, где точно укажешь мне это время. Тогда, может быть, я позвоню тебе еще раз.

И наконец последнее: теперь ты всегда будешь верить в Санта Клауса, потому что я и есть он, а без меня что бы ты делал, мой голубок?

Затем я повесил трубку и быстренько смотался из заведения Джо Мадригала, потому что сейчас сюда должен был заявиться лейтенант. Я выбрался через то же окно, прошел два квартала, потом поймал такси и вернулся в отель, где немедленно улегся в постель, потому

что хотите верьте, хотите нет, но я ужасно устал, а моя старушка мама всегда говорила, что мужчине в жизни нужны три вещи: сытная вкусная еда, крепкий сон и любовь красивой женщины. Что ж, крепкий сон и сытная еда у меня уже были, а занимаясь по долгу службы розысками, я между прочим подыскиваю для себя и третий ингредиент этого джентльменского набора.

Мне бы, например, очень хотелось, чтобы Карлотта оказалась хорошей женщиной, но мой безошибочный инстинкт — как его называют писательницы — подсказывал мне, что, к сожалению, она из тех бабенок, которые, не задумываясь, выковырнут золотую пломбу из зуба спящего младенца.

Глава 3

Какая-то чепуха получается

На следующее утро я встал очень рано и, пока брился, все смотрел на себя в зеркало и думал: долго ли еще Лемми Кошен останется целым и невредимым? Вы ведь сами должны понимать, ребята, что мою работу никак нельзя назвать полезной для здоровья. Я знаю многих наших молодцов, таких же громадных, как я, — а надо вам сказать, что во мне двести фунтов и лицо у меня ужасно свирепое, но такое привлекательное, что женщины, попадая в беду, весьма охотно прибегают к моей помощи, — так вот, многие наши молодцы, обладая достоинствами, которых у меня нет, например образованием, все же не смогли уберечься от пули. А это доказывает, что образование само по себе еще ничего не значит.

Вот у меня есть нечто, что директор называет чутьем, кроме того, я имею привычку всегда удовлетворять свое природное любопытство, причем большей частью способами, не принятыми среди других наших работников. Говорят, именно поэтому я считаюсь отличным сыщиком.

После этих общих рассуждений я пришел к двум выводам: во-первых, что-то уж слишком я интересовался Вилли-простофилей, чье настоящее имя было, кажется, Чарльз Фрэн, и, во-вторых, мне надо было помнить свою непосредственную задачу — расследовать готовящуюся кражу золотых слитков и то, что не стоило беспокоиться по поводу этих двух убийств до тех пор, пока они когда-

нибудь, где-нибудь и как-нибудь не окажутся связанными с похищением золота.

Но по-моему, было бы гораздо лучше, если бы нью-йоркские копы — а они обязательно начнут с жаром искать преступников — не очень-то торопились узнать, кто именно убил Мираса Дункана и Вилли-простофилю, так как это могло помешать некоторым моим планам.

В газетах я прочитал, что убийства Чарльза Фрэна и Харвеста В. Мелландера, труп которого был обнаружен лейтенантом Ресслером примерно через десять минут после моего звонка, приписываются шайке гангстеров, орудовавшей в клубе «Для избранных». Еще там говорилось, что полиция обещает найти преступников в течение ближайших двух-трех дней, то есть именно то, что любой коп в любой стране обещает в отношении любого преступника, но что ровным счетом ничего не значит.

Совершенно ясно, что они ни в чем не подозревали Руди Сайлджери, поскольку тот заручился алиби в лице электромонтера клуба, который утверждал, будто Сайлджери безвыходно сидел в уборной Карлотты. Но, между нами говоря, я продолжал думать, что именно Руди пристрелил Вилли. А электромонтер, очевидно, тоже участвовал в игре, и, пожалуй, мне следовало перебраться с ним парой словечек, может быть, припугнуть его немного или даже применить кое-какие довольно жесткие приемы.

Обдумав все это, я отправился на телеграф и послал шифрованное донесение:

«Директору
Федерального бюро расследований,
Вашингтон.

От специального агента
Лемюэля Г. Кошена

Сообщаю Мирас Дункан убит вчера вечером клубе Для избранных Мадригала Нью-Йорк тчк Мною заявлено нью-йоркской полиции это Харвест В. Мелландер тчк Там же примерно два часа после убийства Дункана убит мужчина около тридцати лет блондин карие глаза нос рот больше среднего размера безобразный вес приблизительно 186 фунтов рост приблизительно 5 футов 8 дюймов известен Вилли-простофиля или Чарльз Фрэн тчк Распорядитесь замедлении расследования местной полицией чтобы дать

возможность событиям развиваться своим чередом

тчк Сообщите мне отель Корт полную информацию относительно Чарльза Фрэна

тчк Сведения прислать пакете рекламными акциями имя Перри Ч. Райса

тчк Сообщите точные детали отправки золота США Англию откуда возьмут золото Пробирной палаты США или Федерального банка Нью-Йорка

тчк Временно снят подозрения местной полицией по поводу убийства Чарльза Фрэна возможно нахожусь наблюдением отсутствием достаточных сведений подтверждающих мою личность».

Освободившись от бремени этих волнующих вопросов, я вернулся в отель и выпил немного виски, поскольку, мне казалось, в самое ближайшее время должно было произойти что-то очень интересное, во всяком случае, я на это надеялся.

В половине десятого ко мне пришел Хмельной, через край переполненный новостями и алкоголем. Он спросил, известно ли мне, что в заведении Джо Мадригала произошло еще одно убийство: в телефонной будке пристрелили парня по имени Мелландер. Я ответил, что читал об этом в газете. Он сказал, что, кажется, разыгрывается довольно занятная история и, пожалуй, у него получится парочка неплохих статей. По-моему, как репортер он был ужасно доволен, что все так случилось.

Еще он сказал, что, конечно, не знает точно, чем я занимался вчера у Джо Мадригала, но догадывается, что у меня там было какое-то дело и, если он может быть чем-нибудь полезен, мне стоит только слово ему бросить.

И пока я сидел и думал о Хмельном, пришел к заключению, что лучше всего будет откровенно объяснить ему, зачем я приехал в Нью-Йорк. Может, по-вашему, это было неразумно с моей стороны, но, по моему мнению, именно так и надо было поступить: я вполне мог положиться на свое чутье, считал это решение правильным и выложил Хмельному все, что услышал вчера от Мелландера.

Я рассказал, кем в действительности был Мелландер, и еще о том, что, по-моему, оба убийства были связаны с предполагаемым похищением золота. Это было совершенно очевидно в отношении Дункана и, кажется, столь же справедливо в отношении Вилли. Объяснил я ему и то, что он может оказать мне большую услугу, если раскроет всю подноготную Руди Сайлджери.

Он страшно обрадовался. Назвал меня «молодцом» за то, что я поведал ему всю эту историю, и объявил, что будет держать язык за зубами до тех пор, пока я не дам сигнал, по которому он немедленно напишет грандиозную криминальную статью, самую лучшую за всю его долгую карьеру репортера, до краев заполненную виски, женщинами и всем, чем хочешь! После этого мы с ним выпили еще по стопочке и он удалился попытаться разнюхать что-нибудь для меня.

Было двенадцать. Я надел шляпу, прикатил в заведение Джо Мадригала, спросил его самого, и меня немедленно проводили к нему в кабинет. Кажется, Джо совсем не обрадовался моему приходу, все еще находясь в некотором возбуждении в связи с двумя убийствами, происшедшими в его клубе, против которых, по-моему, он отнюдь не возражал, ибо надеялся, что теперь публика повалит к нему валом, хотя бы просто посмотреть место, где за один вечер ухлопали двух человек, что еще раз показывает, какой необыкновенный интерес проявляют люди к кому-нибудь только после того, как тот умрет.

Я великолепно расписал ему сцену моего вчерашнего посещения полиции и допросов и добавил, что, когда вернусь в Мэзон-Сити, у тамошних жителей волосы на голове встанут дыбом от моих рассказов о жизни в Нью-Йорке, где в первый же вечер человека забирают по подозрению в убийстве. Потом я объяснил, что очень люблю детективные романы и регулярно прочитываю по одному каждую неделю и что если бы я работал в полиции, то был бы очень хорошим сыщиком. Сказал еще, что у меня есть своя версия относительно этих двух убийств, мне, мол, кажется, что Вилли-простофилю пристрелили из маленькой двери с правой стороны эстрады.

Он ответил, что это невозможно, поскольку у самой двери, только с другой стороны, на возвышении сидел электромонтер, регулирующий освещение эстрады, которому хорошо было видно все происходящее за кулисами и который клянется и божится, что единственный кандидат на роль убийцы Вилли — Руди Сайлджери — все время находился в уборной Карлотты.

Я сказал, что все это очень интересно, и поинтересовался, нет ли у того электромонтера собственной теории относительно происшедшего. Он клюнул на эту удочку и повел меня через танцзал к здешнему осветителю. Я поговорил с ним — его звали Скендалл, — и он

подтвердил, что никто не смог бы пройти или выстрелить через эту дверь и остаться незамеченным им.

Скандалл был громадным детиной разбойничьего вида, а познакомившись с ним поближе, я пришел к заключению, что он еще и первоклассный лгун, раз сумел сострять такое железное алиби для Руди Сайлджери. Тогда я решил в ближайшие дни поговорить с ним сначала спокойно, а потом, может быть, с кувалдой в руках.

Придя к заключению, что неплохо провел утро, я предложил Джо Мадригалу побаловаться ржаным за мой счет. Это предложение ему очень понравилось, и, вернувшись к нему в кабинет, мы уселись со стаканчиками в руках. Этот Джо Мадригал был типичным выходцем из Южной Европы. Многие из них содержали здесь подобные заведения, он же в своем роде был даже неплохим парнем, а после нашей беседы я убедился, что он вряд ли знал о шайке Карлотты — Сайлджери, которая крутила здесь свои дела без его ведома и собиралась крутить и дальше, если, конечно, с нею ничего не случится.

Я сказал, что считаю Карлотту очаровательной девчонкой и собираюсь всерьез за ней приударить. Он ответил, что все это очень хорошо, но только Карлотта — любовь Руди Сайлджери, и пытаться вклиниться третьим в эту милую парочку — все равно что пытаться играть в бейсбол с бенгальскими тиграми. И еще я узнал, что именно Руди Сайлджери порекомендовал ему Карлотту в качестве певицы и теперь из-за нее все время здесь крутятся.

Предупредил меня Мадригал и о том, что Сайлджери довольно жестокий тип и к тому же гангстер крупного масштаба. На вид он милый и тихий, но на деле мошенник первостепенный с ужасно скверным характером, способный спокойно и незаметно убрать с дороги любого, кто вздумает ему дерзить или мешать. Еще Джо сказал, что, по его наблюдениям, Руди всерьез влюбился в этот пучок оборок и будет несколько не удивительно, если он совершит такую глупость, как женитьба на Карлотте, поскольку Руди как-то сам заявил Джо, что на сей раз у него все по-другому и раньше, мол, он никогда не испытывал подобных чувств ни к одной даме. Конечно, все это было прекрасно, но только слова о необычайно пылкой любви Руди показались мне сущей белибердой, ибо я слишком хорошо знал гангстеров и то, как они смываются от своих красоток, наговорив им кучу

бабушкиных сказок и наобещав всего, чего хочешь, лишь бы добиться, чтобы девочка была послушна и на все просьбы отвечала: «С удовольствием, папа».

После этой милой беседы с греком я зашел в ближайший ресторанчик, заказал кое-что и решил хорошенько подумать. Пожалуй, для того чтобы не упускать из виду противника, мне следовало, прибавив темпа, сходить к Карлотте и постараться выяснить, какую роль она играет в этом деле.

Вы, конечно, можете решить, что этот мой ход нельзя было назвать чересчур умным, но я уже неоднократно убеждался, что, если взять быка за рога, всегда получишь результат, если и не ты, то сам бык.

Поэтому я зашел в аптеку рядом и посмотрел в телефонной книге адрес ближайшего от Джо Мадригала цветочного магазина. Потом позвонил в клуб «Для избранных» и, назвавшись работником этого магазина, объяснил девушке, снявшей трубку, что мисс де ля Рю заказывала у нас цветы, но мы потеряли ее домашний адрес, и я прошу не отказать мне в любезности сообщить его. Девчонка поверила и продиктовала адрес Карлотты: Риверсайд-Драйв, Уэст, 113-я улица. Я впрыгнул в такси и отправился туда.

Квартира Карлотты находилась в шикарном доме, очевидно, она недурно зарабатывала, распевая по ночным клубам. Внизу в подъезде по списку жильцов я узнал ее номер. Поднялся наверх и пошел прямо по коридору. Постучал в дверь и подождал, пока мне не открыла цветная девушка, разодетая, как горничная из французского водевиля.

Через ее плечо я увидел другую дверь, как раз в противоположной стене. Она была закрыта, и я понял, что Карлотта дома, но на мою просьбу повидать мисс де ля Рю девушка ответила, что ее сейчас нет, и посоветовала обратиться в клуб «Для избранных», где мисс бывает по вечерам, поскольку дома она не принимает.

На это я сказал, что меня не интересует, принимает или не принимает она дома, и, когда девушка немного отступила назад, чтобы закрыть дверь, я подставил ногу и слегка оттолкнул служанку. Тогда она жутко раскипятилась, но я посоветовал ей вести себя прилично и не волноваться, а сам прошагал через холл, постучал в дверь на противоположной стороне, открыл ее и вошел.

Это была роскошная гостиная, сплошь заставленная

всякими дамскими безделушками. За столом в прелестном пеньюаре сидела сама Карлотта и что-то писала.

Услышав мои шаги, она повернулась и посмотрела на меня так, будто я был неким существом, выползшим из-под древней скалы.

— Чего вы хотите? — спросила она. — Разве вам не сказали, что меня нет дома?

Я снял шляпу, сел и закурил сигарету. Она начала нервно постукивать по паркету ножкой, которая, надо заметить, была самой замечательной из всех, что видел я на своем веку, а их немало было.

— Послушайте, мисс Карлотта, — начал я с милой улыбкой, — пожалуйста, не поймите меня неправильно, мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось обо мне превратное впечатление, потому что я из тех ребят, которые чувствуют к женщине глубочайшее уважение, ибо хотите верьте, хотите нет, но моя мать тоже была женщиной, а мой отец учил меня, что никогда не следует грубить женщине или, упаси бог, бить ее, просто нужно на всякий случай знать точное расписание поездов, уходящих из данной местности...

И тут Карлотта не выдержала. Она поднялась и разыграла великолепную сцену негодования. Она сказала, что ее совсем не интересует, чему учил меня мой отец, и, если я немедленно не сообщу ей цель моего прихода, она позвонит вахтеру и вышвырнет меня из квартиры. Тогда я сделал вид, что очень опечалился, и посетовал на недостаток образования, который не позволяет мне ловко разговаривать с женщинами, ведь если бы я знал, что мне придется встретиться с такой очаровательной дамой, как Карлотта, я бы полжизни потратил на изучение искусства приятной беседы и болтал бы сейчас не хуже любого диктора радиостанции «Колумбия бродкастинг систем».

Она снова начала постукивать ножкой по полу, и я объявил, что пленился ею с первого взгляда, увидев в клубе, поскольку никогда еще не видел подобных женщин, и теперь буквально схожу с ума по ней, к тому же мой приятель Джерри Тарнан обещал нас познакомить, но эти планы расстроились из-за того убийства, и теперь я позволил себе нескромность зайти к ней домой, ибо должен с минуты на минуту уехать из Нью-Йорка, но не могу этого сделать, не повидавшись.

Во время этой довольно длинной речи бабенка окидывала меня подозрительными взглядами, и, наконец, я

увидел, что мои льстивые слова возымели-таки свое действие: выражение ее глаз несколько смягчилось, похоже, она клюнула на всю ту чепуху, которую я наплел. Как это ни смешно, но любая женщина, какой бы она ни была, слышав только, что вы от нее без ума, в девяти случаях из десяти поверит вам, ибо все женщины от самого сотворения мира всегда хотели, чтобы в них влюблялось как можно больше мужчин. И можете не сомневаться, если бы в свое время змий в райском саду не знал этой истины, на земле бы сейчас не было никаких людей, в том числе и нас с вами, а Адам по сих пор ходил бы как в закопченных очках, так ничего и не заметив у Евы, во всяком случае того, что нужно было заметить.

Она сказала, что, может быть, это и так, однако не следовало бы врываться в квартиру к незнакомым людям, и поинтересовалась, чего же я все-таки хочу.

Я ответил, что ужасно обеспокоен подозрениями полиции в связи со вчерашним убийством, ибо хотя меня и отпустили, по-моему, они именно меня считают убийцей Вилли-простофили, а это абсолютно невозможно в отношении такого человека, как я, который в своей жизни и мухи не убил.

После этого моего трогательного признания она поднялась, подошла к маленькому столику, достала из роскошной коробки сигарету и прикурила от серебряной зажигалки с орнаментом, потом коробку и зажигалку принесла мне, сама достала сигарету и дала прикурить.

Все это время она стояла рядом, и должен вам сказать, эта малютка была настоящей кокеткой. Видели бы вы, как она преподносила свою великолепную фигуру, с каким королевским достоинством держалась и какими пользовалась замечательными духами, их аромат я запомнил еще с тех пор, как разыскивал в ее уборной смокинг Руди. Этот запах и то, что она стояла рядом и смотрела на меня сверху вниз, полузакрыв свои прекрасные и теперь уже ласковые огромные глаза, начало меня так волновать, что пришлось несколько раз напомнить себе, где я нахожусь, ибо ударюсь я теперь в сентиментальности — и все бы пошло к чертям.

Так всегда получается. Я уже на личном опыте убедился, что, если встретится тебе хорошая добродетельная женщина, — ну, знаете, такая, с которой бы мама хотела тебя познакомить, — она обязательно будет носить низкие каблуки и нелепую челку, а говорить станет так высокопарно, что ты вдруг начнешь подумывать, не прой-

ти ли тебе курс поведения за столом, где учат не заглатывать целиком макароны, и прочее. Но если встретишься с порочной девчонкой, вроде этой Карлотты, то можешь побиться об заклад на свой последний цент — она окажется искусно подкрашенной, и духи у нее будут самого приятного аромата, и туфельки на французских каблучках, и платье будет сидеть на ней как влитое, и говорить она станет таким голосом, что тебе невольно придет в голову мысль о необходимости продолжения своего рода, дабы обеспечить мистера Рузвельта свежими избирателями, которые бы проводили в жизнь его «новый порядок» до того, как он станет старым.

Дав мне прикурить, она присела рядом на диван, дождала минуту и начала:

— Слушайте, Перри, мне кажется, вы именно тот человек, о котором я всю жизнь мечтала, и то, что вы вчера оказались в клубе Джо Мадригала, — не простая случайность. — Она выдала соответствующий вздох и продолжила: — Да... я думаю, сама судьба послала вас туда, потому что мне очень нужна помощь...

И тут она начала напевать, что очень сожалеет о своем вчерашнем предположении, будто я имел какое-то отношение к убийству Вилли-простофили, но это произошло только потому, что, когда я пришел в уборную, она была очень огорчена, однако теперь это не имеет значения, так как все уже убедились, что я тут ни при чем, поскольку у меня даже не было оружия. Она выглядела немного печальной, пока все это говорила. Потом она спросила, какие у меня мысли относительно этих убийств, ибо я кажусь ей человеком с головой, который может все объяснить, а она так расстроена всем происшедшим.

Тогда я сказал то же, что и накануне, а пока говорил, внимательно наблюдал в зеркале напротив, как она смотрит на меня своими зоркими кошачьими глазами, вероятно, все время прикидывая в уме, о чем же, собственно, я догадался и сколь правильны эти мои догадки.

Я объяснил, что Вилли-простофилю совершенно точно не могли убить из зала, ведь я стоял рядом с его столиком и, хотя он был в темноте, потому что светильник над ним был погашен, все же не видел, чтобы кто-нибудь проходил мимо меня. Поэтому, мол, я и считаю, что убил Вилли человек, который вышел из маленькой дверцы с правой стороны эстрады.

Потом я спросил, всегда ли выключается бра над этим столиком, когда она поет? Она сказала, что свет

там обычно горит, но вчера вечером, наверное, что-то испортилось. Она была совершенно права. Я мог бы держать пари, что этот Скендалл, электромонтер, наверняка участвовал в игре и нарочно выключил бра, чтобы из зала не было видно человека с револьвером в руке. Это еще раз подтвердило мое решение поболтать как-нибудь на досуге со Скендаллом.

Потом она выдала еще один вздох и сказала, что у нее создалось впечатление, будто убийцей Вилли я считаю Руди Сайлджери. На это я ответил, что больше этого никто не мог сделать. Тогда она напомнила об электромонтере, который обеспечил Руди железное алиби, утверждая, будто тот все время находился в ее уборной, а кроме того, у Руди вообще нет револьвера.

Действительно, мысль о револьвере мне не приходила в голову. Ведь когда мы пошли в полицейское управление, у Руди на самом деле не было оружия, правда, он мог запрятать его в клубе, а кроме того, я был уверен, что тут замешано еще несколько человек, которые могли ему помочь.

Но я решил подыграть Карлотте и сказал, что, раз она так уверена в невинности Руди, я тоже не буду подозревать его, поскольку готов выполнить любое ее желание.

Тогда она снова глубоко вздохнула, поднялась и заметила, что, наверное, мне уже пора идти, но, если я еще останусь в Нью-Йорке, она будет рада видеть меня. И вдруг совершенно неожиданно обхватила руками за шею, и, прежде чем я успел что-нибудь сообразить, я уже целовал эту малютку, как еще никого на свете до этого не целовал. Вы скажете, что получается какая-то чепуха. Но вы, ребята, не волнуйтесь: я в жизни не упускал случая поцеловать хорошенькую девчонку, если, конечно, это не шло во вред моей текущей работе.

Так или иначе, но Карлотта повисла на мне, точно моллюск на бакене, да еще начала говорить, как она несчастна, попала-де в весьма неприятную историю, и Руди Сайлджери не очень-то любит, а вот из-за меня начинает сходить с ума.

Я, конечно, все эти сладкие слова понял по-своему и немного их в уме подсоллил. Ясно было, что бабенка считает меня простачком.

Когда мы вдоволь наобнимались, я попросил ее успокоиться и заверил, что, если у нее будут какие-нибудь сложности, она всегда во всем сможет положиться на

Перри Ч. Райса. А потом добавил, что если еще не уеду из Нью-Йорка, то сегодня вечером обязательно приду к Джо Мадригалу снова послушать ее пение. Она же попросила извинить ее за то, что сама бросилась мне на шею, просто ей еще никогда не приходилось встречать мужчину, который бы так напоминал ей деревню и широкие просторы. Ну, я, конечно, воздержался говорить ей; что она мне напоминает, поскольку решил довести игру до конца.

Затем мы горячо попрощались, и я ушел. Но, отойдя от дома на квартал, вернулся другой дорогой и стал наблюдать за ее подъездом. И оказался прав: ровно через десять минут к дому подкатил роскошный лимузин и из него вышел Руди Сайлджери, яркий и благоухающий, как все цветы мая.

Я закурил сигарету и смылся.

Я был очень доволен результатами своего визита и мог бы поставить чашку кофе против всего чая Китая, что теперь эта девчонка рассказывала обо мне Руди. Сейчас оба, пожалуй, перетрусят и начнут что-нибудь предпринимать, а мне это как раз и нужно, потому что, если вы хотя бы немного испугаете преступников, они от волнения будут совершать такие поступки, которых в спокойном состоянии никогда бы не совершили, и этим, конечно, себя выдадут.

Я взял такси, вернулся к себе в отель, выпил немного виски, лег в кровать и решил все спокойно обдумать. Но потом встал и выглянул в окно. Так и есть: на другой стороне улицы, как раз против входа, я увидел парня, который праздно стоял около табачного киоска. На нем был светло-серый костюм и шляпа, сдвинутая на один глаз. Он курил, жевал резинку и не отрываясь глядел на подъезд моего отеля.

Мне это очень понравилось. Похоже, Руди уже послал одного из бандитов наблюдать за мной. Это был как раз тот случай, когда мне самому хотелось иметь хвост.

Только теперь мне, кажется, будет лучше все время носить с собой пушку: эти ребята уже прицелились в меня, а я совсем не хотел умирать обутым и одетым, разве только по случаю падения в реку, перегрузившись спиртным, или по какой-нибудь другой милой и еще более невинной причине, которая может возникнуть у любого из нас!

Грубые методы

В семь часов я принял душ и переоделся. Потом собрал чемоданчик, позвонил портье и попросил прислать мне счет, поскольку решил в этот отель больше не возвращаться, чтобы Руди Сайлджери не знал, где я нахожусь, ведь вы уже, наверное, заметили, ребята, какое у меня чутье на всякого рода неприятности, а теперь оно подсказывало мне, что в очень скором времени эти неприятности начнутся.

И вот как я представлял сейчас все дело: вероятно, Карлотта для того разыграла эту нежную сцену, чтобы подобраться поближе и заронить в меня мысль о том, что она всего лишь скромная, невинная, заблудившаяся девочка, которая по глупости попала в лапы гангстера Руди. Но я запомнил, как Джо Мадригал говорил, что именно Руди порекомендовал ему Карлотту, а значит, эта парочка уже давно работает вместе и принимает меня за совершеннейшего осла.

Думал я и о других вещах, но все это были пока теории, и я не собираюсь утомлять вас их пересказыванием. Лучше посмотреть, чем они обернутся на деле.

Потом я пообедал, а в девять часов мне позвонил Хмельной. Он сказал, что был в репортерской комнате Главного полицейского управления и кое-что услышал там относительно Сайлджери. Хмельной предполагал, что Сайлджери нажил себе большое состояние на контрабандной торговле вином во время сухого закона и с тех пор в крупных масштабах занимается рэккетом.

Ну, что такое рэккет, вам, вероятно, известно, а кому неизвестно, я объясню. Некий тип приходит к кому-нибудь и говорит: «Вам угрожает опасность, вы нуждаетесь в охране, и я могу ее обеспечить». Если парень сразу согласится заплатить за охрану, тогда хорошо. Если же нет, бандит так организует дело, что бедолага действительно будет нуждаться в охране, и ему останется или все-таки заплатить, или готовить для себя торжественные похороны.

По словам Хмельного, Сайлджери был парень с башкой, пил немного, лишнего не болтал, а работали на него самые первоклассные, так сказать избранные, гангстеры. Они отлично знали свое дело и не страдали обычным недостатком всех бандитов: привычкой широко откры-

вать рот, когда напьются, а выпить они могут очень много.

Потом Хмельной спросил, где мы увидимся. Я сказал, что попозже собираюсь пойти к Джо Мадригалу, и, если он хочет сделать мне огромное одолжение, пусть узнает, где живет электрик Скендалл, поскольку мне нужно поговорить с ним.

Он сказал, что нет ничего проще, он будет ждать меня в клубе «Для избранных» в двенадцать часов ночи.

Я спустился вниз, оплатил счет и предупредил портье, что срочно уезжаю, но завтра еще забегу, мне, мол, должны прислать сюда кое-какие письма, которые нужно будет сохранить.

Потом я вышел из подъезда и подметил, садясь в такси, что парень в светло-сером костюме и сдвинутой набок шляпе тоже влез в машину и поехал за мной. Я попросил своего шофера-итальяшку немного покрутить по улицам, а потом притормозить где-нибудь в спокойном местечке. Так он и сделал. Когда мы остановились, я через заднее стекло увидел, что машина с тем парнем встала примерно в тридцати ярдах сзади. Я вышел и по тротуару зашагал прямо к ней. Подошел, неожиданно рванул дверцу и увидел, что внутри действительно сидит и курит тот самый парень в светло-сером костюме и шляпе.

— Слушай, умник ты мой, — сказал я ему, — за мной уже много раз таскались хвостом такие вот ловкачи, так что я официально тебе заявляю: мне не по душе твоя физиономия, и если ты сейчас же отсюда не смоешься, то заработаешь хорошую зуботычину. Как тебе нравится эта перспектива?

И только он собрался что-то ответить, для чего слегка наклонился вперед, я схватил его за концы щегольского шарфа, подтянул к себе и со всего размаха врезал ему по носу. Парень так и повалился в угол машины, а я посоветовал шоферу подождать, пока пассажир придет в себя, потом узнать его домашний адрес и быстренько отвезти.

Может быть, вам это покажется некоторой стабилизацией событий, но я чувствовал, что вот-вот начнется война, и решил сам предпринять контрдействия, потому что ненавижу этих гангстеров, они, во-первых, вообще подлые негодяи, а во-вторых, в разное время они убили несколько моих друзей, очень хороших ребят.

Я вернулся в свою машину и через несколько минут

велел шоферу остановиться около маленького отеля под названием «Деламер», зарегистрировался там как Перри Райс и, войдя в свой номер, первым делом выпил большую стопку виски, чтобы надлежащим образом подготовиться к грядущим событиям.

Распаковав свой чемоданчик, я немного посидел, потом послушал последние известия, надел плечевую кобуру с люгером, вызвал такси и отправился к Джо Мадригалу.

Грек оказался прав, когда радовался, что в его заведении произошли два убийства: клуб «Для избранных» битком был набит. Все получали огромное удовольствие, разглядывая помещение, где в один вечер было убито сразу два человека. Представляете, ребята, до чего докатилась современная молодежь, которой уже то доставляет наслаждение, если она просто побывает на месте совершенного преступления!

Джо Мадригал стоял разодетый в пух и прах, с красной гвоздикой в петлице. Похоже, он был очень доволен ходом дела. Мы приняли с ним по паре стаканчиков и немного поболтали. Он рассказал, что к нему приходила полиция, которая считает, будто убийца Харвеста В. Мелландера сразу же удрал из клуба, а в зале остался его сообщник, сидевший, вероятно, за одним из столиков позади меня, именно он-то и убил потом Вилли-простофилю. Они предполагают, что выстрелил он откуда-то из-за моей спины и, прежде чем Джо успел закрыть двери, быстренько смотался.

Но сам Мадригал не верил в эту версию, так как девушка-гардеробщица, мимо которой обязательно должен был пройти каждый покидающий клуб, клялась, что никто из зала не выходил. Я все понял: полиция начала затягивать расследование, значит, мою телеграмму в Вашингтоне получили и, вероятно, здесь уже действовало соответствующее распоряжение оттуда.

Явился Хмельной. Как обычно, нагруженный до половины, но башки еще не потерявший. Он прямоком направился ко мне и объявил, что, кажется, дела идут хорошо, и он надеется, что его информация, пока только относительно Сайлджери, оказалась для меня полезной, а в ближайшие два-три дня он узнает еще кое-что. Ему, мол, уже известно нечто, но мне он ничего не сообщит, пока все не проверит. Он-де подозревает, что Вилли-простофиля, настоящее имя которого будто бы Чарльз Фрэн, в действительности кто-то совершенно другой, и

Хмельной теперь надеется разузнать, кем же он был.

Еще он сказал, что раздобыл адрес Скендалла, по слухам, хорошего парня, у которого никогда не было никаких столкновений с нью-йоркскими копами: жил он в западной части города над каким-то гаражом. Получив его координаты, я пообещал как-нибудь зайти поговорить с этим типом.

Вскоре пришел Руди Сайлджери, и я отметил, что на нем совершенно новый костюм: смокинг и брюки были сшиты из одинакового материала. Выглядел он опять шикарно: с белой гвоздикой в петлице и бриллиантовыми запонками с жемчугом. Он был очень приветлив со мной, угостил виски и сказал, что, если мне надоеет сидеть в этом клубе, он сможет проводить меня в другое, более интересное место. Я поблагодарил за это предложение, мол, с удовольствием им воспользуюсь, хотя, можете мне поверить, у меня отнюдь не было такого намерения!

Тогда он сделался еще более приветливым и дружелюбным, а я назвал его счастливым, ведь у него была любовь с Карлоттой, самой красивой женщиной на свете, и добавил, что парень, который дружит с такой дамой, вероятно, сам должен быть очень хорошим человеком. Он сказал, что, возможно, все так и есть, и предложил после ее выступления всем вместе выпить по бокалу шампанского просто для того, чтобы доказать, сколь дружественно они ко мне относятся и насколько не имеют никакой обиды по поводу нашей вчерашней перепалки.

Еще он заявил, что в этих убийствах вообще нет ничего необычного, так как подобные вещи случаются очень часто, особенно в Нью-Йорке, и никто из-за них даже не волнуется, потому что оба убитых парня были так или иначе связаны с гангстерами, а подобная связь никогда никого ни к чему хорошему не приводила.

Потом барабан начал выбивать дробь, на середину танцплощадки вышел Джо Мадригал и объявил, что очень сожалеет о вчерашнем убийстве человека во время выступления мисс де ля Рю, и о том, что другой убитый был найден в телефонной будке. Но он надеется, что никого это слишком не огорчит, а наоборот, все убедятся, как замечательно можно провести время у Джо Мадригала. А сейчас, мол, разрешите ему представить знаменитую Карлотту.

Тут он испарился, повсюду выключили свет и только

на один занавес направили яркий луч. Потом он раздвинулся и появилась Карлотта. Я уже говорил раньше, что это роскошная девчонка, но, если бы вы увидели ее сейчас, одетую в великолепное платье цвета пламени, которое так и струилось в лучах прожектора, у вас бы непременно захватило дух, а сердце бы перестало биться на несколько минут.

Она исполнила ту же песню, что и накануне, потом ушла за кулисы, и свет опять включили. Руди Сайлджери подмигнул мне, и мы перешли к столику, за которым вчера сидел Вилли-простофиля, но сегодня бра на стене, горело, значит, тут потрудился Скендалл.

Через некоторое время к нам присоединилась Карлотта. Она улыбнулась мне. Я поздоровался, а Руди заказал бутылку шампанского.

Потом заиграл оркестр, и все начали танцевать. Сначала я удивился, что Руди не пригласил свою Карлотту и даже — хотя оркестр старался вовсю, выбивая отличный ритм, — с места не сдвинулся. Но немного погодя понял: он боялся, что после него я тоже смогу ее ангажировать, а эта идея была ему не по душе.

Вдруг Карлотта спросила, нет ли у меня карандаша: ей, мол, хочется показать нам один фокус. Я нашел маленький серебряный карандашик, и она нарисовала на салфетке какую-то пустяковую загадку, которая, может быть, и заинтересовала бы тех, кто любит подобные вещи. Но карандашик она не возвратила, а когда Руди загляделся на какую-то танцующую пару, опять что-то написала на салфетке под тарелочкой для хлеба, затем, бросив на меня быстрый взгляд, снова взглянула на нее, и я понял, что эта дама написала мне записку, и даже улыбнулся про себя, поскольку наверняка парочка задумала что-то со мной сотворить в самое ближайшее время.

Я посидел еще минут десять и, объяснив, что мне пора уходить, так как нужно еще кое с кем повидаться, поднялся, а Сайлджери немедленно пригласил Карлотту на танец. Мы попрощались, и, когда они отошли от столика, я наклонился, отодвинул тарелочку и увидел это послание на салфетке: «На квартире. Три часа». Таким образом, она назначала мне свидание у себя дома сегодня в три часа ночи. По-моему, это был не очень-то умный ход с их стороны. Я подошел к бару и поискал там Хмельного, но он уже куда-то исчез. Тогда я забрал в гардеробе свою шляпу, сел в такси и поехал в отель.

Поразмыслив немного у себя в номере, я решил по-

скорее разобраться со Скендаллом, поскольку придавал разговору с ним очень большое значение, ведь там могли подтвердиться кое-какие мои идеи относительно Сайлджери.

Я отлично понимал, что брожу впотьмах, но все же где-то в глубине души надеялся, что потихоньку подбираюсь к вопросу о похищении золота, каковой, собственно, и был моей основной задачей.

По словам Хмельного, Скендалл жил в западной части города, недалеко от Спрус-стрит, на втором этаже трехэтажного здания, как раз над гаражом. От Мадригала я узнал, что Скендалл сегодня должен был вернуться домой раньше обычного, поскольку вчера из-за убийства сильно задержался на работе. Пожалуй, мне следовало поговорить с ним до того, как он ляжет спать, чтобы он более точно и членораздельно отвечал на мои вопросы.

Я сменил смокинг на обыкновенный дневной костюм, заткнул люгер за пояс, взял такси и попросил шофера довезти меня до угла Спрус-стрит.

А по дороге все думал, каким парнем окажется Скендалл и не будет ли у меня с ним неприятностей? Но потом решил, что все равно скоро это узнаю, а значит, и волноваться заранее нечего. Между прочим, вот это и называется логикой.

На углу Спрус-стрит я расплатился с таксистом и немного постоял, присматриваясь к обстановке. Гараж находился отсюда в двух-трех кварталах. Пройдя до него пешком, я остановился как раз напротив, на другой стороне улицы, и закурил, разглядывая это сооружение. Оно было небольшим, примерно на три-четыре машины, со старой бензоколонкой. Сбоку имелась дверь, вероятно, вход наверх, в квартиру Скендалла. Сзади была еще одна дверь, наверное, в квартиру на третьем этаже.

Я вытащил из кармана газету, прорвал в середине дырку и встал под фонарем, делая вид, будто углубился в чтение, но в действительности наблюдая в отверстие за парнем, который менял в гараже покрышку у одной из машин.

Вдруг задняя дверь дома отворилась, оттуда высунулась чья-то рожа и что-то сказала работнику. Парень в дверях, который оказался Скендаллом, очевидно, куда-то послал этого первого, так как тот бросил возиться с покрышками и побежал к табачному киоску в конце улицы.

Скендалл с минуту еще постоял и ушел к себе. Парень из гаража все еще топтался у табачного киоска, поэтому я махом перебежал улицу, влетел в гараж и спрятался там в темноте.

Через несколько минут вернулся этот тип с сигаретами и полез с ними наверх. А когда он спустился и опять стал возиться с крышкой, мне не составляло особого труда проскользнуть в распахнутую боковую дверь и закрыть ее за собой.

Я очутился перед деревянной лестницей. Наверху под одной из дверей виднелась полоска света. Я поднялся и заглянул в комнату. Это оказалась спальня, в углу которой в одной рубашке без пиджака возился с радиоприемником Скендалл.

Я достал свой люгер.

— Привет, Скендалл, как поживаешь? — спросил я.

Он резко повернулся, испугавшись сначала так, будто наступил на змею, но потом узнал меня и улыбнулся.

— Э, да никак это мистер Райс, — сказал он, выпрямляясь во весь рост. Его нескладные ручки повисли по бокам. — К чему эта пушка, мистер Райс? И чем я могу вам служить?

— Садись-ка вот здесь и помолчи немного, — сказал я ему. — Послушай моего совета: делай все, что тебе прикажут, иначе эта пушка может выстрелить, и ты заработаешь пару пуль прямо в брюхо. Понял?

Он сел, но совершенно спокойно, и я подумал, что, наверное, на этого парня уже не в первый раз наставляют револьвер.

— Слушайте, Райс, — спросил он, — что случилось? Это вооруженный грабеж? Что вам вообще нужно?

Я решил сейчас же все из него вытрясти, потому что если он участвовал в убийстве Вилли-простофили, то наверняка знал и причину этого убийства: очевидно, Вилли стало известно то, что ему не положено, и его ликвидировали.

— Нет, болван, — сказал я, — это не грабеж. Ты отлично соображаешь, зачем я сюда пришел. Вы, ребята, убили моего лучшего друга Вилли-простофилю, потому что он слишком много пронюхал о вас. Так вот: сейчас ты мне объяснишь, в чем там у вас дело, а если нет, я возьму тебя в такие тиски, что не позже как к утру ты весь поседеешь и заработаешь двойной прострел в поясницу. Понял?

Он встал. А нервы у парня были крепкие!

— Понял, приятель, — сказал он. — А теперь ты послушай меня: если ты выстрелишь из своего револьвера, ровно через десять секунд здесь появится с полдюжины моих ребят, и что они тогда с тобой сделают, это уж никого не касается. Так вот, лучше последуй моему совету и...

Тут его речь оборвалась, и он через всю комнату поднырнул под меня. Я опустил голову и подставил под его скулу левый локоть. Он упал, но тут же, едва успев стукнуться об пол, вскочил и размахнулся кулаком, прицеливаясь в голову. Я парировал удар и развернулся справа, но промазал, и тут у нас началась самая настоящая классическая борьба, только без судей и барьеров.

Надо сказать, Скендалл был сильным парнем, но следует также признать, что я оказался немного сильнее. И когда мне удалось повалить его, усесться сверху и несколько раз стукнуть башкой об пол, парень выглядел довольно бледно.

Когда же я приложил большие пальцы рук к его адамову яблоку, у него слегка выпучились глаза.

— Ну а теперь, мой ненаглядный, — сказал я ему, — теперь ты согласишься делать то, что я велю? Если да, то все отлично. Если же нет, я еще слегка поднадавлю на твоё горлышко, пока ты не станешь вполне готовым клиентом для ближайшего morga.

Лицо у него сделалось почти совсем черным, когда он кивнул мне. Я немного ослабил хватку.

— Теперь слушай внимательно, Скендалл, — сказал я. — Ты видишь — мой верх, так что тебе со мной ссориться не следует. Главное, мне нужно знать абсолютно все относительно вчерашнего происшествия у Джо Мадригала. Каким образом Сайлджери убил Вилли-простофилю и почему? Это вопрос номер один. Вопрос номер два: кто и почему убил Харвеста В. Мелландера? Теперь быстренько думай и отвечай, иначе я так сожму пальцы, что у тебя глаза на лоб повылезают.

Я встал. Он тоже. Двигался он очень медленно и все время держался руками за горло, похоже, оно у него здорово болело. Я с такой силой стискивал его, что вполне мог задушить сразу двух обыкновенных ребят, а этот был еще ничего. И до того он был крепкий и выносливый, что нашел в себе силы, сделав вид, будто хочет сесть на стул возле двери, вдруг попытаться вынырнуть в нее.

Но я этого ожидал и первым очутился около выхода.

Правой рукой я изо всей силы ударил его под сердце, а левой — по зубам. И только он хотел выпрямиться, еще раз от души двинул ему в зубы так, что у меня даже рука заныла. Он со стоном повалился плашмя, я же левой рукой повернул его, а правой классически смазал по морде, потому что для меня такие бандиты, как Скендалл, все равно что чирей на шее.

Потом сел и стал наблюдать за ним. Вид у него был такой, будто он вот-вот отдаст концы. Он подполз на четвереньках к стулу у стены, влез на него, качая головой и вывалив язык чуть не на четверть.

— Отлично, мой миленок, — сказал я ему. — Может быть, теперь ты перестанешь капризничать и сделаешься послушным мальчиком, чтобы не заставлять меня испытывать на тебе курс лечения, придуманный на соответствующих островах, после которого ты сразу станешь кандидатом на отправку в сумасшедший дом! Ну, так как же, будешь говорить или применим все-таки эти новейшие методы? А?

Он чуть заметно кивнул головой. Кажется, мой последний удар доконал его, по щеке у него даже катилась слеза от боли.

— Ну как, очень больно? А? — спросил я. — Ты и твои дружки считаете, что в порядке вещей убивать в темноте людей, сидящих за столом в ресторане или разговаривающих в телефонной будке, как Мелландер, а вот когда сами получаете по роже, вам это не нравится. Так ведь?

— Ладно, — пробормотал он. — Я все расскажу... ох... — Он застонал и закачался на стуле, того и гляди свалится. И я попался на эту удочку, встал, чтобы его поддержать, но, когда приблизился, увидел, что он пристально смотрит на дверь. Я быстро повернулся.

В дверях стоял парень из гаража и держал в руке револьвер, а когда я прыгнул, он спустил курок и пуля пробила рукав моего пиджака чуть выше локтя, но, прежде чем он успел выстрелить еще раз, я был уже на нем.

Надо сказать, я здорово рассердился. По-моему, на свете и так много всяких неприятностей и огорчений, чтобы еще эти паршивые скоты лезли тут со своими пушками, к тому же они всегда бывают особенно храбрыми, когда противник безоружен.

Я разделался и с этим типом. Я вытряхнул из него душу семнадцатью различными способами, измотал так, что он уже не соображал, где зад, где перед и как его

имя. И ко времени окончания обработки этих двоих я вдруг почувствовал особенный интерес к моему новому заданию.

Я аккуратно уложил их на пол. Парень из гаража лежал в углу, уткнувшись лицом в пол и жалобно всхлипывая, как ребенок, потерявший маму, а у Скендалла во рту осталось только два зуба.

Я убрал свой люгер в карман, вытащил патроны из револьвера гаражного парня, забросил их в угол, потом спустился вниз, закрыл ставни, запер двери, выключил свет и вернулся обратно к своим милым друзьям.

Они по-прежнему лежали так, как я их оставил, не проявляя абсолютно никакого интереса ни к чему.

В конце коридора я нашел ванную комнату. Наполнил холодной водой здоровенный кувшин, вернулся и выплеснул его на этих двух героев. Потом дал им отхлебнуть из фляжки, которую всегда ношу с собой в кармане, и усадил, как милых нашаливших детей.

Скендалл начал понемногу шевелиться, потом открыл глаза и, очевидно, вспомнил, что произошло. Лицо его было похоже на географическую карту Китая, а лицо его друга вполне могло получить первый приз как лучший торт с разноцветным кремом.

Я сидел и любовался ими. Потом, подождав несколько минут, чтобы они хоть немного пришли в себя, достал из потайного кармана свою федеральную бляху, помахал ею перед их глазами и сказал:

— Мое имя Кошен. Лемми Кошен. Я тот человек, который ликвидировал банду Сигелла, тот, кто отдал в руки правосудия Мирленса и Юлта. Я расправился с бандой «зеленых» в Арканзасе, обезвредил Вилли Джерельдза, который очень любил наблюдать, как его жертвы умирают медленной смертью.

А теперь слушайте. Или вы, ребята, сейчас же мне все расскажете, или я немедленно отправлю вас в Главное полицейское управление по обвинению в убийствах Вилли-простофили и Харвеста В. Мелландера, а также в покушении на убийство меня, агента ФБР. Я знаю, что вы не убивали этих парней, но тем не менее пришью вам это дело и добьюсь, чтобы вас за него поджарили. Ну так как же? Будем говорить или не будем?

У Скендалла от боли, неожиданности и удивления глаза буквально вылезли на лоб.

— Д-да... — промямлил он. — Лемми Кошен... мы сдаемся... мы будем говорить.

Руди становится грубым

На столе в углу комнаты я увидел коробку отличных сигар. Я позволил себе воспользоваться одной из них, закурил и уселся в удобное кресло, подвинув его поближе к моим героям. Люгер я положил на колени на случай, если они вздумают ерепениться, но, судя по внешнему виду, от них вряд ли можно было в ближайшие месяцы ожидать какой-нибудь физической деятельности.

— Теперь слушайте,— продолжал я.— Если хотите, чтобы все обошлось для вас легко, вы будете умниками и обо всем мне подробно расскажете. Вы попались, ребята, сами это понимаете. Единственный шанс для вас — все откровенно выложить, правдиво ответить на несколько вопросов, которые я сейчас задам, и предупреждаю: никаких выкрутасов, только начистоту. Прежде всего я хочу знать, что вам известно относительно убийства мистера Мелландера?

Скендалл облизнул губы.

— Честно, мистер Кошен,— сказал он,— мы абсолютно ничего не знаем. Каким образом парень заработал свинец, кто его убил в телефонной будке, нам не известно. Но одно могу сказать совершенно точно: это сделал не Руди Сайлджели. И вот почему: я весь вечер был за кулисами и видел, что Руди первый раз вошел в клуб только тогда, вместе с мисс де ля Рю — той самой, которую прозвали Ядовитым Плющом,— и Вилли-простофилей, в аккурат перед выступлением этой дамы.

— А что тебе вообще о ней известно? — спросил я.

Он улыбнулся.

— Отличная бабенка,— сказал он.— Если бы мне выпало счастье, я бы не задумываясь убежал из дома, чтобы только быть с ней, и не стал бы разбираться, ядовитый она плющ или нет.

Он немного передохнул, и видно было, что мысли его несколько отвлеклись от обсуждаемой нами проблемы, ну, вы понимаете, что я хочу сказать, впрочем, я его ничуть не обвиняю, поскольку эта дамочка действительно стоящая: когда раздавали сексуальность, природа по знакомству вручила ей двойную порцию.

Наконец Скендалл вздохнул и продолжил:

— Ее откопал Руди. Она пела в каких-то мелких заведениях. Один его приятель их познакомил, и, как толь-

ко Карлотта увидела Руди с бриллиантовыми запонками, она сразу обожгла его пламенным взглядом, разыграла из себя недотрогу, и Руди упал к ее ногам, сраженный насмерть, как парень, свалившийся с крыши Эмпайр Стейт Билдинга. Он буквально сошел от нее с ума. Не прошло и двух дней, как она прибрала его к рукам, и с тех пор он резко изменился. Только теперь и думает о том, как бы сделать побольше денег и жениться на этой крошке. Но мне кажется, она просто водит его за нос. Еще у Джо Мадригала многое было видно. Например, как она гонялась за Вилли-простофилей. Может, потому, что такие, как он, больше ей по душе, чем Руди, а может, и оттого, что в один прекрасный день он мог сделаться чертовски богатым.

Я кивнул и спросил:

— А каким образом Сайлджери попадает за кулисы, минуя танцзал?

— Он идет черным ходом,— сказал Скендалл.— Сзади есть маленькая дверь, которой пользуются служащие ресторана. Руди всегда приходит именно через нее и оставляет шляпу в уборной Карлотты.

— Прекрасно,— сказал я.— Ну а теперь насчет Вилли. Ведь это Сайлджери убил его, не так ли?

Скендалл кивнул.

— Да. Я видел, как он появился из уборной Карлотты, когда она пела. Правая рука у него была в кармане, значит, он собирался кого-то убить. Проходя мимо, он подмигнул мне, вытащил револьвер и осмотрел глушитель. Потом спрятал оружие за спину, открыл дверь и вышел. А через некоторое время вернулся, взглянул на меня и сказал: «Не забудь, все это время я не выходил из уборной Карлотты. Помни, ты хорошо ее видел, дверь была открыта, и я все время сидел там. Понял?».— Он пожал плечами и продолжил: — А что я мог поделать? Не идти же против Руди Сайлджери.

Я улыбнулся.

— А что, разве он так уж жесток? Ладно, теперь скажи мне, зачем ему понадобилось убивать Вилли-простофилю?

Он еще раз пожал плечами.

— Ей-богу, не знаю. Правда, именно так он расправляется с людьми, которые встают у него на дороге. Я бы не возражал увидеть его поджаренным на стуле,— продолжал Скендалл,— если только он не доберется до

меня раньше. Тогда в нашей семье я не первый погибну от его руки.

Я взглянул на него с интересом.

— Да? А кого же он еще казнил?

— Моего брата,— сказал Скендалл,— и я этого не простил. Он ударил его бутылкой по голове, потому что брат осмелился ему противоречить.

У меня всегда была отличная память. Я не забыл, как Дункан рассказывал, что типа, с которого началось все это дело, того, что в бреду разболтал о возможном похищении золота,— как раз ударили бутылкой по голове. Я кивнул.

— Это тот самый парень, который умер в больнице, не приходя в сознание? А что за отношения у них были с Сайлджери?

— Они были большими приятелями,— улыбнулся Скендалл.— Брат знал все его дела, но будучи сам очень скрытным, никогда мне ни словом ни о чем не обмолвился. Это он устроил меня на работу к Джо Мадригалу, а Сайлджери иногда мне помогал. Каждую неделю давал по пятьдесят, а то и по сотне долларов за выполнение всяких мелких поручений.

Я повернулся к другому парню.

— А как насчет тебя?

Он взглянул на меня.

— Мне ничего не известно. Занимаюсь только одним: работой в гараже. Он принадлежит Сайлджери. Я присматриваю за его машинами, содержу их в полном порядке, чтобы в любой момент он мог на любой из них поехать. Меня вот он сюда устроил.

— Совершенно верно,— подтвердил Скендалл.— Он ничего не знает. Догадывается, конечно, что здесь творятся какие-то темные дела и что во главе всего стоит Сайлджери. А больше ничего. Слушайте, можно закурить?

Я бросил ему сигарету, он пошарил в джинсах, нашел спички и закурил.

— Мы с Сайлджери не очень-то дружим,— продолжал он.— Я думаю, он вообще никому ничего не рассказывает, за исключением, конечно, этой дамочки Карлотты.

— Ах да, дамочка...— сказал я.— Ну-ка, еще о ней поговорим.

Скендалл засмеялся, вернее, попытался засмеяться, но тут же сморщился от боли и притих.

— Он с ума по ней сходит! Просто обалдевает. Это всем известно.

Сигара показалась мне не очень крепкой, поэтому я отбросил ее и достал сигарету.

— Да, нечего сказать, красивая бабенка! И с характером.

Он улыбнулся.

— Да еще с каким! По-моему, они вместе с Руди хотели оболванить этого Вилли.

— А откуда у Вилли взялись деньги? — спросил я.

Он покачал головой.

— Понятия не имею. Но их у него была куча, а эта Карлотта заигрывала с ним, и Сайлджери обо всем знал. Я несколько раз видел, как они перемигивались за спиной Вилли.

— Хорошо, — сказал я. — Значит, это все, ребята?

Оба закивали, и я невольно рассмеялся, потому что шею у них распухли по крайней мере в три раза по сравнению с нормальным размером. Вот во что обошлось им невежливое обращение со мной.

— Слушай, Скендалл, — сказал я, — еще один маленький вопросик. Где живет Руди Сайлджери? И есть ли у него какая-нибудь контора?

Скендалл ответил не сразу, вероятно, хотел сначала наврать, но, подумав, решил, что с него на сегодня достаточно.

— Его квартира на 9-й авеню, — сказал он и назвал номер дома. — Нужно подняться по лестнице, — продолжал он, — дверь будет напротив. Вот там он большей частью бывает. Но хотя это помещение оборудовано как жилье, на самом деле это скорее контора. А дверь в квартиру рядом налево. Из настоящей квартиры в фальшивую пробит ход, который замаскирован книжным шкафом. В этих двух местах он бывает каждую ночь, и именно туда к нему приходят его люди. А если он хочет куда-нибудь уйти незаметно, то пробирается через потайную дверь и получается, что вроде из его квартиры никто ночью и не выходил. Вот все, что я знаю.

Я посмотрел на него.

— А ты не ошибаешься? Может, еще что-нибудь вспомнишь? Смотрите, ребята, лучше сразу выкладывайте, а то будет хуже.

— Так ведь больше нечего. Уверяю вас! Не стану вам врать, потому что отлично разобрался, кто вы такой. Я поверил ему. По-моему, эти двое были просто мел-

кими сошками, которые толклись возле крупных гангстеров, ухаживали за автомобилями, работали в гараже и вообще выполняли всякие грязные поручения своих хозяев. Теперь нужно было покрепче заткнуть глотки этой парочке, чтобы они не разболтали, кто я и чем занимаюсь. Похоже, у меня был только один способ заставить их молчать: арестовать их, и хотя мне совсем не улыбалось входить в контакт с местной полицией, на сей раз, кажется, приходилось на это идти. Я обратился к парню из гаража:

— Слушай, у тебя есть какая-нибудь веревка?

Он сказал, что есть внизу, в ванной комнате. Я послал его за ней и, когда он вернулся, связал их вместе спина к спине и крепко прикрутил к кровати.

Когда я все закончил, у ребят осталось ровно столько шансов спрыгнуть оттуда, сколько у куска сливочного масла, попавшего в аду на раскаленную сковородку. Потом я взял свою шляпу и сказал:

— Теперь слушайте меня, ребята. Сейчас я устрою так, чтобы вас арестовали, и, когда копы придут сюда, вы должны будете держать язык за зубами. Вы не пророните ни единого слова ни о том, что здесь сегодня произошло, ни обо мне. Вас засадят в карцер и продержат там две недели. За это время вы не станете никого к себе вызывать, а если кто-то придет сам, будете отказываться разговаривать. Если вы сделаете так, как я велю, то через две недели спокойно выйдете на свободу. Если же один из вас посмеет хотя бы пикнуть обо мне, я устрою вам годика по два со строгой изоляцией, а то и больше. Поняли?

Они сказали, что поняли.

— Вот и хорошо! А теперь сидите себе спокойно и рассказывайте друг другу сказки, чтобы не скучно было, а когда через полмесяца выйдете из тюрьмы, мой вам совет: найдите-ка настоящую хорошую работу и держитесь подальше от таких людей, как Сайлджери, и тогда вас больше никто и никогда не будет бить. Поняли? Ну, пока, ребятки! Может, еще увидимся.

На это они не сказали ни слова. Оба были уже по горло сыты беседой со мной. Я потушил у них свет, закрыл за собой дверь, прошел вниз в гараж, поднял железную ставню, подлез под нее и снова опустил за собой. Выбравшись на улицу, я огляделся и увидел в ее конце, как раз напротив табачного киоска, куда ходил за сигаретами приятель Скендалла, телефонную будку.

Я быстро направился к ней, но на полдороге остановился, чтобы закурить, и краешком глаза взглянул назад. Так и есть! Из-за угла вывернул коричневый автомобиль, за рулем сидел какой-то парень, а сзади еще один. На повороте тормоза закрипели и машина как стрела помчалась по прямой улице за мной вдогонку.

Иногда бывают ситуации, в которых не успеваешь даже подумать, просто действуешь инстинктивно. Именно так у меня сейчас и получилось. Я бросился на землю, и только успел это сделать, как парень с заднего сиденья, высунув в окно армейский автомат, начал наигрывать из него веселенькие мелодии. Он буквально полил свинцовой струей стену дома, под которой я лежал, только и слышно было щелканье пуль о кирпич. И прежде чем я успел посмотреть хотя бы их номер, они умчались. Я встал, закурил все-таки и быстро перешел через дорогу, увидев там парадное, которое выходило и на улицу, и во двор. Я начал кружить по тротуарам, слушая, как повсюду с шумом открывались окна, и полусонные обитатели ближних домишек высовывались посмотреть на непонятную перестрелку.

Минут через пять я решил, что теперь уж наверняка сбил с толку любого, кто бы задумал тащиться за мной хвостом. И как раз в это время подошел к телефонной будке.

Набрав номер дежурного телефониста, я сказал, что у меня будет правительственный разговор и попросил соединить с нью-йоркским отделением ФБР.

Соединили через две минуты. Я сообщил свой кодовый номер, объяснил, что работаю по непосредственному указанию из Вашингтона, извинился за беспокойство и сказал, что неподалеку, на Спрус-стрит, над гаражом, на кровати сидят два связанных парня. Я порекомендовал агенту на другом конце провода поторопиться.

— Нужно, чтобы вы арестовали этих ребят, — сказал я. — Предъявите им любые обвинения, все, что хотите, только никого к ним не впускайте, чтобы они ни с кем не контактировали. Я им это уже объяснил, вы, со своей стороны, сделайте то же самое.

— Договорились, — сказал агент, и я повесил трубку.

Выйдя из будки, я закурил еще одну сигарету и стал думать, что мне теперь делать. Есть такое правило: если хочешь у кого-нибудь что-нибудь выведать, надо самому как можно скорее причинить им побольше хлопот и неприятностей, потому что, когда на людей сваливаются

всякие беды, они начинают совершать такие поступки, которых в нормальном состоянии не совершили бы, особенно если им надо что-то скрывать. Вот я и решил, что, если сделаюсь назойливым, противным типом, может, тогда сумею нащупать хоть какие-то нити.

Вы, ребята, сами понимаете, когда вам теперь известно столько же, сколько было известно мне, что это не очень-то много, так, пара обстоятельств, которые говорили лишь о том, что я должен быть максимально осторожным, если, конечно, не стремлюсь поскорее нарядиться в саван и отправиться на ближайшее кладбище, а я этого, как вы можете догадаться, отнюдь не жаждал.

Я взглянул на часы. Было половина четвертого, и я решил, что у меня есть еще время для небольшой дружеской беседы с Руди Сайлджери. Хотелось сказать ему пару теплых слов, потому что я, естественно, не любил ребят, поливающих меня из армейских автоматов, и вообще считал, что наконец настало время выложить этому Сайлджери все, чего он заслуживал.

Но пожалуй, сначала надо было съездить в свой старый отель, посмотреть, нет ли там каких-то сведений из Вашингтона. Я поймал такси, которое как раз тащилось мимо, прибыл туда и поинтересовался у ночного дежурного, нет ли для меня писем. Он сказал, что есть, и передал мне пакет.

Тогда я снова занял такси, которое ожидало меня у подъезда, и отправился к себе. Поднялся в свою комнату, распечатал конверт и нашел там целую кучу копий акций, а под ними небольшой шифрованный ответ на мою телеграмму. Вот что там было написано:

«Ваш доклад получен тчк Нью-Йоркской полиции дано указание возможно дольше задержать расследование убийства Мелландера — Фрэна тчк Отношении Чарльза Веласа (Чейза) — он приемный сын Харберри Веласа Чейза хорошо известного дельца нью-Йоркской Уолл-стрит тчк Убитый нигде не работал имел репутацию шалопая швыряющего огромные деньги попойки ночных клубах и сомнительных женщин тчк Последнее время отец строго урезал его финансы однако не смог следить поведением пасынка так как тот взял имя Чарльза Фрэна конспирации тчк Детали отправки золота Соединенных Штатов Великобританию следующие десять миллионов долларов изымаются сегодня Федерального банка Нью-Йорка и гру-

зятся товаро-пассажирский пароход „Мейберри“ тчк Раньше предполагалось отправить золото „Куин Мэри“ но последний момент судно переменяли, чтобы сбить следа преступников тчк „Мейберри“ отчалит нью-йоркской гавани приняв борт груз тчк

Удалось ли вам через Дункана завязать необходимые связи впр Ваше инкогнито сохраняется тчк Желаем удачи тчк».

Да, немного же рассказала мне эта телеграмма, за исключением очень интересных сведений относительно Вилли-простофили, который, по-моему, был самым обыкновенным сыном богатых родителей, прожигающим ровно столько денег, сколько мог выкачать из папаши. В конце концов тому надоело оплачивать счета своего милого сыночка, и он закрыл эту лавочку.

Что касается сообщения об отправке золота, то здесь я ничего не понял. Выходит, сейчас золото уже забрали из Федерального банка и погрузили на «Мейберри», которая вот-вот отправится в путь, если только уже не сделала этого.

По-моему, федеральные власти очень разумно поступили, поместив золото вместо большого судна на маленькое, товаро-пассажирское, если, конечно, эти сведения о замене не просочились куда не следует.

Значит, золото уже погрузили, и все это дело с предполагаемым похищением было сплошной липой, а брат Скендалла, умерший не приходя в сознание в больнице, наверное, все это видел во сне. Хотя, с другой стороны, было непонятно, откуда он мог знать все детали отправки. Нет, пожалуй, какое-то зерно здесь имелось.

Где-то в глубине башки меня все время сверлила мысль, что Вилли-простофилю прикончили именно в связи с «золотым» делом.

Да, неприятное у меня было положение, потому что, в общем-то, я очень мало знал. Только то, что простофилю убил Руди, кроме того, у меня были очень веские подозрения относительно убийцы Дункана. Но это ни на шаг не продвигало вперед, а жалование-то мне платили за то, чтобы я узнал конкретные вещи.

Я сжег телеграмму, хлебнул виски, спустился вниз, зашел в телефонную будку, отыскал в книге номер телефона той самой квартиры на 9-й авеню, где, по словам Скендалла, жил Руди Сайлджели, и кое о чем договорился с дежурным. Я сунул ему десять долларов, сказав,

что хочу немного подшутить над своими друзьями, и, назвав номер телефона, который нашел в книге, попросил, чтобы он позвонил туда ровно через двадцать минут мистеру Перри Ч. Райсу, то есть мне. Он сказал «отлично», мол, сделает это непременно, а я вышел из отеля, сел в такси и уехал.

Да-а, неплохой был домик у Сайлджери. Внизу дежурил какой-то тип, и, когда я спросил мистера Сайлджери, он послал меня на третий этаж. Я поднялся на лифте без лифтера и наверху, как и обещал Скендалл, увидел еще несколько ступенек. Напротив лестницы была дверь, которая вела в обе квартиры. И это выглядело очень остроумно, потому что от себя Сайлджери мог выходить и здесь.

Я сунул руку за пазуху, убедился, что люгер легко вынимается из плечевой кобуры, и позвонил.

Минуты через две мне открыл парень, на вид ужасно свирепый и грубый, и, хотя одет он был как дворецкий, ему гораздо больше бы подошло встречать гостей с дубинкой в руках, а не с подносыком для визитных карточек. И еще мне показалось, что, увидев меня, он даже приоткрыл рот от удивления. Я вошел.

— Слушай, образина — сказал я ему. — Ну-ка, живо, на всех парах лети к своему хозяину и передай, что мистер Перри Райс хотел бы перекинуться с ним парой словечек, но предупреди, чтобы он не вздумал брехать, будто его нет дома или там что-нибудь еще, а не то я мигом спалю всю эту хибару. Да поворачивайся поживее, видишь же, что мне рожка твоя не нравится, а у меня дома на заднем дворе пребольшущее кладбище, где покоятся парни, чьи хари мне в свое время не приглянулись. Ну, давай, мотай.

От таких слов этот дуболом еще больше удивился, и, похоже, ему стоило большого труда удержаться, чтобы не съездить меня по морде, но все-таки выдержки у него хватило: он испарился, а через минуту снова возник и пригласил следовать за ним. Я прошел по коридору, и он распахнул дверь, находящуюся в другом его конце.

Я попал в огромную, шикарно обставленную комнату. В стене, прямо передо мной, горел камин, а с правой стороны от него сидела Карлотта. Она так и сияла улыбкой! Кроме нее и Сайлджери в комнате тут и там расположились еще три или четыре удальца, которые могли быть всем, чем угодно, но, скорее всего, — обыкновенные гангстеры,

— Привет, мистер Райс,— начал Сайлджери.— Какая приятная неожиданность, я ведь, по правде говоря, не привык принимать гостей в половине пятого утра.

— А теперь придется привыкнуть,— сказал я.— Во всяком случае,— я бросил в угол комнаты свою шляпу,— если ты будешь невежливо со мной обращаться, то попадешь в такое место, где примешь гостей только за день до того, как тебя поджарят на стуле.

Я подошел к нему ближе.

— Вот что, подонок, почему бы мне сейчас не смазать тебя по роже и вообще не разнести на мелкие куски? А?

Он страшно удивился.

— Слушайте, что с вами случилось? В чем дело? Что это за новости: врываться среди ночи в чужой дом и затевать рукопашную?

Я улыбнулся.

— Знаешь, Сайлджери, я тебя насквозь вижу. Или ты считаешь, я не догадался, что это твои ребята хотели начинить меня свинцом? И с чего тебе вдруг пришло в голову так меня угостить? Вот уж не думал, что я столь непопулярен в здешних краях.

Он пожал плечами.

— Не знаю, о чем вы говорите. Никто из моих друзей не собирался ничем вас начинять. Мы вас все очень любим, Перри. Правда, ребята?

С этими словами он повернулся к своим разбойникам, и все они заулыбались. И поверьте мне, если я действительно был любим такой бандой, то предпочел бы лучше оказаться в компании ненавидящих меня аллигаторов.

Он повернулся к Карлотте.

— Послушай, милочка, разве я не говорил всего несколько минут назад, что Перри Райс замечательный парень?

— Конечно, говорил,— сказала она, окинув меня, а потом и его таким дерзким взглядом, что я едва удержался, чтобы не схватить ее за волосы и не проучить как следует.

Руди подошел к маленькому столику, наполнил солидный бокал и подал его мне.

— Знаете, приятель,— сказал он,— будьте вы взрослым человеком и выпейте лучше вина, не бойтесь, оно не отравлено. Слушайте, чего вы хотите? Ходите тут, понимаете ли, подкрадываетесь, суете свой нос в абсо-

лотно чужие дела, а когда вас хотят немного приструнить, устраиваете такой шум. Неужели вы не понимаете, что здесь, в Нью-Йорке, эта роль проигрышная. Джо Мадригал рассказал, что вы сегодня утром изображали у него сыщика-любителя. Мой вам совет: занимайтесь-ка своими акциями и откажитесь от роли Пинкертона, потому что к хорошему это не приведет. Если кто и старался вас подстрелить, так чего вы хотите? Разве на свете мало всяких невзгод, а тут еще вы лезете со своим длинным носом, усложняете людям жизнь. И зачем вы поперлись к Скендаллу? Я хорошо знаком с ним и думаю, что его друзьям, кстати, очень сердитым ребятам, не нравится джентльмен из Мэзон-Сити, который, видите ли, бегает тут и задает глупые вопросы. Может, они решили, что будет гораздо спокойнее, если убрать вас с дороги! Но все это не имеет никакого отношения ко мне. Я об этом понятия не имею. Всю ночь, покинув Джо Мадригала, сижу здесь со своими друзьями.

— О, да! — сказал я. — Откуда же ты знаешь, что я был у Скендалла? По-моему, ты вообще слишком осведомлен о том, что я делал вечером.

Он улыбнулся.

— А почему бы мне и не знать? Скендалл работает на меня. Позвонил и все рассказал.

— Ну уж это ты врешь, голубчик, — сказал я ему. — Разрешите-ка мне кое-что объяснить. Скендалл тебе не звонил и не говорил ничего. Его и другого парня из гаража я обработал так здорово, что сейчас они вряд ли вспомнят, как их зовут! И они еще не скоро тебе позвонят. Они заняты. Я посоветовал им на время уехать из Нью-Йорка, и они послушались.

Улыбка исчезла с его лица. Кажется, он немного удивился.

Я повернулся к прекрасной даме.

— А что касается тебя, Ядовитый Плющ, то ты, конечно, очаровательная штучка, но для меня — все равно что зубная боль.

Я допил вино и окинул их взглядом.

— Сейчас я вам кое-что скажу, ребята, это относится и к тебе, гадюка, — обратился я к Карлотте. — Мне про вас все известно. Вы, наверное, думаете, что я обыкновенный деревенщина, у которого даже не хватит смекалки укрыться от дождя? Ошибаетесь, голубчики. А если я разыгрывал из себя детектива-любителя, что ж из того? Почему бы и нет? Это мое любимое развлече-

ние, и у себя в Мэзон-Сити мне это здорово удавалось! С самого начала я был уверен, что именно ты, Сайлджер, убил этого олуха Вилли, и, пока я еще жив, могу тебе пообещать, что добьюсь твоей казни, хотя бы уже за то, что ты пытался изобразить из меня осла, а сегодня вечером даже собирался пристрелить. И мое глубочайшее убеждение, — продолжал я, — что эта дамочка Карлотта работает с тобой заодно. Парень, который окрестил ее Ядовитым Плющом, был чертовски прав, только, пожалуй, в ней один сплошной яд и никакого плюща! Она наверняка тебе во всем помогала, вы вместе придумали, как обчистить Вилли, а когда узнали, что крупных денег у него нет, он вам стал не нужен и вы разделались с ним. Как вам нравится моя версия?

Да, ситуация создалась, что называется, напряженная. Четверо парней начали медленно сгруппировываться. Карлотта сидела все там же и улыбалась теперь, как сам Сатана в аду, а Сайлджери, выпрямившись, смотрел на меня своими холодными и твердыми, как лед, глазами.

— Слушайте, Райс, — сказал он, — по-моему, вы начали грубить, и мне придется преподать вам урок хорошего тона, после которого вы уже не будете совать свой нос в чужие дела!

Тут поднялась и Карлотта. И тогда наступила пауза. Как это поэты называют — затишье перед бурей. Потому что встала повелительница. Да, черт возьми, я мог понять, почему Руди по уши в нее втрескался.

После выступления у Джо Мадригала она переоделась в черное платье с горностаевой накидкой — и, ребята, до чего же она была хороша! Как царица Савская после сеанса у косметички и холодной укладки.

Она взглянула на меня.

Я вам, кажется, говорил, ребята, что пользуюсь большим успехом у женщин. Во мне есть нечто, что им очень нравится. Хотя вообще-то женщин трудно понять. Они с таким же удовольствием пошли бы и с парнем, безобразным, как два щенка бульдога, потому что люди, посмотрев на его рожу, сразу, вроде как для опохмелки, стали бы со вздохом облегчения любоваться красотой его спутницы.

И когда эта Карлотта — Ядовитый Плющ глядела на меня, я подумал, что, несмотря на ее порочность и жестокость, не прочь был бы сыграть с ней в старую игру в Адама и Еву.

— Слушай, Руди,— сказала она,— ты не станешь скандалить с этим олухом, во всяком случае здесь. Сейчас не время для подобных сцен. У нас есть дело поважнее.— Она многозначительно посмотрела на него.— А ссора с этим ослом ни к чему хорошему не приведет.

Потом она повернулась ко мне.

— Ну ты, придурок! Послушай моего совета и немедленно убирайся из Нью-Йорка. Твое счастье, что я не люблю, когда при мне убивают людей, а то бы тебе плохо пришлось.

— Да что ты говоришь, великолепная наша? — сказал я.— Нет, лучше ты послушай: что касается меня, можешь держать при себе свои добрые пожелания, а если твои желтопузые друзья задумали что-нибудь со мной сделать, они об этом здорово пожалеют. Им же хуже будет. И еще советую тебе,— продолжал я в расчете разжечь вражду между ней и Руди,— не пытаться разыгрывать со мной роль Евы-соблазнительницы: у меня иммунитет против таких бабенок, как ты. Откровенно говорю: когда я на тебя гляжу, почему-то всегда вспоминаю протухший бифштекс. Ты думала одурачить меня своей любовной сценой, плакалась, будто Руди силой завладел тобой. Очень тебе рекомендую: убирайся-ка сама из Нью-Йорка, причем как можно скорее и подальше! Поезжай хоть в Голливуд, может, получишь там роль ведьмы в каком-нибудь захудалом фильмишке.

Ну и вскипела же она, ребята! Схватила со стола графин и уже замахнулась, да только Руди вовремя схватил ее за руку. Я повернулся к нему.

— А тебе лучше бы не трогать меня, потому что паре моих друзей известно, где я нахожусь, и не приди я домой к сроку, они позвонят в полицейское управление. На сей раз тебе пришьют там такое дело, в котором фальшивое алиби не поможет.

Он улыбнулся.

— Ах, какой умник. Я такие угрозы не впервой слышу. Но ты сейчас свое все-таки получишь.

И только он сунул руку в карман, как раздался телефонный звонок. Сами понимаете, услышав его, я облегченно вздохнул: значит, дежурный не подвел.

— Вот, пожалуйста, приятель,— сказал я.— Это звонят мои друзья.

Один из парней снял трубку. Потом приложил руку к микрофону и взглянул на Сайлджери.

— Это его,— сказал он.

— Извините, пожалуйста,— сказал я и отодвинул парня от телефона.

— Отлично, братец,— проговорил я в трубку.— Спасибо, что позвонил, если меня не будет через пятнадцать минут, сделай так, как мы условились.

На другом конце провода были явно озадачены, потому что мы абсолютно ни о чем больше не условились, но, прежде чем там успели задать какой-нибудь вопрос, я быстро повесил трубку и взял со стула шляпу.

— Ну, кажется, мне пора уходить,— сказал я.— Послушайся меня, Руди, будь осторожен, потому что я теперь с тебя глаз не спущу, так мне не нравится твоя физиономия, но при этом сделаю все, чтобы остаться живым и здоровым. А пока до свиданья, спасибо за выпивку. Хорошее было вино. Ну, увидимся!

Я повернулся, распахнул дверь и зашагал к выходу. И только собрался исчезнуть, как услышал позади шум. Я оглянулся и увидел в другом конце холла Карлотту.

Ну и красавица она была! Глаза горели, напряженная поза делала ее похожей на статую Свободы в снежную бурю. Она буквально задыхалась от ярости, высоко вздымая грудь, и только через некоторое время с трудом собрала силы, чтобы прошипеть следующие слова:

— Хорошо же, мистер умник. Я тебе за все заплачу. На сей раз ты вывернулся, но предупреждаю, только на сей раз. А прежде чем прикончить, я придумаю тебе такие муки, что ты станешь извиваться, как червь на удочке, а я буду наслаждаться этим зрелищем. Еще никогда в жизни ни один мужчина так меня не оскорблял. Но со временем ты получишь свое и умирать будешь медленно и страшно, это я тебе обещаю.

Я уже было надел шляпу, но теперь снова ее снял и церемонно раскланялся.

— Ладно, чаровница, только успокойся, а то у тебя бюстгальтер лопнет. Расслабься, радость моя, как советует доктор Хэй. Уж очень ты разволновалась! Лично я думаю, это оттого, что в последнее время ты слишком злоупотребляла непрожаренным мясом, и теперь тебе нужно подлечить желудок.— Я подошел к ней поближе.— Слушай, красотка, хотя для Руди ты — это все, для меня ты — не больше чем прокисшее молоко. И когда подвернется случай, я тебя так отделаю, что ты лет шесть потом будешь находиться только в перпендикулярном положении.

Я повернулся и только подошел к двери, как она

швырнула мне в голову свою сумочку. Я поднял ее и бросил обратно в Карлотту. Сумочка при этом расстегнулась, оттуда вывалилось все ее барахлишко, и я расхохотался. Потом с силой хлопнул дверью и спустился вниз на лифте.

Кажется, мое интервью с этой парочкой было очень удачным, так как теперь она должна была активизироваться.

Но я надеялся, что для меня все кончится хорошо, хотя Карлотта не на шутку возжаждала моей крови и, пожалуй, была способна в самое ближайшее время ее безжалостно пролить.

Глава 6

Малютка-блондинка

На следующее утро я проснулся с совершенно определенным предчувствием весьма деятельного дня.

Я встал и отлично позавтракал, стараясь ни о чем не думать, потому что, в принципе, думать-то было не о чем, а это значило, что и я иногда способен делать философские выводы или как там это называется?

Около одиннадцати я пошел в отель «Корт» и спросил дежурного, нет ли для меня писем. Он вручил мне конверт, который в четыре часа утра ему оставил вдребезги пьяный парень.

По описанию это был Хмельной, и заявился он сюда примерно через полчаса после того, как я получил ответ из Вашингтона.

Я сунул парню пятерку и попросил, если мной будут интересоваться, не говорить, что я выехал из отеля, пускай думают, будто я просто пошел на прогулку, подышать свежим воздухом, и скоро вернусь.

Потом я забрел в ресторан, заказал кое-что перекусить, выпил чашечку кофе и только тогда распечатал конверт. Письмо действительно было от Хмельного.

«Дорогой Перри!

Как же я потешаюсь над тобой, работая, оказывается, быстрее, чем ты.

По целому ряду причин не могу написать обо всем, что мне удалось узнать, но можешь поверить, я добыл целую кучу интереснейших сведений, и, если их

прибавить к тому, что ты рассказал относительно похищения золота, получится самая крупная афера за всю историю нашей страны. Причем дело настолько серьезное и опасное, что я не шутя подумываю отказаться на время от виски, чтобы спьяну не пропустить чего-нибудь мимо ушей.

Перри, ты меня, пожалуйста, извини, но придется пока кое-что от тебя утаить, мне это нужно для того, чтобы и дальше все получалось. Но надеюсь, мы вскоре увидимся и тогда я расскажу каждую деталь, чтобы у тебя было время разыграть классическую героическую концовку этой колоссальной трагедии.

Но кое-что я все-таки могу тебе сообщить. Слушай.

Прежде всего, ты, наверное, помнишь, как я говорил, что, по-моему, настоящее имя Вилли-простофили не Чарльз Фрэн. И я оказался прав: он был Чарльзом Веласом Чейзом, приемным сыном крупного воротилы с Уолл-стрит по имени Харберри Велас Чейз. Я виделся с этим Харберри Чейзом, он буквально рвет и мечет, потому что, хотя Вилли-простофиля был в общем-то никудышный паренек, старик (ему около шестидесяти пяти лет, и здоровье у него неважное) страшно недоволен этим убийством. Ему это особенно неприятно оттого, что за последнее время у них было несколько крупных ссор, о причинах которых я тебе потом расскажу.

Старик Харберри Чейз недоволен и нью-йоркскими копами, которые отнюдь не торопятся найти убийцу. Еще он сказал, что, по его мнению, убийство Вилли было связано с какими-то темными делами, но теперь он хочет все взять в свои руки и лично заняться розыском. Потом я опишу тебе, какими методами он собирается это проделать, и обещаю, что ты вдоволь насмеешься над стариковскими выдумками, а пока я буду говорить о юной женщине, замечательной блондинке, увидев которую, ты сразу согласишься с этим определением, а встретитесь вы очень скоро, ибо до меня дошли слухи, что она намеревается познакомиться с тобой.

Теперь конкретно о ней. Я как-то говорил тебе, что Карлотта — горячая бабенка, и каждый, кто захочет подшутить над ней, наживет себе крупные неприятности. Ну так вот: эта блондинка, Мирабель

Гэйфорд, по-моему, еще опаснее, чем Карлотта, только, может быть, в другом смысле.

Мирабель — светская дама самого высшего класса. Ей около двадцати восьми лет, и происходит она из старой коннектикутской семьи. Ее родители умерли, но еще до их кончины она была помолвлена с Вилли-простофилей. И представь себе, как будто бы даже влюбилась в него, потому что денег у нее хватало собственных, и я не думаю, чтобы она гонялась за его состоянием. Кажется, и Харберри Чейзу тоже хотелось, чтобы Вилли-простофиля женился на Мирабель, так как эта решительная и властная дамочка могла бы взять Вилли в свои руки.

И все шло как по маслу, когда вдруг совсем недавно Вилли встретился с Карлоттой. Мирабель ужасно расстроилась и начала суетиться и хлопотать, чтобы Вилли снова вернулся к ней.

А теперь я перехожу к самому интересному. Старик Харберри Чейз прямо-таки помешался на оккультных науках. И хотя тебе может показаться смешным, что человек, ворочающий делами на Уолл-стрит, способен верить в такую чепуху, но факт остается фактом: у старика есть свой любимый ясновидящий или как там их еще называют, к которому он обращается во всех случаях жизни.

Поэтому когда полиция объявила, что найти убийцу Вилли никак невозможно, старик ни за что им не поверил (ведь реально убийство могли совершить какие-нибудь пять-шесть человек, находившиеся вблизи от Вилли) и послал за ясновидящим, мужчиной лет пятидесяти, с пронизательными глазами и длинной седой бородой. Тот посоветовался со своими духами и заявил старику следующее: для того чтобы точно назвать убийцу Вилли, необходимо полностью восстановить сцену убийства, но при условии, что это должно произойти в месте, достаточно удаленном от противодействующих влияний, причем обстановку нужно создать максимально точную, включая и час убийства.

Старик Чейз руками и ногами ухватился за эту идею. Велел срочно сфотографировать заведение Джо Мадригала и обещал ясновидящему, чье имя, между прочим, Сен-Рейм, в деталях воспроизвести этот зал в салоне своей яхты „Колдунья Атлантики“, которая стоит на приколе в Нью-Лондоне, а также посулил

собрать туда всех людей, бывших поблизости от Вилли-простофили во время убийства. Ну и, как сам понимаешь, тебя тоже внесли в список.

Сен-Рейм говорит, что всех подозреваемых просто необходимо собрать на яхте, причем оркестр должен играть там ту же мелодию, а зал освещаться так же, как у Джо Мадригала. Яхта отплывает от берега на три-четыре мили, где астральным силам ничто не будет препятствовать, и тогда он точно укажет на преступника.

Все это кажется мне первоклассной чепухой, но тем не менее должен тебя предупредить: Сен-Рейм обладает каким-то сверхъестественным чутьем, например, увидев меня первый раз в жизни, он выдал кучу таких вещей, которые никому, кроме меня самого, не были известны. Поэтому хотя сеанс на яхте выглядит поначалу смешным, все же у парня может что-нибудь выгореть.

Короче говоря, старик Чейз достал список посетителей ресторана, которые находились около Вилли в момент убийства, и хочет предложить каждому из них по пять тысяч долларов за то, чтобы они прибыли на яхту. Говорит, мол, если они невиновны, им нечего бояться, придут себе спокойно и дадут ему возможность найти убийцу Вилли, а вот если кто откажется, значит, у него есть что скрывать.

Хотя я уже говорил, Перри, с моей точки зрения, это бред собачий, однако не исключена возможность, что во время сеанса ты заметишь нечто и с твоими способностями чисто интуитивно, без всяких улик, идти по следу сможешь узнать то, что тебе надо.

Но возвращаюсь к Мирабель. После того разговора с Харберри Чейзом и Сен-Реймом я с ней виделся. Она считает всю эту затею абсолютной чепухой. Еще она сказала, что, по ее мнению, убийство Вилли-простофили — дело рук Сайлджери и Карлотты, и я понял: для нее Карлотта — все равно что клубок гремучих змей.

Теперь послушай, Перри, какая у меня родилась идея. Пока это просто мысль, ничем не подкрепленная, но у меня такое чувство, что блондинка Мирабель Гэйфорд раз в шестнадцать опаснее Карлотты. Прежде всего, у нее ослепительная внешность, и я не могу понять, почему Вилли-простофиля вдруг пе-

реметнулся к Карлотте. Разве только узнал о Мирабель что-нибудь не очень лестное.

К тому же я заметил, что Харберри Чейз теперь не так дружелюбно относится к ней, как прежде. Очевидно, тоже разнюхал что-то нехорошее.

И наконец, выходя сегодня вечером из клуба „Для избранных“, я сам видел, как эта дама вела конфиденциальную беседу с Руди Сайлджери возле черного хода заведения Джо Мадригала.

И уже самое последнее: я узнал, что у Мирабель есть кузен, влюбленный в нее, который работает в Пробирной палате Соединенных Штатов, а кажется, именно по этой линии просачиваются сведения о предполагаемой отправке золота.

Вот, по-моему, и все. Сейчас побегу проверить еще два-три факта и потом тебе сообщу. Я помню, что обещал все держать в секрете и не давать в газеты ни строчки до тех пор, пока ты сам мне не скажешь. Я держу свое обещание. Но когда мы все закончим, ты разрешишь мне написать самую грандиозную детективную новеллу.

А пока до свидания, Перри, держи ухо востро и опасайся Мирабель.

Твой по гроб жизни Хмельной».

Да-а, интересное было письмо. Оказывается, дело охватывало гораздо более широкий круг лиц, чем я предполагал.

Ну что же, надо было ждать, пока Харберри Чейз или Мирабель не сочтут нужным разыскать меня. Для этого я зашел к дежурному в отель «Корт» и попросил позвонить мне в «Деламер», если кто-нибудь будет меня спрашивать, а потом еще раз предупредил, чтобы он держал в секрете мой новый адрес и не проронил никому ни звука. С этими словами я подмаслил парня еще десяткой, на что он сказал «отлично» и пообещал все для меня сделать.

Вернувшись в отель «Деламер», я еще раз прочитал письмо Хмельного и стал спокойно думать, поскольку для меня кое-что начало проясняться.

Около четырех часов дня мне позвонили из «Корта» и сказали, что меня спрашивала по телефону мисс Мирабель Гэйфорд. Эта самая мисс просила передать, что она будет премного обязана, если мистер Перри Райс зайдет к ней в Бруклин по такому-то адресу. Ей, мол,

нужно поговорить с ним по поводу убийства Чарльза Фрэна, и для меня будто бы существенно важно пойти на это свидание. Ждать она меня будет до пяти часов, и если я все же приду, то избавлю себя от кучи неприятностей.

Обожаю такие приглашения. В них же все есть: и обещание рассказать нечто крайне интересное, и, с другой стороны, что-то вроде угрозы, мол, если не придешь, плохо будет. Во всяком случае, пойти я собирался.

Еще дежурный сказал, что здесь для меня лежит письмо с надписью на конверте «Очень срочно». Письмо принес посыльный от мистера Харберри Чейза.

Я пообещал прислать за ним кого-нибудь.

В общем, дела начали разворачиваться полным ходом. Я зашел в ближайшую аптеку и попросил отправить в отель «Корт» посыльного за письмом для меня, которое нужно будет оставить потом у дежурного в отеле «Деламер», так как я решил заняться им после посещения мисс Мирабель Гэйфорд.

Потом я отправился в Бруклин и без труда нашел место, где должен был встретиться с ней. Это было обыкновенное четырехэтажное здание с небольшими квартирами. Привратник объяснил, что мисс Гэйфорд я смогу найти в квартире № 12 на третьем этаже, и я начал взбираться по лестнице, так как лифта в доме не было.

Квартира № 12 располагалась в самом конце длинного темного коридора и совсем не была похожа на жилище, в котором должна обитать дамочка с деньгой. У меня шевельнулась мысль, что было бы разумнее прийти сюда с люгером, ибо, похоже, эта Мирабель что-то задумала. Но, к сожалению, я его оставил дома, поскольку вообще никогда не беру на свидание с женщинами оружия.

Я постучался, и через минуту мне отворили. В комнате было темно из-за опущенных штор, и мне долго пришлось вглядываться, прежде чем я увидел парня, который открыл дверь. Это был большущий детина в котелке. При виде меня лицо его расплылось в веселой радостной улыбке.

— Мистер Перри Райс? — спросил он. И когда я ответил «да», пригласил меня войти.

Я прошел в комнату и огляделся. Только на одном из окон штора была поднята, и при этом довольно скудном освещении я увидел, что никакой мебели здесь не было, стояло лишь два запакованных ящика,

Детина закрыл за мной дверь, и когда я повернулся к нему, то увидел, что он довольно странно на меня смотрит.

— Вот какое дело, мистер Райс,— сказал он.— Присядьте-ка на один из этих ящиков и послушайте меня. Я думаю, вы достаточно разумный человек и не станете нарываться на неприятности. Правда ведь?

Я улыбнулся ему, уселся на ящик в другой стороне комнаты и сказал:

— А вот в этом я не уверен, красавчик мой! Но я пришел не к тебе. Я пришел к мисс Гэйфорд. Где она? И кто ты такой?

Только я это промолвил, как дверь распахнулась и в комнату ввалился еще один верзила. Он молча кивнул первому и занял оставшийся ящик. По всему было видеть, сильный это парень.

— Слушайте, Райс,— начал первый.— Ничего хорошего вы не добьетесь, если будете так грубить. Мисс Гэйфорд вы увидите, когда придет время, а пока мы зададим вам несколько вопросов.

Я улыбнулся еще шире.

— Да что ты говоришь? А кто такие «мы»?

Он достал из кармана пиджака бляху.

— Мы работники частного сыскного агентства «Дэванс»,— сказал он,— представляющие интересы мисс Гэйфорд. Полагаю, мы не будем тратить время, а сразу перейдем к делу.

— Слушай ты, осел,— сказал я ему,— не валяй дурака. От тебя и твоего вшивого сыскного агентства меня уже тошнит! Лучше бы вы вместе со своим боссом шли ремонтировать автомобильные дороги. Если мисс Гэйфорд здесь, срочно пригласи ее сюда, или я уйду.

А лицо у него было серьезное.

— Мы не хотим применять насилия, Райс,— сказал он.— Будьте благоразумны и отвечайте.

Я уже говорил, что сидел на ящике, оперевшись на него сзади руками. И вдруг я нащупал там молоток, приготовленный, очевидно, распаковывать эту тару. Похоже, он мог мне здорово пригодиться.

— Знаешь что, болван,— сказал я,— пошел бы ты лучше принять душ, а то у тебя мозги запылились.

Он встал.

— Давай приступим,— сказал он другому верзиле.

Они вместе начали надвигаться на меня, и я решил, что пришло время действовать. Схватил молоток и изо

всей силы бросил его прямо в голень детине, который со мной разговаривал. И попал. Тот завыл, как гиена, и повалился на пол. Другой бросился на меня. Я согнулся, ударил его головой прямо в живот, и мы схватились.

К моему счастью, первому парню здорово досталось, он все еще сидел в углу и ощупывал, цела ли у него нога, но второй, довольно крепкий тип, выдавал мне ровно столько, сколько я мог принять.

Одно время мне пришлось совсем плохо. Он захватил мою челюсть так, что у меня искры из глаз посыпались, и вообще начал одолевать. Он всю душу из меня выколоти́л. Мы принялись кататься по полу. Он сверху. Но меня это вполне устраивало, ведь если бы мы подкатились к ящику, я бы прижал его. Мне во что бы то ни стало надо было покончить с ним, пока другой не пришел в себя и не вмешался в драку.

И что же? Все сработало как полагается; я изловчился и спихнул его ногой. Он со всего размаха стукнулся об угол ящика и от неожиданности ослабил хватку. Я воспользовался какой-нибудь секундой, врезал ему между глаз, а потом начал колотить башкой об ящик. Он сдался.

Я подошел к первому типу. Он пытался встать на четвереньки, но все время падал. Я поднял его за шиворот, дал ему как следует по роже ребром ладони и отшвырнул через всю комнату ко второму. Потом поднял молоток и сел на один из ящиков.

— А теперь слушайте, дорогие мои,— начал я.— Сейчас вы мне кое-что расскажете, иначе я тоже поступлю с вами грубо. Я вообще не люблю, когда со мной невежливо обращаются, особенно если это олухи из частного сыскаго агентства, и коли вы не совсем уж безнадежные дураки, то советую вам вести себя прилично.

Ничего не отвечая, они смотрели куда-то на дверь сзади меня. Я тоже оглянулся и увидел, что она потихоньку отворяется и на пороге появляется дамочка, при виде которой я чуть не ослеп.

Это была неописуемо одетая блондинка. Все покупалось, конечно, на Парк-авеню, а на ней выглядело еще вдвое дороже. Ей было около тридцати лет. Природа щедро наградила ее сексапильностью, и, похоже, она это отлично знала. Она вошла в комнату гордой походкой, которая может выработаться только по крайней мере пятью поколениями аристократов. Выражение лица у нее было надменное, ну а черты его, сами понимаете,

дивной красы. Она показалась мне такой красавицей, что если бы я потерпел кораблекрушение и оказался с этой дамой на необитаемом острове, то и не подумал бы махать рукой проходящему мимо пароходу, остался бы там и собирал с ней кокосовые орехи.

Обеими руками она прижимала к себе сумочку, а когда одну руку опустила, я увидел, как в ней сверкнул маленький револьверчик-игрушечка, годный разве только на то, чтобы стрелять в комаров.

Она нацелила его на меня и заговорила. Голос у нее был волшебный и более юный, чем сама хозяйка, причем сразу видно было, что ее учили правильно произносить слова.

— Мистер Райс, если не ошибаюсь, — сказала она и мило улыбнулась. — Вы, кажется, собираетесь командовать здесь, но предупреждаю, если вы только шевельнетесь, я вас убью.

— Что вы, детка, разве так можно? — сказал я ей. — В свою очередь, если не ошибаюсь, мисс Гэйфорд? Пожалуйста, леди, вы, вероятно, начитались детективных романов и решили, что в подобных обстоятельствах именно так должна поступать героиня. Так вот что я вам скажу: как только вы спустите курок этой хлопушки, которую держите в своей очаровательной ручке, сюда сейчас же, не успеете и глазом моргнуть, набьется полным-полно копов, и что в этом будет хорошего для вас или для меня — не знаю.

Я встал с ящика и направился к ней. Я улыбался ей и чувствовал, как она буквально кипела от негодования и обиды, за то, что ее блеф не удался. Взглянула на тех парней, но они не сдвинулись с места. Кажется, здорово утомились.

— Нехорошо размахивать этой штучкой, Мирабель, — сказал я, отбирая у нее револьвер и засовывая себе в карман, — он ведь может выстрелить. Видите, что случилось с этими ребятами? Один только-только начинает приходить в себя; а у другого, похоже, перебита нога. Представляете, какой счет они вам пришлют, учитывая эти легкие телесные повреждения?! И еще одно замечание. Такая очаровательная дама, как вы, да еще с таким красивым именем, Мирабель, не имеет права нанимать подобную дешевку, чтобы выбить из меня какие-то сведения. Со мной ведь не так легко справиться.

Она молчала, просто стояла, глядя на меня во все глаза, и не знала, что делать.

— Послушайте, милая,— сказал я ей,— если вы хотели поговорить со мной, то почему не пришли сюда одна? Зачем подослали этих неопытных драчунов? Я сейчас сделаю вам хорошее предложение: давайте-ка поедem со мной куда-нибудь, выпьем немного и за стаканчиком вина тихо и мирно побеседуем.

Она стояла в нерешительности. Тогда я подошел к ней, взял за руку и вывел из комнаты. Она послушно последовала за мной, все еще не зная, что ей делать и чего хотеть. Когда мы добрались до лестницы, я попросил ее немного подождать, а сам вернулся в квартиру № 12, открыл дверь и посоветовал этим горе-детективам идти домой, принять горячую ванну, в которой, по моему, они сильно нуждались, а потом предупредил, что если еще раз встречу их на своем пути, то расправлюсь уже как следует, предварительно сняв с них мерку для гробовщика. Подчеркнув это на прощание, я вернулся к даме, и мы спустились вниз.

У входа стоял гигантский автомобиль с шофером, одетым в ливрею. Я поинтересовался, не ее ли это машина? Оказалось — ее. Мы устроились на сиденьях, и она назвала шоферу адрес какого-то клуба около Парк-авеню. Я молча наблюдал за ней и все думал: сколько в ее поведении игры и сколько искренности, потому что, знаете, мне она показалась очень хорошей бабенкой, и я даже решил, что Хмельной в своем письме здорово ошибся, расписывая ее.

Но не такой я был парень, чтобы рисковать, поэтому она сама должна была начать.

Я предложил ей сигарету, она отказалась, тогда я закурил сам, и так в молчании мы доехали до клуба.

Шикарное было заведение. Она заказала для себя стакан чая и для меня коктейль, потом открыла сумочку, достала сигарету, закурила и стала говорить.

— Мистер Райс,— сказала она,— может быть, меня дезинформировали, но из сыскного агентства «Дэванс», которому я поручила это дело, сообщили, что вы, мягко выражаясь, очень «трудная личность» и получить от вас какие-нибудь сведения можно только одним путем, тем самым, который они хотели применить. Здесь произошла ошибка.

— Порядок, сестренка,— сказал я.— Не будем об этом. Лучше объясните, что именно вас интересует?

— Мистер Райс,— начала она,— я была помолвлена с Чарльзом Чейзом, или, как он себя называл, Чарльзом

Фрэном, кажется, по прозвищу Вилли-простофиля. У меня есть все основания полагать, что он был убит либо вами, либо Сайлджери, либо Карлоттой, и я готова пойти на все, лишь бы доказать это. Если же вы невиновны, то, может быть, сумеете помочь мне.

Я кивнул, хотя нашел все это довольно странным. Однако заверил, что вполне понимаю ситуацию, и поклялся, что не я убил Вилли-простофилю, поскольку это был мой первый вечер в Нью-Йорке, а до него я даже не слышал ничего о таком человеке.

Тогда она начала разговор о том, что случилось в ту ночь в заведении Джо Мадригала, явно стараясь вывести у меня как можно больше. Но я молчал, предоставляя ей возможность самой высказаться до конца. Потом я спросил, как Харберри Чейз относится к смерти Вилли и доволен ли он действиями полиции, ведущей расследование по этому делу. Из ее ответа выяснилось, что она недавно поссорилась со стариком и, кажется, решила сама заняться следствием.

Поскольку она наняла двух олухов выжать из меня какие-то сведения, значит, считала меня о чем-то информированным и думала при помощи агентов сделать это гораздо быстрее, иначе бы не стала прибегать к такому сложному методу, а действовала бы гораздо проще. Кажется, именно так она сейчас и хотела поступить.

И я оказался прав: после моего второго коктейля, она поинтересовалась, не приходило ли мне какое-нибудь письмо от Харберри Чейза, а когда я удивился, о чем он-де может мне писать и по какому случаю, ответила, что не знает, но полагает, он станет спрашивать меня об этом убийстве.

Все стало ясно. Девчонке было известно, что Харберри Чейз послал мне письмо. И частных сыщиков она наняла в надежде, что я принесу его с собой в пустую квартиру в Бруклине. Но они просчитались.

Однако в любом случае разговор с Мирабель прошел для меня не без пользы. В моей голове все яснее вырисовывались детали этого дела. И теперь я почти на сто процентов был уверен, что мысль, которая ослепила меня в темном зале клуба Джо Мадригала и чуть не заставила подпрыгнуть на стуле — помните, когда я приходил за смокингом Руди и философствовал по поводу оборванных лент серпантина? — так вот, та мысль была абсолютной правильной.

Вы, ребята, наверное, уже поняли, что работа джиме-

на иногда бывает не таким уж приятным занятием. И нужно иметь большую выдержку, чтобы с одинаковым спокойствием встречать и радости, и невзгоды, которых, следует признать, у нас гораздо больше, но, как говорила одна бабенка, когда ее муж упал с пирса в Сантьяго: «Жизнь с тобой за все расплатится», — а для меня, кажется, как раз и наступал такой момент.

И я решил в ближайшее время посидеть тихо и спокойно, предоставив этим умникам полную свободу действий: пусть себе придумывают очередную ловушку для Лемми.

Вы спросите, почему я так легко к этому относился? Да потому, что не было еще на свете такого жулика, чтобы даже в самом гениальном его плане хотя бы одно звено не оказалось гнилым и не порвалось бы.

Отпустите любого ловкача и любую самую разумную бабенку гулять на длинной веревочке — они обязательно и сами попадут на стул, и своих товарищей туда притащат.

Во всяком случае, я чувствовал, что скоро уже доберусь до истины!

Глава 7

Мирабель

Я сидел и смотрел на эту даму. Вероятно, многие считают меня грубым, черствым человеком, но я всегда получаю огромное удовольствие, когда могу любоваться женщинами или думать о них. Мне ужасно интересно, что у них на уме, чего они в действительности добиваются, ведь это уже закон: внешний вид женщины никогда не соответствует ее мыслям. Вот, например, был у меня такой случай: одна испанка на Филиппинах с самой очаровательной улыбкой на самых очаровательных на свете губках одной рукой подарила мне букет цветов, а другой в это время огрела по башке толстенным железным прутом. Так что никогда не знаешь, чего от них ждать.

Внимательно приглядываясь к Мирабель, я пришел к заключению, что она прелестная малышка. На ней был богатый обтягивающий фигуру костюм и полосатая блузка с оборочками, складочками и пышным белым жабо, которое красиво оттеняло ее лицо. На голове была восхитительная шляпка, и парень, который ее причесывал,

тоже знал свое дело. Шляпка была надета набекрень, и из-под нее с одной стороны выбивалась целая копна белокурых локонов. Я знал многих ребят, которые с удовольствием убежали бы из дома ради дамы, подобной Мирабель, но вот каким образом она связана с этим делом, я понять не мог, хотя мне теперь именно это нужно было выяснить, поскольку все опять начало слишком усложняться.

Пожалуй, мне следовало попробовать пойти с ней на откровенность.

— Послушайте, леди,— сказал я ей спокойно.— Я не знаю, какова ваша роль во всем этом, но мне кажется, вы ужасно расстроены тем, что кто-то убил вашего жениха. Конечно, вы хотите задать мне целую кучу вопросов, но, может быть, мы быстрее придем к цели, если сначала несколько вопросов задам вам я. Однако прежде разрешите мне рассказать, как я оказался сюда замешан.

По профессии я продавец акций. Прибыл из Мэзон-Сити, в котором постоянно живу и работаю. Несколько лет я копил деньги, чтобы поехать в отпуск в Нью-Йорк. Примерно через три часа после моего приезда сюда один парень посоветовал мне пойти к Джо Мадригалу. Сказал, что это очень приятное местечко. Ну я и пошел. Отлично. И вдруг там кого-то убивают, а я в это время случайно стою рядом, поэтому меня забирают в полицию и допрашивают. Но мне повезло в двух вещах: во-первых, у меня не было револьвера — я вообще никогда в жизни не носил с собой оружия; во-вторых, один мой приятель, судебный репортер, как раз оказался поблизости и подтвердил копам, что я именно тот, за кого себя выдаю. Поэтому меня сразу отпустили. Вот все, что мне известно. Но это вовсе не значит, что я совсем не интересуюсь этим делом. Наоборот, очень интересуюсь, чертовски интересуюсь.

Если вы когда-нибудь поедете в Мэзон-Сити, то начальник тамошней полиции, который приходится мне дядей, поскольку женат на моей родной тетке, расскажет вам, что меня там считают докой по части разгадки всяких таинственных преступлений, потому-то я и вожусь с этой историей.

Меня вообще ужасно забирают разные непонятности, а вот сейчас страшно волнует и беспокоит,— продолжал я,— почему такая прелестная дама, как вы,— тут я придвинулся поближе и взглянул на нее, как бы онемев от восхищения,— так вот, повторяю, мне интересно, почему

столь очаровательная дама так переживает из-за Вилли-простофили? Извините меня, но это даже смешно.

Она так и вскинулась.

— А что плохого вы можете сказать о Чарльзе? Раньше он был прекрасным человеком, и я любила его. Вы разве никогда не слышали, что женщины любят и некрасивых, и порочных мужчин?

Я улыбнулся.

— Как же, как же, слышал. Вот, помню, во Франции в меня влюбилась одна девчонка.

— Вы были во Франции? — спросила она.

— Посмотрите сюда, леди, — сказал я ей. — Что бы без меня делали военно-морские силы Соединенных Штатов в последнюю войну?

— Чарльз тоже был во Франции, — сказала она. — Говорят, тогда он зарекомендовал себя замечательно.

— Отлично. Вот я и спрашиваю, почему это Чарльз, который был замечательным человеком да еще и женихом такой необыкновенной дамы, почему это он вдруг начал шататься по ночным клубам и путаться с женщинами, подобными Карлотте?

Я нарочно сделал паузу, чтобы посмотреть, как она будет реагировать на это имя. Она плотно сжала губы и, помолчав, сказала:

— Он был глупцом, к тому же разочарованным в жизни. Нет, раньше он казался вполне нормальным, а потом с ним что-то случилось. — Она пристально посмотрела на меня. — Знаете, мистер Райс, мне кажется, я могу вам довериться. Я сейчас в таком состоянии, что обязательно должна с кем-то поделиться. Так вот, я думаю, Чарльза убили потому, что он слишком много знал.

Я притворился удивленным.

— Как же так? О чем же он мог знать?

— Понятия не имею. Просто мне так кажется... — Она оглянулась по сторонам и понизила голос: — Говорят, человека, которого убили в телефонной будке, звали Харвестом Мелландером. Но вы представляете, мистер Райс, ведь он был агентом ФБР.

Я присвистнул.

— И вы хотите, леди, чтобы я вам поверил? Вот интересно-то! Джимен! А как же он позволил убить себя? Значит, это был неважный агент.

— Я не знаю, что там случилось, — сказала она. — Мы с Чарльзом были в ссоре, не разговаривали довольно долго, но вдруг в день убийства он мне позвонил и при-

знался, что понял, каким был дураком. Сказал, что хочет начать новую жизнь, но сперва должен кое-что сделать. Я пожелала узнать, о чем он говорит. Но в ответ ничего определенного не услышала. Он намекнул только, что вечером собирается встретиться с неким агентом ФБР и что один раз уже с ним разговаривал. После его убийства я проверила, с кем он беседовал в клубе за последние дни, и выяснила, что накануне Чарльз общался только с Руди Сайлджери и Мелландером. Но поскольку все знали, что Сайлджери гангстер, значит, Мелландер был агентом ФБР.

— Вы так думаете? — переспросил я. — Что ж, по-моему, это все очень интересно, только нам от этого никакого проку. Вы лучше вот что мне скажите, леди: зачем нужно было приглашать тех ослов из сыскного агентства и что они хотели у меня выпытать?

— Сейчас объясню. Когда мы с Чарльзом разговаривали по телефону, он обмолвился, что послал кому-то письмо, от которого теперь все зависит. А потом мне показалось, что полиция не принимает никаких мер к розыску убийцы, и я обратилась в агентство с просьбой о помощи. Там подозрение пало на вас, и они пообещали выяснить что-нибудь, если я сумею заманить вас в уединенное место. — Она улыбнулась. — А они не так опытные, как я предполагала.

— Ну, я бы этого не сказал, — ответил я. — Пару тумаков от одного из них я долго буду помнить. Что же касается письма, то я ничего не получал.

Я решил направить наш разговор в иное русло.

— Знаете, леди, я, конечно, не претендую на достоверность, но вот как мне все представляется. Думаю, Чарльзу стало известно нечто, что сильно его взволновало. Он должен был как-то действовать и потому сочинил то письмо, которое становится теперь очень важным документом. Мы не знаем, кому оно адресовалось. (Тут я подмигнул сам себе, ведь я-то представлял, о чем идет речь. Это было то самое послание, которое Вилли-простофиля написал Карлотте и которое она отдала Сайлджери, то самое, что я нашел потом в кармане его смокинга.) Значит, вы считаете, что это письмо предназначалось Мелландеру, который, по-вашему, был агентом ФБР? А хотя бы и так. Вам-то чего беспокоиться? Какое вам дело, кому писал Вилли-простофиля? Он умер, и вы его уже не вернете. Ну разумеется, вы хотите найти убийцу и отправить его на электрический стул. Пожалуй,

я бы на вашем месте поступил так же, но зачем вам впутываться в какие-то его темные дела?

Она ничего не ответила, наверное, просто не нашлась.

А странные у меня сложились отношения с этой дамой. Я уже наполовину готов был поверить в ее искренность, и все же, когда смотрел на нее, начинал подозревать, что она от меня скрывает нечто.

Наконец она повернулась ко мне и сказала:

— Возможно, я и знаю что-то такое, чего не могу рассказать вам, мистер Райс. Может быть, когда-нибудь потом...

— А почему бы не выложить все чистоганом, леди? Давайте сейчас. Говорят, одна голова хорошо, а две — лучше. А моя голова, по слухам, работает нормально. Может быть, я смогу вам что-нибудь посоветовать.

Она покачала головой.

— Я никому сейчас не доверяю.

Тогда я решил ее поддеть.

— Даже своему кузену из Пробирной палаты Соединенных Штатов?

Она взглянула на меня, как на сумасшедшего.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Потом крепко сжала губы и вообще как-то вся съежилась. Было ясно, что больше она мне ничего не скажет.

— Хорошо, мисс Гэйфорд, — заключил я. — И запомните, пожалуйста, одно: никто на свете не мог бы заявить, что Перри Райс не подал руку женщине, когда она нуждалась в его помощи. Учтите это. А сейчас мне пора идти. Дайте ваш телефон, может быть, я позвоню, и мы с вами как-нибудь еще увидимся.

Она кивнула и назвала мне свой номер. Я допил коктейль, пожал ей руку и смылся, потому что, кажется, больше здесь делать было нечего.

На улице я огляделся, нет ли за мной хвоста, сел в такси, велел сперва ехать прямо, а потом дал адрес отеля «Деламер».

В номере я нашел письмо от старика Харберри Чейза. Оно мне показалось очень милым.

«Малберри-армс,
Парк-авеню.

Дорогой мистер Райс!

Я уверен, Вы простите меня за то, что я пишу Вам по делу, из-за которого у Вас и так уже было много неприятностей. Извинением мне могут служить чув-

ства отца, чей сын был столь хладнокровно и жестоко убит, что любой метод приведения преступника к ответу будет здесь прощительным.

Очевидно, нет нужды пересказывать Вам обстоятельства, при которых моего приемного сына убили в клубе «Для избранных» Джо Мадригала. Вы сами там присутствовали. И если не ошибаюсь, даже были среди тех, кто во время выстрела находился в непосредственной близости от сына и кого в числе некоторых других посетителей ресторана некий лейтенант Ресслер пригласил в Главное полицейское управление для допроса.

Теперь, оправившись от первого шока, вызванного известием о смерти моего приемного сына, я берусь утверждать, что арест его убийц является делом нескольких часов. Совершенно очевидно, убил его некто, находившийся в пятнадцати — двадцати футах от стола, другими словами, — мисс Карлотта де ля Рю, Вы, один или два официанта, стоявшие с правой стороны зала, элетромонтер Скендалл, который регулировал освещение с вышки над дверью, ведущей за кулисы, некий Сайлджери, который тоже был отправлен в полицейское управление, но предъявил там твердое алиби, подтвержденное Скендаллом, причем, я должен это признать, что и последний никак не мог быть убийцей, поскольку не успел бы спуститься, пройти через дверь, выстрелить, потом спрятать оружие и снова подняться к себе. А то, что во время выступления мисс де ля Рю луч света постоянно двигался за ней по сцене, практически полностью исключает Скендалла из списка подозреваемых.

Конечно, было и еще восемь-девять человек, сидевших поблизости от столика моего приемного сына. И хотя я склонен подозревать их всех, полиция установила при допросе, что ни один из них до этого вечера сына моего не знал.

Ясно, что в полиции расследование так и не сдвинулось с мертвой точки. На все мои запросы там отвечают, что следствие ведется, но пока результатов нет. Поэтому я решил разыскать убийцу иным способом, не прибегая к помощи властей. И тут я, возможно, вышел за обычные рамки.

Прошу Вас не смеяться надо мной, если я скажу, что вот уже несколько лет глубоко верю в оккультные силы. И один человек по имени Сен-Рейм, кото-

рый неоднократно доказывал мне свои сверхъестественные возможности, заверил, что при соответствующих условиях сможет точно назвать имя убийцы моего мальчика.

Условия эти по предложению Сен-Рейма должны быть созданы в салоне моей яхты „Колдунья Атлантики“. Он избрал ее потому, что, только удалившись в море от воздействия земных флюидов, сможет приложить свои способности.

Он требует, чтобы в салоне яхты была воссоздана точная копия обстановки того вечера в клубе „Для избранных“ с возможно большим числом лиц, окружавших тогда столик моего сына.

Должен сказать, что все остальные, посетившие клуб в тот вечер, уже дали свое согласие приехать на яхту, и теперь я прошу Вас во имя справедливости и человеколюбия отбросить неверие в силы этого человека и немедленно по получении данного письма отправиться в Райль-Уорф (Нью-Лондон, Коннектикут), где стоит на приколе „Колдунья Атлантики“.

На дорожные расходы я вкладываю в конверт пять ассигнаций по тысяче долларов каждая. По прибытии на место Вам будет выплачена такая же сумма.

Если Вы невиновны, то участие в этом сеансе примете. Неявка же будет означать, что, скрывая какие-то факты, именно Вы, возможно, и есть преступник.

*Искренне Ваш
Харберри В. Чейз».*

Я внимательно прочитал это письмо и задумался. Кажется, старик был ужасно огорчен смертью Вилли-простофили, да оно и понятно, ведь незадолго до убийства они поссорились, вероятно из-за денег, и, прежде чем успели помириться, кто-то Вилли прикончил, и старик теперь раскаивался. Да, многие не стали бы ругаться со своими близкими, если бы заранее знали, что тем в самое ближайшее время судьба уготовила пару свинцовых го-рошин.

Было уже семь часов. Пожалуй, чем скорее я бы приехал в Райль-Уорф и попал на борт «Колдуньи Атлантики», тем было бы лучше. Почему? А предположим, этот самый Сен-Рейм укажет на кого-нибудь как на убийцу. Так? Создастся очень интересная ситуация, и тот, кого обвинят, — вполне возможно, действительно связанный

с настоящим убийцей, — безусловно заговорит. Вот смешно-то будет, если перст этого пророка упрется не в Руди Сайлджери, а в кого-нибудь другого, ведь я-то отлично знал, что именно Сайлджери убил Вилли-простофилю.

Вообще-то все эти оккультные науки и ясновидение всегда казались мне сплошной чепухой, хотя в воздухе, может, и болтаются какие-нибудь неизвестные нам флюиды, и этот Сен-Рейм действительно кое-что в них понимает.

Но вы, вероятно, уже сообразили, по какой причине мне в основном хотелось туда поехать: чтобы посмотреть, будут ли там Руди и Карлотта, хотя они-то уж обязательно должны были объявиться, иначе бы Харберри Чейз не стал приглашать меня.

Я положил письмо в карман, спустился вниз и поболтал немного с дежурным клерком, который казался мне славным малым. В частности, спросил, не останавливался ли в отеле кто-нибудь из Коннектикута. «Да, — ответил он, — приехал тут один коммивояжер по имени Сэм Ютс, он сейчас в баре».

Тогда я пошел в бар, заказал себе виски и завязал с Ютсом непринужденную беседу. Наговорил ему всякой чепухи, а потом перекинулся на Коннектикут и как бы невзначай спросил, не знает ли он семью Гэйфордов. Он сказал, что знает, и начал мне все выкладывать.

Оказывается, Мирабель была довольно известной личностью в своем штате, принадлежащей, что называется, к высшему свету и набитой деньгами по самые завязки так, что даже не чаяла, как от них избавиться.

Ютс был в курсе и их помолвки с Чарльзом Чейзом, но, конечно, и понятия не имел ни о том, что Чарльз Чейз и Вилли-простофиля одно лицо, ни о том, что это лицо уже убито.

В любом случае к концу нашего разговора с коммивояжером мне было совершенно ясно, что из себя представляет Мирабель. Потом мы выпили еще по чарочке «на дорожку», попрощались, и я вернулся в свою комнату. Уложил там свой чемоданчик, засунул люгер в кобурю слева под мышку, спустился вниз и оплатил счет. Дежурный клерк объяснил, где можно нанять машину, сам позвонил в гараж и попросил прислать мне в срочном порядке самую быстроходную.

В ожидании машины я сидел в вестибюле, курил и думал. А когда наконец автомобиль пригнали и я осмотрел его хорошенько, то пришел к выводу, что он вполне

справится со своей задачей, так как мне пришлось бы здорово жать.

Вернувшись в отель, я позвонил Мирабель Гэйфорд из автомата. Мне ответил женский голос, по-моему, служанки-француженки. Я сказал, что говорит Перри Райс, и она попросила меня подождать. И пока я ждал, все прикидывал, стоит ли мне рисковать, надеясь на счастливый случай, как собирался это делать сейчас?

Но я уже не раз вам говорил, что иногда следует идти на риск, а теперь сложилась такая ситуация, когда он был необходим, поскольку давал возможность доказать кое-какие вещи, в которых я еще сомневался.

Тут к телефону подошла Мирабель. Ах, какой у этой дамочки был прелестный голосок! У Карлотты голос был низкий и густой, успокаивающий, а у Мирабель — юный, веселый, звонкий.

— Чем могу служить, мистер Райс? — спросила она.

— Слушайте, красавица моя, давайте обменяемся «сенаторской любезностью» (Поддержка сенаторами друг друга при назначении на государственные посты.— *Прим. пер.*). В прошлый раз слушал я, а теперь ваша очередь услышать от меня несколько бабушкиных сказок, которые, может быть, заставят вас немного призадуматься.

Она засмеялась.

— Иногда вы мне ужасно нравитесь, мистер Райс, — сказала она. — Вы очень забавный. Ну, что за сказки вы собираетесь мне рассказать?

Я был серьезен.

— Знаете, я много думал о том нашем деле. Кроме того, в этой игре втемную произошли некоторые события, и теперь я бы хотел вам все изложить. Прежде всего, вас волнует вопрос, кто убил Вилли-простофилю? А вы не задумывались над тем, куда убийца дел револьвер? Нет? Так вот, слушайте: когда нас отвезли в полицию, оружия ни у кого не оказалось, значит, от него успели отделаться. Вам, вероятно, будет небезынтересно узнать, что после допроса я ночью вернулся к Джо Мадригалу и все там обыскал и, хотя нашел массу доказательств того, что вашего жениха убил Руди Сайлджерри, — да, да, красавица моя, именно он, — револьвера-то я все-таки не обнаружил.

А почему? Да потому, что, застрелив Вилли-простофилю, Руди Сайлджерри улизнул за кулисы и передал оружие тому, кто потом смылся через черный ход, пока

Джо не успел собрать всех в танцзале и запереть двери.

И вот если вы хотите помочь доказать это, займитесь-ка небольшим расследованием: узнайте, кто перед самым убийством болтался у двери, ведущей за кулисы. Поняли?

— Поняла,— сказала Мирабель.— Так вы говорите, Чарльза убил Руди Сайлджери?

— Совершенно верно. Но пока я не собираюсь заявлять об этом. Всему свое время. Так что не волнуйтесь и не задавайте лишних вопросов, я очень тороплюсь. Теперь дальше: я получил послание от старика Харберри Чейза, будто бы он нашел некоего парня, который обещает разыграть колоссальную сцену ясновидения на борту яхты «Колдунья Атлантики». Якобы с помощью какого-то там оккультизма он сможет совершенно точно назвать убийцу. Похоже, старик уже пригласил всех, кто в тот вечер находился поблизости от Вилли-простофили, приехать на этот сеанс в одно местечко около Нью-Лондона. Заплатил каждому по пять тысяч, включая и меня. Сейчас я уже еду, но сначала решил попросить вас в мое отсутствие как следует присмотреть за заведением Джо Мадригала. А если вам не жалко выбросить еще кучу денег на эту ничтожную имитацию сыщиков в лице агентства «Дэванс», то пусть они не спускают глаз с клуба «Для избранных». Ну... пока, Мирабель,— закончил я.— Будьте пайнкой и не делайте ничего такого, что не понравилось бы вашему дяде Перри, может, еще увидимся.

Боже, как разволновалась дама!

— Пойдите, мистер Райс,— закричала она.— Слушайте... Вам нельзя ехать в Нью-Лондон... Слушайте... Нельзя! Слышите? Не ездите!

Я повесил трубку.

Кажется, мой план сработал.

Захватив свой чемоданчик, я сел в машину и газанул. С полдюжины красных сигналов светофора я проскочил с такой скоростью, что никто даже не догадался остановить меня, и уже через полчаса выехал на шоссе Гротен-Роуд, где можно было спокойно мчаться, детально обдумывая ситуацию.

Было около часа ночи, когда я подкатил к предместьям Нью-Лондона. Я остановился у бензоколонки и выяснил, что до Райль-Уорфа примерно еще миль пять по Гротен-Роуд. Объясняя, как туда проехать, человек смотрел на меня как на сумасшедшего. Я поинтересо-

вался, чем он обеспокоен, и услышал, что вот уже несколько автомобилистов спрашивали дорогу на Райль-Уорф, а обычно эти места очень редко посещают постронние.

Я поехал по указанной дороге, которая постепенно начала сужаться и превратилась наконец в узкую асфальтовую полосу со следами автомобильных шин. В промежутках между деревьями появилось море, и я понял, что Райль-Уорф уже совсем близко.

Вдруг фары моей машины осветили толстенный ствол, лежащий прямо поперек дороги. Резко нажав на тормоза, я вовремя успел остановиться и только потянулся за люгером, как из-за деревьев вышел парень в матросской тельняшке со здоровенным дробовиком в руках.

— Эй, слушай, ты Перри Райс?

— Угадал с первого раза,— сказал я ему.— А это что значит? Ты что, вышел на охоту или всегда приветствуешь людей именно с ружьем?

Он улыбнулся.

— Спокойно, парень. Ну-ка, вылезай из машины и двигай. И никто тебя не тронет, если будешь слушаться. А начнешь кривляться, я сделаю из твоего каркаса решето, столько в нем будет дырок.

Я высунулся в окошко, и тут из-за деревьев вышли еще двое. У одного, седого старика, лицо было цвета начищенных к празднику коричневых ботинок, до того он загорел. Второй, парнишка маленького роста, выглядел здоровяком. На них тоже были матросские тельняшки, и ходили они подчеркнуто морской походкой, как в рекламных телевизионных фильмах.

— Забери-ка его в дом,— приказал старик. Потом взглянул на меня и улыбнулся.— Я думаю, ты поступишь разумно, если спокойно будешь подчиняться всем нашим приказам. Мы не причиним тебе никакого вреда, если станешь вести себя хорошо, но только попробуй выкинуть какой-нибудь номер, и Хайрэм тебя непременно пристрелит, а ему, кажется, очень не хочется этого делать.

— Ну что ж, отлично. Пожалуй, в этом вопросе наши с Хайрэмом мнения полностью совпадают.

Нарочно не торопясь, я начал вылезать из машины. Парень с дробовиком ждал напротив моей дверцы.

— Слушай, Эф,— сказал старик маленькому.— Ну-ка, ступай позвони, скажи, что все в порядке.

— Хорошо, По,— откликнулся маленький.

В это время, стоя уже на земле, я наклонился над панелью приборов, будто бы вытаскивая ключ, и таким образом, естественно, повернулся спиной к своему сторожу. Быстренько произведя в уме некоторые математические расчеты, я попятился от машины задом и лягнул его правой ногой. Все оказалось точно — я попал парню прямо в морду, и ему это страшно не понравилось.

Но прежде чем он успел сориентироваться, я уже стоял перед ним с люгером в руках.

— Ну, морячки, поднимайте-ка вверх лапки и не дергайтесь, потому что такая вшивота, как вы, годится разве для того, чтобы работать веслами на галерах. Будьте умниками, а то вам может показаться, что вы ударились башкой о якорь! — Я забрал дробовик у парня с разбитым носом, присел на обочину и продолжил: — Слушайте, мальчики, потрудитесь-ка немного и сдвиньте с дороги это дерево, чтобы мне вовремя успеть к месту своего назначения. Ну а потом вы получите дальнейшие инструкции.

Ребята принялись за работу. Старика здорово потряс такой оборот дела.

Я стоял и наблюдал, как они суетились. Хорошие ребята, на каждом были грубые синие портки и гигантские бахилы. У одного на правой руке была вытатуирована змея, а на левой — «Я люблю Кору».

Когда дерево убрали, я сел в машину, включил мотор и бросил дробовик на заднее сиденье.

— Прекрасно, братишки,— сказал я.— Вы неплохо умеете прибираться, и потом, когда у меня будет свободное время, я приглашу вас в гости поиграть, будем пускать в луже бумажные кораблики. Хорошо? А пока что, По,— обратился я к старику,— я повторю твое приказание Эфу. Эф,— повернулся я к маленькому,— пойд и сделай, что велел По. Позвони по телефону и передай мисс Мирабель Гэйфорд, мол, все в порядке, и мистер Райс шлет ей привет и обещает при встрече купить большую порцию клубничного мороженого. А если ты способен удержать что-то в мозгах, Эф, то скажи еще так: коли она поднатужит свою очаровательную головку, то поймет, зачем я позвонил ей перед выездом из Нью-Йорка. Как раз хотел проверить, не придумает ли она какой-нибудь трюк. Если же она рассердится и рассчитает вас за сегодняшнее, ребята, бог с ней, помните, что

флоту Соединенных Штатов нужны такие парни, как вы.

С этой шуткой я нажал на акселератор и отчалил. А оглянувшись, увидел, что все трое стоят посредине дороги и смотрят мне вслед.

Славные были ребята, только, пожалуй, славные они были матросы, а вот налетчики никудышные.

Глава 8

Пророк получает свое

Я поехал дальше в том же направлении. Примерно через полмили влево пошла еще одна дорожка, а потом сквозь поредевшие деревья я увидел деревянный пирс. У пирса стояла гигантская яхта, вероятно, это и была «Колдунья Атлантики».

Затормозив, я пристроил машину за деревьями, вышел и, держась на соответствующем расстоянии от дорожки, подкрался к тому месту, где оставил трех морячков. По и Хайрэм сидели на обочине и приставали к Эфу, который торчал перед ними с недовольным лицом. Потом он вынул из кармана брюк огромные часы-луковицу, взглянул на них и быстро куда-то направился. Он проскочил всего в нескольких ярдах от моего укрытия. Пропустив его вперед, я двинулся следом. Мы топали так довольно долго, пока не приблизились к каким-то воротам в каменной стене. Он вошел туда. Я за ним.

За стеной оказался парк, а в глубине его громадный дом в колониальном стиле. К дому вели две-три автомобильные дорожки, и на одной из них, справа от меня, стояла машина с включенными фарами.

Эф прямо через лужайку направился к ней, и я, конечно, тоже.

Наконец я подкрался достаточно близко, чтобы как следует разглядеть машину. За рулем сидела Мирабель и о чем-то разговаривала с Эфом. Потом она включила мотор, и Эф ушел было, но тут же, вспомнив что-то, вернулся.

Сообразив, что выезжать она станет через главные ворота, я быстро перебежал к ним и спрятался в тени. Ворота были закрыты, значит, Мирабель придется их отворять, остановив машину. Так и получилось. Подъезжая к стене, она притормозила, и тогда из-за деревьев показался я.

— Привет, Мирабель,— сказал я,— как поживаете? Видели бы вы, как она удивилась!

— Какой вы, право, забавный, мистер Райс,— произнесла она наконец.— Вечно выпрыгиваете из-за угла.

Я улыбнулся.

— Полагаю, вы безумно рады встретить меня здесь, ведь вами затрачено столько усилий, чтобы я не попал на яхту. Беда в том, что ваши матросики оказались неважными налетчиками, недостаточно опытными. Но выглядело это очень мило. Зачем же вы все-таки хотели это сделать?

Она молча уставилась на панель приборов.

— Слушайте, мисс Гэйфорд,— сказал я.— Почему бы нам не поговорить начистоту? Отчего вы мне все не расскажете? Вы отлично знаете, насколько серьезно это дело, а сами наверняка что-то от меня скрываете.

Она наконец встрепенулась, достала из кармана жакета золотой портсигар, закурила и стала молча разглядывать меня, полуприкрыв глаза от табачного дыма. Вероятно, оценивала. Потом спросила:

— А между прочим, о чем вы говорите?

— А вы как полагаете? — в свою очередь спросил я.— Ведь вас, кроме убийства Вилли, интересует еще кое-что. Да? Меня тоже. Знаете, леди,— продолжал я,— что я могу о вас подумать? Вы были помолвлены с парнем, которого убили. Вы наняли частных детективов, чтобы выжать из меня некие сведения. Когда я заявил, что еду на какой-то там сеанс на яхту, вы вдруг раскинулись и начали уговаривать меня не делать этого. А почему? — Я подошел ближе и прислонился к дверце ее машины.— Слушайте, Мирабель, вы мне сейчас же все объясните.

— Да? Вы так считаете? А с какой стати?

Я достал из потайного жилетного кармана федеральную бляху и показал ей.

— Вот с какой, красавица моя. Меня зовут Лемми Кошен, я специальный агент Федерального бюро расследований Соединенных Штатов Америки, департамент юстиции.

Она улыбнулась.

— А это меня несколько не удивляет. Это отнюдь не сюрприз.

— Что ж, отлично,— сказал я ей.— Жизнь не так-то часто дарит нам сюрпризы. Но дело в том, что мы с вами слишком долго играли втемную. Надо все выяснить.

Прежде всего ответьте, почему вам так не хотелось, чтобы я появлялся на борту яхты?

Она протянула мне сигарету и дала прикурить от золотой зажигалки. Услышав, что я джигмен, она несколько изменила свое отношение ко мне.

— Вы, конечно, знаете правду о Харвесте Мелландере? — спросила она. — Был он джигменом или нет?

— Да, — сказал я, — был. Это Мирас Дункан. Ну и что?

— Это все, что вам известно? — спросила она.

— Думаю, этого вполне достаточно. Если вы можете добавить что-нибудь еще, я с удовольствием послушаю.

— Вы в курсе, какое дело он вел?

Я кивнул.

— О похищении золота. А насколько вы информированы?

Она была очень серьезна.

— Я ни о чем не информирована, но кое-что предполагаю. Мне кажется, Чарльз был замешан в этом деле, и именно поэтому его убили. Вы понимаете, — продолжала она печально, — я не могу отделаться от чувства вины за то, что Чарльз во все это впутался. Он был страшный транжира, и старик в конце концов отказался выдавать ему деньги. Тогда он пришел ко мне и попросил одолжить баснословную сумму. Я отказалась. Может быть, потому он и встрял в эту темную историю. Но не это волнует меня сейчас, — говорила она. — Дело в том, что вчера утром я виделась с его отчимом, мистером Харберри Чейзом. Он рассказал, что собирается пригласить на яхту ясновидящего, который укажет ему убийцу. Я заявила, что это глупо и смешно, ведь даже если убийца будет назван, это ничему не поможет: потребуются доказательства. И похоже было, я отговорила его от этой затеи. Можете представить себе мое удивление, когда вы сказали по телефону, что он все же пригласил вас приехать. Ведь сделать это он мог только вскоре после моего ухода, а ничего подобного делать он уже не собирался.

— Что ж, — сказал я, — все вполне можно объяснить. Знаете, сейчас на меня работает один парень, криминальный репортер, до которого, наверное, дошли слухи об этой идее Харберри Чейза, и он побежал встретиться с ним в аккурат после того, как вы ушли, и уговорил все же сеанс организовать, потому что вы не представляете,

на какие только хитрости не идут газетчики, чтобы раздобыть для прессы интересный матерьяльчик.

Так вот, леди, мне ничего не известно об этом сеансе, но я должен выполнять свою работу и считаю, что успешной она будет, только если пойти сегодня на борт яхты и посмотреть, что там произойдет. Наверное, вы в детективах начитались, что для решения любой проблемы сыщику достаточно немного посидеть у камина и все проанализировать. Но это сущая ересь, леди. Я считаю, что во всем надо полагаться на свое чутье, а сейчас оно подсказывает мне, что на яхту я пойти должен. Похоже, кто-то — в данном случае совершенно неважно кто — уговорил старика Чейза организовать этот сеанс на борту, и мне обязательно нужно присутствовать там, потому что другого пути нет. Вот так.

Она согласно кивнула.

— Да, пожалуй, так.

Потом она начала плести всякую чепуху о том, почему ей не хотелось, чтобы я туда ехал. Когда же я попытался выяснить конкретную причину, она сказала, что и сама ее не знает, она-де вообще ничего не знает, тут, мол, один инстинкт, который подсказывает ей, что мне не следует появляться на яхте и что я гораздо больше узнаю, если останусь на берегу.

Я испробовал все доступные мне способы заставить ее говорить, но так ничего и не добился. Она молчала, плотно сжав губы и устремив взгляд куда-то в темноту ночи. Вероятно, девчонке было многое известно, но по каким-то причинам она не хотела ни во что меня посвящать.

— Ладно, леди, — сказала я. — По-моему, лучшее, что вы можете сейчас сделать, это поехать к себе домой, сварить отличный пунш и выпить его за доброе здоровье Лемми Кошена. И еще: ведите себя так же хорошо, как до сих пор, только не проявляйте неуместную активность, заставляя людей совершать налеты и прочее, а то я ужасно рассержусь, и вам здорово от меня влетит.

Она пожала плечами.

— Что ж, отлично. Хозяин — барин. Но я очень прошу вас зайти ко мне после яхты.

— Благодарю за такое милое приглашение, сестренка, — сказал я. — А почему вы хотите меня видеть потом? Мы уже сейчас видимся. Объясните, что вам нужно?

— Я бы просто послушала о самом сеансе, — сказала она. — Как было бы хорошо пойти туда вместе с вами.

— Ерунда,— сказал я.— Делайте, что вам велят. Поскорее сматывайтесь отсюда, будьте послушной девочкой и помните, что своими попытками вклиниться в эту заварушку вы никому никакой пользы не принесете. Поняли?

— Поняла,— сказала она. Потом включила заднюю передачу и протянула мне руку: — Успеха вам, мистер Кошен.

Мы обменялись рукопожатием.

— Вам тоже, леди. Может, еще увидимся. Во всяком случае, я надеюсь.

Она подала машину назад, потом развернулась, а я по лужайке вышел к воротам, добрался до своего автомобиля и поехал к причалу.

Он находился в довольно уединенном месте. С левой стороны его был небольшой залив. У пирса на якоре стояла «Колдунья Атлантики» — громадное длинное судно, в которое, вероятно, было вложено немало башлей. Оно казалось пустынным, но в плохо зашторенные иллюминаторы пробивался свет.

Я поставил машину возле пирса и направился к сходням. А когда был уже совсем близко, с яхты сошел какой-то парень. Он остановился и осветил меня электрическим фонариком. Потом заглянул в бумажку, которую держал в руке.

— Вы мистер Райс? — спросил он. И когда я ответил «да», велел идти за ним. Мы поднялись на судно, прошли по палубе, потом спустились по трапу, и он постучал в одну из дверей.

Когда на его стук откликнулись, парень отступил в сторону и пропустил меня. Я вошел в каюту, он закрыл за мной дверь и смылся.

Это было довольно обширное помещение со множеством книг. Посредине стоял стол с лампой под тяжелым абажуром. За столом сидел человек. Он обернулся на шум, свет лампы упал на его лицо, и я догадался, что это и есть Сен-Рейм.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Райс,— сказал он.

Говорил он с сильным иностранным акцентом, а глаза у него были самые удивительные из всех, что я когда-либо видел на своем веку. Они все время меняли цвет и сверкали, как у змеи. Я присел, он подвинул мне пачку сигарет и начал трепаться о своем сеансе и о том, как при соответствующих условиях сумеет назвать преступника.

— И это будете не вы, мистер Райс,— сказал он, спокойно глядя мне прямо в глаза.— Ибо я уже сейчас вижу, что вы не тот человек, который убил несчастного юношу. У вас нет ауры убийцы.

— Что ж, отлично,— сказал я.— Может, ауры убийцы у меня и нет, зато есть дьявольская жажда. Где тут можно что-нибудь выпить?

Он засмеялся и позвонил в колокольчик, стоявший на столе. На звонок пришел стюард в белой куртке и повел меня по длинному коридору в большую каюту, оборудованную под бар.

И все они были там. И Руди Сайлджери, и Карлотта, и еще целый ворох каких-то ребят, но я отметил, что людей, находившихся поблизости от Вилли в тот вечер у Джо Мадригала, там не было. Зато было много всякой другой публики, в том числе несколько дам в вечерних туалетах, которых я никогда в жизни не видел.

Я взглянул на Карлотту. Она сидела в углу на кушетке, пила из объемистого фужера и смотрела на меня с улыбкой, которая могла означать все, что хочешь.

— Эй, Райс,— крикнул Руди Сайлджери.— Рад нашей встрече! Хотите выпить?

Он зашел за стойку бара и налил мне вина. Я уселся в конце стойки на свободное место. Руди присел рядом.

— Я сегодня выполняю роль бармена,— сказал он.— Но теперь, когда вы пришли, пожалуй, можно и начать. Нам предстоит довольно веселый вечер.

— Да,— сказал я,— может быть. А может, для кого-то и не слишком веселый.

— А именно?

— А именно то, что это ты убил Вилли-простофилю и отлично знаешь об этом, кисломордый. И если Сен-Рейм укажет на тебя, могу прозакладывать свой последний никель, старик Чейз не сомкнет глаз до тех пор, пока тебя не поджарит.

Он смотрел на меня, как змея. На нем опять был новый смокинг и бриллиантовые, теперь уже с рубинами, запонки, а глаза были как сверла. В руке он держал бокал, крепко обхватив его длинными тонкими пальцами, похожими на стальные крюки, которые запросто могли вцепиться в горло любого человека и, похоже, сейчас охотно бы это сделали.

— Да? — сказал он.— Ах, я и забыл, что вы сыщик-любитель, маленький Шерлок Холмс, который непрерывно суется в дела, его не касающиеся. Послушайте моего

совета, Райс: следите за языком, иначе я могу рассердиться и расправиться с вами.

— Ну прямо сарсапарель! (Род лиан.— *Прим. ред.*) — воскликнул я.— Как я испугался. Не будь смешным, Руди.

И только он собрался что-то мне ответить, как дверь отворилась и вошел некий тип в форме морского офицера, которая была ему слишком велика, кроме того, похоже, парень уже успел где-то раздавить бутылочку.

— Прошу всех, не занятых в сеансе, сойти на берег,— объявил он.— Останутся только те леди и джентльмены, которые будут принимать в нем участие. Все остальные могут сматываться.

Две или три дамы и пара ребят поднялись и ушли. Слышно было, как этот морской офицер побрел по коридору, методично выкрикивая: «Всем посторонним покинуть яхту!» Очевидно, на борту было довольно много народу.

— Как поживаете, Карлотта? — Я подошел к ней поближе, краешком глаза наблюдая, как Руди Сайлджери следит за мной, словно притаившийся зверь.— Как вы себя чувствуете, Ядовитый Плющ? Много ли ребят за последнее время сделали жертвой своих щупальцев?

Она посмотрела на меня, как на ползучего гада.

— Слушай, ты, грубиян, может, ты и был чем-то для своей дорогой мамочки, но для меня ты просто презренный подлец. Я не забыла того номера, что ты выкинул со мной в последний раз. Считаешь себя неотразимым? Думаешь, любая леди так и бросится на такого красавца?

— Именно такого,— ответил я.— Только если ты леди, тогда я король Сиамы, избранный президентом Кубы в ту пору, когда на острове бушевали снежные бураны. Но я не смею больше вас беспокоить, поскольку вижу, как ваш боевой товарищ Руди собирается подойти к нам и разыграть очередную героическую сцену, а когда он это делает, я откладываю в сторону все занятия, чтобы вдоволь похохотать.

Тут подлетел Руди. Его буквально корежило от ярости. Наверное, он бы с огромным удовольствием порубил меня на куски.

— Лучше помолчите, Райс,— сказал он,— не смейте разговаривать с мисс де ля Рю, потому что ей это не нравится! И мне тоже...

— Да и мне. И мне не нравится ни она, ни ты,— огрызнулся я.— Но мы живем в свободной стране, и, если

я желаю с ней разговаривать, никто мне этого не запретит. А когда я захочу сказать, что она мне напоминает перезревшую сморщенную маслину,— кстати, ужасно не люблю маслины,— я ей это так прямо и скажу, а вот когда мне вздумается придумать сравнение и для тебя, я отложу на целый день все свои дела и займусь подбором соответствующих эпитетов в различных справочниках.

И тут он наговорил мне таких эпитетов, которых не найдешь ни в одном справочнике, а потом схватил за горлышко бутылку виски. Но здесь я показал фокус, которому меня обучили на Кубе: немного отступил в сторону, сделав вид, будто собираюсь дать ему по морде, и, когда он, защищаясь, поднял бутылку, ребром ладони ударил его по пояснице. С лицом, перекошенным от боли, он свалился, как кегля, и уставился на меня глазами, которые сверкали, как у всех чертей ада.

К нам подскочили еще двое парней. Казалось, вот-вот вспыхнет общее веселье, но тут отворилась дверь, и на пороге, улыбаясь, возник сам Сен-Рейм. Он заговорил мило и нежно, на иностранный манер, и один его вид подействовал на всех успокаивающе.

— Леди и джентльмены,— сказал он,— не думаете ли вы, что сейчас не время для ссоры?

Поглаживая рукой свою шелковистую седую бороду, он спокойно ждал.

Все окончательно уgomонились. А мне начинал нравиться этот парень. Пожалуй, он действительно обладал какой-то непонятной силой, а может, был способен видеть и то, что происходит, и то, что будет происходить.

Но тут я обратил внимание на одно обстоятельство: яхта двигалась и двигалась с приличной скоростью. Вероятно, пока мы ссорились с Руди, она снялась с якоря. Никто не обращал внимания на вибрацию, но, по-моему, судно довольно бодро резало океанские воды, что показалось мне очень странным, поскольку Сен-Рейм просил удалиться от берега не более чем на три мили.

Сен-Рейм тем временем продолжал:

— Я немного изменил условия проведения сеанса. В конце коридора находится просторный салон. Там должны быть все. Я имею в виду тех, кто был поблизости от молодого человека в момент его убийства. Салон погружен в темноту, горят только тусклые фонарики, освещающие места, на которых вы будете сидеть. Стулья поставлены в круг, и я хочу, чтобы каждый из вас, усе-

нись, положил руки на колени. Я сяду посредине и через несколько минут скажу вам, кто убил Чарльза Чейза.

Наступила тишина. Молчание нарушил Руди.

— Хорошо, профессор,— сказал он.— Все великолепно, за исключением одной маленькой детали. Я не знаю, кто убийца, нам об этом вы скажете, но сам-то он отлично обо всем осведомлен, и многие из нас догадываются, о ком идет речь.

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Карлотта тоже посмотрела.

— Мы считаем, что именно этот парень убил Вилли-простофилю,— сказал Руди.— Он и сейчас пришел сюда с револьвером. Надо отобрать у него оружие.

Я поднялся, но, прежде чем успел что-нибудь ответить, из-за спины Сен-Рейма возник тот свирепый тип в форме морского офицера и направился ко мне.

— Это верно,— сказал он.— Никто не имеет права приходить на борт яхты с револьвером. Если у вас есть оружие, сдайте его немедленно.

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться. Я протянул ему револьвер, и, поверьте, никогда в жизни мне не было так горько расставаться со своим любимым люгером.

Следом за Сен-Реймом мы дошли по коридору до салона. Сверху, с палубы, раздавался топот многочисленных ног. А яхта все набирала скорость, и никто не обращал на это никакого внимания.

В салоне трое парней в белых куртках указали наши места. В самом дальнем углу, перед занавесом, сидел здоровенный детина. Я решил, что это, вероятно, сам Харберри Чейз.

Через минуту все расселись и положили руки на колени, как велел Сен-Рейм. Сам он сел посредине круга, глядя прямо перед собой.

— Будьте любезны, погасите свет,— попросил он.

Кто-то выключил единственную оставшуюся лампочку в углу салона. Стало абсолютно темно и тихо, слышалось только наше дыхание. И все.

Так мы сидели минуты две-три. А потом Сен-Рейм заговорил.

— Я вижу это место,— сказал он.— Я вижу клуб Джо Мадригала. Вижу мисс де ля Рю и слышу ее пение. Вижу, как из двери, ведущей в коридор с уборными, выходит человек. Стройный, худой. Это жестокий человек. В петлице у него белая гвоздика. В правой руке револьвер.

Он обходит эстраду с левой стороны и что-то говорит человеку на вышке, который следит там за освещением. Потом смотрит на револьвер и прячет его в карман пиджака. Вот он выходит из двери, приближается... Теперь он уже шагах в шести от молодого человека, который сидит за столиком и слушает певицу. Человек с белой гвоздикой стреляет из кармана.

Он замолчал. Все сидели не двигаясь.

— Пожалуйста, включите свет,— проговорил Сен-Рейм.

Кто-то сделал это. Сен-Рейм сидел на стуле и пристально смотрел вперед. Похоже, он все еще был в трансе. Но наконец встрепенулся и вроде опять спустился на землю.

В салоне врубили полное освещение. Оказалось, в дверях так и остались стоять трое или четверо парней в белых куртках, наверное стюарды, а позади них толпились еще какие-то ребята из экипажа. Все внимательно смотрели на нас.

Сен-Рейм указал пальцем на Руди Сайлджери.

— Вот он. Чарльза Чейза убил этот человек.

Я посмотрел на присутствующих. Никто даже не двинулся и вообще никак не прореагировал на слова Сен-Рейма.

Сайлджери встал и вытащил из кармана брюк револьвер.

— Слушай, пророк,— сказал он,— да ты, оказывается, гений. Впервые встречаюсь с таким способом установления убийцы. И ты чертовски прав. Да, это я убил Вилли-простофилю, потому что не терплю вокруг себя людей, которые слишком много знают. А теперь, я думаю, пришло время вмешаться мне в этот сеанс.

— Минутку, Руди,— сказал я и обратился к остальным: — Я не знаю, есть ли здесь приличные честные люди, но если есть, то призываю их в свидетели того, что Сайлджери признался сейчас в убийстве Вилли-простофили, или, другими словами, Чарльза Чейза, и...

Но Руди оборвал меня. Он резко повернулся ко мне с револьвером в руке.

— Заткнись, болван, никто тебя не слушает. погоди, настанет и твоя очередь.— Он снова обратился к Сен-Рейму: — Да, пророк ты отличный, даже слишком. Но скажи мне вот что: до того как ты пришел сюда, тебе уже было что-нибудь известно?

Сен-Рейм улыбнулся. Мне все больше нравился этот

парень: он нисколько не испугался, а был совсем не молодой.

— Я знал все,—сказал он,—знал потому, что был вчера вечером в клубе «Для избранных» и все это лично видел. Я мог бы и не приезжать сюда, и без того все было ясно.

Он стоял улыбаясь. Руди тоже улыбнулся, как волк, встретивший в лесу кролика.

— Да, пожалуй, ты знаешь слишком много,—сказал он и поднял револьвер.— Может быть, это ты тоже видел? — пошутил он над стариком.

Сен-Рейм снова улыбнулся. Он был безмятежен, как ручеек в жаркий летний полдень.

— Я видел и это, убийца...

Но больше он ничего не успел сказать, так как Руди шагнул вперед и нажал на курок. Он всадил в Сен-Рейма по крайней мере полдюжины пуль, и было видно, что это доставляло ему огромное удовольствие. Оскалив в улыбке зубы, как гиена, он выстрелил еще два раза, даже когда старик уже упал на пол.

Да-а, жуткий был парень...

Потом он отбросил револьвер и повернулся ко мне.

Я посмотрел на присутствующих: все они окружили меня и улыбались. Улыбались и парни в белых куртках, которых я принял за стюардов, улыбались и бандюги, стоявшие позади них.

— Итак, ребята,—сказал Руди,—разрешите представить вам одну из блистательных звезд департамента юстиции Соединенных Штатов,—он махнул рукой в мою сторону,—мистера Лемми Кошена, талантливого самородка среди федеральных фараонов, очаровательного джигмена в полном комплекте, с бляхой и всем, что полагается.

Он громко рассмеялся. Остальные присоединились к нему.

Я почувствовал себя так, будто попал в пещеру с гремучими змеями.

— Ну,—произнес он,—что же мы теперь сделаем с этим ослом?

Перед Лемми раскрывают карты

Смешно сказать, но, когда, бывает, меня вот-вот должны прикончить, в голову мне лезут всякие глупости. Уж такой я человек.

Например, теперь я думал о том, что у Карлотты очень красивые ножки. Она стояла у открытого иллиуминатора и курила. Хладнокровная, невозмутимая стерва.

Спустившись с небес, я взглянул на Руди. Он смотрел на меня, как все черти ада, и злобно ухмылялся, страшно довольный создавшейся ситуацией. Да, Руди был прирожденным убийцей. Убивал он не потому, что боялся кого-то, и не оттого, что должен был убить, а просто так, из любви к искусству, получая при этом огромное удовольствие.

Кажется, час мой пробил. Стало совершенно ясно, что теперь Руди примется за меня, и моим единственным желанием было хоть на минуту опередить его и, прежде чем он покончит со мной, напоследок хорошенько намять ему бока. Знаете, ребята, на моих глазах часто убивали людей, но я не мог спокойно перенести то, как сейчас был убит старик Сен-Рейм, просто так, ни за понюшку табаку. Бедняга!

Я засунул руку в карман и кивнул в сторону тела.

— Отлично, Руди, — сказал я улыбаясь, — только хочу обратить твое внимание на одну вещь, о которой ты забыл.

Тут я руку из кармана вытащил и указал ею на труп. Расчет был правильным: Руди взглянул туда, а я воспользовался моментом и прыгнул на этого грязного ублюдка.

Так его и так! Здорово получилось! Пальцами левой руки я сжал ему горло, а правой наотмашь, от души, врезал между глаз. Мне два раза удалось его ударить, прежде чем остальные опомнились и поспешили на помощь. Я просто наслаждался, слушая, как Руди стонал, заглатывая собственные зубы.

Но тут они на меня напали. Надо сказать, меня в жизни не раз били, но того, что со мной делали эти черти, вы и представить себе не можете. Если и был когда-нибудь на земле до полусмерти избитый парень, так это я. Они буквально расталкивали друг друга, чтобы хоть разок вцепить мне тумака, какого я еще не получал, и, когда

со мной закончили, казалось, теперь мне в жизни понадобится только одна вещь — могильный камень с надписью: «Он сделал все, что мог».

Левый глаз у меня полностью заплыл — кто-то приложил его бутылкой, — а если ребра мои не сломались от пинков, то только потому, что их, вероятно, вогнули в обратную сторону. Правая рука была парализована от удара стулом, нос напоминал кусок каучука, пропущенного через мясорубку.

Но тут заговорил Руди, и все от меня отступили.

Лежа на полу, я здоровым глазом хорошо видел Руди. У него тоже не было особых причин для ликования. Я треснул его всего два раза, но оба удара были великолепны. Половина его очаровательных зубов вылетела, один глаз закрылся, расцветая чудесным синяком, а на горле до сих пор не исчезли следы моих пальцев.

Я попытался встать, но не смог. Он подошел ко мне и пнул ногой в лицо, и, если вас когда-нибудь пинали в лицо, вы поймете, как это больно во всех отношениях.

Потом он заговорил. Правда, слова можно было разобрать только с большим трудом, потому что губы у него распухли, и я искренне наслаждался этим зрелищем.

— Итак, Кошен, — сказал он, — ты решил драться? Да? Ну хорошо. Слушай, сопляк, я хотел убить тебя быстро и без мучений, но теперь решил вначале позабавиться. Я придумаю что-нибудь особенное. И ты не раз еще станешь умолять, чтобы я поскорее тебя прикончил. Вот так-то. Заберите его, ребята.

Они поставили меня на ноги и поддержали. Я чувствовал себя ужасно: в глазах туман, стены куда-то уплывали и вновь возвращались. Но все же я увидел, как Карлотта подошла к Сайлджеру, поговорила с ним о чем-то, а потом встала передо мной, руки в боки, и начала разглядывать своими змеиными глазами.

— Ай-ай-ай, — сказала она улыбаясь, — посмотрите на великого Лемми Кошена. Как это он позволил, чтобы его высекли, словно нашалившего мальчишку? — Она повернулась к Сайлджеру. — Швырни его куда-нибудь, Руди, пока мы что-нибудь не придумаем. А сейчас, — продолжала она, — получи вот это на память за свои гениальные басни обо мне.

И влепила мне пощечину. Я улыбнулся. Тогда она влепила еще и ушла.

— Ладно, мальчишки, — сказал Руди, вытирая носовым платком лицо. — Бросьте этого болвана в кутузку.

Наденьте ему браслеты да привяжите покрепче, только не церемоньтесь. А потом решим, что с ним делать. Принесите-ка мне виски и холодной воды.

Двое или трое молодцов выволокли меня из салона, протащили по коридору и свернули направо в тупичок. Один из них ушел и вернулся с парой металлических наручников. Они заломили мне руки за спину, надели их и втолкнули в какую-то дверь. Там в темноту уходила небольшая лестница. Мне наподдали хорошего пинка, и я покатился головой вниз, а когда более или менее благополучно прибыл на дно этой дыры, то уже ничего не соображал. Да-а, жизнь — это один сплошной пинок.

Сколько времени я пролежал там, не могу сказать, но, когда пришел в сознание, чувствовал себя прескверно. Каждый раз, когда я пытался повернуться, было такое впечатление будто меня разрывают на куски. В голове стоял звон, один глаз ничего не видел, и вообще было паскудно.

А яхта неслась, как черт. Машины прямо надрывались. Куда бы мы ни шли, Руди, видать, сильно торопился.

Я немного вытянулся, и, хотя неуместно было бы говорить об удобствах со скованными за спиной руками, все-таки, когда мне удалось случайно лечь лицом вниз, вроде бы стало удобнее.

Конечно, это не имело никакого значения, но я никак не мог сообразить, что Руди делает на этом судне и как ему удалось захватить его. Но еще раз повторяю: теперь это не имело никакого значения, поскольку участь моя была предрешена Сайлджери, который собирался добить меня и выкинуть за борт.

Провалился я в этой дыре еще очень долго. Потом неожиданно открылась дверь, вошли двое парней, подхватили меня и поволокли наверх. Там в каюте за столом сидел Руди с бутылкой ржаного. К глазу ему приложили кусок сырой говядины, а лицо у него было синекрасное, как небо на закате.

— Мальчики, — сказал он, — снимите-ка с него браслеты. Он уже ничего никому не сделает.

И он был прав, доложу я вам. Если бы мне предложили сейчас тысячу долларов за то, чтобы я убил муху, я бы не смог этого совершить, вот до чего обессилел.

С меня сняли наручники, я слегка потянулся и шлепнулся на стул. Сайлджери подвинул мне бутылку.

— Выпей, — сказал он, — может, полегчает. Мне нуж-

но, чтобы мозг твой нормально заработал и ты осознал, наконец, свой безнадежный кретинизм.

Я взял бутылку, хотя, можете себе представить, как больно было шевелиться даже для этой цели, и отхлебнул приличный глоток. Виски было хорошее, и голова моя немного прояснилась, но я постарался, чтобы Руди этого не заметил: сидел по-прежнему как одурманенный.

На Руди был красивый летний костюм и шелковая рубашка. Очевидно, уже наступил следующий день. Но я не мог бы поручиться за это, поскольку иллюминаторы были задраены, занавески на них задернуты, и горело электричество. Слегка откинувшись к стене, Руди раскачивался на задних ножках стула и, похоже, был страшно доволен собой. Я уже давно убедился, что раздутое самомнение было одним из его недостатков.

У каждого человека есть пунтик, на котором он может поскользнуться, вот я и решил попытать счастья и сыграть на этом его качестве.

— Знаешь, Сайлджери,— сказал я ему,— ты победил. Ловкий ты парень оказался. Как это тебе удалось перехитрить меня?

Он улыбнулся и с самодовольным видом заложил большой палец правой руки за пройму жилета. Кажется, моя лесть сработала.

— Ты прав, коп,— сказал он.— Неплохо это у меня получилось! Знаешь, оказывается, ваш брат полицейский не так уж и умен.

— Да, кажется, я тоже прихожу к этому заключению. Но вот откуда ты узнал о Мелландере, не могу понять. Он засмеялся и налил себе еще стаканчик.

— Ты вообще ничего не понимаешь.— Он взглянул на меня с ехидством.— Мне даже жаль тебя, Кошен. Ведь ты крепкий парень, во всяком случае, был крепким. Это ведь ты ликвидировал тогда банду Сигелла? А? Я когда-то знал Фреда. Хитрая бестия, но до меня ему далеко. Вот здесь ты и поскользнулся, коп!

— И не говори, приятель. Можешь ничего не доказывать, я сам все отлично вижу. Слушай,— продолжал я,— теперь это все равно не имеет значения, а куда мы идем? — Я взглянул на него.— Что это за путешествие? Просто летняя прогулка или экспедиция на Северный полюс? Вон как гудят машины. Судно шпарит вовсю. Может, перед тем как убить меня, ты все-таки ответишь, куда мы направляемся, а, Сайлджери?

Он наклонился к столу и подвинул мне бутылку.

— Выпей-ка еще, сопляк, и сядь поудобнее. Сейчас ты посмеешься.

Я взял бутылку и только сделал вид, будто отхлебнул из нее. Может, мне удалось бы его накачать... Я отставил бутылку. Он закурил.

— Мы идем в Англию, фараончик. Как тебе это нравится? Ты ведь разыгрывал из себя мудрейшего Шерлока Холмса? Да? Вы же с Мирасом Дунканом все знали, по крайней мере думали так. Считали, мол, эти ослы стянут золото в Америке. Нет, дружок. Ты в последнее время вообще стал плохо соображать, наверное, мозги у тебя запылились, надо бы их проветрить.

Он совсем перегнулся ко мне через стол. И до того он обожал себя, и так уж его распирало, что он прямо не знал, чем меня донять.

— Слушай сюда. Мы украдем это золото в Англии. Больше того. Ты нам поможешь.

Он выпил еще, на сей раз значительно больше, и стало заметно, как виски начинает действовать. Похоже, Руди был навеселе еще до моего прихода, так что теперь уже порядком нагрузился, и, если бы я его немножко поддразнил, он начал бы трепаться еще сильнее и, глядишь, проболтался бы.

— Да, Сайлджери, идея неплохая,— сказал я.— Если, конечно, удастся ее осуществить. Ведь золотые слитки стянуть не так легко. Если ты рассчитываешь, что в Англии это будет проще, то ошибаешься. Там все уже предупреждены, и у них тоже есть копы. Не так ли? И что же ты собираешься сделать? Взорвать английский банк? Ты меня сметишь.

Он улыбнулся.

— Да мы к нему и подходить не станем. Это не будет ограблением банка. Если бы у тебя нашлась хоть капля здравого смысла,— продолжал он,— если бы ты был порядочным человеком, а не паршивым копом, ты бы понял, что легче всего украсть золото именно в Англии, конечно, при правильной постановке дела. Почему? — Удивительно, но он сумел наклониться ко мне еще ближе.— Знаешь, как они доставляют золото в Лондон? С парохода перегружают на поезд и в сопровождении двух клерков отправляют прямо в банк. Просто не верится, что на свете могут быть такие ослы.

Я кивнул.

— Значит, ты собираешься организовать налет на железной дороге? Да? Ну что ж, отлично! Только куда

ты потом денешься со слитками, Руди? Ведь в Англии с ними нельзя будет оставаться.

— А, заткнись ты, болван, — сказал он. — Меня прямо тошнит от твоей глупости. Можешь не сомневаться, все будет в ажуре.

Я улыбнулся, давая понять, что считаю всю его болтовню чепухой.

Он допил остатки из своего стакана, налил еще и опять заговорил:

— Это уж наша забота, как его заполучить. Я только хочу сказать тебе одну вещь: вы, ребята, с самого начала нам помогали. Главное, очень удачно получилось, когда я огрел бутылкой по башке того парня, который разболтался потом у вас в больнице. Правда, мы этого не ожидали. Но бог мой, до чего же все складно вышло! Вы решили, что мы собираемся украсть золото на территории Соединенных Штатов, и начали принимать именно те меры, которые мы и предполагали: заменили пароход и вообще стали делать то, что нам было только на руку. Ну-ка, посмотри сюда.

Он порылся в кармане, достал листок бумаги, сложенный в несколько раз, и бросил его мне. Там был текст, напечатанный на машинке:

«Как известно, последние два года характеризовались значительным притоком капиталов в Америку, частично за счет вложений отдельных лиц, стремящихся заработать в период некоторого расцвета (за истекшие девять месяцев цены на нью-йоркской бирже удвоились), и частично благодаря панике на некоторых биржах Европы в связи с итало-абиссинской войной, захватом немцами Рейнской области и девальвацией франка».

Дальше следовало изложение технических подробностей тройственного соглашения между Америкой, Англией и Францией относительно баланса золотого запаса этих стран. Потом было сказано:

«До нас дошли сведения, что американские страховые компании настаивают на переброске золота небольшими партиями на быстроходных лайнерах со специально оборудованными для этой цели помещениями. Но в зимнее время в связи с уменьшением потока туристов некоторые крупные лайнеры снимают-

ся с линий и заменяются судами, на которых подобных помещений нет.

Поэтому, как только федеральные власти заподозрят, что готовится покушение на отправляемые слитки, они в последний момент должны будут погрузить их совсем на другое судно, чем предполагалось первоначально. Если тщательно спланировать сроки отправки, можно будет достичь того, что золото уйдет на товаро-пассажирском пароходе. Скорость его достаточно низка, чтобы у нас было время для соответствующей подготовки.

В скором времени предполагается переброска слитков на пять миллионов фунтов. Заметьте, что такое количество золота будет весить около восьми тонн. Вероятно, большую его часть представят слитки Монетного двора Соединенных Штатов весом примерно по четыреста унций каждый. Зная, что около тонны весит золотой куб с гранью 14,1 дюйма, можно прикинуть, что слиток Монетного двора размерами $3,50 \times 6,00 \times 1,75$ дюйма будет весить как хороший большой чемодан.

Учитывая все эти обстоятельства, операцию на том берегу следует организовать так, чтобы каждый человек вернулся от грузовика к вагону с золотом не более шести раз, дабы не слишком затягивать время разгрузки».

Прочитал я эту бумагу очень быстро и теперь делал вид, будто никак ее не осилю, с трудом разбирая слова одним своим здоровым глазом. Кроме того, читая, я потянулся за бутылкой и притворился, что выпил еще. Все это дало мне время прийти к интереснейшему заключению.

Чтобы проверить его, я поднес листок к свету, как бы затрудняясь разобрать какое-то место. Ах, что за умник я оказался.

Бумага была отличная, редкого качества, а текст был напечатан на машинке с мелким шрифтом и довольно плотно, чтобы уместить побольше. А интересным мне представилось вот что: листок этот был бланком со срезанной шапкой и точно таким же водяным знаком, как на письме от Харберри Чейза с Парк-авеню. Другими словами, это была та же бумага, только без верхушки.

Я все еще делал вид, будто читаю, а на самом деле соображал. Мне отлично запомнилось, как Мирабель

говорила, что при ней Харберри Чейз еще не решил, устраивать ему сеанс или нет, и, похоже было, больше склонялся к тому, чтобы ничего не предпринимать. Значит, либо кто-то украл у Чейза бланки, либо заказал такие же, чтобы по мере надобности посылать фальшивые письма.

Помнил я и слова Мирабель о том, что Вилли-простофиля был связан с похищением золота, но, пожалуй, он гораздо серьезнее влип в эту историю, чем она представляла.

Я уже стал подумывать, что Вилли с самого начала участвовал в деле, но перетрусил, когда появился Мирас Дункан.

Если предположить, что я был прав, мы бы имели первоклассное объяснение письма Вилли к Карлотте, найденного мною в кармане смокинга Руди Сайлджери. Влюбленный в Карлотту Вилли хотел предупредить ее о появлении Мираса Дункана, который вынюхивает нечто и вот-вот попадет в точку. Самым лучшим средством для спасения своей шкуры Вилли посчитал разговор с Мирасом. В тот же вечер он хотел предупредить Карлотту, чтобы она вышла из игры прежде, чем Мирас начнет производить аресты.

Теперь я понял, что имел в виду Дункан, когда во время нашей беседы у Мокси сказал о каких-то «помощниках из любителей». Он еще не знал, о чем конкретно станет говорить Вилли, но уже знал, что это будет нечто весьма важное, и для облегчения моей работы хотел связать меня с ним.

Вилли пылал страстью к Карлотте и понимал, что для ее спасения надо посоветовать ей немедленно скрыться. Тогда бы он мог придумать какое-нибудь невинное объяснение участия Карлотты в деле и устроить так, чтобы ей не предъявляли официального обвинения.

При таком подходе к вопросу все становилось более или менее ясным. Как говорится, блеснул луч света. Досадно только, что блеснул он слишком поздно.

Обдумывая все это, я сидел, тупо уставившись в текст и держась рукой за голову. А краешком глаза наблюдал за Руди: что-то он предпримет? Потом сложил бумажку, как было прежде, и вернул ему.

Почувствовав, что моя правая рука начала немного отходить, я очень обрадовался, но постарался, чтобы Руди этого не заметил. Бумагу отдал левой рукой и как бы в полном изнеможении повалился на стул.

Руди так и заржал от удовольствия.

— Ну, коп,— сказал он,— видишь, как умно мы организовали эту аферу, ты и половины наших планов не смог разгадать. А теперь,— он весь подтянулся, будто собирался совершить какой-то чрезвычайно великодушный поступок,— я хочу сделать тебе одно предложение. Причем нам совершенно безразлично, примешь ты его или нет, просто даю тебе шанс.

Он примолк, закуривая и глядя на меня через пламя зажигалки своими змеиными глазами. Потом пододвинул сигареты мне.

— Я собираюсь посвятить тебя во все детали этой операции. Слушай. Золотые слитки, судьба которых так волновала твоих друзей из ФБР, десять часов назад покинули порт Нью-Йорка на пароходе «Мейберри». И поскольку судно благополучно вышло в море, власти, вероятно, вздохнули с облегчением и радуются, что все в порядке. Но это отнюдь не так. Наверное, тебе интересно, как именно мы собираемся стянуть золото? А план наш до того прост, что ты и представить себе не можешь!

Он мгновенно осушил еще один только что наполненный стакан и продолжил:

— Ну так как же мы собираемся это сделать? А вот как. Вы в ФБР не поняли одного: это операция международного масштаба, первая, в которой участвуют гангстеры с обоих берегов Атлантического океана. Вы, полицейские, считаете, что у вас крепкая организация. А у нас тоже есть своя. «Мейберри» тащится примерно со скоростью катафалка. С таким же успехом вы могли отправить золото на паруснике. А наше судно гораздо быстрее, поэтому не истечет и двух дней, как мы «Мейберри» нагоним. Но в океане мы ничего не будем предпринимать... Ничего. Просто пойдем следом. Вот так-то... Когда «Мейберри» прибудет в Англию, в Саутхемптон, мы останемся в океане вроде как на морской прогулке. Золото досмотрят на таможне и погрузят на специальный ночной поезд до Лондона. Наши английские коллеги полностью обо всем информированы.

Спросишь, как же все-таки само похищение? Когда золото будут перегружать на поезд, мы бросим якорь между Селси-Биллом и Чичестером. У нас есть точная навигационная карта этого района, и мы сможем подойти прямо к берегу. А поезд тем временем проследует мимо одного чудесного местечка, совсем близко от Саут-

хемптона. И что же там произойдет? — Горделиво подбоченясь, Руди самодовольно хмыкнул. — Мальчики по ту сторону океана нападут на поезд. А поскольку в Англии такого еще никогда не было, то от растерянности никто и не сообразит, что нужно предпринять.

Сначала машинист заметит на путях какое-то препятствие и, естественно, остановится. Так ведь? И что же он еще увидит? А еще он увидит револьвер у своего виска. Сорок отлично натасканных ребят будут участвовать в операции. Вся система сигнализации и связи должна быть выведена из строя на этом участке, а один из наших британских коллег позаботится, чтобы и движение там было перекрыто. По нашему плану слитки будут на грузовиках всего через двенадцать минут и тут же отправятся на побережье через местечко под названием Хавант. Тут мы получаем от них сигнал и на двух моторках с плотами на буксире забираем груз. На все про все кладем пятнадцать минут. После чего смываемся. Понял?

Когда весть о похищении достигнет полиции, английские копы начнут искать золото у себя в стране. И найдут там пустые грузовики, которые мы побросаем в разных местах, перегрузив слитки на наше судно. Никому и в голову не придет, что золото уже на борту! Ну, как тебе это нравится?

Хм, как мне это нравилось? Конечно, план был отличный и, похоже, ничто не могло помешать бандитам выполнить его. Кажется, на сей раз федеральные власти действительно сыграли на руку преступникам, упорно считая, что похищение золота произойдет на территории Соединенных Штатов. Получалось, что брат Скендалла, который перед смертью рассказал о готовящемся грабеже, после того как Руди ударил его бутылкой по голове, здорово услужил гангстерам, поскольку правительство перегрузило золото на тихоходное товаро-пассажирское судно «Мейберри», что значительно облегчило задачу бандитам.

И кроме того, Руди совершенно правильно заметил, что в Англии было гораздо легче организовать это похищение. Вообще, если бы кто-нибудь задумал совершить вооруженный налет, то не нашел бы лучшего места для этого, чем Англия, ибо там никогда никому и в голову не придет, что такое в наши дни возможно. Я этим отнюдь не хочу сказать, что английские копы олухи, ничего подобного, они отлично знают свое дело. Просто в

этой стране, в отличие от Америки, вооруженных налетов на поезда не бывает.

Но поскольку план Руди и его банды — ограбить поезд, перерезав предварительно телеграфные провода, чтобы ликвидировать связь вплоть до окончания операции, перевезти по стране золото на грузовиках, перебросить его на судно и смыться, — поскольку этот план был прямо-таки чудовищен по своему нахальству, он вполне мог у них осуществиться.

Английские копы просто не доперли бы, что золото уже уплыло за океан. Они бы стали искать его внутри страны, полагая это делом рук местных гангстеров, и только очень-очень нескоро выяснилась бы вся правда.

Да, надо было сознаться, что дело организовали неплохо, в этом отношении приходилось отдать должное Руди. Я и не предполагал, что он способен разработать подобную операцию. Хотя мне отлично было известно, что американские гангстеры уже давно связаны с европейскими и в целом представляют собой интернациональную организацию, точно как и копы, но, благодаря тому что последние входят в контакт друг с другом, только заподозрив крупное мошенничество международного масштаба, преступники, выражаясь спортивным языком, всегда имеют возможность сделать рывок на старте, впрочем, в беге на длинные дистанции они неизбежно проигрывают.

Помешать им могло лишь то, что, когда Харберри Чейз, обнаружив пропажу яхты, обратился бы в полицию, копы непременно бы почуяли связь между исчезновением судна и похищением золота. Поняв, что дело тут неладно, они бы стали разыскивать «Колдунью Атлантики», и потребовалось бы не слишком много времени, чтобы какой-нибудь образованный сообразительный парень обо всем догадался.

Но даже в этом случае банда Сайлджери успела бы завершить операцию. У них было быстроходное судно и весь земной шар под килем, уж наверное, они бы нашли не одно укромное местечко, куда смогли бы пришвартоваться, прежде чем был бы приведен в действие морской флот США.

Да, у них все должно было получиться, жулики отлично организовали это дело. Ну а мне не оставалось ничего другого, как в конце этого путешествия тоже отдать концы.

Кроме всего прочего, меня неотступно мучила одна

мысль: помощи ждать неоткуда. В ФБР не знали, где я нахожусь. Вообще положение мое было дрянь, хотя могло так стать, что я и на сей бы раз выкрутился. Но если мне бы пришлось сдать свою расчетную книжку и отправиться туда, куда уходят все джимены после того, как их убьют, я бы непременно прихватил с собой и Сайлджери, и Карлотту, потому что из всех паршивых негодяев, которых я встречал на своем веку,— а можете мне поверить, таких было немало,— именно против этой пары я затаил такую злобу, какой еще ни к кому на свете не питал.

А пока я решил принять условия Руди. Я взглянул на него, скорчил гримасу как бы от сильной боли и сказал:

— Что ж... я сдаюсь. Со мной покончено, это ясно. Какой теперь смысл спорить. Ты победил, Сайлджери, я это отлично понимаю. Давай свои условия. Я согласен на все.

Глава 10

Пауза для эффекта

— Отлично, приятель,— сказал он.— Вот какие у меня планы.

Он встал и открыл иллюминатор, потом мотнул головой, приглашая посмотреть туда. Я увидел Атлантический океан — необъятные водные просторы, простирающиеся на тысячи миль. Особой красоты я в нем не нашел — нечто огромное, холодное, серое и вроде как липкое.

— Сегодня утром мне пришла в голову грандиозная идея,— сказал он.— Один из наших ребят, тутошний матрос, рассказывал, как они в добрые старые времена поступали с такими умниками, как ты. Когда мерзавец начинал грубить, брали длинную веревку, одним концом обвязывали его под мышками, второй прикрепляли к кормовым поручням, потом бросали парня в воду и тащили за собой до тех пор, пока тот не начинал загибаться от холода и голода. Тогда его поднимали наверх, поили горячим грогом, пичкали всякими лекарствами, а как только парень более или менее приходил в себя, снова швыряли за борт. В конце концов он не выдерживал и умирал, но, учти, это купанье было очень продолжительным, и, конечно, самому купальщику никакого удовольствия не доставляло. Ну, как тебе это нравится?

— Я не в восторге от такой перспективы,— сказал я.— Ну а для чего это все? Что тебе это даст?

Он улыбнулся, сделавшись похожим на двух тигров, ненавидящих друг друга, и встал.

— Я считаю эту мысль великолепной,— сказал он,— кроме того, она пока единственная. А сейчас ты пойдешь в каюту и хорошенько подумаешь о предстоящей водной процедуре. Может быть, мы начнем ее завтра, может, послезавтра, а может, и сегодня вечером. А пока тебя переведут в приличную каюту, поухаживают за тобой, немного подкормят, чтобы ты подольше не помирал и мы бы могли вдоволь посмеяться над болваном-копом, который вообразил себя гениальным сыщиком.

Он удалился. Ко мне подошли двое парней, отвели в другую каюту и заперли. На меня опять надели наручники, но только теперь застегнули их впереди. Это все-таки было удобнее.

Я лежал и думал. И думы эти были невеселые: хоть ты день и ночь и еще день и ночь ломай голову, так и не придумаешь, как выпутаться из этой переделки.

Да, видать, жить мне оставалось недолго, в аккурат до тех пор, пока Руди, хлебнув лишний глоток виски, не решит, что ему пора поразвлечься и проделать этот эксперимент с купаньем в океане, который показался мне не очень-то ласковым в иллюминаторе.

Потом мои мысли опять вернулись к похищению золота. Да, если их люди на этом берегу были организованы так же, как в Америке, операция могла им удался.

У них было только одно слабое место. Предположим, Харберри Чейз обнаружит, что его яхту украли. Должен он будет что-нибудь предпринять? Конечно, должен. Он пойдет в полицию Коннектикута, они запросят Нью-Йорк, и там какой-нибудь коп, которому было известно о предполагаемом похищении золота, сумеет связать эти два события.

Впрочем, это было слишком сложно и, пожалуй, даже нереально. Во-первых, не было никаких оснований увязывать похищение яхты с предполагаемой кражей золота; во-вторых, после погрузки золота на «Мейберри» работники ФБР наверняка погладили себя по головке и решили, что теперь все в порядке! Им-де нечего стало беспокоиться, когда золото уплыло в открытое море, потому что теперь это уже забота соответствующих морских страховых компаний. А потом, с чего они будут переживать прежде, чем получают сообщение о похищении.

Да, у Руди все складывалось: золото он забирал и ликвидировал меня, так как я уже слишком много знал.

Но вот что было интересно: зачем им понадобилось затаскивать на яхту старика Сен-Рейма? Если они это сделали только для того, чтобы заманить и меня, то можно было просто ограничиться письменным приглашением, я бы все равно приехал, был бы схвачен и получил свою порцию сначала в кутузке, а потом и за бортом. Для чего нужно было приглашать Сен-Рейма устраивать этот глупый сеанс, когда все на яхте отлично знали, кто именно убил Вилли?

Так я и лежал на койке, глядя в потолок и думая о том о сем. Может, вы назовете меня чудачком, который ломает голову над всякими пустяками, в то время как в любую минуту могут войти бандиты и излупить его просто так, ради развлечения. Но, по правде говоря, будучи агентом ФБР, я не раз попадал в подобное, казалось бы безнадежное, положение, и всегда мне удавалось тем или иным способом вырваться. Ведь я из тех ребят, которые верят — пока есть жизнь, есть и надежда. Поэтому я и собирался, покуда живу, заниматься своим делом, то есть разгадывать это преступление.

Интересно было бы знать, что такое пронюхал Хмельной, если срочно, как метеор, умчался куда-то, даже не намекнув, в чем тут загвоздка. Теперь я понимал, при каких обстоятельствах он написал мне письмо. По-моему, было так.

Хмельной пошел проинтервьюировать Харберри Чейза относительно убийства Вилли. Старик рассказал о Сен-Рейме и заявил, что если полиция так ничего и не выяснит, он устроит этот сеанс и таким образом найдет убийцу. Хмельной, конечно, загорелся этой идеей и, уговорив старика обязательно провести ее в жизнь, куда-то удрал, предварительно известив меня о предполагаемом сборище. Очевидно, вслед за Хмельным к старику пришла Мирабель. Харберри Чейз поделился с ней своей затеей. Она назвала ее сплошной чепухой, поскольку, даже если бы Сен-Рейм указал убийцу, какой из этого вышел бы прок? Одно дело, когда ясновидящий называет чье-то имя, и совсем другое — подтвердить его доказательствами.

Мирабель высказала ему все это, и здесь одно из двух: либо Харберри Чейз послушал ее и решил отменить сеанс, либо ему просто надоели ее уговоры и, лишь бы отвязаться, он пообещал, что ничего не будет. Последний

вариант мне казался более вероятным. Ведь если бы он настаивал на сеансе, Мирабель начала бы проситься на яхту, а старику этого не хотелось, потому что в последнее время у них не было особой дружбы, хотя я и не знал, по каким причинам.

Хорошо. В таком случае, даже если его письмо ко мне было подложным, а Харберри Чейз все-таки решил устроить сеанс, то где же он сам?

Значит, Сен-Рейм приехал, а Харберри Чейз — нет?

Но с другой стороны, откуда мне знать, был он здесь или нет? Может быть, его тут же пристрелили, так что никто не успел даже его толком увидеть. Рассуждая логически, если эти ребята убили сына, то зачем им особенно церемониться с отцом?

А коли это так, тогда я пропал, потому что Харберри Чейз был единственным, кто мог начать поиски судна.

Я лежал и думал, думал, и пролежи я еще хоть пять дней и ночей, так ни до чего бы и не додумался.

Со мной стали прекрасно обращаться, приносили трижды в день отличную еду, сигареты, хотя должен признаться, всякий раз, когда открывалась дверь, сердце у меня уходило в пятки, так я боялся, не Руди ли это идет за мной, чтобы искупать в океане.

Я абсолютно ничего не знал. Стюард, или, лучше сказать, бандит в белой куртке, который меня кормил, не отвечал ни на один из моих вопросов, просто улыбался, как идиотик.

На пятый день к вечеру, когда я только закончил свою очередную трапезу, — кстати, обедать в стальных наручниках довольно трудное занятие, — дверь вдруг открылась и в каюту ввалился Руди. Он уже здорово накачался и был страшно доволен всем на свете, особенно самим собой.

— Ну, великий джимен, как поживаешь? — начал он. — Ты должен согласиться, что отлично отдохнул за эти несколько дней. Как теперь насчет того, чтобы привязать тебя к корме? Сейчас замечательный холодный вечер, и я с удовольствием послушаю, как ты заскулишь!

— Хватит трепаться, Сайлджери, — сказал я, — хочешь заняться своим грязным делом, валяй. Но только без болтовни, у меня от нее уши болят.

— Ах так? — сказал он. — Продолжаешь грубить? Да? — Он уселся на вторую койку, закурил гигантскую сигару и продолжил: — Слушай, ты, болван, я хочу сделать тебе одно предложение, и если ты достаточно умен,

то скажешь «да». Или, может быть, предпочитаешь искупаться? Такая перспектива тебе больше нравится?

— Нет, совсем не нравится,— сказал я.— Давай свое предложение. Я слушаю.

— Отлично! Значит, так: я полагаю, рано или поздно кто-нибудь обнаружит исчезновение яхты. Не правда ли? И в связи с этим, конечно, возникнет целый ряд вопросов. Я, естественно, надеюсь, что пропажу обнаружат не раньше чем мы закончим работу в Англии, погрузим золото и смоемся. Но к этому времени какому-нибудь типу может стукнуть в голову, куда же, собственно, делась «Колдунья Атлантики», и тогда всем судам отдадут приказ ее выслеживать. Задействованы будут и рыбаки, и спасатели, и таможенники. На этот случай нам надо предпринять кое-какие меры. Карлотта надоумила меня, что некоторые из вас, джименов, неплохие радисты. Как насчет тебя, ты знаком с радиотехникой?

— Да,— сказал я,— знаком. Ну и что?

— А вот что. Если хочешь продлить жизнь в своем паршивом каркасе еще дня на два, можешь нам помочь. Думаю, что послезавтра все закончится и золото будет у нас на борту. Как только мы погрузимся, тут же драпанем подальше от берегов Англии. И тогда выступишь ты. Ведь у тебя наверняка есть свой кодовый номер? Отлично. Значит, когда мы удерем с золотом, ты станешь внимательно слушать все радиопередачи и сообщать мне о каждой. Потом сам пошлешь радиограмму, назовешь свой шифр и скажешь, что захвачен в плен на нашем корабле, но прорвался в радиорубку, воспользовавшись тем, что все перепились до чертиков и не могут даже стоять на ногах, ты, мол, слышал, что мы собираемся удрать в Веракрус, и сразу, не дожидаясь дальнейших расспросов, отключишься.

Вне всякого сомнения, какое-нибудь судно твое сообщение поймает, и дня через два соответствующие люди отправятся в Мексиканский залив в погоню за нами. Они совершат неплохую морскую прогулку. Но только прогулку...

— А вы тем временем отвалите совсем в другое место? — сказал я.— Что ж, мне действительно хочется пожить два лишних дня, и я рад, что Карлотте пришла в голову такая великолепная мысль. Ладно. Мне больше ничего не остается делать. Но что будет со мной после этой радиограммы?

— Я застрелю тебя, как самого паршивого копа,—

сказал он,— и выкину за борт. Во всяком случае, это будет быстрая смерть. Или, может быть,— добавил он, зевая,— ты предпочитаешь ныряние за кормой с веревкой вокруг пояса?

— Нет, благодарю, Руди,— сказал я.— Я никогда не любил воды. Если не возражаешь, я предпочту пулю, только смотри, стреляй точно в цель, а то я рассержусь.

— Ты неглупый парень,— сказал Руди.— Отлично. Значит, договорились!

— Минуточку, Руди,— сказал я.— Вот я тут все думал. Я ведь от природы жутко любопытный, и ваш план похищения золота мне показался страшно интересным. Думаю, у вас все нормально сойдет. Но одной вещи я не понимаю: как с вами был связан Вилли-простофиля и за что его убрали?

Он улыбнулся.

— Значит, тебе это интересно? А убил я его потому, что он слишком много знал. Между прочим, Вилли был совсем не такой болван, каким его многие изображали. Это одна причина. А вторая — он чересчур упорно вертелся около Карлотты, и мне это не нравилось, поскольку Карлотта — моя собственность, или, по крайней мере, будет моей, когда наконец внемлет здравому смыслу. Вилли-простофиля...— продолжал он, смеясь.— Знаешь, что я тебе скажу? Если бы я не пронюхал, что Вилли о чем-то известно, ты, может быть, и выиграл бы это дело. Но, вероятно, кто-то проболтался, и Вилли буквально сгорал от нетерпения донести обо всем куда следует.

Да, он собирался о чем-то заявить, но, будучи замечательным олухом, написал сначала Карлотте, что хочет с ней серьезно поговорить. Увидев это письмо, я решил как можно скорее убрать Вилли с дороги. Так будет безопаснее!

Я взглянул на него с удивлением.

— Постой, Руди, а разве он не участвовал в деле?

Руди в ответ так и заржал.

— Не будь ослом, Кошен. Какие у нас могут быть дела с таким кретином? Он просто увивался возле Карлотты. И все!

Моя башка быстро заработала.

— Хм, ну и смешные же штуки выкидывает иногда жизнь,— сказал я.— Значит, если бы ты его не убил, он бы передал все Мирасу Дункану и мы бы забрали вас как миленьких?

Он согласно кивнул.

— Может, и так, коп. Во всяком случае, у вас был шанс. Какое счастье, что я узнал о его намерениях!

— Выходит, ты висел на волоске, Руди,— сказал я.— А теперь объясни, когда ты принял решение убить его? Ведь если бы он прожил еще часа два, твоя песенка была бы спета.

Он снова улыбнулся.

— Ты прав, Кошен. Я действительно висел на волоске. А о замыслах Вилли я узнал в тот же вечер, только немного раньше, часов в семь, и сразу решил, что надо лишить его возможности разговаривать с кем бы то ни было. Он должен был немедленно получить пулю. И он ее получил! А если бы я этого не сделал, все могло повернуться наоборот и теперь вместо тебя пришлось бы в наручниках сидеть мне.

Я ничего не ответил. Он повертелся возле меня еще несколько минут — все злорадствовал и бахвалился, какой он умный,— и потом смылся.

Я лежал, смотрел в потолок и снова думал, думал, пока не сообразил: я, очевидно, оттого все время приходил к неправильным выводам, что до сих пор никак не мог свести концы с концами.

Ведь я считал, что Вилли с самого начала был занят в деле и, только перетрусив, решил во всем признаться, а теперь Руди сообщил, что Вилли не имел никакого отношения к похищению золота, и я не видел причин, по которым бы он мне соврал, поскольку Вилли уже умер и меня ждало то же.

И потом, Руди ничего не знал о намерениях Вилли вплоть до семи часов вечера убийства, то есть до тех пор, пока Карлотта не показала ему письмо и не предупредила, что Вилли о чем-то пронюхал.

И вдруг меня потрясла колоссальная мысль! Руди заявил, что убийство Вилли не было запланировано заранее, он, мол, принял это решение внезапно. Именно это обстоятельство и навело меня на такую идею, от которой я чуть не задохнулся, а я не такой парень, чтобы задыхаться от всякого пустяка!

Я попытался немного успокоиться и начал рассматривать события под совершенно новым углом зрения. И можете мне поверить, все стало аккуратненько складываться и наконец сошлось.

Насколько же было гениально мое решение прийти на борт яхты, если смотреть на этот факт с одной сторо-

ны, и насколько глупым оно оказалось с другой, хотя теперь я уже ничего не мог изменить.

Я уже рассказывал, что, когда вернулся из полицейского управления в заведение Джо Мадригала, — помните, в ночь убийства Мираса Дункана и Вилли? — мне пришла в голову одна интересная догадка. Она была совершенно правильной, но сама по себе ни черта никому не говорила, а вот теперь, когда у меня возникла другая идея, которая вполне увязывалась с первой, я бы смог отлично все завершить, если бы мне только удалось вырваться из заточения.

Ничего больше не происходило до следующего вечера, когда я вдруг почувствовал, что судно замедляет ход и даже вроде бы бросает якорь. Минут через десять после того, как стюард забрал у меня поднос с остатками ужина, дверь отворилась, и на пороге показалась Карлотта, улыбающаяся во весь рот. Вид у нее был такой, будто она нашла миллион долларов и теперь страшно счастлива.

Вместе с ней притащился какой-то тип в офицерской форме. Он был здорово навеселе. Похоже, они только что закончили роскошную трапезу и сейчас самодовольно похлопывали друг друга по спине, ведь дела у них шли как по маслу.

Я сел на краю койки и сказал:

— Добрый вечер, Карлотта. Как поживаете? Что вам здесь нужно? Пришли подразнить меня?

Она улыбнулась.

Много я видел на своем веку красивых зубов, но таких, как у нее, еще не приходилось видеть. А ротик у нее был до того очаровательный, что, заметив его, какой-нибудь темпераментный парень так и завертелся бы волчком.

— Почему бы вам не вести себя прилично? — сказала она. — По-моему, вы должны быть мне благодарны. Если бы не я, вас бы уже давно съели акулы где-нибудь в океанских глубинах!

— Леди, — сказал я, — вы правы. Я признателен вам всей душой! Вас осенила блестящая идея сделать меня радистом в этом плавучем гангстерском клубе. Хотя бы потому, что я получил возможность прожить лишних два-три дня.

— Что ж, прекрасно, — проговорила она. — И вот что я вам скажу. Не вздумайте выкинуть какой-нибудь фортель с радиogramмой. Единственная ваша задача — выс-

лушивать информацию, касающуюся нашего судна, и немедленно о ней сообщать. Вы не имеете права дотрагиваться до ключа, пока вам не прикажут. Смотрите, никаких штукек, а то мы с вами не будем церемониться.

— Хорошо, леди,— сказал я,— я буду послушным. Но по-моему, нет никаких причин лишать меня на эти дни виски. Я сегодня еще ни глотка не выпил. Неужели я чем-нибудь обидел стюарда или там кого еще, кто заведует винным погребком на этом судне? И потом,— продолжал я,— поскольку я веду себя примерно, не будете ли вы столь добры снять с меня эти наручники хотя бы на пять минут. Сами понимаете, не так уж приятно и удобно сидеть закованным вот уже несколько дней.

— Это верно,— согласилась она.— Может быть, бутылочку для вас мы и найдем. А что касается наручников, придется согласовать этот вопрос с Руди, ведь он у нас хозяин.

Она ушла, оставив меня в компании с парнем в офицерской форме, который стоял, прислонившись к стене, до того пьяный, как если бы вылакал несколько галлонов спиртного.

Через пару минут она вернулась, неся на подносике бутылку ржаного и несколько стаканов. Поставила все это на стол, подошла ко мне и растегнула наручники.

Я скинул их и, можете мне поверить, сразу почувствовал огромное облегчение.

— Только не вздумайте выкинуть какой-нибудь номер, освободившись от браслетов, потому что у Керца есть оружие и он умеет им пользоваться.

Керц кивнул и похлопал себя по боковому карману.

— Не беспокойтесь, леди,— сказал я.— Я ничего не собираюсь делать. Как насчет того, чтобы выпить немного?

Подошел к столу и налил три четверти стакана. Она встала с другой стороны стола и положила на него ключ от наручников. А как раз передо мной красовался какой-то толстый журнал, а за ним пепельница. И меня осенила блестящая идея: если бы я надвинул эту пепельницу на ключ так, чтобы скрыть его, а потом бы хорошенько разозлил Карлотту, она от злости могла бы выскочить из каюты, про ключ совершенно позабыв. Конечно, перед уходом они бы снова надели мне наручники, но у тех автоматический запор. Керц бы их просто защелкнул, и никто бы ничего не заметил.

Сначала я заговорил тихо и вежливо, а потом заспо-

рил с Керцем, какую скорость может развить это судно. Я начал ему возражать, и он страшно раскричался. Сперва Карлотта не принимала участия в нашем споре, просто стояла в дверях и улыбалась, поэтому мне не представляло никакого труда все время потихоньку подпихивать локтем журнал. Последний, в свою очередь, подталкивал пепельницу, и секунд через пять она уже скрыла ключ.

Пока все шло отлично. Но тут вмешалась Карлотта. — Эй, слушайте, чего это вы так раскричались! Вы, Кошен, в таких вещах не разбираетесь. Вы шпик, а не моряк. А ты, Керц, до того пьян, что едва ли сейчас уловишь разницу между Италией и четвергом! Слушайте, заткнитесь оба! Вы мне надоели.

Теперь настала моя очередь.

— А ты, драная кошка, думаешь, ты сама никому не надоела? Наверное, считаешь себя безумно прекрасной, когда стоишь в дверях и демонстрируешь всем свою фигурку, ощерив при этом жалкие зубенки? А ты просто гангстерская девка! Слушай, Карлотта,— продолжал я.— Я на своем веку видывал и не таких красавиц! Ты по сравнению с ними просто несчастная жаба, которая выползает из вонючего болота в начале весеннего сезона. Мне противно смотреть на тебя. Вот такие бабы, как ты, рожают дохлых крыс, вроде этой твари.— Я указал на Керца.— Может, ты и классная малютка для дешевого гангстера наподобие Руди! Уж очень он расхорохорился: умный я да ловкий. А тебе это что даст? И куда это тебя приведет?

Сейчас вы гладите себя по головке, считаете, что отлично провернули дельце. Прекрасно! Вот послушайте-ка, что я вам скажу. Вы не можете выиграть. Вы убили нескольких копов в Нью-Йорке, убрали Мираса Дункана, первоклассного парня, застрелили Вилли-простофилю. Похоже, собираетесь убить и меня. Но все же, повторяю, вы не можете выиграть. Вы отлично знаете, что ФБР вас повсюду настигнет и поджарит всех до единого.

Казалось, она лопнет от ярости.

— Ах, как бы я хотел присутствовать при этом,— продолжал я.— Посмотреть, как тебя приволокут из камеры смертников в одном чулке и драной юбке, чтобы присоединить электрод к голому телу, как швырнут тебя на стульчик и из твоей шапочки только дымок пойдет! Ах, если бы мне удалось увидеть все это, я купил бы на радостях огромную бутылку виски!

Она смотрела на меня, как все черти ада.

— Надень ему браслеты, Керц,— наконец сказала она,— и врежь как следует по морде за меня.

Я встал. Керц вынул из-за пазухи револьвер.

— Спокойно, парень,— сказал он.— Одно движение — и я всажу в тебя дюжину пуль. Ну-ка, всовывай лапки!

Я повиновался и дал надеть мне наручники. Он защелкнул их. Потом отложил в сторону револьвер и смазал меня по физиономии. Я упал на койку, но, падая, схватил обеими руками подушку и изо всей силы швырнул ее в Карлотту. И попал!

Дамочка так и влипла в дверной косяк. Потом полила меня целым потоком грязных слов... и... мой план сработал.

Керц, громко смеясь, вышел из каюты, она, с силой хлопнув дверью, следом. Меня заперли.

Но на столе остался ключ от наручников.

Глава 11

Холодная ванна

Я лежал на койке и прислушивался. На яхте царил страшный шум. На палубе у меня над головой раздавался невообразимый топот. Похоже, что-то происходило...

Я полежал еще минут пять, дабы удостовериться, что ни Карлотта, ни Керц ко мне не вернуться и что Карлотта так и не вспомнила о ключе. Потом поднялся, подошел к столу и достал его из-под пепельницы.

В противоположной стене каюты находился встроенный шкаф с ящиками. Я всунул ключ в щель между ящиком и рамкой, поднес к ключу руки, повернул их, и замок открылся.

Сняв наручники, я подошел к столу, достал из пепельницы две использованные спички, отломал у них головки и воткнул в замок. Потом наручники снова надел, но спички помешали им защелкнуться. С виду как будто все было в порядке, но стоило мне потряхнуть кистью, как замок открывался. Спрятав ключ в карман брюк, я снова лег на койку.

Пролежал я примерно полчаса. Шум на яхте постепенно затих. «Колдунья Атлантики» встала на якорь, было слышно, как о ее борт шлепались волны.

Но вот дверь открылась, и в каюту вошел Руди. Вид

у него был решительный, глаза горели, а руки тряслись. Видно, дело не обошлось без наркотиков.

— Ай-ай-ай, Руди,— сказал я.— Мне казалось, ты достаточно силен, чтобы справиться в одиночку. И что же это было? Морфий? Или сладкая понюшка?

— Заткнись, коп,— сказал он,— и не груби, а то получишь.

Он держал руки в карманах и не спускал с меня глаз, до того довольный собой, что, похоже, воображал себя Наполеоном среди преступников.

— Ну ты, болван,— сказал он, наставляя на меня револьвер,— сейчас я тебе кое-что покажу. Ты должен сам убедиться, что полностью проиграл и все твои карты биты. Ну-ка, вставай и ступай вперед, только не вздумай дергаться, а то весь мой барабан будет в твоём позвоночнике.

— Замечательно, Руди,— сказал я.— Всю жизнь обо-жал фейерверк, с детства им любовался. Значит, в твоей работе наступил великий момент?

Я поднялся с койки, вышел из каюты, прошагал по коридору и через кают-компанию выбрался на палубу. Руди шел за мной с револьвером в руке.

Ох, до чего же было хорошо после нескольких дней в темной душной каюте с задраенным иллюминатором попасть вдруг под небо и полной грудью вдыхать чистый морской воздух. Это стоило по меньшей мере миллиона долларов. Я осмотрелся. Ночь была довольно темной, но все же я разглядел, что мы остановились примерно в ми-ле от берега. Видны были белеющие скалы.

Я подошел к перилам и облокотился.

— Прекрасная ночь для вас, Руди.

— Ночка что надо,— ответил он,— но она будет еще прекраснее после того, как все закончится. Ах, какая же она будет изумительная — стоимостью в десять миллио-нов долларов! Если интересуешься, как это все произой-дет, стой здесь и смотри.

— Я смотрю,— сказал я.

Потом взглянул на Руди — он впал в сентименталь-ное настроение.

— Мне всегда хотелось иметь деньги,— заливался он.— Много денег. Осторожная игра не для меня. Круп-ный куш или ничего! — Он взглянул на меня и улыбнул-ся.— Только подумай, коп, если у тебя в голове еще оста-лось то, чем можно думать. Пройдет какой-нибудь ме-сяц — ты в это время, по крайней мере с тремя дырками

в каркасе, будешь скучать в брюхе никому не известной рыбы,— и я уже буду жить где-нибудь в Южной Америке или, может быть, в Мексике, в роскошном особняке, с самой красивой женщиной из тех, что ты видел на своем веку!

— И не говори,— ответил я.— Кажется, ты имеешь в виду Карлотту? Значит, вы собираетесь пожениться? Да? Он казался оскорбленным.

— Конечно, пожениться! Кто нам помешает?

— Да уж во всяком случае не я! Вероятно, тогда я уже буду женат на какой-нибудь акуле. Но ты, Руди, не жди счастья. Не будет его, Руди. Думаешь, вы чудесно заживете с Карлоттой? Умора. Представьте, какая трогательная картина: двое презренных убийц в белом домике в Мексике. Ей богу, Руди, это до чертиков смешно! Еще, пожалуй, скажешь, что вы с этой очаровательной леди после сладкой ночи в прелестном чистом гнездышке будете ходить любоваться восходом солнца, поскольку вообще любите все красивое?! Слушай,— продолжал я,— конечно, тебе ничего не стоит выстрелить в меня из пушки, которую ты держишь в своей лапе, но это ничему не поможет, ты останешься таким же болваном, Руди. А для Карлотты я даже слов не подберу. Послушай меня. Она кокетничала с Вилли-простофилей. Ведь кокетничала? Заигрывала? Безусловно. А теперь вдруг вспылала страстью к тебе. Но почему? Да просто надеется, что у тебя скоро будут большие деньги. Думаешь, ее любовь будет продолжаться и после свадьбы? Ой, нет, Руди, не надейся.

Жизнь вообще интересная штука. Хотелось бы мне еще немного протянуть, чтобы посмотреть, как Карлотта заставит исчезнуть и тебя! Вот подожди, когда ты ей порядком надоешь или она встретит другого парня, у которого денег больше, чем у тебя. Эх, Руди, мне прямо-таки противно делается, просто тошно!

Он засмеялся.

— А, заткнись ты, коп! Твои насмешки не трогают никого. Карлотта создана для меня, потому что я ловкий, умный парень, и ты сам это отлично понимаешь! Может, она тебе самому нравилась когда-то? — съязвил он.— Но какой мог быть шанс у тебя, федерального шпика с жалкой зарплатишкой? Такие женщины, как Карлотта, не про твою честь. Ну, хватит трепаться. Сейчас мне надо заняться делом, а ты не двигайся, а то получишь.

Я огляделся по сторонам. Все, кто был на яхте, сгру-

дились у нашего борта. Тут стояли и Руди, и Карлотта, и Керц, который, кажется, исполнял роль капитана, и еще около двадцати пяти других бандитов, которых, поверьте мне, Руди сумел подобрать один к одному. Никого в жизни мне так не хотелось поджарить, как этих милых крошек.

Мы чего-то ждали. Минут через пятнадцать Керц вдруг закричал:

— Смотри, Руди, там впереди! Погляди сам!

Мы взглянули, куда он указывал. На вершине скалы сверкал маленький огонек. Он то вспыхивал, то снова угасал. После пяти-шести вспышек — небольшая пауза. Потом снова вспышка. И наконец все прекратилось.

Я не раз видал такие штуки. Кто-то всовывает электрический фонарик в железную трубу и то включает, то выключает его, так что свет бывает видно только далеко в море.

— Порядок! — сказал Руди. — Двинули, ребята, и побыстрее!

Я шевельнулся и сразу почувствовал дуло револьвера на спине.

— Тебя это не касается, коп, — сказал Руди. — Ты никуда не пойдешь. Оставайся на месте и не вздумай шебаршиться, а то эта пушка сработает автоматически.

Человек двенадцать из команды побежали вперед. Потом разделились на две группы, отвязали моторки с обоих бортов яхты и спустили их на воду. Моторки обогнули «Колдунью Атлантики» сзади и выстроились там друг за другом.

В это время оставшиеся ребята притащили на палубу два надувных плота, накачали их и сбросили в море, а каждая моторка взяла по одному на буксир.

Тут я начал понимать, что происходит. Поезд уже был ограблен, и золото находилось на берегу. Моторки и плоты с «Колдуньи Атлантики» торопились его забрать. Да, было похоже, что дело у Руди выгорело! И это меня, собственно, не удивляло. Ведь они могли споткнуться только на ограблении поезда. А любая контрабанда в наши дни — самое легкое занятие! Всем отлично известно, что она процветает и в Англии, и в Америке. Слишком уж велика протяженность береговых линий, а в подобную темную ночь вообще ничего невозможно засечь.

Я посмотрел на Руди. Его рука с револьвером дрожала от возбуждения. Позади стояла Карлотта, а подальше — Керц.

Пожалуй, мне было пора. Наступил самый подходящий момент. Теперь или никогда!

Все внимательно наблюдали за моторками.

Я опустил руки, скинул наручники и быстро повернулся. Руди слишком поздно сообразил, в чем дело. Прежде чем он успел что-либо предпринять, я изо всей силы ударил его между глаз и он свалился как подкошенный. Потом, нагнувшись, я с разбегу боднул в живот Карлотту. Она застонала, опрокинулась прямо на Керца, и оба упали на палубу.

И пока еще никто не опомнился, я пробежал по палубе и прыгнул за борт. Ох, до чего же была холодная вода! Можете поверить, я отнюдь не был в восторге от этой холодной ванны. Кроме того, ни в коем случае нельзя было показываться на поверхности там, где меня легко могли подстрелить. Поэтому, погрузившись в воду, я сразу поплыл направо, поднырнул под яхту и замер у ее борта. Потом перевернулся на спину, высунул из воды нос и подтянулся под корму.

На палубе по-прежнему кричали и шумели. Минуты через две одна из моторок, очевидно, освободившись от плота, начала шнырять по морю в тридцати-сорока ярдах от кормы «Колдуни Атлантики». Потом к ней присоединилась и другая моторка. Это искали меня. Они подумали именно то, что я и предполагал: будто я плыву к берегу. Им и в голову не могло прийти, что человек как ненормальный станет цепляться к их корме.

Когда моторки удалились от яхты на значительное расстояние, я, держась все время под водой, подплыл к якорной цепи, ухватился за нее и высунул из воды нос и один глаз. Похоже, здесь было безопасно.

Но вот одна из моторок вернулась. Когда она проходила мимо, я нырнул поглубже, но все равно почувствовал, как сверху прошла волна: вероятно, моторка была от меня в трех-четыре футах, не больше.

Они пошныряли еще минут десять и, наконец, оставили эту затею.

Настала пора действовать.

Придерживаясь одной рукой за якорь, я снял ботинки, потом, изловчившись, в каком-то невероятном подводном кульбите сбросил и пиджак. Освободиться от жилета было совсем просто. Затем, оттолкнувшись, я проплыл немного в ту сторону, где они бы не стали меня искать. Во всяком случае, в такую темную ночь трудно было бы что-нибудь увидеть. Как раз начался прилив, он

двигался под небольшим углом к берегу, и если бы я стал придерживаться того же направления, то без особого труда добрался бы до твердой земли.

Отплыв от яхты примерно на сотню ярдов, я перевернулся на спину и полностью отдался на милость прилива. Холодно было, как в ледяном доме! Вероятно, на берегу меня придется размораживать.

Потом я поплыл опять. Гребки делал энергичные, чтобы согреться, и все время прислушивался, не раздастся ли звук моторки. Но слышно ничего не было.

Тогда я взглянул назад. Хотя «Колдунья Атлантики» вырубилла все огни, я ее все-таки увидел. По борту ползли какие-то белые пятна. Я улыбнулся. Руди поднимал моторки и собирался драпать.

Вот я возликовал-то! Вероятно, то, что мне удалось удрать с яхты, заставило Руди срочно смыться, отложив на некоторое время погрузку золота. Я снова поплыл к берегу. Сигнал на утесе опять мигнул, потом, после небольшой паузы, показался еще три-четыре раза и исчез. Похоже, ребята на берегу решили, что ждать им больше нечего, ведь они тоже слышали звон поднимаемой якорной цепи.

И пока я плыл с полным ртом соленой воды и благодарил небеса за то, что у берегов Англии не водятся акулы, я все время думал, почему это Руди не довел дело до конца? Ведь у него было достаточно времени, чтобы погрузить золото прежде, чем я доберусь до берега и подниму тревогу, если вообще доберусь, в чем можно было очень сильно сомневаться.

Потом я решил не заниматься всякими загадками, поскольку даже не знал, далеко ли еще до берега. Я продолжал плыть. Прилив здорово мне помогал, и я чувствовал, что при каждом гребке продвигаюсь по крайней мере в три раза дальше, чем в обычных условиях. Да, если бы прилив был против меня, с Лемми было бы покончено.

Меня волновала проблема, как выплыть на берег в наиболее удаленном от тех ребят месте, потому что, если золото находилось там, значит, там же находились и те, кто его привез. Поэтому я все время забирал вправо.

И наконец я добрался. Плыл я как испуганная рыба, благодаря бога за этот прилив, потому что без него берега бы я не увидел, хотя всегда считался спецом по части плавания.

Все-таки я доплыл. Сколько времени и каких трудов мне это стоило, никого не касается, важен результат.

Я взглянул на море и увидел удаляющиеся огоньки. Это «Колдунья Атлантики», включив навигационные фонари, линия отсюда.

И тут я припустился рысью. Нашел какую-то тропинку, поднимающуюся на скалу, и стал взбираться по ней. Проклятые камни изранили все мои ноги, но я продолжал бежать, чтобы хоть немного согреться.

Я великолепно себя чувствовал, одолев Руди и вконец испортив его игру. Совершенно ясно, что, когда мне удалось перемахнуть через борт и они не смогли меня найти, Руди крепко задумался. Он отлично понимал, что если я доберусь до берега и расскажу о похищении золота и несостоявшейся погрузке его на борт «Колдуньи Атлантики», у него не будет никаких шансов удрать. Он знал, что в этом случае английская полиция пошлет радиogramмы во все страны мира, и захват яхты станет делом нескольких дней. А ведь ему еще нужно было пополнить запасы продовольствия, поскольку Карлотта как-то обмолвилась, что виски у них на исходе, а я не могу представить себе банду гангстеров, путешествующую по морю без спиртного!

Когда я вскарабкался на гору, мне пришла в голову еще одна мысль: очевидно, только испугавшись, что я доплыву до берега, Руди срочно изменил все свои планы и бросил золото. Значит, если бы я не сбежал с яхты, он спокойно закончил бы операцию, не боясь, что о пропавшей «Колдунье Атлантики» спохватятся. И ходил бы на ней некоторое время без всякой опаски.

На вершине скалы я осмотрелся. Никого и ничего не было видно. Только в море еще светились огоньки «Колдуньи Атлантики», но и они постепенно таяли в темноте. Да, Руди определенно убегал.

Очень осторожно я начал продвигаться вперед, потому что, хотя от того места, где мигал сигнальный фонарик, было далеко, нужно было остерегаться английских коллег Руди, которые могли все еще болтаться по берегу, удивляясь, почему это Руди так и не забрал десять миллионов долларов, которые ему столь любезно доставили.

Они, наверное, уже начали беспокоиться, как бы английские копы не подняли шум из-за ограбления поезда. И вот что они должны были сейчас сделать: снова перетащить золото на грузовики или другие машины и отвезти его в некое укромное местечко в глубь страны. Навер-

няка у них была какая-нибудь штаб-квартира и в Англии. А могли и рассовать золото по разным углам, чтобы потом, когда шум поуляжется, собрать его снова.

Я бежал, а мой мозг все время работал, как хорошо смазанный мотор. Кажется, «золотое» дело еще не было закончено и я мог кое-что предпринять.

Вдали показался огонек. Подлетев поближе, я увидел коттедж. Я буквально посинел от холода и стучал зубами, но в остальном чувствовал себя отлично, по крайней мере, много лучше, чем если бы плавал сейчас где-нибудь в океане с двумя пулями в каркасе.

Я заглянул в заднее окошечко. В комнате сидели старушка и старик, они раскладывали пасьянс и попивали горячий чаек из огромного чайника. По этим чайникам всегда можно догадаться, что вы находитесь в Англии: по-моему, он у них круглые сутки стоит на столе.

Я обошел коттедж с другой стороны и постучал в дверь. Вышел старик, посмотрел на меня и сказал:

— Да вы совсем мокрый, а? Вы что, свалились в море?

А догадливый был старик-то!

Я объяснил ему, что упал за борт парохода, и спросил, нет ли у него телефона и не могу ли я им воспользоваться.

Он пригласил меня в дом. Я вошел, и старик показал мне телефон в холле.

Пока я дожидался, когда телефонистка пробудится от сладкого сна, старушка принесла мне чашку горячего чая. И это было отлично!

Наконец мне все-таки ответили. Я заказал междугородный разговор с Уайтхоллом 1212 — это Скотланд-Ярд — и попросил соединить с главным инспектором Херриком. Это был тот самый парень, который работал со мной по делу ван Зельден. Какой-то тип ответил, что Херрика сейчас нет, и поинтересовался, не может ли он мне чем-нибудь служить. Я сказал, что может, было бы, например, неплохо, если бы он дал мне сухие штаны, но теперь я должен непременно поговорить с Херриком, поскольку если они что-нибудь слышали об ограблении поезда с золотыми слитками, то у меня для них есть некоторые подробности, которые я передам только Херрику.

Парень записал номер телефона, по которому со мной можно было связаться, и сказал, что они обязательно позвонят. Действительно, через десять минут раздался зво-

нок, и на другом конце провода послышался голос Херрика.

Ну и удивился же он.

Когда я объяснил ему, что я, Лемми Кошен, сижу сейчас в мокрой рубашке и без штанов в каком-то заброшенном местечке на побережье, и для подтверждения своей личности огорошил его парой интимных деталей из нашей последней совместной работы, парня чуть не хватило сразу два удара. Но в конце концов мы обо всем договорились, я изложил ему свои планы, а он сказал «отлично».

Мы условились, что я останусь в этом коттедже и выпью весь имеющийся в наличии горячий чай и вообще все жидкости, на которые смогу наложить лапу, а Херрик тем временем позвонит в полицию Боньера и попросит прислать мне машину и сухие брюки, после чего я поеду в Саутхемптон, в маленький отель под названием «Серебряная решетка», где буду его дожидаться.

Мне этот план очень понравился.

Я объяснил старику, что дозвонился до своих друзей и они сейчас за мной приедут. Тогда тот усадил меня у камина, дал одеяло, горячего чая, виски и еще горячего чая, а горячий чай отличная вещь, когда чувствуешь себя как простуженная рыба!

А старушка была просто прелесть! Они научили меня играть в бридж втроем, и все это было бы очень мило и приятно, если бы только мокрые трусы постоянно не прилипали к стулу.

Вероятно, я все-таки немного простудился и черт знает как расчихался, и как раз в самый разгар чихания приехали ребята из боньерской полиции. Они отвезли меня в какое-то место около Чичестера, дали сухую одежду, которая с трудом на меня налезла, и досыта накормили вкуснейшей едой, а когда я сказал, что чувствую себя превосходно, мы поехали дальше.

В половине четвертого утра мы прибыли в саутхемптонский отель «Серебряная решетка». Его владелец уже ждал меня. Мне приготовили отличную комнату, в которой ярко пылал камин; я принял горячую ванну, надел пижаму и халат, которые любезно предоставил тот же владелец отеля, и уселся ожидать Херрика. Он приехал в половине пятого, с ним приволоклись еще несколько ребят.

Ей-богу, я от души был рад встрече с таким хорошим парнем, как Херрик. Если бы вы взглянули на него, то

никогда бы не сказали, что это коп. На вид он мог быть всем, чем угодно: продавцом угля, страховым агентом, словом, чем хотите, только не копом. Он был высоким, худеньким, ясноглазым и носил котелок, сдвинутый на самый затылок. Мне всегда казалось, что последний на нем держится только благодаря громадным ушам. Но коп он был отличный, никогда не волновался, и башка у него варила. Мне он нравился.

Мы уселись у камина и начали беседу. Я рассказал ему все с начала до конца и даже о тех событиях, которые предвидел в ближайшем будущем.

Главное, было ясно, что золото все еще находилось в этой стране, просто его где-то спрятали.

Но одну вещь я Херрику не стал говорить. Так, мыслишку, которую держал в самой глубине своей башки, поскольку это была такая колоссальная идея, что, расскажи я о ней, меня бы сочли рехнувшимся. Может быть, вам такая же мысль пришла в голову? Я толкую о том, до чего додумался, карабкаясь по тропинке на скалу, до того как попал в гостеприимный домик старичков. Я никак не мог отделаться от этого. Руди Сайлджери изменил свои планы и смылся после моего побега с яхты. Другими словами, он был вынужден бросить золото, когда операция уже была почти закончена, только потому, что какой-то парень (то есть я) мог добраться до берега и заявить, что судно, на котором находится похищенное золото, называется «Колдуньей Атлантики».

Именно это обстоятельство и вызвало у меня столько различных эмоций. И по-моему, я ничем не подвел и не унизил Херрика, не рассказав ему о догадке, засевшей у меня в мозгу, поскольку сейчас это не имело никакого значения.

Во всяком случае, пока было нечего ломать голову по этому поводу.

Нам было отлично известно, что ребята, укравшие золото, спрятали его где-то. Конечно, мы могли его и не найти, но мне казалось, если мои мысли подтвердятся, оно непременно обнаружится, и не только оно, но и кое-что еще!

Более двух часов мы обсуждали с Херриком это дело и выработали определенный план поведения, а когда обо всем договорились, Херрик спустился вниз, позвонил кому следует по телефону, потом вернулся, пожелал мне спокойной ночи и смылся в Лондон.

Перед уходом он оставил мне английских башлей и

вручил удостоверение великобританского полицейского.

После его ухода я снова сел у камина и начал думать. Да, интересная получилась история. Пожалуй, у меня еще не было такого, чтобы в ходе расследования обнаруживались подобные неожиданности.

Вспоминая все происшедшее, я все больше убеждался, что операция была организована с большим умом. Было разработано все до мельчайших деталей. Но даже в таких случаях преступники не могут не допустить хотя бы маленькую ошибочку, поэтому они никогда и не выигрывают в беге на длинные дистанции (помните, я приводил такой спортивный термин?). Хотя я бы не взялся утверждать, что Руди обязательно проиграет.

Потом я начал думать о Карлотте. Странные создания эти женщины! Вот, например, Карлотта. Как она поет! Прямо божественно. Такая красавица, такая фигура, и вообще высший класс! И все-таки предпочитает путаться с подонком Руди Сайлджели, самым обыкновенным гангстером и наркоманом, который убивает людей просто так, ради развлечения.

Отсюда вы можете сделать вывод, какие действительно непонятные существа эти женщины. Нипочем не угадаешь, что из себя представляет та или иная и чего добывается. Например, Руди говорил, что только благодаря Карлотте не убил меня и только по ее совету меня оставили принимать радиogramмы и посылать свои, указывая в них неправильное местонахождение судна. Теперь-то я понял, как умно это было задумано!

Руди тоже уяснил смысл этой идеи. Ведь по самой непредвиденной случайности кто-нибудь мог узнать, что золото погрузили на «Колдунью Атлантики», и тогда моя радиogramма, данная примерно через час после отплытия яхты от английских берегов, перепутала бы все карты тем, кто вздумал бы ее искать, хотя,— и я никак не мог этого сообразить,— если на судне не было ни одного человека, знакомого с радиodelом, как бы они поняли, что именно я передаю в эфир? Впрочем, они могли мне врать, а на самом деле у них были такие люди.

И тут я вдруг почувствовал, что устал думать. Я выкурил последнюю сигарету и лег в постель, потому что, как уже раньше говорил, это отличное место для ребят, которые любят поспать.

А я очень люблю!

Горячие новости

Я проспал до десяти часов. Вместе с завтраком мне принесли и утренние газеты. Почти все они в той или иной форме откликнулись на кражу золота, но меня больше всего заинтересовала «Дейли скэтч». Она напечатала сообщение, которое мы с Херриком составили вчера вечером.

Вот что там говорилось.

«Поразительная кража золота»

Не найти таких случаев в анналах истории ограбления поездов на диком Западе, которые могли бы идти хоть в какое-то сравнение с кражей золота, имевшей место сегодня рано утром.

Золотые слитки на общую сумму пять миллионов фунтов стерлингов, которые прислало американское правительство согласно тройственному соглашению, были украдены из специального поезда, следовавшего из Саутхемптона в Лондон.

Поезд был остановлен группой вооруженных людей. Двери вагона, в котором находилось золото, были взорваны при помощи нитроглицерина, известного в криминальном мире под названием „суп“. Обезоружив охрану, бандиты перегрузили слитки на машины, находящиеся рядом с поездом.

Характер этого уникального ограбления показывает, что оно было тщательно спланировано высококомпетентными в подобных делах людьми. Быстрота, с которой золото исчезло из поезда, свидетельствует о том, что в операции было занято по меньшей мере пятьдесят человек. До настоящего времени — настолько хорошо все было организовано — у полиции нет никаких данных ни о личности грабителей, ни о месте, где теперь спрятано золото.

Главный инспектор Херрик, которому поручено расследование, считает, что это дело рук весьма опытной шайки железнодорожных грабителей. К такому выводу он приходит на основании ознакомления с обстоятельствами ограбления.

„Золотой“ поезд, следовавший по специальному расписанию, находился примерно в пяти милях от местечка Хавант. В это время два тяжелых грузови-

ка, один из которых был гружен кирпичом, другой — чугунными решетками, столкнулись перед поездом прямо на путях. Колеса их сцепились, и более легкий грузовик перевернулся.

Это произошло около часа ночи в довольно пустынной местности. Дежурный диспетчер по станции Хавант, учитывая, что для расчистки дороги потребуется некоторое время, подал сигнал „опасность“, и „золотой“ поезд остановился на некотором расстоянии от места столкновения. Между тем водители обоих грузовиков исчезли.

Проинтервьюированный нами сегодня утром машинист поезда сообщил следующее:

„Я был примерно в четырех милях от разъезда Хавант, когда вдруг получил сигнал „опасность“ и замедлил ход. Поезд еще не остановился полностью, когда с правой стороны локомотива кто-то закричал. Оба моих помощника и я сам, естественно, взглянули туда, а когда повернулись обратно, увидели, что на локомотив забирается какой-то человек. В руках у него был автомат. Он приказал нам поднять руки и заявил, что, если мы не подчинимся, он перестреляет нас как собак. И он бы, конечно, выполнил свою угрозу. Этого человека никто бы из нас теперь не узнал. На нем был длинный темный плащ, а на лице — фильдеперсовый дамский чулок с прорезями для глаз.

Пока они таскали золото, этот человек все время оставался с нами в кабине.

Сначала мы слышали какой-то топот, и краем глаза я увидел, как пятнадцать или двадцать человек бегут к поезду из лесочка. Наверное, столько же их подбежало из леса и с другой стороны. Через несколько секунд раздалось подряд два взрыва. Как теперь мне стало известно, это нитроглицерином взорвали замки в вагоне с золотыми слитками.

Минут через пять появился еще один тип в маске и с револьвером и что-то сказал первому. Тот велел нам, как только будет дан сигнал „путь свободен“, немедленно трогаться вперед. Неповиновение их приказу означало бы для нас смерть. После этого они прыгнули на землю и исчезли“.

Один из нескольких членов вооруженной охраны „золотого“ поезда полностью подтвердил слова машиниста.

„Мы вдруг почувствовали, что поезд замедляет ход, — сказал он, — но, естественно, нас это ничуть не удивило, поскольку мы отлично знали, что идем вне расписания и не застрахованы от некоторых задержек. Каково же было наше изумление, когда мы вдруг услышали взрывы и увидели несколько неизвестных людей. Все они были в длинных плащах, в масках и с револьверами.

Они предупредили, что малейшее сопротивление будет означать для нас немедленную смерть. В это время еще две группы начали прямо на пути выбрасывать из вагона ящики с золотом. А третья группа тут же подбирала их и куда-то уносила. Всю операцию они провернули до того быстро и организованно, что можно было подумать, будто до этого несколько раз репетировали. Все было удивительно четко.

Потом какой-то тип, очевидно главарь этой банды, сказал, что теперь они, спрятавшись за деревьями, некоторое время будут держать нас под прицелом и при первом же нашем движении откроют огонь.

Через минуту мы слышали шум отъезжающих грузовиков. Я направился было к одной из вагонных дверей, но тут же раздался выстрел: пуля просвистела в нескольких дюймах от моей головы“.

Впервые в нашей стране был произведен подобный налет на поезд. Именно это обстоятельство, а также невероятная отточенность всей операции позволили бандитам добиться успеха.

Опросы полицией местных жителей относительно направления, в котором скрылись грузовики, не дали никаких результатов. К сожалению, на этой территории движение транспорта по ночам всегда было очень оживленным, поэтому никто и не обратил особенного внимания на грузовики с золотом.

Следует особо отметить, что уникальность методов, которыми пользовались бандиты в этом деле, не дает возможности хотя бы по косвенным признакам определить более или менее известную в нашей стране преступную шайку.

Однако полиция уверена, что трудности, которые возникнут перед бандитами при попытках реализовать такое неслыханное количество золотых слитков, помогут ей найти преступников, дерзнувших совершить ограбление поезда».

Я перевернул страницу и прочитал:

«Только для „Дейли скэтч“

В дополнение к информации о краже золота (см. стр. 1). „Дейли скэтч“ стало известно, что мистеру Лемюэлю Г. Кошену, агенту ФБР Соединенных Штатов, назначенному для проверки слухов о предполагаемом похищении золота на территории Америки до отправки его в Англию, сегодня утром с риском для собственной жизни удалось бежать с украденной в Америке частной яхты, где он был пленником банды гангстеров.

В интервью нашему корреспонденту специальный агент Кошен, проживающий сейчас в отеле „Серебряная решетка“ в Саутхемптоне, заявил:

„У меня нет никаких сомнений, что это преступление международного масштаба. Я абсолютно убежден, что, если бы не мой побег с яхты „Колдунья Атлантики“, золотые слитки сейчас уже находились бы на ее борту и направлялись в один из иностранных портов.

Я готов, если понадобится, оказать английской полиции любую помощь в розыске украденного золота“».

Дальше была еще одна заметочка:

«„Вашингтон трейдер“, трансатлантическое грузовое судно, радириовало сегодня, что видело яхту, совпадающую по описанию с „Колдуньей Атлантики“. Яхта, покинутая пассажирами и экипажем, была охвачена пламенем».

Что ж, отлично, Херрик напечатал все, как мы условились. Теперь больше ничего не оставалось, как только ждать, когда он получит новые сведения и, как я надеялся, сообщит их мне с указанием моих дальнейших действий.

А пока я решил прогуляться по Саутхемпτονу. Купил себе костюм на деньги, которые получил от Херрика, всякое прочее снаряжение, потом заказал междугородный разговор с посольством США в Лондоне и сообщил, где я нахожусь. «Хорошо,— сказали они,— продолжайте работать».

Все бы и было хорошо, если бы не одна неприятность: второй секретарь посольства — между прочим, этого пар-

ня я прекрасно знал — сказал, что мне бы следовало написать подробный рапорт на имя директора Федерального бюро расследований.

По-моему, это была довольно грязная вылазка с его стороны: я страшно не люблю письменные доклады, потому что не очень-то силен в правописании, и мне постоянно приходится рыться во всяких там словарях. Но тем не менее пообещал ему это сделать и вернулся в «Серебряную решетку».

Купил блокнот, одолжил у хозяина гостиницы словарь, поднялся к себе и, к своему величайшему удивлению, увидел там Хмельного, который сидел у камина с виски и содовой на столике рядом и был, что меня особенно поразило, — совершенно трезвый!

Он взглянул на меня, улыбнулся и помахал своей ладью.

— Вот такие-то дела... Ну, шалопай, держу пари, ты меня не ждал.

Ах, как же я был рад этому парню! Кажется, впервые в жизни подал ему руку от всей души. Потом мы с ним немного выпили и разговорились.

— Слушай, Лемми, — сказал он, — я ужасно за тебя беспокоился. Я приехал в Англию всего пару часов назад и, как только вычитал в газетах, что ты торчишь здесь, со всех ног бросился сюда. Я так переволновался за тебя, Лемми, когда сообразил, что, если бы не я, ты бы и не думал ехать в Коннектикут на «Колдунью Атлантики». А когда услышал, что тебя чуть не прикончил Сайлджери, мне стало совсем хреново.

Я налил ему еще виски.

— Ну ладно уж, хватить разводить нежности, малыш, — сказал я. — Давай выкладывай, что там у тебя?

— Дело было так, Лемми, — начал он. — После того как мы расстались тогда у Джо Мадригала, мне ужасно захотелось написать хотя бы пару строк про эту историю. Тут я собирался немного надуть тебя и опубликовать без согласования какой-нибудь незначительный матерьяльчик. Ну и пошел к старику Харберри Чейзу, — между прочим, симпатичный старикан, — он рассказал мне о Сен-Рейме и о том, что тот обещал ему при помощи каких-то потусторонних сил найти убийцу Вилли-простофили.

Поколебавшись, старик решил пойти на организацию сеанса на борту «Колдуни Атлантики». Мол, так пожелал Сен-Рейм. Старик собирался послать приглашение и

тебе, поскольку тебя подозревали, а он был уверен, что ты знаешь гораздо больше, чем говоришь вслух. Тогда я написал тебе письмо, в котором предупредил, что старик **хочет** тебя пригласить. Нужно было, чтобы ты заранее все обдумал и принял необходимые меры, так как я был уверен, что ты непременно пожелаешь присутствовать на этом сеансе. Поздно вечером я снова зашел к старику. Но оказывается, после моего первого визита у него побывала небезызвестная тебе Мирабель Гэйфорд и **отговорила** от этой затеи.

Она убедила его, что сеанс никакой пользы не принесет, ибо, даже если Сен-Рейм укажет убийцу, это будет просто голословное обвинение, а суд запросит доказательства; и потом она заверила, что Харберри Чейза за такую штуку наверняка поднимут на смех. Тогда он согласился никакого сеанса не устраивать.

Еще он сказал, что после ее ухода позвонил капитану «Колдуньи Атлантики», чтобы отменить свое распоряжение относительно организации сеанса. Но почему-то ни капитана, ни членов основной команды на борту яхты не оказалось.

Почувствовав неладное, я выяснил, что кто-то неизвестный позвонил команде и передал приказ якобы Харберри Чейза немедленно явиться на Лонг-Айленд и принять другую яхту. Но мне-то отлично было известно, что старик никуда их не отправлял. Я проехал на Лонг-Айленд и нашел там матросов, которые болтались по берегу в поисках несуществующего судна. Тогда стало окончательно ясно, что кто-то умышленно снял с «Колдуньи Атлантики» всю команду. Я немедленно позвонил тебе в отель, но ты уже уехал в Коннектикут. Похоже было, кто-то задумал темное дельце, ведь Харберри Чейз не посылал тебе никакого приглашения на «Колдунью Атлантики».

Но мне пришлось задержаться на Лонг-Айленде, поэтому я ничего не мог предпринять до следующего утра. А возвратившись в Нью-Йорк, бросился к старику и рассказал обо всем. Тогда он взял машину, мы как черти понеслись в Коннектикут и узнали, что «Колдунья Атлантики» отчалила в неизвестном направлении, неизвестно с кем на борту!

Тогда я все понял! Вероятно, старик успел написать Сайлджери, а потом, когда раздумал организовывать сеанс, просто перезвонил ему по телефону. И Руди осенила блестящая идея — украсть «Колдунью Атлантики»,

пустить на ней вдогонку за «Мейберри» и попробовать разыграть роль пирата.

И я подумал: а что, если они собираются стянуть золото здесь, в Англии, погрузить его на «Колдунью Атлантики» — самую быстроходную яхту — и смотаться с ним? И как видишь, я оказался прав!

Я рассказал об этой моей догадке Харберри. Видел бы ты, как он разгорячился! И поскольку теперь у него уже не было никаких сомнений в том, что это все сделал Руди, старик поклялся всем святым на свете и еще целой кучей отнюдь не святого, что он лично пристрелит Сайлджери как собаку. Теперь он был абсолютно уверен, что именно Руди убил Вилли.

Мы вернулись в Нью-Йорк. Старик нанял сыщиков, они обыскали квартиру Руди и нашли там письмо — Руди бросил его в камин, но оно не сгорело, — в котором были указаны некоторые подробности, в частности адрес какого-то убежища на этой стороне океана.

Ну, старик Харберри буквально рассвирепел! Он заявил, что немедленно отправится в Англию, найдет там Сайлджери, сорвет с него штаны и вклеит в это место несколько пуль. Он не хотел ввязывать сюда полицию, чтобы не было никаких арестов и судов, ведь где аресты и суды, там и подкупы. Он собирался собственноручно пристрелить Руди, говорил, что никто на свете не удержит его от этого акта возмездия! Потом он спросил, не хочу ли я сопровождать его в этой поездке в Англию?

Хотел ли я? Как ты думаешь? Ведь наклеивалась такая колоссальная статья! Правда, старик ни за что не называет мне тот адрес, по которому, вероятно, устроил свою резиденцию Руди.

Как только я сюда приехал, сразу услышал, что золото украли, и, пока читал газеты, Харберри смылся. Нанял машину и умчался в Лондон, по крайней мере, так он заявил в гараже.

Теперь, Лемми, слушай меня внимательно. Я считаю, что Харберри уехал ненадолго, а потом сразу же отправится туда, где надеется найти Сайлджери. А если он его отыщет, то убьет непременно.

— Ну так что же?

— А вот что. У меня такой план: я срочно выезжаю в Лондон, разыскиваю там старика — он совершенно точно остановится в одном из дорогих отелей — и не остаю от него до тех пор, пока не вытяну тот адрес. И как

только я его узнаю, тут же связываюсь с тобой, где бы ты ни был. Ну, что ты на это скажешь?

— По-моему, здорово, — сказал я. — Я согласен! Валий побыстрее в Лондон, выясняй координаты, а я пока посижу здесь. Как только все добудешь, звони мне сюда. Чем скорее я услышу твой голосок, тем лучше.

Он взглянул на часы.

— Как раз через несколько минут отправляется скорый поезд, — сказал он. — Я еще успеваю на него. Ну, пока, Лемми. Увидимся! Мы непременно накроем эту банду!

— Еще бы, — сказал я. — И прошу тебя, не делай ничего такого, что не понравилось бы твоей маме!

После его ухода я взял блокнот и, вооружившись словарем, начал строчить рапорт на имя начальника. И уверяю вас, я был бы куда более счастлив, если бы мне сейчас пришлось вступить в единоборство со стаей гиен, потому что вся эта писанина — не моя специальность, к тому же я уже неоднократно убеждался, что тип, который отлично пишет рапорты, не всегда бывает столь же искусен в практической работе.

Но тем не менее писать я был должен! И вот что у меня получилось.

«Директору
Федерального бюро расследований,
департамент юстиции, Вашингтон.
От специального агента
Лемюэля Г. Кошена,
отель „Серебряная решетка“,
Саутхемптон, Англия

Сэр, по получении Вашего задания я связался со специальным агентом Мирасом Дунканом в погребке „Мокси“. Но во время нашего свидания мне практически не удалось получить от него никаких сведений относительно отправки золота. Дункан назначил мне вторую встречу в тот же день в клубе „Для избранных“ Джо Мадригала, чтобы передать дополнительную информацию.

Но, как Вам известно, никакой информации он мне сообщить не смог, поскольку был убит прежде, чем я прибыл в это заведение.

Чарли Фрэн, или, другими словами, Чарльз Чейз, приемный сын Харберри Чейза, был убит в ту же ночь.

После допроса в нью-йоркской полиции я вернулся в заведение Джо Мадригала, где мною были найдены доказательства того, что Чейза убил Руди Сайлджери. Тогда меня еще не интересовало убийство Чейза, я считал убийство Мираса Дункана более важным делом и был уверен, что оно связано с предполагаемым похищением золота. Но я пришел к совершенно твердому заключению, что Дункана тоже убил Сайлджери. И решил проверить правильность моих догадок. В результате проверки мои предположения подтвердились.

Прежде всего я посмотрел, как реагирует предполагаемый убийца на кое-какие мои слова. Затем связал участие Руди Сайлджери, Карлотты де ля Рю и других в убийстве Мираса Дункана и Чарльза Чейза с их участием в похищении золота.

Моя проверка была успешной и...»

Кто-то постучал в дверь, и, после того как я сказал «войдите», появился незнакомый парень. Хороший такой паренек. Он предъявил мне полицейский значок сержанта, передал чемодан и письмо от Херрика и после этого исчез.

Я был страшно рад, что он прервал мое занятие. Это хотя бы на некоторое время освобождало меня от подыскивания слов для доклада шефу. Я с удовольствием подошел к камину, уселся поудобнее в кресло и прочитал письмо от Джона Херрика.

Вот оно:

«Дорогой Лемми, как мы с тобой условились, мною отданы следующие распоряжения:

1. Два наших работника в штатской одежде — оба хорошие ребята и отличные стрелки — будут непрерывно дежурить у твоего отеля. Если ты куда-нибудь пойдешь, они последуют за тобой в случае, когда на тебе будет белый шарф, который находится сейчас в чемодане. Если ты выйдешь без шарфа, они останутся у отеля.

2. Три полицейские машины со времени получения тобой этого письма будут непрерывно связаны по радио с дежурным офицером саутхемптонской полиции. По первому твоему телефонному звонку, когда ты назовешь свой кодовый номер 32/В4, эти машины выедут в любое нужное место. Если тебе придется дей-

ствовать в Сассексе, там в твое распоряжение также будут выделены две полицейских машины.

3. С большим трудом мне удалось достать для тебя люгер. Вместе с двумя боезапасами он лежит в чемодане, но я надеюсь, все эти патроны ты не используешь. Лемми, дорогой, ради всего святого, помни: ты сейчас в Англии, а наши начальники не любят, когда прелестные британские пейзажи засоряют трупами, даже если эти трупы представляют собой результат меткого выстрела полицейского офицера.

Мы предпочитаем арестовывать преступников.

Если тебе что-нибудь понадобится, обращайся в полицию Саутхемптона.

Начальник просит передать тебе горячий привет и благодарность за бутылку яблочной водки, которую ты прислал ему после успешного окончания дела ван Зельден. Он уверяет, что от этой водки у него несколько дней болело горло.

Надеюсь, твой план полностью удастся, хотя, откровенно говоря, я лично сомневаюсь. Но уж таков твой навеки

Джон Херрик».

Я открыл чемодан и действительно нашел там белый шелковый шарф и люгер в таком виде, как я обычно ношу, — с двумя боезапасами. Оружие было в отличном состоянии, почищено и смазано. Хороший парень этот Херрик, всегда обо всем позаботится!

Да, кажется, больше мне ничего не оставалось делать, как снова углубиться в словарь и прошагать этот проклятый путь с написанием рапорта. На чем, бишь, я там остановился?

«...полностью подтвердила некоторые мои догадки. Наиболее существенным пунктом этой проверки было установление причастности некоего электромонтера Скендалла к убийству Чарльза Чейза. Он преднамеренно создал ложное алиби для Сайлджери, и тот, естественно, был отпущен нью-йоркской полицией. Адрес Скендалла я узнал от судебного репортера одной чикагской газеты по фамилии Тарнан, который хорошо знал и посетителей, и работников заведения Джо Мадригала и неоднократно оказывал мне помощь в других делах.

В ту же ночь я побеседовал со Скендаллом. Они

живут вдвоем с каким-то парнем над гаражом, принадлежащим Сайлджеру. Когда я выходил оттуда, на меня было совершено покушение. Оно еще раз подтвердило мои...»

Слава богу, опять можно было прерваться! Зазвонил телефон. Я пошел в спальню и взял трубку. Из саут-хемптонской полиции подтверждали, что с полицейскими машинами все будет в порядке. Я поблагодарил их и решил немного вздремнуть, ибо нет ничего лучше, чем лечь спать именно в то время, когда тебе следовало бы писать рапорт. Наверное, я здорово устал, потому что, как только добрался до постели, сразу же уснул.

И как же я отлично поспал! Проснулся только от телефонного звонка. Надрывался он, как черт.

Я открыл глаза. Оказывается, было уже совсем темно, и огонь в камине почти потух.

Я встал и включил свет. А по дороге к телефону взглянул на каминные часы. Было уже одиннадцать. Да, неплохо отдохнул!

Я взял трубку и обрадовался: это был Хмельной.

— Слушай, старик,— возбужденно сказал он,— все в порядке. Через час я узнаю этот адрес. И вот что мы сделаем: давай-ка встретимся сегодня ночью в половине первого в гараже Фелдэна, это примерно в пятидесяти ярдах от шоссе Ботлей-Роуд. Им сейчас никто не пользуется, он уже около года закрыт. Значит, в половине первого я привезу тебе туда адрес и еще кое-какие новости. Пока, Лемми. Только не забудь: гараж Фелдэна на Ботлей-Роуд, в двенадцать тридцать.

— Хорошо, дорогуша,— сказал я,— буду там как штык. Отличная работа, Хмельной. Придется когда-нибудь назначить тебя начальником полиции.

Он ничего не ответил, просто прищелкнул языком и повесил трубку.

Глава 13

Для кого-то занавес

Кажется, дело подходило к концу, и я правильно угадал, что приятели Руди прятали золото неподалеку.

Наверняка бандиты, которые собирались погрузить слитки на борт «Колдуньи Атлантики», страшно удивились, когда обнаружили, что яхта куда-то исчезла. И на-

верняка они приготовили какое-нибудь помещение, где могли бы спрятать золото хотя бы на время, если бы ограбление поезда произошло несколько раньше, чем на горизонте появилось бы судно. Дом они, конечно же, сняли здесь, около Саутхемптона, поскольку им обязательно надо было пристроить добычу хоть на какую-то посудину, пусть и не на «Колдунью Атлантики». Хмельной подтвердил правильность моих догадок: поскольку свидание мне было назначено в гараже на Ботлей-Роуд, значит, где-то там находилось и убежище, адрес которого он узнал у Харберри Чейза.

Я позволил себе одну сигарету и, пока курил, все думал, как бы мне получше организовать это дельце. В конце концов в голове у меня родился твердый план.

Я позвонил в полицию Саутхемптона и сказал, что полицейские машины следует сконцентрировать примерно на две мили дальше от гаража по Ботлей-Роуд. Они должны будут внимательно следить за продвижением всех автомобилей в этой местности и брать их на заметку. Но слежку нужно организовать так, чтобы сами эти машины оставались в тени. Им необходимо только сообщать точные сведения: такое-то транспортное средство проехало в таком-то направлении. Однако, зафиксировав что-нибудь очень интересное, они обязаны будут информировать об этом полицию Саутхемптона, откуда потом — если, конечно, будет нужда — поступит радиоприказ всем полицейским машинам.

Затем я попросил прислать радиофицированную машину лично для меня. С таким расчетом, чтобы я смог попасть в гараж на Ботлей-Роуд ровно в двенадцать тридцать.

После этого разговора я снова лег, ибо всегда глубоко верил в исключительную пользу отдыха перед началом любого дела.

Правда, скоро мне пришлось подняться: подали тачку. Водителя я отослал, так как предпочитал провернуть все собственными силами.

Потом поднялся к себе наверх, положил в карман брюк люгер, выпил немного виски, снова спустился вниз — без белого шарфа на шее, — сел за руль и поехал.

По дороге я еще раз обдумал отдельные детали своего плана. Но жизнь интересная штука: не всегда в ней все происходит так, как намечаешь. Часто бывает, что, после того как все тщательно разработаешь, в дело вме-

шивается Судьба,— или как там еще называют эту штуку, которая управляет нашей жизнью,— и тогда все происходит как раз наоборот. И главное, ты абсолютно бессилен перед ней!

До Ботлей-Роуд я добрался довольно быстро. Место там было пустынное. И я поехал очень медленно, стараясь не пропустить в темноте этот чертов гараж.

Наконец, протаскившись по дороге миль десять, я его увидел. Это трехэтажное здание скрывалось в деревьях достаточно далеко от шоссе. Очевидно, раньше, когда гараж работал, к нему шли две дорожки: для въезда и выезда, но сейчас они заросли травой.

Я свернул налево, и как раз в это время по радио раздался голос.

«Вызываются все полицейские машины,— бубнил громкоговоритель.— Вам надлежит сконцентрироваться в двух — трех милях вниз по Ботлей-Роуд. Необходимо перекрыть все дороги, ведущие к главному и второстепенному шоссе. На данный момент никаких сообщений не поступало».

Я вышел из машины и направился к гаражу. Часы на панели приборов показывали 12.15. Поскольку я появился немного раньше, то решил здесь осмотреться. Приблизился к гаражу и, обойдя его сзади, проник в открытую дверь. Главные ворота были заперты, но благодаря поднятой ставне на одном из окон я довольно сносно все видел при лунном свете.

Хотя, собственно, видеть там было нечего, разве что кучу старого хлама на полу. Справа у стены оказался въезд на второй этаж для машин. Я поднялся туда и очутился в помещении, которое могло быть мастерской. Окна здесь были стеклянные и жутко грязные, но все же сквозь них просачивался какой-никакой свет. Вокруг не было ни души.

С правой стороны мастерской прямо над въездом с первого этажа, я нашел лестницу на третий; вероятно, в прежние дни там помещалась контора.

В гараже не было слышно ни звука. Я подошел к окну и попытался разглядеть главную дорогу, находящуюся примерно в пятидесяти ярдах отсюда. Там было пустынно. Луна светила вовсю, и я решил, что, вероятно, сразу же увижу Хмельного, когда он сюда подъедет. А он обязательно будет на машине.

Я подождал еще минут пять. Ничего и никого. Тогда я решил спуститься вниз и посмотреть, нет ли Хмельно-

го где-нибудь рядом с гаражом, потому что если он обещал быть в двенадцать тридцать, то именно в двенадцать тридцать и должен быть, поскольку мне не очень-то улыбалась перспектива торчать здесь без дела.

Я снова спустился на первый этаж и, когда был уже в самом низу, услышал шум: кто-то со скрипом давил на тормоза. Я быстренько вышел через заднюю дверь, стал всматриваться в темноту, но снова ничего не увидел, хотя и постоял так минуты две-три.

Когда я вернулся в гараж, одна из передних дверей была приоткрыта. Я уже хотел подойти к ней, но тут из темноты раздались два выстрела, один за другим.

Я быстро обернулся и увидел, что вниз со второго этажа сползает Хмельной. С первого взгляда было ясно, что у парня дела плохи. Одной рукой он держался за грудь, а как раз в ту минуту, когда я на него посмотрел, из другой руки он выронил револьвер. Тот полетел прямо на первый этаж. Хмельной поглядел на него так тупо, и вид у него был такой идиотский, будто он беспробудно пил недели три подряд. Потом он отпихнулся от поручня и прислонился спиной к стене. Шляпа с него свалилась, и он смотрел на нее так, будто в жизни никогда шляп не видел.

Постоял немного, раскачиваясь,— все искал глазами револьвер — сделал шаг вперед и поскользнулся. Прямо через поручень, лицом вниз, он упал на пол первого этажа. Когда я побежал к нему, он пытался подползти к револьверу, до которого ему оставалось еще фута четыре.

Я поднял оружие и положил к себе в карман.

— Спокойно, парень,— сказал я.— Я вернусь через минуту.

— Да? — улыбнулся он.— И все-таки ты уже опоздаешь. Я сдаю дела и отправляюсь домой, Лемми.

— Похоже, что так,— сказал я.— Ну и что мне теперь? Огорчаться? Тебе бы, Хмельной, надо было умереть до того, как ты родился. Ну ладно! Через минуту я приду, и мы еще поговорим.

Я вышел через заднюю дверь, подбежал к передним воротам и мельком успел заметить серую машину, на всех парах удирающую в сторону главного шоссе. Но мне нечего было о ней беспокоиться, копы должны были засечь ее.

Я вернулся обратно. Хмельной лежал все в той же позе. Я усадил его, прислонив к стене. Видик у него был

неважный. Я нащупал в его кармане фляжку, разжал ему зубы и влил в глотку его собственное виски.

В углу валялся старый деревянный ящик. Я подвинул его поближе и уселся, не спуская глаз с Хмельного. Одна пуля распоролла ему брюхо, другая навывлет чистенько прострелила грудь. Похоже, ему оставалось жить несколько минут.

Он открыл глаза, посмотрел на меня и улыбнулся.

Я влил ему еще глоток виски. Мне хотелось подольше задержать его на этом свете.

— Ну, коп,— спросил он хриплым глосом,— как дела?..

Я посмотрел на него.

— Слушай, чертов сын, ты ведь отправляешься в лучший мир. Не так ли? И ты порядком нагрешил на нашей земле, Хмельной. Почему бы тебе перед концом не признаться во всем? Ведь ты так идеально пристрелил Мираса Дункана.

Он опять улыбнулся.

— Откуда ты знаешь, что это сделал я, Лемми? Я думал, все было настолько чисто, что никто об этом не догадается. И вообще я считал, что на сей раз ты проиграл. А теперь знаешь, коп,— продолжал он,— я начинаю верить, что ты действительно умный и ловкий парень! Как же ты понял, что Дункана я убил?

— Не задавай глупых вопросов, осел,— сказал я.— Башка у меня пока работает нормально! Помнишь, в ту первую ночь у Джо Мадригала я послал тебя позвонить, нет ли для меня каких-нибудь известий у Мокси? Помнишь? Ну а ты? Прошел мимо двух пустых телефонных будок в самый конец, к третьей. А зачем тебе понадобилось идти к телефону, на дверях которого висело объявление «Аппарат испорчен»? Сейчас я скажу тебе зачем. Ты удивился: откуда оно взялось там, где лежит труп? И захотел проверить, не был ли внутри кто-нибудь после тебя и не убрал ли тело. Если бы ты не знал, что в третьей будке находится убитый Дункан, то сразу бы зашел в ближайшую. Нет, тебе надо было посмотреть самую последнюю. И убил ты незадолго до моего прихода. Сначала я об этом не догадался. А понял только потом, когда снова вернулся ночью к Джо Мадригалу удостовериться, что Вилли-простофилю убил Сайлджери. Тогда и сообразил, что ты в одной компании с Руди.

Но ты неопытный преступник, Хмельной. Тебе было нужно было оставаться простым судебным репортером.

Ведь я еще раз убедился, что ты работаешь на Руди, после того как его подручные пытались обстрелять меня из автомата, когда я выходил от Скендалла. Кто, кроме тебя, знал, что я пошел к нему? Никто. Это ведь ты дал мне его адрес. Руди не мог выследить меня, потому что я сменил отель и никому из вас не было известно, на какой именно. Это ты рассказал Руди, что я пошел к Скендаллу, и этим ты себя выдал.

Теперь все кончено. У тебя не хватило ума заранее предвидеть, что с тобой именно так разделаются. Разве ты не слышал, как поступают гангстеры с такими, как ты, после того как их используют?

Он судорожно вздохнул.

— Да заткнись ты, коп. Ты ловкий парень, но свое тоже получишь. Я не один заработал пулю на этом деле. Они и тебя убьют, Кошен.

— Отлично, малыш,— сказал я.— Может, и убьют. Что ж, я к этому готов! А вот если не убьют, значит, везение у меня есть. Но могу сказать одно: прежде чем разделаться с этим заданием, я еще успею как следует поцарапать твоих проклятых бандюг. Я очень надеюсь, что, если дело дойдет до перестрелки, счастье опять улыбнется мне и я выстрелю первым.

Он застонал и открыл глаза.

— А, чепуха, коп! Первыми они выстрелят. Ничего ты не понимаешь!

— Ерунда,— сказал я и продолжил: — Слушай, Хмельной, у тебя не так много времени, почему бы нам не перейти к сути? Давай выкладывай все откровенно. Тебе, как и мне, отлично известно, что происходит. Только тебе, наверное, немного больше, и ты можешь мне помочь. Давай говори... только говори быстрее.

Он опять улыбнулся, на сей раз слабой, чуть заметной улыбкой.

— Не будь дураком, Лемми,— сказал он.— Не стану я говорить. Ты меня, конечно, поймал, но говорить я не стану. Валяй, узнавай все сам,— добавил он заплетаящимся языком.

Я наклонился к нему совсем близко.

— Слушай, ты,— сказал я,— кто это тебя угостил? Кто выстрелил в тебя? Ну, говори, говори же скорее, кто в тебя стрелял?

Он открыл почти уже остекленевшие глаза.

— Она...— прошептал он.— Эта проклятая Карлотта... Ядовитый Плющ... это...

И умер.

Я закрыл ему глаза и поднялся. Было такое чувство, будто меня мордой сунули в распоротую подушку. Так, значит, здесь Карлотта была, и, значит, она убила этого типа... она...

Черт возьми! На меня буквально напал столбняк. На несколько секунд. А потом я даже охнул от поразительной мысли. Я выбежал из гаража, завел машину, вырулил на шоссе и газанул так, будто за мной гнались все черти ада.

А пока ехал, все прислушивался, нет ли радиосообщения от полиции Саутхемптона. И наконец дождался известия, которое прозвучало для меня как самая божественная на свете музыка:

«Вызывает полиция Саутхемптона,— услышал я.— Серый „кадиллак“ проехал вниз по Ботлей-Роуд десять минут назад. Машина движется в крайне странной манере. Сначала миль пять на полной скорости, потом мили две-три выдает не больше пятнадцати в час, затем снова увеличивает скорость до пятидесяти и так далее. Сейчас машина идет ровно, примерно двадцать пять миль в час».

Я поднажал на акселератор и присвистнул. Я все понял! Наконец-то! До сих пор я ходил вокруг да около, а теперь все стало ясно, ясно так же, как и то, что я самый безнадежный олух, который когда-либо подписывал с дядей Сэмом контракт на работу в качестве детектива.

Я выжимая теперь не меньше семидесяти миль и, поскольку дорога мне была совсем незнакома, раза два чуть не перекувырнулся, учитывая, что в Англии левостороннее движение, к которому я совсем не привык.

И вскоре вдали показались задние огни машины, за которой я так бешено гнался, огни серого «кадиллака». Я приблизился к нему и пошел следом с той же скоростью. Примерно через полмили «кадиллак» сделал левый поворот, и тут с одной из боковых дорог выехала полицейская машина.

Я затормозил. Это был Херрик.

— Ну как, малыш? — спросил я его. — Кажется, я прав? Ну-ка, держись за мной, только не подъезжай слишком близко и, если я куда-нибудь сверну, соблюдай спокойствие. Вообще не вылезай до тех пор, пока я не попрошу.

— Что ж, хорошо, Лемми, — улыбнулся он. — Командуй. Это ведь твой парад.

Я снова покати́л. И, повернув налево, увидел впереди на том же расстоянии серый «кадиллак». Он замедлил ход. Я тоже. «Кадиллак» съехал с дороги и пополз между деревьев к какому-то дому, стоявшему в парке, примерно в четверти мили от главного шоссе.

Немного подальше я тоже свернул на траву и постарался, осторожно продвигаясь между деревьями, как можно ближе подобраться к дому. Потом вылез из машины. В двадцати — тридцати ярдах от меня за воротами уже припарковался «кадиллак». Я подошел к нему. Внутри никого не было, только на месте водителя лежала дамская перчатка. Я поднял ее и сразу узнал запах духов. Это была перчатка Карлотты, точно такой же запах стоял в ее уборной, когда я искал там смокинг Руди.

Я улыбнулся.

— На сей раз я тебя понял, Ядовитый Плющ, — сказал я.

Потом обыскал машину, насколько это было реально в темноте, обшарил все возможное, но больше ничего не нашел. Вернулся к своему автомобилю, устроил совещание сам с собой и решил, что теперь нужно действовать максимально быстро.

Но я очень беспокоился из-за того, что затеял несколько дел одновременно.

Прежде всего мне нужно было найти золото, ведь именно за эту работу я получал жалованье, и в то же время мне хотелось как можно скорее разобраться с Карлоттой.

Я страшно досадовал на себя за то, что не обыскал Хмельного перед уходом, и не потому, что кто-то после меня мог это сделать, а просто мне теперь нужно было для этой цели возвращаться обратно, а это значило терять время, которое было сейчас так дорого.

И тем не менее я сел в машину, развернулся и поехал к гаражу. Волшебница луна освещала мне сказочный английский пейзаж. Выбравшись на шоссе, я погнал как сумасшедший.

И пока гнал, все думал о Карлотте и о том, как это она ловко сообразила вести свою машину особым способом. Наверное, она это проделала для того, чтобы привлечь мое внимание к какому-то убежищу, где меня могла ожидать жаркая встреча с неким комитетом, который от радости способен был так напичкать меня свинцом, что я бы смог утонуть в любом водоеме, даже если был бы одет в пробковый костюм.

Надо отдать должное Карлотте, у дамы были железные нервы!

Но я решил не показываться у них, не закончив остальные дела, поскольку уже заключил пари сам с собой, что сегодня же ночью непременно все завершу.

Наконец я добрался до гаража, поставил машину у входа и вошел внутрь. Сначала посветил вокруг фонариком, чтобы выяснить, не болтается ли здесь в ожидании какой-нибудь парень, мечтающий пристрелить меня тут же на месте, и только потом стал продвигаться вперед.

Пошел я прямо к тому месту, где оставил Хмельного. Лунный свет к этому времени немного переместился, и Хмельной был теперь в темноте.

Я снова включил фонарик. Хмельной так же полулежал, привалившись к стене около спуска, и мне показалось, что он все еще улыбается загадочной улыбкой, предоставляя мне возможность самому все распутать.

Приблизившись, я обыскал пиджак и все остальное. Потом поднял шляпу, которая упала, когда он споткнулся, подпорол на ней подкладку, но ничего не нашел.

Похоже, моя поездка оказалась напрасной, но можно было попытаться найти что-нибудь наверху.

Я поднялся на второй этаж, освещая дорогу фонариком. Поднялся и на третий. Там было темно и сыро. В углу стояла скамейка, и на ней что-то лежало. Я подошел поближе. Это оказалась пара перчаток, совершенно новеньких. Рядом с перчатками валялась пустая гильза от револьвера тридцать восьмого калибра.

Я достал из кармана тот самый револьвер, который Хмельной собирался испробовать на мне, и осмотрел барабан. Одной пули не хватало, именно той, что предназначалась для меня.

Потом я внимательно изучил перчатки. Они были явно приобретены не для носки, а для того чтобы не оставлять отпечатков пальцев. Когда я вывернул их, то чуть не подпрыгнул от радости, потому что внутри оказалась этикетка фирмы: «Гринс: мужские костюмы. Рамсей».

Это могло помочь мне найти то, что я искал.

Я немедленно спустился вниз, вышел из гаража и сел за руль. Доехав до поворота, на котором стоял указатель «На Рамсей», я свернул туда.

Мне не встретилось ни одной полицейской машины, да у меня и не было на то особого желания, поскольку я считал, что, если Херрик делает то, о чем я просил, он сейчас находится возле того места, куда меня своим вели-

колепным трюком привела Карлотта, и останется там до тех пор, пока я не скажу. Может, я и был круглым дураком, действуя в одиночку, но вы, ребята, уже наверняка заметили, что я вообще привык работать один, и меня в дрожь бросает, когда при выполнении какого-нибудь задания приходится тереться бок о бок с полицейскими шпиками.

Другая причина, по которой я предпочитал провести эту работу соло, была в том, что мои методы отличаются некоторой грубостью, а английские копы не очень-то жалуют рукоприкладство, в то время как я уже неоднократно испытывал лучший способ быстрее заставить кого-нибудь расколоться: сначала избить его как следует, а потом перейти к милой, вежливой беседе. Копы, которые не верят в силовые методы, всегда попадают в беду, потому что единственным благотворным началом разговора с гангстерами в любой стране земного шара служит классический удар по морде где-нибудь в тихом уголке.

Я остановился в предместье Рамсей у небольшого белого здания с вывеской «Хемпширская полиция». Вышел из машины и начал барабанить в дверь — никакого звонка там не было. Минут через пять из верхнего окна свесился какой-то парень и поинтересовался, что мне надо в такой поздний час.

Он, вероятно, был начальником полиции, и, если бы я рассказал ему обо всем, он бы спустился вниз и начал делать что-нибудь такое, чего совсем не надо было начинать, ибо мне не раз приходилось испытывать на собственной шкуре, как люди не верят тебе, когда ты говоришь им правду.

Поэтому я назвался американцем, который только что прибыл в Саутхемптон и теперь ищет своего дядю, поселившегося где-то недалеко от Рамсея, и потом добавил, что надеюсь, мол, он поможет мне его найти, так как от удачных поисков моего дядюшки зависит вопрос жизни и смерти.

Коп оказался довольно приличным парнем, хотя и несколько дремучим. Он натянул штаны, спустился вниз и начал, глубокомысленно почесывая затылок, рассуждать сам с собой на тему о том, кого это я могу иметь в виду?

Во время этой сцены с почесыванием я сунул ему в лапу фунтовый билет, и он тут же вспомнил, что недавно какой-то тип снял примерно в четырех милях отсюда

особнячок под названием Плейн-Плейс — очень красивый. Он детально объяснил мне, где и как его найти.

Тогда я поинтересовался, не привозил ли этот тип какую-нибудь особую мебель, и услышал, что тот действительно припер какое-то непонятное барахло и оставил пока в другом месте, примерно в миле от Плейн-Плейса. Там находится небольшая ферма, которую он специально арендовал под склад для своей мебели, и как раз теперь туда ее стаскивает.

Меня это сообщение очень порадовало: похоже, я попал на правильный след. Я подробно расспросил парня, где находится эта ферма, сунул ему еще один фунтовый билет и сказал, что мой брат по имени Джон Херрик дожидается меня в полицейском участке Саутхемптона и я буду считать большим одолжением со стороны хемпширской полиции, если он позвонит туда и попросит передать брату, что я поехал на ферму и жду его там же примерно через час. Я надеялся, что полиция Саутхемптона объявит это по радио, а Херрик поймет меня и пошлет на ферму одну из машин.

Потом я пожелал парню спокойной ночи и снова помчался по шоссе. Вскоре я доехал до развилки и на дороге, идущей вправо, увидел ферму — длинное одноэтажное здание.

Я оставил машину у забора, но в ворота не пошел, а отшагал еще с четверть мили по шоссе и потом по полю потихоньку подкрался к дому с тылу. И был полностью удовлетворен, поскольку на заднем дворе стоял огромный грузовик. Подойдя совсем близко к забору, я услышал, как работает двигатель.

Держась все время в тени ограды, я подобрался к грузовику почти вплотную и увидел трех ребят, которые таскали что-то через черный ход и грузили на машину.

Выждав удобный момент, я проскользнул во двор, за сарай с инструментами, откуда мог прекрасно наблюдать за происходящим.

Вот они закончили работу. Один залез на шоферское место и включил фары, второй сел в кузов, и машина тронулась. Третий парень остался во дворе. Грузовик уже выехал на дорогу и стал набирать скорость, а тот все стоял в воротах и смотрел ему вслед. Потом, наконец, засунул руки в карманы и направился к дому. Он весело насвистывал и вообще казался страшно довольным жизнью. Но когда он проходил мимо сарая, за которым прятался я, то получил все, что ему полагалось.

Я выдал ему всего один классический удар в то место, где кончается четвертый позвонок, и он упал как подкошенный. Я схватил его за шиворот и потащил через двор на поле за фермой. Там швырнул в какую-то канаву и уселся на краю в ожидании, пока он не придет в себя.

А когда он наконец зашевелился, я запрокинул ему голову и начал щипать ноздри, пока типчик не вспомнил, кто он такой. Тогда я достал из кармана люгер и показал ему.

— Слушай, парень, — сказал я, — мы сейчас с тобой тихо и мирно побеседуем, никто нам не помешает. Но веди себя прилично, делай все, что я скажу, иначе мне придется выколотить из тебя душу семнадцатью различными способами. Ну, так что ты будешь делать? Станешь говорить или нет?

Он посмотрел на меня, потом на револьвер, потом почесал шею в том месте, где кончается четвертый позвонок, и сказал, что говорить он будет.

Глава 14

Конец босса

Я дал этому парню несколько минут, чтобы он окончательно пришел в себя, и потом посоветовал внимательно и спокойно выслушать то, что я собираюсь сказать. Предупредил также, что, если он не будет отвечать на вопросы и не выложит все меня интересующее, мне придется снова им заняться.

Он обдумал мои слова и пришел к заключению, что ему, пожалуй, лучше быть откровенным. Тогда я обыскал его, нашел в кармане брюк испанский автоматический револьвер тридцать восьмого калибра — это, знаете, одна из тех стрелялок, которая, когда вы нажимаете на курок, или шарахает совершенно в другого человека, или взрывается и напрочь отрывает вам нос, причем вы никогда не знаете, как именно она поступит, — отобрал у него эту игрушку, и мы уселись для мирной беседы.

Я спросил, не встречал ли он когда-нибудь парня по прозвищу Хмельной. Он сказал, что этот человек только сегодня рано утром был здесь, но говорить о нем он не станет, поскольку не он здесь главный, а тот, кто сидит сейчас в доме и строго-настрого запрещает это делать.

Еще он сказал, что ящики, которые они грузили, действительно были с золотом, что доставили их сюда прош-

лой ночью и перевозят теперь в Плейн-Плейс, а как с ними поступят потом — ему не известно. Затем он добавил, что парня, который живет в Плейн-Плейсе, зовут Мелфорд, и это, по всей видимости, «деловой человек».

Тогда я спросил, много ли золота уже перевезли, и он ответил, что ящиков осталось еще на один рейс, а используют они единственную машину, которая должна скоро вернуться. Сказал, что они стараются работать максимально быстро и аккуратно, поскольку кто-то где-то допустил промах и весь их план нарушился: нужно было погрузить золото на какое-то судно, а оно куда-то пропало, и английские гангстеры почувствовали себя весьма неважно, потому что уже выполнили свою часть работы и хотели поскорее развязаться с этим делом.

Я спросил, сколько же он получит за все это. Оказалось, каждому выдадут поровну, по двести пятьдесят фунтов стерлингов, которые должен отвалить Джек Магел, возглавляющий английскую группу в этой операции.

Я поинтересовался, что представляет из себя этот Магел. Он охарактеризовал его как отъявленного бандита, который уже неоднократно имел дело с английской полицией.

Я задал было ему еще несколько вопросов, но он поклялся, что больше ничего не знает, будучи простым рядовым бандитом, которого наняли для определенной работы, не посвящая в подробности.

— Отлично, малыш, — похвалил я его, когда он окончил свой рассказ. — А теперь быстренько вставай и отправляйся обратно на погрузку. Только ты в дом неходи, останься во дворе, гуляй и посвистывай себе, пока не придет грузовик. И помни, я все время буду рядом, не спущу с тебя глаз так же, как моя пушка, поэтому одно только подозрительное движение с твоей стороны — и ты срочно отправишься к господу богу в рай. А теперь давай топай.

Он смылся, и я двинулся за ним. Проследил, как он вошел во двор и как из дома показался другой парень — верзила, который держался хозяином.

Я снова спрятался в сарае, не выпуская обоих из виду. Они о чем-то болтали. И тут послышался рев грузовика.

Машина остановилась, из дома вышел еще какой-то тип, и все начали погрузку, а парень, с которым я разговаривал, оказавшись достаточно умным, держался все

время на середине двора и на всякий случай не пытался вообще ничего делать.

Постепенно темп их работы снизился, и я понял, что погрузке приходит конец.

Тогда я выбрался из сарая и вдоль забора прокрался к дороге, надеясь, что мой парень не увидит этого бегства и останется при мысли, что я по-прежнему наблюдаю за ним с револьвером в руке, а значит, будет вести себя так, как мы условились.

Я прошел ярдов пятьдесят и спрятался за деревьями. Минуты через две-три из ворот выехал грузовик. На переднем сиденье болтались два человека, и вероятно, еще один был в кузове.

Но я надеялся, что парень из хемпширской полиции позвонил Джону Херрику, а значит, полицейская машина должна была уже находиться поблизости, чтобы в случае необходимости оказать мне помощь, хотя я не особенно боялся этих английских гангстеров, которые не так уж часто прибегают к услугам огнестрельного оружия, потому что в их стране существует довольно старомодная привычка вешать людей за убийство, отчего и копы английские не особенно злоупотребляют револьверами, как это приходится делать нам.

В это время грузовик проезжал как раз мимо меня. Я услышал, как шофер переключил скорость, достал люгер и двумя выстрелами погасил одну из фар. Водитель, очевидно, крайне удивился, и машина замедлила ход. Тогда я выпрыгнул из-за деревьев и разыграл классическую сцену вооруженного налета. Подбежал к грузовику и приказал обоим парням, сидевшим в кабине, сойти на землю. А потом добавил, что, если в кузове кто-нибудь сидит, они тоже будут должны присоединиться к этим двоим, иначе я рассержусь, спущу с них штанишки и всыплю им по первое число. Очевидно, мне поверили, потому что оба парня из кабины вылезли сразу, а за ними выполз из кузова и третий.

Тут послышался шум подъезжающей машины, и, прежде чем кто-нибудь успел опомниться, с главного шоссе к нам вывернула полиция. Значит, хемпширский полицейский не подвел и Джону Херрику передали мое поручение.

Я выстроил всех троих в линейку вдоль борта грузовика.

— Вот что, ребята,— сказал я им,— игра окончена! Ваша карта бита, и думаю, некоторым из вас придется

теперь довольно продолжительное время отдыхать в соответствующем заведении. Поэтому предупреждаю: ведите себя тихо и спокойно, не делайте ничего такого, что нам бы не понравилось.

Из полицейской машины выпрыгнули три копа, я вручил им своих трех парней и велел доставить Херрику вместе с извинениями за методы, которыми я веду это дело, уточнив, однако, что считаю их наилучшими, во всяком случае такими, от которых всем меньше хлопот.

Они сказали «ладно», и я попросил их предупредить Херрика, чтобы тот держался поближе к месту, куда Карлотта подкатила на своем сером «кадиллаке», я, мол, скоро приеду туда же, и мы с ним отлично провернем дельце.

Один из копов поинтересовался, как я собираюсь поступить с грузовиком, и я ответил, что обо всем позабочусь сам и, если никто не задумает снять с меня мерку для савана, мы, может быть, с ними скоро увидимся. Потом спросил шофера, который был похож сейчас на большую гиену, где находится Плейн-Плейс, и получил подробный ответ.

Затем копы посадили троих парней к себе в машину и укатали.

Я подошел к грузовику, сел за руль и поехал по шоссе. Вдали показался Плейн-Плейс.

К подъезду дома вела асфальтовая автомобильная дорожка. Ворота были открыты, я зарулил туда и остановился около входной двери.

Из дома вышел какой-то тип и окликнул меня. Он спросил, что я, такой-сякой, здесь делаю и почему не подаю машину к черному ходу.

Я ответил, что сейчас покажу ему, почему остановился именно здесь, и он стал спокойно ждать, пока я вылезу из кабины. В руке я держал люгер, но он не видел его в темноте. Я попросил его наклониться ко мне, хочу, мол, объяснить ему свое поведение, и, когда он это сделал, изо всех сил врезал ему револьвером. Он так и брякнулся. Я оттащил его в сторону и оставил там, поскольку было совершенно ясно, что в ближайшее время он не сможет причинить мне никаких неприятностей, если только не получил сотрясения мозга.

Потом я спрятал люгер в карман, а испанский автоматический, который отобрал недавно, — в правый рукав (на случай, если кто-нибудь захочет подшутить над мной), подошел к входной двери и позвонил.

Ждал я минуты две-три. Наконец вышел молодчик, одетый как дворецкий, и спросил, что мне надо. Я сказал, что хочу видеть мистера Мелфорда, причем срочно, потому что у меня к нему очень важное дело.

Этот тип немного подумал и потом заявил, что мистер Мелфорд очень занят и вряд ли сможет сейчас кого-либо принять. Я сказал, что это очень прискорбно слышать, поскольку, если он немедленно не впустит меня, мне придется так двинуть его по морде, что он долго не сможет опомниться и даже не поймет, откуда на него свалились все эти громы и молнии. И еще добавил, что мне надо видеть мистера Мелфорда по делу о хищении золотых слитков из казначейства Соединенных Штатов, часть которых я привез сюда и которые сейчас находятся там, в грузовике, у входа, и что он теперь мне на это ответит?

У парня был такой вид, будто его вот-вот хватит удар, но он все-таки нашел в себе силы проговорить, что пойдет и узнает сейчас, не сможет ли мистер Мелфорд принять меня. Потом исчез и буквально через минуту вернулся и пригласил следовать за ним.

Мы пошли по коридору, застеленному великолепным пушистым ковром. Да, Плейн-Плейс было чертовски милым местечком.

Дворецкий открыл дверь и пропустил меня в необъятную комнату, обставленную мебелью красного дерева, с огромными кожаными креслами и кушетками. По стенам на полках стояло множество книг, а у камина, который находился справа от меня, возвышался величественного вида старик. Ему было около шестидесяти лет, волосы у него были совсем седые, глаза, как буравчики, лицо худое, и держался он самоуверенно. Вообще выглядел он молодцевато, как те старички, которые очень много внимания и времени уделяют своей внешности.

Он улыбнулся мне и заговорил с легким английским акцентом.

— Чем могу служить? — спросил он. — И с кем имею честь?

Я сел в одно из кресел, взглянул на старика и улыбнулся.

— Бросьте вы эти упражнения в изящной словесности, мистер Мелфорд, — сказал я, — давайте сразу перейдем к делу. Я уже говорил вашему дворецкому — я имею в виду того парня, который, вероятно, сейчас подслушивает нас у двери с заряженным пистолетом в руке, — что

привез часть золотых слитков, предназначенных к отправке в Англию казначейством Соединенных Штатов. Грузовик с золотом находится у вашего подъезда. Вот так-то.

Но сначала я решил немного побеседовать с вами, чтобы доказать, что вы не самый умный человек на свете, если даже такой человек, как я, которого дядя Сэм нанял наблюдать за порядком и который не умеет разговаривать салонным языком и порой использует несколько грубоватые приемы в работе, даже он оказался более умным и ловким, чем вы!

Он приветливо мне улыбнулся, сидя с видом школьной учительницы, собирающейся пожурить первоклассника за то, что тот прогулял все уроки, заигравшись с мальчишками в хоккей.

— Все это очень интересно,— сказал он,— но, боюсь, я не совсем понимаю, о чем вы говорите. Кроме того, я все еще не знаю, с кем имею честь разговаривать.

Я встал. Подошел к двери, запер ее, положил ключ в карман и вернулся на свое место. Он все еще сидел и улыбался.

— Хорошо,— сказал я.— Значит, ты решил придерживаться такой позиции? Ну что же, сейчас я тебе все объясню. Устраивайся-ка поудобнее в этом креслице и слушай меня внимательно, советую максимально насладиться его мягким сиденьем, потому что в кожаных креслах тебе недолго осталось блаженствовать. Как бы не пришлось перебраться совсем на другой стул.

Мое имя Лемми Кошен. Я джимен. Тебе ведь все обо мне известно. И если тебя зовут Мелфорд, тогда я, скажем, сямский король. Нет. Ты не Мелфорд, ты — Харберри Чейз, самый паршивый на свете сукин сын, который привык загребать жар чужими руками, потому что у тебя кишка тонка, чтобы все делать самому.

Он вскипел, как тысяча чертей, и судорожно вцепился пальцами в подлокотники.

— Слушай, ты, замечательный мой,— продолжал я.— Сейчас я расскажу тебе одну сказочку, и, когда закончу ее, ты поймешь, почему и зачем я пришел к тебе.

Ну так вот, слушай. Жил-был один человек, который считал себя чертовски умным и ловким. Это был крупный босс с Уолл-стрит, и он вел знакомство с порядочными людьми. У него был приемный сын, надо сказать, немного не того: болтался по ночным клубам с разными да-

мочками и так далее, его там прозвали Вилли-простофиля.

Однажды этот самый уолл-стритский босс обнаружил, что дела-то у него идут не ахти как хорошо. А если говорить более точно, стоял он перед крахом и ему срочно требовалась огромная сумма денег. Как я уже говорил, у него было множество знакомых из самых разных правительственных учреждений. Познакомился он и с одним типом из казначейства США. Им оказался кузен Мирабель Гэйфорд, которая была помолвлена с Вилли-простофилей.

Так вот, уолл-стритский босс решил, что в связи с предстоящим вступлением в родственные отношения ему удастся выкачать из парня, работающего в казначействе, сведения об очередной отправке золота в Европу.

И ему это действительно удалось! А когда он получил эти сведения, то устроил так, что помолвка Мирабель и его сына была расторгнута. Сделал он это потому, что Мирабель была страшно недовольна поведением Вилли-простофили: он продолжал болтаться по ночным клубам, а ей это очень не нравилось. Но уолл-стритский босс, которого звали Харберри Чейз, именно и хотел, чтобы Вилли продолжал вертеться в ночных клубах, ведь при его посредстве Харберри мог завербовать себе самых отъявленных головорезов для предстоящей работы.

Ну-с, так. Вилли нашел ему отличного, прямо-таки первоклассного гангстера по имени Сайлджери. Харберри и Сайлджери встретились и договорились о том, каким образом им лучше всего хапнуть это золото, причем так, чтобы никто не мог заподозрить Харберри.

А между тем, один из подручных Сайлджери попал в госпиталь и разболтался там. Полиция заволновалась и принялась за работу. Вилли-простофиле были нужны деньги. Харберри отказал ему, потому что у него самого их больше не было, хотя никто об этом не догадывался. Вилли ужасно рассердился. А тут он еще понял, что происходит нечто подозрительное, и решил все рассказать, чтобы, с одной стороны, отомстить папаше, а с другой, для того чтобы его не приняли за одного из членов банды. Но Сайлджери и Хмельной — репортер одной из газет и подручный Сайлджери — каким-то образом пронюхали, что Вилли собирается встретиться в клубе Джо Мадригала с джименом по имени Мирас Дункан. Поэтому они договорились пристрелить обоих и очень мило это проделали в один из вечеров.

Но тут возникло еще одно неприятное для них обстоятельство. В городе появился другой джимен; по фамилии Кошен. Он начал всюду совать свой нос и о чем-то догадываться, тогда банда решила, что нужно как можно скорее от него отделаться. После того как Сайлдджері не удалось подстрелить Кошена, когда он выходил от Скендалла, они решили заманить его на борт чейзовской быстроходной яхты и убить там.

Это был очень хороший план, потому что Харберри продолжал бы оставаться в стороне. У него был домашний пророк по имени Сен-Рейм. Тот заявил Харберри, что его приемного сына убил Сайлдджері. Харберри и сам отлично это знал, но тем не менее предложил Сен-Рейму устроить сеанс на борту яхты. Это была отличная идея, ведь, заманив обоих, и Сен-Рейма, и Кошена, туда, их можно было легко убить, одновременно используя яхту для того, чтобы забрать у английских гангстеров украденное золото. И опять все было сделано так, что вроде Харберри не имел к этому никакого отношения. Яхту, мол, у него украли.

Мирабель Гэйфорд — между прочим, чудесная девчонка — узнала о сеансе, а так как Вилли и раньше ей кое на что намекал, она почуяла неладное. И попыталась отговорить Кошена от поездки на яхту, потому что у нее были кое-какие сомнения. Однако Кошен ее не послушал.

Яхта отчалила от берегов Америки. А на следующий день Харберри заявил, что ее у него украли. Он сделал вид, что страшно возмущен этим, и на первом же пароходе отправился в Англию, где несколько месяцев тому назад уже снял дом — между прочим, вот этот самый — и нанял по рекомендации Сайлдджері нескольких ребят для ограбления поезда и отправки золота на борт «Колдуньи Атлантики».

Но Сайлдджері сваял дурака. Он не убил Кошена, пока у него была такая возможность, и, когда тот добрался до берега, Руди пришлось срочно смыться. Затем Харберри прочитал в газете заметку о том, что Кошен остановился в таком-то отеле в Саутхемптоне. И он подумал: Кошен опасный человек, его надо немедленно убить. И тут опять призвали Хмельного, который все еще продолжал играть роль репортера. Он начал плести Кошену какую-то несусветную чепуху о том, что Харберри откуда-то узнал английский адрес убийцы его приемного

сына и что теперь он, Хмельной, собирается вывести этот адрес специально для Кошена.

Кошен, притворившись, будто поверил Хмельному, поехал в гараж, где Хмельной собирался его прикончить. Но, как видишь, все обернулось иначе. И я скоро узнаю почему. К счастью, этот олух купил себе пару новых перчаток в Рамсее и не сорвал с них магазинную этикетку. По ней-то Кошен и добрался до тебя, Харберри! Ну, как тебе нравится эта сказочка?

Он по-прежнему сидел и улыбался. Потом достал из жилетного кармана большую сигару, откусил кончик и сунул ее в рот.

— Очень увлекательно, мистер Кошен,— сказал он.— А могу я воспользоваться вашей любезностью и задать вам один-единственный вопросик. Каким это образом вы умудрились связать меня, бедного, с этим делом?

— Ты допустил три промаха, Харберри,— сказал я,— но мне некогда сейчас разбирать твои ошибки. Позвоника лучше своему дворецкому, пусть он принесет тебе шляпу, и мы поедem с тобой прогуляться. Я собираюсь сдать тебя лично, дорогуша моя, и следующий кроссворд ты уже будешь решать в тюрьме. Вот так-то! А когда мы вернемся в Америку, ты в ближайшие двадцать, а то и пятьдесят лет только тем и будешь заниматься, что разгадывать шарады. Понял?

Он вздохнул. Потом встал, подошел к столику, на котором лежали спички, и попытался раскурить сигару. Но она что-то не хотела разгораться, тогда он отбросил ее и открыл другой ящик, большего размера, чтобы взять сигару оттуда. Я ждал этого. И когда он повернулся ко мне с револьвером, уже вытряхнул из рукава тот испанский автоматический и точным выстрелом пробил ему правую руку. Вскрикнув от боли, он уронил револьвер на пол.

— Слушай, Харберри,— сказал я,— я не возражаю против того, чтобы ты закурил. Но к чему эти шутки?

Обвязывая руку носовым платком и улыбаясь мне, он был ужасно похож на дьявола во гневе.

— Боюсь, что вы слишком добры ко мне, мистер Кошен,— заметил он.— Разрешите спросить, куда мы с вами сейчас поедem?

— Пожалуй, тебе будет лучше посидеть здесь,— сказал я.— А я организую так, что тебя заберут. Да тебе, собственно, и убежать отсюда некуда.

Он кивнул и спросил:

— Нельзя ли мне на некоторое время остаться одному? Если вы будете достаточно любезны сохранить мне вот это,— он пнул ногой револьвер, валявшийся на полу,— может быть, найдется выход наиболее легкий и удобный для всех нас.

— Отчего же,— сказал я.— Но если ты хочешь покончить с собой, сделай это быстро и не промахнись. Сайлджери не промахнулся, стреляя в Вилли, Хмельной не промахнулся, всаживая в Мираса Дункана три пули, Сен-Рейм получил их по крайней мере восемь. Поэтому, Харберри, не жди от меня соболезнований и огорчений по поводу того, что ты решил отдать концы добровольно. Ну, пока, старик!

Я пересек комнату и выбрался через балконную дверь: мне не хотелось проходить по коридору, так как все могли подумать, что это Харберри стрелял в меня.

Оказавшись с тыльной стороны дома, я обошел его справа. Грузовик по-прежнему был у входа. Когда я подходил к нему, в доме прогремел выстрел. Харберри сдержал свое слово и застрелился, что, по-моему, было очень разумно с его стороны.

Около дома никого не было, за исключением парня, которого я огрел револьвером. Он лежал все там же, витая в сладких сновидениях, навеянных моим ударом. Машина так и простояла здесь с работающим мотором.

Я влез в кабину, включил скорость и выехал за ворота. По Ботлей-Роуд подрулил к тому месту, где свернул серый «кадиллак» Карлотты, и решил, что настало время побеседовать с ней и Руди, они, наверное, уже ждали меня.

По-моему, после того как золото было бы перевезено в Плейн-Плейс, Харберри должен был договориться с Руди о дальнейшей судьбе его. Скорее всего, они вот что должны были бы сделать: Харберри, получив золото, отсиделся бы у себя в Плейн-Плейсе, пока шум вокруг кражи немного бы не поутих, потом зафрахтовал бы какое-нибудь судно, погрузил бы на него слитки и отправил в заранее намеченное место.

Может быть, он использовал бы для перевозки золота банду Сайлджери, а может, просто расплатился бы с ними за старую работу и устроил так, чтобы они выкатились из Англии.

Похоже было, что Руди, Карлотте и их приятелям не известно, где сейчас находилось золото, ибо, насколько я понял натуру Харберри, не такой это был человек, чтобы

все рассказать Сайлджери, который ведь мог и обмануть его. Харберри предусмотрительно не посвящал Сайлджери в подробности, а значит, котелок у старика варил неплохо.

Пока я медленно катил по шоссе, меня догнала полицейская машина. Я съехал на обочину и остановился.

Ко мне подошел сержант. Я показал ему удостоверение и, объяснив, что моя машина до краев нагружена золотом, попросил о ней позаботиться. Еще я поинтересовался, где находится Херрик, и он предложил проводить меня к нему.

Проехав две-три мили, мы свернули налево, и там, где среди деревьев спряталась полицейская машина, действительно стоял Херрик. Сквозь листву виднелась задняя стена дома, в котором Руди, Карлотта и вся их блестящая компания ожидали моего визита.

— Кажется, ты неплохо проводишь сегодняшний вечер, а, Лемми? — улыбнулся мне Херрик. — И по-моему, на сей раз ты используешь меня просто в качестве работника окружного бюро поручений. Может быть, все-таки посвятишь меня в то, что происходит?

Я коротко все ему изложил и сказал, что, если еще с полчаса он разрешит мне поиграть на свой страх и риск, мы непременно сегодня же покончим с этим делом.

Он понял, что иного выхода нет и, если вести игру официальным путем, ничего не добьешься.

Но с каким же трудом удалось уговорить его отпустить меня к Руди одного! И только после того, как я объяснил, почему хочу пойти туда один, он согласился.

Мы условились, что три полицейские машины окружают дом Руди. Две из них — примерно в четверти мили вниз по шоссе, а третья — машина Херрика — будет прикрывать дом сзади.

Он дал мне полицейский свисток, и мы решили, что, когда я начну наигрывать на нем веселенькие мелодии, копы немедленно ворвутся внутрь и сделают все, что положено.

Он проводил меня немного.

— Я не должен был разрешать тебе так рисковать, Лемми. Но я знаю, ты страшно упрямый парень и, может быть, действительно лучше разберешься, как надо поступать. Скажу только, что мне будет очень тяжело, если этот самый Сайлджери вздумает поупражняться в стрельбе, используя тебя в качестве мишени.

Я посоветовал ему не говорить глупостей. Ведь Руди

не известно ни то, что его дом окружен полицией, ни судьба Харберри, и, если я к нему заявлюсь в одиночку, он подумает, что я просто клюнул на приманку Карлотты, и тогда, если мне улыбнется счастье, я выполню свой план.

Правда, надо сознаться, у меня самого на сердце кошки скребли, потому что Руди был очень жестоким человеком, к тому же здорово рассерженным, и было вполне вероятно, что, встретившись со мной, он сначала выстрелит и только потом, так сказать под занавес, удостоит беседой.

Но я всегда верил, что риск — благородное дело.

Глава 15

Финал

Под прикрытием деревьев я пробрался к дому, но через главный вход не пошел, а решил поискать какую-нибудь лазейку для прислуги.

Дом был погружен в темноту, и если бы я не знал, что меня там ожидает целая компания, то подумал бы, что внутри никого нет.

Обходя дом, я увидел балконную дверь. Поработав перочинным ножиком минуты три, я справился с замком и проскользнул в комнату.

Пробирался я ощупью, потому что не хотел рисковать и чиркать спичкой. В комнате было темным-темно, как в угольной шахте, но я уже привык ориентироваться в темноте и потому без особого труда нашел дверь.

Рядом обнаружился буфет и на нем несколько бутылок. Я взял одну и бросил на пол, будто случайно задел. Потом достал из кармана люгер и начал медленно поворачивать дверную ручку. Мешкал я нарочно, чтобы дать бандитам возможность приготовиться к встрече.

Наконец дверь открылась, и я вошел в коридор. В ту же секунду кто-то приставил к моей спине дуло револьвера и вежливо попросил поднять руки вверх.

Я сразу узнал голос Сайлджери и обернулся.

— Батюшки, никак это тот самый придурковатый коп, — сказал он. — Слушай, что это с тобой случилось, сопляк? Чего это ты все лезешь мне на глаза? Меня прямо-таки тошнит на тебя смотреть, до того ты мне надоел. Но вообще-то с твоей стороны было очень мило прийти к нам. Мы и сами собирались повидаться с тобой как-

нибудь по одному небольшому дельцу, которое следует обсудить.

Он обыскал меня и отобрал люгер.

— Смотри, Руди, будь осторожен с оружием, — сказал я. — Это не мой револьвер. Я его должен вернуть.

Он улыбнулся.

— Ну и нервы у тебя, коп! Ведь ты больше никогда в своей паршивой жизни не воспользуешься услугами револьвера. Ну-ка, иди вперед и точно выполняй мои приказания!

И я пошел вперед. В конце коридора открылась дверь, и мы попали в большую комнату.

Отличная была комната. Прекрасно меблированная. Посредине стоял массивный стол. Окна были плотно прикрыты шторами, в углу ярко пылал камин. На столе громоздились бутылки.

Тут неплохо проводили время.

Вокруг стола сидели парни, многих из которых я видел на борту «Колдуньи Атлантики». Некоторые из них совсем окосели, а некоторые еще держались на ногах. Во всяком случае, и у тех, и у других были отвратительные рожи, зверские. Думаю, всех их разыскивало не одно тюремное заведение!

Во главе стола, с видом царицы Савской, сидела Карлотта. Увидев меня, она вспыхнула и скорчила такую гримасу, будто я был дохлой гремучей змеей.

Руди жестом указал мне на стул. Я сел. Он налил большой стакан виски и подал мне.

— Выпей, коп, — сказал он. — Это твой прощальный бокал, потому что больше уж мы не допустим никаких ошибок в отношении тебя: выдадим все что полагается здесь же и сейчас же.

— Отлично, Руди, — сказал я. — Но прежде чем читать мне отходную, ты расскажи кое-что. Как вы все это организовали? Мне ужасно интересно. Так умно все придумать!

— Еще бы, конечно, умно, — ухмыльнулся он. — Ты ведь не знал, что Хмельной с нами работал? Не знал. Так вот, мы все это с ним проделали! Как только прочитали заметку в газете о том, что ты сидишь в Саутхемптоне, так и решили, что Хмельной зазовет тебя в какое-нибудь укромное местечко и пристрелит. А Карлотта предложила, если Хмельному не удастся это сделать, заманить тебя вслед за собой, учитывая твою глупую привычку всюду совать свой нос. И ты клюнул на ее приманку. Может,

ты думаешь, мы страшно огорчились, когда ты нырнул с борта «Колдуньи Атлантики»?

Я улыбнулся.

— Конечно, это несколько спутало твои карты, Руди. Тебе пришлось отложить погрузку и смыться. Скорее всего, ты сам поджег яхту, а на берег переправился на моторках. Между прочим,— продолжал я,— тебе, умник ты этакий, вероятно, известно, где находится золото? А? А ты не думаешь, что твои английские коллеги могут тебя предать?

Я с чарующей улыбкой окинул взглядом всех присутствующих. И по выражению их лиц почувствовал, что затронул самую больную струну.

Руди нарочито расхохотался.

— Не обращайтесь на него внимания, ребята,— сказал он.— Он хочет нас напугать и вообще оттянуть время, чтобы придумать какой-нибудь выход для себя! Карлота мне сейчас только рассказала о том, как Хмельной оплошал, промахнувшись с первым выстрелом, и как тогда ты пристрелил его сам. Что ж, надо отдать должное, ты хороший стрелок, Лемми, но и наша дамочка тоже не дура: сумела затащить тебя сюда!

Я улыбнулся еще шире.

— Слушай, Руди, почему бы тебе не взяться наконец за ум? Как вы думаете, ребята, что теперь с вами будет?

— А вот я отвечу тебе что,— весело подмигнул Руди.— Прежде всего, мы сейчас убьем тебя, потому что нам ужасно не нравится твоя физиономия. Да и неприятностей ты нам слишком много причинил. После этого, малыш, мы посидим здесь немного и передохнем. Ты ведь помнишь, я тебе уже говорил, что мы теперь работаем в международном масштабе? Так вот, наша организация все равно заберет золото, несмотря на твое героическое ныряние с «Колдуньи Атлантики». Здешние копы никогда не найдут слитки, а когда они устанут их искать, мы зафрахтуем другое судно и исчезнем вместе с ними.

— Значит, вы считаете, кто-то здесь будет охранять ваше золото? — спросил я.— Но послушай, Руди, а вдруг они вас надуют? Если добыча уже у них, чего им беспокоиться о вас? Они ведь находятся в своей стране, и им здесь легче орудовать, чем вам! Наверняка надуют. Нет, ты все-таки скажи, что вы будете делать, если они вас облапошат? И еще одно обстоятельство: ведь тебя ра-

зыскивают в Штатах за убийство. Об этом, конечно, сообщили и английским копам, которые рано или поздно спаают тебя и отправят в Штаты, где тебя и поджарят. Да ты все это и сам отлично знаешь.

— Вот как? — огрызнулся он. — Ты так думаешь, коп? Все-то ему известно! До чего же умный парень! Ну, так о чем бы ты хотел услышать перед тем, как я тебя убью?

— Ты прекрасно понимаешь, что меня интересует, Руди, — сказал я. — И давай кончай со мной скорее, не тяни.

Он залпом выпил стакан виски и громко рассмеялся.

— Хорошо, болван ты этакий. Но только позволь мне объявить, что я ничего не собираюсь тебе рассказывать. Ничего! Понял? Больше скажу тебе. В этой стране ни у кого нет никаких материалов против меня. Вот так-то, умник ты мой! Никаких! Я не совершил здесь даже самого микроскопического преступления. Все, что я сделал, было в Штатах, и если местные копы задержат меня и отправят туда, ну что ж?! Вероятно, меня будут судить. Пожалуйста! У меня там есть друзья, которые все устроят. Понял?

— Нет, Руди, ты все равно пропал, — сказал я. — Когда ты вернешься в Америку, тебя привлекут за убийство Вилли-простофили.

— А какие у них доказательства?

И тут я рассказал ему, как вернулся в ту ночь обратно в клуб Джо Мадригала и нашел его смокинг с простреленной дыркой в кармане и письмо Карлотте от Вилли.

— Должен признаться, я не сразу понял, как было дело с этим письмом, — сказал я. — Сначала думал, что Карлотта сама отдала его тебе и предупредила, что Вилли собирается все разболтать полиции. Но когда мы были на борту «Колдуньи Атлантики», ты проговорился насчет этого послания. Помнишь, ты сказал, что принял решение убить Вилли примерно часов в семь, когда к Джо Мадригалу прибывает вечерняя почта. Ты перехватил письмо, адресованное Карлотте (вероятно, она о нем и понятия не имеет), и распечатал его. Сделал ты это из ревности, чтобы узнать, о чем Вилли-простофиля пишет твоей девушке. Я все хорошенько продумал и взвесил, — продолжал я, — и полагаю, что догадался, как все происходило. Вот послушай. Ты пронюхал, что Вилли в каком-то ночном клубе крутится вокруг некой дамы

Карлотты. Но когда увидел ее, то и сам влюбился и устроил на работу в клуб Джо Мадригала.

Неожиданно Хмельной встретил Мираса Дункана. Он знал, что тот — джимен, который, по всей вероятности, ведет дело о предполагаемой краже золота, и, после того как ты перехватил письмо Вилли Карлотте, вы с Хмельным решили, что настало время убрать и его, и Мираса Дункана. И вы договорились так, что Хмельной убьет Дункана, а ты — Вилли. Хмельной пришел в клуб раньше Мираса. Кто-то из твоих подручных вызвал последнего к телефону в третью, крайнюю, будку. Хмельной открыл дверцу и выстрелил в Дункана из твоего револьвера с глушителем, но не успел ни убрать труп, ни запереть будку, потому что, когда выходил из коридора, в клубе появился я. Тогда он понял, что я тоже работаю по «золотому» делу вместе с Дунканом. Он ведь отлично меня знал. А уж когда я сказал ему, что мое имя теперь Перри Райс, он окончательно убедился, что я пришел именно для встречи с Дунканом.

Труп он надеялся убрать немного позже. Но первым на него наткнулся я и повесил на будку объявление «Аппарат испорчен». А потом, когда по моему поручению Хмельной поплелся звонить кое-куда, он, дурак, прочесал мимо двух пустых будок к третьей, последней, для того чтобы посмотреть, убрали ли труп Дункана. Вероятно, он надеялся, что ты об этом уже позаботился. С этой минуты я и начал подозревать Хмельного.

Наверное, он решил, что это ты написал объявление. Поэтому спокойно вернулся ко мне, потрепался еще немного, а когда Карлотта начала петь, вышел из клуба через главный вход, обошел здание и подобрался к задней двери, ведущей за кулисы. А там передал тебе револьвер. Ты взял оружие, убил из него Вилли, потом снова передал его Хмельному, и он смылся. А ты спокойно пошел в уборную Карлотты. Вот почему никакого револьвера у тебя не оказалось.

Хмельной знал, что тебя вызовут в полицию, и, наверное, до чертиков смеялся, когда меня тоже забрали. Поэтому и завернул туда, чтобы меня выручить.

На следующий день я рассказал ему правду, поскольку мне неоднократно приходилось убеждаться, что, если хочешь запутать преступника, самое лучшее — выложить ему все как есть. И еще попросил его раздобыть мне адрес Скендалла. Он действительно его раздобыл, но моментально предупредил об этом и Скендалла, и тебя и,

кроме того, посоветовал тебе прикончить меня там. И ты это организовал. Ну откуда ты мог услышать, где я нахожусь? Только от Хмельного. Ведь когда я заметил, что твои ребята дежурят у моего отеля «Корт», и перебрался в другой, никто из вас не смог меня найти.

Я так и ждал, что ты попытаешься убить меня, когда я стану выходить от Скендалла, и окончательно убедился, что вы работаете вместе.— Я отхлебнул виски, посмотрел на него и улыбнулся.— Кажется, я кое-что знаю и без твоих рассказов? А?

Он улыбнулся в ответ.

— Не смейся меня, коп. Знаешь, не знаешь... Если тебе известно только то, что ты сейчас выложил, то не много же этого! А я буду нем как рыба. Если английским копам когда-нибудь удастся арестовать меня, они смогут добиться только моей высылки в Штаты. А там мне не страшен ни один суд.

— Нет, это ты меня не смейся, Руди,— ответил я.— Ты считаешь, что отвертишься от любого суда. Но если тебе удастся отпереться от убийства Вилли-простофили, то как насчет Сен-Рейма? Ведь это ты убил его на борту «Колдуньи». И как же ты собираешься выкручиваться из этого дела? Ничего у тебя не выйдет, Руди. Уж больно ты умен, как погляжу!

— А может, я и вправду не так глуп,— улыбнулся он.— Ведь когда меня станут судить, тебя уже не будет на свете, чтобы давать обо мне свидетельские показания.

— Ах так? — сказал я.— Ну, предположим, убьете меня. И как же все-таки ты думаешь вывернуться?

Он снова улыбнулся.

— Возможно, все будет не так уж плохо, коп.

— Ты, наверное, намекаешь на какого-то своего друга, который защитит тебя? — спросил я.— Но он должен быть очень влиятельным человеком, Руди. Дело-то серьезное!

Он ничего мне не ответил. Просто сидел, смотрел на огонь в камине, потягивал виски и улыбался.

Вдруг с другого конца стола заговорил Керц:

— Слушай, Руди, к чему вся эта трепотня? Пристрели его, и баста!

— Отлично, Руди,— заметил я,— тогда у тебя прибавится еще одно обвинение. Да, кстати, вероятно, тот влиятельный друг, на помощь которого ты так надеешься в случае судебного разбирательства, не кто иной, как

Харберри Чейз? Так вот, позволь сообщить тебе нечто, от чего у тебя уши загорятся. Дело в том, что Харберри Чейз скоропостижно скончался. Застрелился полчаса назад, в аккурат после того, как мы с ним тихо и мирно побеседовали и он узнал, что все раскрыто.

Есть и еще одно, не менее приятное сообщение. Золото теперь у нас! Мы забрали его с фермы неподалеку от дома старика. Он его там хранил. Вот так-то! А теперь можешь веселиться.

Да, еще одно! Я намерен забрать вас в Штаты, где ты сядешь на электрический стул, а твои дружки получат приличные сроки — от двенадцати до пятидесяти лет. Ну, как вам это нравится, парни?

Наступила тишина. Зловещая тишина.

— Мне смешно смотреть на вас, — продолжал я. — Ведь вы считали себя опытными преступниками. Но были до того глупы, что не могли вовремя заметить, когда погода для вас начала портиться! А что касается вашей подружки Карлотты, то один вид ее вызывает у меня головную боль, и хотя она действительно красавица, но мне совсем не по душе. Можешь помечтать и о ней, Руди, и о маленьком белом коттедже, когда будешь в камере смертников дожидаться своей очереди на стул. Вот увидишь, как она тебя приласкает!

Руди помрачнел. Потом поднял револьвер. И тут, надо признаться, я немного струхнул.

Но вдруг вмешалась Карлотта.

— Подожди-ка, Руди, — сказала она. — Кажется, этот парень считает себя чересчур умным. Может, ему и удалось кое-что, и, может, положение у нас теперь не очень-то завидное, но, прежде чем что-нибудь случится, я должна сделать одну вещь. Я хочу лично пристрелить его. Убить этого поганого копа, даже если это будет моим последним деянием на земле!

Она посмотрела на меня своими зелеными змеинными глазами и направилась к Сайлджеру.

— Дай-ка мне револьвер, Руди, — сказала она. — Сейчас я покажу вам, как надо поступить с этим паршивым агентишкой. Что-то уж очень он расхвастался! Посмотрим, как он сейчас грохнется на пол вместе со своей бляхой.

Руди напоминал теперь рассерженную жабу. Но все же улыбнулся и отдал ей револьвер. Окружающие его крысы тоже заулыбались.

— Выстрели ему в брюхо, дорогая,— сказал он.— Так больнее.

Я встал.

Она направилась ко мне, и я невольно залюбовался ею. Никогда не видел подобной женщины: тигр — да и только.

Она остановилась передо мною и подняла револьвер.

Я посмотрел ей прямо в глаза. И вдруг выражение их резко изменилось. Она круто повернулась ко мне спиной. Я засмеялся.

— Руки вверх, Сайлджери,— резко скомандовала она голосом, в котором звенела сталь.— А все остальные — руки на стол. Стреляю в первого, кто посмеет шевельнуться!

Видели бы вы, как они очумели от такого поворота дела. Буквально окаменели от неожиданности, а у Руди челюсть отвисла чуть не до груди! Того и гляди свихнется парень.

— Да не огорчайтесь вы так, ребята,— весело сказал я.— Я был не меньшим ослом. Все время эта дама пыталась связаться со мной и объяснить, что она именно тот человек, с которым Мирас Дункан хотел свести меня тогда у Джо Мадригала.

И какой же я был дурак! Просто жуть! Она пригласила меня к себе на квартиру — не пошел. Решил, что это трюк Сайлджери! Она помогла мне освободиться от наручников там, на борту яхты, а я-то, осел, думал, что сам облапошил ее с ключами! Оказывается, это она мне их подкинула.

Только сегодня я все понял. Когда я пошел в гараж на свидание с Хмельным, он ждал меня на верхнем этаже, чтобы убить так же, как убил Мираса Дункана, но эта девочка всех перехитрила. Она заявила, что пойдет в гараж и заманит меня за собой. Эх, вы, сопляки, она же меня спасти пошла! И только когда она убила Хмельного, до меня наконец все дошло.

Эх вы, дурачье несчастное! Неужели вы думаете, что я притащился сейчас один только потому, что такой безнадешный дуб? Совсем нет! Ведь если бы сюда нагрянули копы, хоть кто-нибудь да сообразил бы, что это именно она привела их, и тогда бы уже любой из вас мог всадить в нее пару пуль.

Я взглянул на Руди. Похоже, он был на грани помешательства.

— Это она убила Хмельного,— сказал я.— Она знала, что тот шел меня прикончить. И наврала вам, будто поехала привести меня по своему следу. По ее словам, Хмельной промахнулся, я пристрелил его и теперь еду за ней вдогонку.

Ты абсолютный кретин, Руди! Помнишь, на яхте ты показал мне документ относительно предполагаемой отправки золота? Так вот, он был напечатан на бумаге с теми же водяными знаками, что и записка, которую я получил от Харберри Чейза. Это мне многое сказало. Например, то, что Хмельной взял на себя организацию этого сеанса на борту «Колдуньи Атлантики», дабы убить там и Сен-Рейма, и меня, причем Харберри Чейз должен был все это время оставаться в стороне, чтобы потом помочь вам. А что касается вас, Карлотта,— продолжал я,— то, если вы не самая красивая, самая умная, самая очаровательная женщина на свете, значит, я — президент Кубы, и, когда у меня будет свободное время, я придумаю вам еще кучу комплиментов! А пока надо работать.

Я дал ей полицейский свисток, который получил от Харберри, а она мне — револьвер.

— Я присмотрю за этим цирком,— сказал я ей,— а вы ступайте на крылечко и принимайтесь изо всех сил дуть в этот свисток, пока не придет Херрик и вы не почувствуете, что собираетесь упасть в обморок, а уж тогда скорее возвращайтесь обратно, чтобы я успел подхватить вас, потому что даже на яхте, когда вы вызывали во мне дьявольскую ненависть, я хотел вас так обнять, чтобы все косточки затрещали! Ну так вот, если вам кто и поможет, когда вы станете падать в обморок, так это буду я.

Она улыбнулась мне, и от этой улыбки я почувствовал себя китайским императором. Через минуту я услышал, как она засвистела, а еще через пять в комнату ввалились Херрик и другие английские копы.

Что касается гангстеров, то все это время они сидели как каменные, положив руки на стол.

Когда копы зашелкивали на них наручники, ко мне подошла Карлотта.

— Что это вы там болтали насчет обмороков, мистер Кошен? — спросила она.— Я никогда не падаю в обмороки... я не такая...

И, не успев окончить фразу, она слабо вздохнула и потеряла сознание.

Я, естественно, подхватил ее, и, пока она лежала в моих объятиях и я оказывал ей первую помощь,— конечно, с большим удовольствием,— я думал, что, когда все это полностью закончится, мне, наверное, нужно будет посерьезнее заняться Карлоттой, потому что моя старушка мама всегда говорила, что мужчине в жизни нужны три вещи: сытная вкусная еда, крепкий сон и любовь красивой женщины.

А матушка Кошен разбиралась в таких вещах!

Рекс Смаут

Больше одной смерти

1

В третий раз я проверил сложение и вычитание на лицевой стороне формы 1040. Затем повернулся на патентованном винтовом кресле к Ниро Вульфу, который сидел за своим письменным столом и читал томик стихов.

— Поразительно,— проворчал я.

— Что поразительно? — спросил он, не отрывая глаз от книги.

— Эти колонки цифр.

Я наклонился немного и бросил бумагу к нему на стол.

— Сегодня тридцатое марта, и мы послали два различных чека: один на четыре тысячи триста двадцать долларов и шестьдесят восемь центов, другой — на десять тысяч.

Я заложил руки за спину и свирепо спросил:

— Неужели это вас не смущает?

Вульф заинтересовался состоянием нашего счета, потом отодвинул стихи и, наморщив лоб, заглянул в форму.

— В конце концов,— сказал я,— весь этот дом с мебелью принадлежит вам, за исключением нескольких вещей, которые я сам купил для этой комнаты. Ведь вы здесь главный, и вы

должны знать, как все устроить. Представитель электрокомпании предлагал вам сделку — гонорара за нее вполне хватило бы покрыть долги, но вы не пожелали отвлекаться. Правда, можно воззвать к адвокату Клиффорду и к этой актрисе...

— Арчи, заткнись!

— Конечно, сэр, а что мне еще остается? Когда вы вчера спустились с ваших прекрасных плантаций, я рискнул сделать робкое замечание...

— Исчезни отсюда!

С трудом сдерживая возмущение, я подошел к пишущей машинке и продолжил работу.

— Арчи! — проговорил Вульф после долгого молчания.

— Да, сэр.

— Счет правильный?

— Абсолютно.

— Значит, я должен заплатить?

— Да. Если вы этого не сделаете, то рискуете потерять некоторые привилегии.

— Ну хорошо. — Вульф глубоко вздохнул и слегка приподнялся. — Проклятье! В прошлом году налог составил всего тысячу долларов. Соедини меня с мистером Ричардсом из радиовещательной компании.

Насупившись, я какое-то время разглядывал Вульфа, но в конце концов выполнил его приказ.

Вульф поднял телефонную трубку.

— Получая плату за два года работы в моей конторе, мистер Ричардс, вы заявляли, что такая большая сумма делает вас должником. Вот я и прошу вас теперь об одном одолжении. Речь идет о конфиденциальной справке: какую сумму еженедельно тратит на радиопрограммы мисс Маделина Фрэзер?

Знаком Вульф предложил мне взять трубку параллельного телефона.

— О! — Наступила короткая пауза, и голос Ричардса стал значительно прохладнее. — Какого, собственно, ответа вы от меня ждете?

— Понимаете, я ни на чем не настаиваю, если вас это хоть в малейшей степени обременит.

— Тут имеются весьма печальные обстоятельства и для мисс Фрэзер, и для всех пайщиков. Между прочим, не могли бы вы сообщить, откуда у вас этот интерес?

— Нет, — кратко ответил Вульф. — Мне очень жаль, что я вас побеспокоил...

— Нисколько. Сведения эти не известны общественности, но каждый, кто связан с радиовещанием, находится в курсе. Что вам нужно в первую очередь?

— Точная сумма.

— Ну, если посчитать подготовку, запись и трансляцию двухсот программ, это составит три тысячи долларов в неделю.

— Ерунда,— пробубнил Вульф.

— Это почему?

— Потому что в год получится полтора миллиона.

— Нет, всего миллион триста тысяч, учитывая летний перерыв.

— Ого! И львиная доля остается, конечно, у мисс Фрэзер, не так ли?

— Да, насколько мне известно. Она зарабатывает не меньше пяти тысяч долларов в неделю. Конечно, если не тратится на своего распорядителя — мисс Коппел. — Голос Ричардса снова стал на несколько градусов теплее. — Знаете, мистер Вульф, если вы и дальше собираетесь пользоваться моей любезностью, то, когда начнете расследование, сообщите мне.

Вульф сухо поблагодарил его и повесил трубку.

— Боже мой, миллион триста тысяч долларов!

Я ухмыльнулся.

— Да-да, сэр, они там на радио довольно хорошо получают: могут даже позволить себе читать стихи! Во всяком случае, если хотите, можно в любой день от одиннадцати до двенадцати их послушать. Как вы считаете?

— Нет,— проворчал Вульф.— Я должен полностью выполнить поставленную перед собой задачу. Возьми блокнот, Арчи, я дам тебе довольно сложную инструкцию.

Я молча вытащил блокнот из ящика стола.

2

В субботу я установил, что мисс Маделина Фрэзер и мисс Дебора Коппел конец недели проводят в Коннектикуте, и решил подождать до понедельника. Во время этого перерыва я изучил всю корреспонденцию, чтобы по возможности полнее ознакомиться с делом Эрхарда.

В понедельник после обеда, часа в три, я вошел в здание, напоминающее дворец, между 7-й улицей и Центральным парком. Там я представился очень важному швейцару.

Он достал из кармана какую-то записку, взглянул на меня, кивнул головой и спросил:

— Ну а что еще?

Я наклонился к нему и прошептал:

— Остмеол...

Он снова кивнул, подозвал лифтера и сказал ему:

— Десять «Б».

— Скажите, пароль — это шутка или его ввели только после убийства? — спросил я.

Швейцар холодно посмотрел на меня и повернулся спиной.

— Таким образом вы потеряли девять центов, которые я хотел вручить вам в качестве чаевых, — бросил я через плечо.

Лифтер поднял меня на десятый этаж и проводил до нужной двери.

Женщина, которая открыла мне, производила такое впечатление, будто на протяжении двадцати лет занималась борьбой.

— Извините, я очень спешу, — сказал лифтер и ускочил.

— Меня зовут Арчи Гудвин, — представился я.

Женщина отступила, и я вошел в большую комнату с двумя дверями в соседние помещения. Женщина молча скрылась за одной из них.

Я положил плащ и шляпу на стул и осмотрелся. Из-за двери в дальнем конце комнаты доносились голоса. А здесь находились двое мужчин. Один из них, несомненно, был фоторепортером, поскольку имел при себе все фотоснаряжение.

— Я только сейчас заметил, как она постарела, — сказал первый второму.

— А, вздор, — проворчал тот.

— Ведь она замешана в деле об убийстве! — Тут мужчина посмотрел на меня и спросил своего собеседника: — А это кто такой?

— Не знаю, отродясь его не видел.

Первый вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Через несколько мгновений отворилась другая дверь, вошла женщина, которая меня впускала, и тут же исчезла. Ясно было, что меня игнорируют.

Спустя еще минут десять, когда я уже решил перейти в наступление, снова запахнулась дверь и появилась маленькая довольно плотная дама. Одета она была во все темное. В иссиня-черных волосах пробивались седые

пряди. Черная одежда и черные волосы придавали ей какой-то особенный вид.

— Мистер Гудвин?

Я подтвердил это.

— Меня зовут Дебора Коппел.— Она протянула мне руку.— Мисс Фрэзер сообщила по телефону, что у вас есть предложение от Ниро Вульфа,— сказала она высоким резким голосом.

— Да, верно.

— У мисс Фрэзер очень мало времени, и будет удобнее, если с вами поговорю я. Вы согласны на это?

— Я бы весьма охотно согласился, но я работаю на Ниро Вульфа, а он дал мне категорическое указание разговаривать только с мисс Фрэзер. Но, правда, после знакомства с вами я готов выслушать и мисс Фрэзер, и вас.

Она улыбнулась.

— Отлично,— сказала она одобрительно.— Не могу же я уговаривать вас не выполнять требований патрона. Сколько времени займет наш разговор?

— В зависимости от обстоятельств — от пяти минут до пяти часов.

— Только не часов! Вам придется быть как можно более кратким.

Она провела меня через две обширные залы в элегантный будуар, где на широкой тахте лежала женщина в оранжевом халате.

Навстречу мне шагнул белокурый мужчина.

— Мистер Гудвин,— представила нас друг другу Дебора Коппел,— мистер Медоуз.

— Билл Медоуз. Можете называть меня просто Билл, как это делают мои друзья.— Он пожал мне руку.— Так это вы Арчи Гудвин! Вот это да! Помощник великого Ниро Вульфа!

Тут раздался звенящий голос:

— Я должна обязательно уложиться в перерыв, мистер Гудвин. Собственно говоря, я не хотела этой беседы, но...

Я подошел к тахте, и Маделина Фрэзер протянула мне руку, рассматривая меня оценивающим взглядом. И хотя ее серо-зеленые глаза старались проделать это не очень откровенно, я почувствовал себя не слишком уютно и, в свою очередь, последовал ее примеру.

Эта стройная, высокая женщина имела настолько привлекательное лицо, что трудно было оторваться от

него, а это что-нибудь да значит, когда даме уже под сорок.

— А знаете,— сказала она наконец,— я ведь давно хотела просить мистера Вульфа выступить в моей программе.

Про себя я отметил, что голос ее намного выигрывает, когда она говорит по радио.

— Боюсь,— сказал я любезно,— что этой вашей просьбы он не выполнит, если только не согласится организовать такую передачу прямо в своей конторе. Он необычайно привязан к своему дому и крайне редко выходит.

Билл пододвинул два стула, и мы уселись с ним рядышком у тахты.

Маделина Фрэзер кивнула.

— Да, это мне известно.— Она переменяла позу, отчего ее бедро под халатом еще больше округлилось.— Я хотела это сделать исключительно для рекламы, но, кажется, мистеру Вульфу такое не по вкусу?

— Пожалуй, такое не по вкусу нам обоим. Он по натуре очень ленив и страшно боится любых поездок на транспорте, снабженном колесами.

— Чудесно! Расскажите мне о нем побольше.

— В другой раз, Лина,— прервала ее Дебора Коппел,— пускай мистер Гудвин расскажет поскорее о предложении Ниро Вульфа: тебе уже пора готовить завтрашнюю передачу.

— Мой бог! Неужели опять наступил понедельник?

— Да, так что завтра в половине четвертого у тебя эфир,— терпеливо пояснила Дебора.

Примадонна радиопередач немного приподнялась на локте.

— Так о каком же предложении идет речь?

— Эта идея пришла ему в голову в субботу, когда он вынужден был отдать ежегодную дань нашей нации, и...

— Вы говорите о подоходном налоге? Ну, здесь-то мы все уже рассчитали. Так что...

Я посмотрел в серо-зеленые глаза Маделины Фрэзер.

— Нет-нет, его предложение касается совсем другого: он берется расследовать убийство Сирилла Эрхарда.

— Ох, боже мой!— воскликнул Билл Медоуз.

Мисс Фрэзер помрачнела.

— Мы считаем, что все уже позади и говорить об этом не стоит.

— Это было весьма щедрым делом,— сказал я.—

Если бы удалось уломать прессу и полицию, о нем бы даже вспоминать не стали, но вы не можете исключить те восемь миллионов слушателей, для которых дважды в неделю делаете обзоры. Насколько я помню, на той вашей передаче было два гостя: букмекер Сирилл Эрхард и профессор математики Саварезе. Примерно в середине трансляции раздался вдруг взволнованные голоса и следом — звук падающего тела. Выходит, яд был принят прямо во время эфира.

Я поочередно обвел взглядом всех присутствующих и остановил его на женщине, лежащей на тахте.

— Дело в том,— продолжал я,— что мы хотим узнать происхождение этого яда и найти убийцу. В противном случае лет двадцать еще будут непрерывно опрашивать тех, кто имел отношение к этой передаче: Маделину Фрэзер, Дебору Коппел, Билла Медоуза, Элеонору Вэнс, Нэнси Шеппард, Натана Трэйба, Ф. О. Саварезе и Тилли Стронга.

Дверь отворилась. Женщина-борец доложила задыхающимся голосом:

— Здесь мистер Стронг.

— Приведите его, Кора,— сказала мисс Фрэзер.

Тилли Стронг оказался стройным мужчиной в очках, с узким ртом, длинной шеей и гладко зачесанными волосами.

— Мистер Стронг,— сказала мне Дебора Коппел,— секретарь наших объединенных заказчиков.

— Да, мне это известно.

— Мистер Гудвин,— объяснила она ему,— передал нам предложение Ниро Вульфа, знаменитого частного детектива.

— Знаю, знаю, читал о нем много и слышал.— Тилли Стронг улыбнулся мне, но по его тонким губам невозможно было понять— улыбка это или гримаса.— Что же предлагает Ниро Вульф?

— Чтобы мисс Фрэзер сделала ему заказ на расследование убийства Сирилла Эрхарда.

— Проклятый Эрхард!— Теперь стало видно, что улыбка в действительности была гримасой.— Даже в аду он нас проклинает!

— Крепко сказано и правильно, если учесть, что он, вероятно, уже там,— проворчал Билл Медоуз.

Стронг не обратил на его слова никакого внимания, повернулся ко мне и спросил:

— Разве у нас было недостаточно хлопот с полицией?

— Верно,— согласился я с ним.— Но я уже объяснил, что все успокоится только тогда, когда будет разоблачен преступник. Конечно, не исключено, что в деле этом разберется и полиция, но комиссия по расследованию убийств вот уже семь дней толчется на месте, и результаты этого топтания — вернее, полное их отсутствие, вам известны. А вот знаете ли вы о способностях Ниро Вульфа, или я должен сначала доказать, что детектив он гениальный?

— Вообще-то я надеялась,— сказала Дебора Коппел,— что мистер Вульф сделает конкретное предложение. Может быть, ему что-нибудь известно?

— Нет,— ответил я.— Он только высказал пожелание получить двадцать тысяч долларов за раскрытие этого преступления.

Билл Медоуз присвистнул, Дебора Коппел улыбнулась мне, а Тилли Стронг воскликнул:

— Двадцать тысяч!

— Ну, у меня во всяком случае их нет,— решительным тоном заявила Маделина Фрэзер.— Могу я теперь начать готовить завтрашнюю передачу, мистер Гудвин?

— Одно мгновение,— отозвался я.— Ведь это может стать для вас отличной рекламой, не так ли?

Она вздохнула.

— Бог ты мой, этот человек называет подобное рекламой!

— Да, совершенно верно,— сказал я,— но представьте, как сейчас будут выглядеть заголовки газет. Поэтому вместо того, чтобы оповещать обо всем прессу, поручите Ниро Вульфу провести расследование. С одной стороны, вы сможете доказать свою невиновность, а с другой — предстать в глазах общественности как героиня, жертвующая состоянием для торжества правосудия. Никому ведь не известно, что вы можете оставлять часть средств, не платя налога, и поэтому, в общем-то, вы ничего не теряете.— Я развел руками.— Вот и все, что я хотел вам предложить, мисс Фрэзер.

Маделина Фрэзер медленно открыла глаза и улыбнулась мне.

— Вы говорите убедительно. Что ты об этом думаешь, Дебора?

— По-моему, нам это подходит,— осторожно ответила Дебора Коппел.— Теперь, очевидно, мы должны все

обсудить с ответственными руководителями радиостудии.

— Мистер Гудвин.

Я повернул голову.

— Да, мистер Стронг?

Тилли Стронг снял очки и подмигнул мне.

— Я, естественно, только секретарь и не имею особого авторитета, но могу вам сообщить, что мистер Вульф своим предложением чрезвычайно меня заинтересовал. Я считаю, рекламе пойдет на пользу, если гонорар мистеру Вульфу будет перечислен со счета фирмы «Ни-Спот», поскольку именно в ее напитке находилась яд.

— Да, я это знаю.— Я снова оглядел всех присутствующих.— Однако пока не известно, к какому заключению пришла мисс Фрэзер. Решение нельзя затягивать: уже и так прошло шесть дней, и Ниро Вульфу пора приступить к работе.

Билл Медоуз улыбнулся мне.

— Кроме того, ему нужно опередить полицию, чтобы получить свой гонорар. Мне кажется... О, привет, Элеонора! — Он стремительно вскочил с кресла.— Как дела?

Молодая женщина, появившаяся в комнате, кивнула Биллу Медоузу и подошла к тахте.

Элеонора Вэнс была автором множества удачных киносценариев. Уже два года она готовила тексты для программ мисс Фрэзер, и тем не менее весь ее облик говорил о том, что пройдет не менее восьми лет, прежде чем она достигнет предельного для женщины возраста. Правда, вид у нее был утомленный.

— Извини за опоздание, Лина,— сказала она, немного запыхавшись,— но я весь день пробыла у адвокатов. Какие ужасные люди...

Элеонора Вэнс вдруг замолчала, по телу ее прошла заметная дрожь.

— Проклятье! — пробормотал Билл Медоуз.— Сейчас принесу тебе воды.

Но Тилли Стронг уже устремился к домашнему бару.

— Садись на тахту,— сказала мисс Фрэзер, освобождая место.

— Уже ровно пять часов.— Голос Деборы Коппел заставил всех притихнуть.— Если мы немедленно не начнем работать, я завтрашнюю передачу отменю.— Она поднялась и посмотрела на Маделину Фрэзер.— Ну, что

будем делать? Мы сможем все уладить сегодня вечером?

— Не знаю, как у нас это получится.— Мисс Фрэзер коснулась плеча Элеоноры Вэнс.— Мы должны сосредоточиться на передаче и...

— Тогда завтра утром?

Тилли Стронг подал Элеоноре Вэнс стакан воды и сказал мне:

— Я обязательно сообщу вам с утра наше решение.

— Хорошо,— сказал я и покинул их.

8

В понедельник вечером позвонил инспектор Крамер из комиссии по расследованию убийств. Он попросил соединить его с Ниро Вульфом и задал тому вопрос:

— Кто вам платит за расследование дела Эрхарда?

— Никто,— коротко ответил Вульф.

— Никто? Значит, Гудвин ездил к Центральному парку просто проверить машину на ходу, так что ли?

— Автомобиль принадлежит мне, мистер Крамер, и потому налоги за пользование дорогами плачу я.

На этом их короткий диалог закончился, и мы отправились в столовую ужинать.

Во вторник первый звонок был в десять часов утра. Ниро Вульф с десяти до одиннадцати возится со своими орхидеями, и шестое чувство подсказало мне, что тревожить его не стоит,— я справлюсь и сам.

Затем позвонил Ричардс с радио, и, когда я соединил его с оранжереей, он представил Вульфу мистера Вошша, президента второй радиовещательной компании «Соуп». Слушая их беседу по своему аппарату, я пришел к заключению, что последняя уже многие годы мечтает уплатить Ниро Вульфу гонорар пожирнее.

Следующий звонок был от Тилли Стронга. Как он вчера и предсказывал, заказчик очень заинтересовался предложением Ниро Вульфа. Компания «Ни-Спот» собирается нажать на все рычаги, чтобы склонить мистера Вульфа на свою сторону.

После этого я позвонил Лону Коэну в редакцию «Газетт» и попросил разузнать подробности о человеке по имени Натаниель Трэйб. Он представлял известное агентство печати — я говорю о Лоне Коэне — и не без помощи своих людей добывал мне и мистеру Вульфу цен-

ные сведения. В переговорах с пресс-агентами у меня был большой опыт.

Затем я позвонил Деборе Коппел и узнал, что мисс Фрэзер уже пятьдесят минут как начала передачу и что пока она еще не приняла решения относительно предложения мистера Вульфа. Мисс Коппел пообещала, что обязательно в течение дня позвонит мне и сообщит окончательный ответ.

Когда Ниро Вульф в одиннадцать часов появился в конторе, я включил радио. Ниро откинулся в своем кресле и, закрыв глаза, стал слушать программу мисс Фрэзер.

В передаче, как всегда, участвовал Билл Медоуз, а очередными гостями эфира были на этот раз знаменитый модельер и известная манекенщица. Маделина Фрэзер была очень хороша. К тому же она избежала на этот раз опасности, не наполнив стаканы напитком «Ни-Спот».

Когда передача закончилась и я выключил радио, Вульф проворчал:

— Это выдающаяся и опасная женщина.

Я знал, что он делит женщин на две категории: на очень опасных и совершенно глупых.

— Если вы имеете в виду, что она хитра, то я могу с вами только согласиться, — сказал я.

Он покачал головой.

Зазвонил телефон, я снял трубку, и человек на другом конце провода представился как Оуэн, заведующий прессой и рекламой компании «Ни-Спот». Он хотел непременно приехать к нам на собственной машине, и мне ничего другого не оставалось, как попытаться немного задержать его.

Вульф оторвался от бутылки пива, которую принес Фриц Бреннер, наш повар, и пробормотал:

— Прежде всего я должен узнать, что вообще происходит. Если полиция действительно еще не продвинулась с расследованием, то...

Снова зазвонил телефон. Натан Трэйб, пресс-агент, желал получить как можно более полную информацию.

На протяжении ближайшего часа телефон трезвонил непрерывно. Вульф все больше и больше раздражался, но поделать ничего не мог. Когда в четыре он направился к лифту, чтобы подняться в оранжерею, где ежедневно проводил два послеобеденных часа, позвонили с радио — там началось заседание совета.

Около пяти телефон зазвонил снова. На этот раз — Дебора Коппел.

— Мистер Гудвин? Теперь все улажено.

— Хорошо. А как именно?

— Предложение мистера Вульфа принимается по всем пунктам, а выплата гонорара распределяется так: компания «Ни-Спот» даст пятьдесят процентов, радиовещательная компания — тридцать, мисс Фрэзер — пятнадцать и компания «Соуп» — пять.

— Мы согласны на эти условия, — сказал я, попросил для верности еще раз повторить распределение сумм и записал их в блокнот.

— Мисс Фрэзер тоже согласна. Она, собственно говоря, оплатила бы любой счет, просто сейчас это невозможно.

— Договорились! Имена компаньонов...

— Имена вам известны.

— Верно. Могли бы вы устроить так, чтобы все компаньоны сегодня в половине девятого вечера собрались у нас?

— Все?

— Конечно, мадам.

— А это так уж необходимо?

— Да, по мнению мистера Вульфа, без этого совершенно нельзя обойтись. Хочу предупредить, что он страстный поборник пунктуальности, особенно когда речь идет о таком большом гонораре. И если заказчик принимает определенные условия, помогающие следствию, то соблюдение его требований становится обязательным для босса, а Ниро Вульф — в каждом деле босс. Он гений, поэтому приходится мириться с его причудами. Все же как вы решили? Неужели для вас важна здесь только реклама?

— Мы еще это выясним, мистер Гудвин. Правда, я не знаю, приедет ли профессор Саварезе, он очень трудный человек.

— Ну, я надеюсь, вы сможете и его уговорить. Итак, вы, собираете всех компаньонов в половине девятого у нас, да?

Получив подтверждение, я положил трубку и передал Вульфу наш разговор.

Около половины шестого зазвонил колокольчик у входной двери, и предо мной предстал джентльмен в таком плаще, какого не носил даже герцог Виндзорский.

Его сопровождали еще четыре джентльмена, вооруженных портфелями.

— Мы хотим побеседовать с мистером Вульфом,— заговорил человек в чудесном плаще таким тоном, будто по меньшей мере был старым другом дома.

— Пока это невозможно. Я Арчи Гудвин. Может быть, я вам чем-нибудь помогу?

— Конечно. Меня зовут Фред Оуэн, я руковожу рекламой «Ни-Спот».— Он протянул мне руку.— Позвольте представить вам мистера Вальтера Андерсона, президента компании. Разрешите нам войти?

Пожимая руку президента, плечом я загородил вход.

— Пока могу ответить только одно: мне совершенно не ясна цель вашего визита.

— Ну разумеется, я бы мог позвонить вам по телефону, однако наш вопрос не терпит проволочек, поэтому мы вместе с мистером Андерсоном и фотографами пришли прямо сюда. Этот визит отнимет у вас не больше десяти минут — краткий разговор и несколько снимков, когда мистер Вульф с мистером Андерсоном пожмут друг другу руки над подписанным соглашением. Что вы на это скажете?

— Превосходно! — Я широко ему улыбнулся. — Но только сегодня это никак не удастся: мистер Вульф сейчас в оранжерее подрезает орхидеи, а кроме того, я вообще не уверен, что он захочет позировать перед камерой.

Утихомирив наконец этих джентльменов, я вернулся в контору. А когда ровно в шесть Вульф спустился из оранжереи, я проинформировал его о новых событиях.

— Я ни за что не подпишу никакого соглашения! — сказал он решительно.

— Отлично! — я встал. — Тогда я немедленно отказываюсь от своей должности. Вы слишком эксцентричны как босс и, кроме того, так толсты, что просто не хотите больше работать.

— Садись, Арчи!

— Нет!

— И все же! Я абсолютно не потолстел за последние пять лет, и потом, мы ведь оба эксцентричны. Когда-то ты уже чуть не ушел от меня, хотя я тебя не выгонял. Ты же знаешь, что я привык все согласовывать с полицией, а мистер Крамер дал мне указание не расследовать это дело своими методами и способами. Впрочем,

твои вчерашние и сегодняшние попытки были вполне удовлетворительными.

— Не пытайтесь умаслить меня!

— Ах, какая ерунда! Повторяю, что я нисколько не растолстел за последние пять лет. Садись и возьми блокнот. Я продиктую письмо, копии которого надо будет послать всем компаньонам. Таким образом мы поставим точку в вопросе о соглашении.

4

Наша контора, расположенная на первом этаже, по крайней мере вдвое больше остальных помещений дома, поэтому гости в тот вечер вполне смогли в ней разместиться.

Из присутствующих приглашено было только шесть человек, мистер же Андерсон и мистер Оуэн из «Ниспота», а также мистер Вошш, президент компании «Сопуп», заявили по собственному почину. Нэнси Шеппард и профессор Савареze приехать не смогли.

Я предложил Маделине Фрэзер красное кресло для посетителей, остальные гости уселись полукругом вокруг письменного стола Вульфа, а трое незваных посетителей расположились на заднем плане.

Вошел Вульф, сел за стол и обвел всех взглядом.

— Сегодняшний вечер, наверное, будет для вас немного утомительным,— начал он,— ибо прежде всего я стану задавать те же вопросы, на которые вы уже отвечали в полиции. Я знаком с этой историей только по газетам, а поскольку сообщения в них зачастую бывают недостоверны, то теперь я хочу получить сведения из первых уст.

— Все зависит от того, какие газеты вы читали,— сказал Натан Трэйб, широко улыбаясь.

Пресс-агент был примерно моего возраста. Элегантный серый двубортный костюм удачно оттенял его прекрасный цвет лица и темные волосы.

— Я читал все.

Вульф снова оглядел полукруг посетителей. Потом взглянул на трех представителей наших клиентов.

— Вам я разрешаю только слушать, но не высказываться,— предупредил их Вульф, уселся в кресле плотнее и сцепил пальцы.— Всем, вероятно, будет очень интересно, если я сейчас скажу, что моя задача состоит в обнаружении убийцы и выполнении своих обяза-

тельств. К сожалению, здесь не присутствуют двое из приглашенных: мисс Шеппард и мистер Саварезе. Мне очень важно знать, почему мистер Саварезе не смог приехать сегодня вечером, то же самое относится и к мисс Шеппард.

— Да она страшная сплетница,— пробормотал Тилли Стронг.

— У нее сильная зубная боль,— добавил Билл Медоуз.

Все заулыбались, хотя и через силу.

— А я знала, что она не придет,— сказала Дебора Коппел.— Это было бы возможно, только если бы ее пригласила сюда сама мисс Фрэзер, которую она очень любит. Всех остальных мисс Шеппард терпеть не может.

— Почему?

— Она считает, что мы оттесняем ее от мисс Фрэзер.

— И действительно всех ненавидит?

— Ну, многие это просто чувствуют, а другим приходится даже страдать.

— Хочу надеяться, что вы не попытаетесь изолировать ее от меня.— Вульф вздохнул и положил руки на подлокотники.— Я собираюсь сделать вам сообщение. Обычно я так не поступаю, но сейчас будет исключение. Если вы не согласитесь с чем-нибудь или сочтете, что я заблуждаюсь, сразу же говорите об этом. Перед нами стоит проблема, интересующая всех.— Он снова оглядел гостей.— Незадолго до той роковой программы к вам пришел некий человек, который предложил идею передачи о скачках. Вероятно, вы уже не сможете вспомнить, кто это был?

— Мы уже давно все забыли,— сказала Маделина Фрэзер.

— Лично я с самого начала был против такой мысли,— пробормотал Тилли Стронг.

Дебора Коппел улыбнулась.

— Мистер Стронг находит подобное неприличным. По его мнению, в наших программах нельзя никого задевать, и это естественно.

— А почему ваши настроения изменились, мистер Стронг?

Секретарь заказчика ответил:

— Мы, как всегда, провели голосование среди части слушателей, и из сорока тысяч девяносто два процента

с нами согласились. Причем мы постоянно сохраняем за собой последнее слово, привлекая профессора математики Колумбийского университета, специалиста по теории вероятностей. Тогда уж, если требуется мое одобрение, я стараюсь не медлить. А вот Натан Трэйб против такого подхода.

— Совершенно верно! — проворчал Трэйб. — Имею я право с чем-нибудь не соглашаться?

— Значит, мистер Трэйб стоит у всех на пути? — спросил Ниро Вульф.

— По сути дела, да. Но мы стараемся это как-то улаживать. Ведь у нас есть мисс Вэнс, которая не только пишет сценарии для передач, но и собирает сведения, и составляет списки участников. Неожиданно выяснилось, что только в Нью-Йорке около тридцати букмекеров публикуют свои прогнозы, и из этих тридцати пятеро победили в отборочном туре.

Вульф нахмурился.

— Это вы их пригласили?

— О нет, последнее слово было за мисс Фрэзер.

— Как отбиралась эта пятерка?

— На основе статистики. При этом мы учитывали, как долго тот или иной претендент работает в этой области и какую имеет репутацию у спортивных комментаторов.

— И кто этим занимался?

— Я, — прозвучал твердый голос.

Это была Элеонора Вэнс, которой я в мудром предвидении отвел место прямо перед собой, ибо из всех присутствующих она одна напоминала мне, что я не только детектив, но и мужчина.

— Мы посоветовались с мисс Коппел, мистером Медоузом и мистером Стронгом и окончательно остановились на конкретной пятерке.

— Они все приходили к мисс Фрэзер?

— Только четверо, потому что пятый улетал тогда во Флориду.

— И из этих четверых вы, мисс Фрэзер, выбрали Сирилла Эрхарда?

— Да.

— По каким причинам?

Она улыбнулась.

— Он показался мне весьма интеллигентным парнем. Кроме того, у него оказался самый лучший тембр голоса, и я, пожалуй, руководствовалась каким-то вдох-

новением. Об этом даже газеты сообщили. Мы заключили договор на десять долларов в неделю.

— Значит, именно его вы выбрали только из этих соображений?

— Да.

— А раньше вы его не видели и не слышали о нем ничего?

— Нет. Правда, встречала портрет в газете.

Вульф закрыл глаза.

— Вот как?

— Да. Когда возникла эта проблема, один гость моей программы вручил мне такую.

— Вы не захватили ее с собой?

— Бог мой, откуда же я могла знать, что вы ею заинтересуетесь? — раздраженно воскликнула Маделина Фрэзер. — Ты могла бы сообразить это, Дебби, и посоветовать принести ее!

Дебора Коппел покачала головой.

— По-моему, нас могли бы попросить об этом по телефону.

Вульф откинулся назад и нажал на кнопку звонка.

— А теперь пускай принесут пива. Не хочет ли кто-нибудь утолить жажду?

Начался первый перерыв.

5

Вульф налил два стакана пива и откинулся в своем кресле.

— Прежде всего мы установили, — сказал он довольно непринужденно, — что вы пригласили Сириллу Эрхарда выступить в программе в качестве гостя. Дальше: его никто не знал, включая и обоих отсутствующих — мистера Саварезе и мисс Шеппард. И все же его убили. На этом вопросе мы еще остановимся подробнее. Сейчас я только хочу выяснить, соответствует ли истине утверждение, что никто из вас до той поры не встречался с ним?

Он посмотрел на каждого, по очереди получая положительный ответ.

— Похоже, что это действительно так, иначе бы полиция уже здорово продвинулась, занимаясь этим делом битых семь дней и семь ночей. Ведь у них огромные возможности, а я могу полагаться только на собственный метод.

Вульф выпил пиво, обтер губы носовым платком и снова откинулся назад.

— Итак, перейдем к самой передаче, состоявшейся в прошлый вторник. В десять часов пятьдесят минут оба гостя — мистер Сирилл Эрхард и профессор Саваре-зе — уже прибыли в студию. Приблизительно в семи метрах от столика с микрофоном находился первый ряд небольшого зала на двести слушателей. Это верно?

Все закивали.

— Если бы помещение позволяло, слушателей было бы гораздо больше, — сказала мисс Фрэзер.

— Не сомневаюсь, — пробурчал мой шеф. — Я забыл об одной важной детали этой картины: в глубине сцены стоял шкаф-холодильник с восемью бутылками напитка «Ни-Спот». Как они туда попали?

Фред Оуэн, сидевший на диванчике, ответил:

— В студии есть три или четыре холодильника, постоянно набитых напитками.

— Благодарю, мистер Оуэн. — Вульф слегка пригрозил ему пальцем. — Я хочу слушать здесь только шестерых приглашенных.

— Эти бутылки уже были в студии, — сказал Тилли Стронг. — Они там всегда хранятся в холодильниках.

— А кто эти восемь принес на сцену?

— Я, — ответила Элеонора Вэнс. — Это моя обязанность перед каждой передачей.

«Боже мой, — подумал я, — чем там только не занимается эта девушка! Пишет сценарии, организует постановки, собирает сведения, готовит напитки... Что же еще?»

— Хорошо, — буркнул Вульф. — Впрочем, я уже знаю, что у всех участников передачи есть свои задания. Вы, мистер Трэйб, тоже нередко задействуетесь в программах. Какие на этот раз у вас были поручения?

— Я уже говорил, что был против приглашения некоторых гостей в студию и просто ждал, что буду чем-нибудь полезен, если случится нечто непредвиденное.

— Вы опасались, что мистер Эрхард может как-то испортить передачу?

— Я же его не знал и не мог предугадать его поступки.

— Хорошо, пойдем дальше. Где находились стаканы?

— На подносе на краю стола с микрофоном, — ответила Дебора Коппел.

— Кто их ставил?

— Мисс Шеппард. Она основатель клуба девушек Маделины Фрэзер и потому...

Зазвенел телефон. Я снял трубку и представился.

— Мистер Вульф,— очень вежливо сказал я своему шефу, поскольку в зависимости от ситуации обращаюсь к нему по-разному.

Вульф приложил трубку к уху, подал мне знак свою не вешать и стал слушать.

— Да, мистер Крамер?

Голос инспектора Крамера всегда звучал саркастически, если он сжимал сигару в уголке рта. По-видимому, так оно было и сейчас.

— Как успехи?

— Почти никак,— ответил Вульф.

— Это весьма прискорбно слышать, ибо еще вчера вечером вы заявляли, что заказчиков на ведение дела Эрхарда нет, а сейчас мне становится известно, что у вас там полным ходом идет совещание.

— Да, вы правы, но то было вчера, а то сегодня. Завтра вы сможете прочитать обо всем в утренних газетах. Мне очень жаль, мистер Крамер, но сейчас я очень занят.

— Могли бы, между прочим, поставить меня в известность. Ладно. Так кто же они, ваши клиенты?

— Об этом вы тоже узнаете из прессы.

— Но ничто не дает вам основания...

— Довольно! Во-первых, повторяю, я очень занят, а во-вторых, я должен наверстать упущенную неделю. Всего доброго, сэр!

Мистер Вальтер Андерсон, президент компании «Ни-Спот», пожелал узнать, не с известным ли полицейским инспектором Крамером разговаривал только что Вульф, и, когда тот подтвердил его предположение, Андерсон упрекнул его за бестактность, проявленную к вышеозначенному. Мистер Андерсон заявил, что соглашение еще не подписано и вряд ли при подобных обстоятельствах подписано будет.

— В самом деле? — Вульф поднял брови. — Тогда, вероятно, вы не откажетесь немедленно проинформировать об этом прэссу? Не хотите ли воспользоваться моим телефоном?

— О, господи, имею же я право, в конце концов...

— Вы имеете право только выплатить мне положенную часть гонорара, мистер Андерсон. Я и так был

слишком добр, допустив вас на это совещание. Проклятье! Передо мной стоит задача — решить проблему, которую именно мистер Крамер загнал в тупик, и он же теперь еще позволяет себе болтать всякий вздор. Между нами происходит нечто вроде схватки характеров, и мистер Крамер прекрасно это понимает. Так хотите воспользоваться телефоном или нет?

— Вы же отлично знаете, что я этого не сделаю.

— А надо было бы. Чем чаще я сталкиваюсь с такими делами, тем больше они меня разочаровывают. — Вульф снова повернулся к сидящим вокруг его стола. — Итак, вы говорите, мисс Коппел, что поднос со стаканами поставила на стол мисс Шеппард?

— Ну да...

— Она передала его мне, — вступила в разговор Элеонора Вэнс.

— Стаканы были тяжелые, темно-коричневые?

— Да.

— Вы в них заглядывали?

— Нет, — ответила Элеонора.

Вульф кивнул.

— Ну да, это естественно. Значит, так: к началу программы бутылки стояли в холодильнике, а стаканы на столе. Потом целых сорок минут все шло нормально, из чего следует, что опасения мистера Трэйба относительно обоих гостей были беспочвенны.

— Это была лучшая передача года, — сказала мисс Фрэзер.

— Да, — подтвердил мистер Стронг. — В первой половине публика несколько раз даже хохотала.

— И как же ты провалился во второй! — ядовито заметил Трэйб.

— Мы собрались здесь, чтобы выяснить все обстоятельства этого вечера, восстановить его полную картину в самых мельчайших подробностях, — вздохнул Вульф. — Давайте перейдем к тому моменту, когда напиток был извлечен из холодильника и разлит по стаканам. Кто это делал? Вероятно, вы, мисс Вэнс?

— Нет, я, — сказал Билл Медоуз. — Когда в середине передачи публика немного расшумелась — просто устала, — я отодвинул свой стул, открыл холодильник и принес бутылки на столик с микрофоном. Потом...

— В холодильнике их было восемь. Сколько вы взяли?

— Четыре.

— Какие именно бутылки вы отобрали и чем при этом руководствовались?

— Да я и не выбирал, просто захватил те, что стояли ближе к дверце. Ведь они у «Ни-Спот» все одинаковые.

— Ну а на столе вы их сразу открыли?

— Нет-нет, просто поставил, а потом снова уселся на свое место, поскольку здесь мне нужно было что-то говорить в микрофон. И я, естественно, уже не мог видеть, кто их откупоривал и разливал.

— А кто разносил стаканы?

— Этого я тоже не видел. Помню только, что, когда они были наполнены, в бутылках еще что-то оставалось и из них наливали снова.

— Кто же за это отвечал?

Билл Медоуз помедлил.

— Не знаю. Вообще все это ужасно запутано, ведь в студии было столько народу. И потом... кто же обращает внимание на такие пустяки, как откупоривание бутылок и наполнение стаканов,—ведь все это приобрело значение только теперь, а тогда было обычной рутинной мелочью! Ужасно все запутано! — повторил он.

— Запутано или нет,—проворчал Вульф,—мелочи или не мелочи, но каждый участник той передачи должен вспомнить все! Мы знаем, что мистер Эрхард получил стакан напитка, в котором был яд. Однако нам, по крайней мере мне, не известно, было ли это случайностью или яд был подсыпан специально. Итак, кто подавал ему бутылку или уже полный стакан?

После длительного раздумья Тилли Стронг сказал:

— Этого мы просто не помним, мистер Вульф.

— Тьфу! — раздраженно воскликнул Вульф. — Вы должны вспомнить! Теперь мне понятно, почему инспектор Крамер так и не смог ни на йоту продвинуться в расследовании. Вы элементарно лгали ему, да, именно лгали!

— Нет! — возразила мисс Фрэзер, — мы не лгали.

— Ну говорили неправду, — пробормотал Вульф, — и вы в том числе.

Она ему улыбнулась.

— Вы, конечно, можете с чистой совестью причислить и меня к лжецам. Но вы должны учесть, что все мы друзья, и правильно нас понять. — Ее голос звучал так, будто она выступала перед микрофоном. — Все происшедшее крайне нам неприятно, ведь и врача приш-

лось вызывать в студию, да и покойник рядом находился. Вы, наверное, считаете, что кто-то из нас мог предупредить остальных о яде в одном из стаканов?

— Да не в одном из стаканов! Остатки в какой-то бутылке тоже оказались отравленными.

— Но это же не меняет дела.

— Значит, вы со мной согласны, а следовательно, все вы лжете.

— Отнюдь нет.

Мисс Фрэзер была само спокойствие.

— Меньше всего нас интересует, кто именно наполнял и разносил стаканы. Вы же должны понять, как все это было неожиданно, ведь мы от такого ужасного шока действительно потом ничего не могли припомнить. Тут ясно одно — это преступление могла породить только особая ненависть, а никто из нас таковой не испытывал.

— А может быть, кто-нибудь и питал к мистеру Эрхарду подобные чувства, разве это исключено? — сухо заметил Вульф.

— Тогда скажите, ради всего святого, кто из нас мог желать смерти этого человека?

— В выяснении этого вопроса и заключается, между прочим, моя задача. Если предположить, что все это не случайно и яд был подмешан заранее намеченной жертве, — а это, вероятно, так и есть, — можно только удивляться, что полиция вас всех не задержала.

— Они были на волосок от этого! — зло заявил Натан Трэйб.

— Я даже смирилась с возможностью ареста, — сказала Маделина Фрэзер. — Ведь мне могли еще припомнить, что шесть лет назад мой муж тоже отравился цианистым калием.

Вульф кивнул.

— Я это читал в газетах. А почему вы связали эти два случая?

— Право, не знаю, но такая мысль сразу пришла мне в голову, когда врач заговорил именно об этом яде.

— Мне тоже, — сказала Дебора Коппел. — Муж мисс Фрэзер был моим названным братом, и я видела, как он умирал. А когда на прошлой неделе при мне скончался Сирилл Эрхард... — Она замолчала и скрестила руки. — Да, конечно, все всколыхнулось...

Вульф сделал нетерпеливый жест.

— Ну, во всяком случае, дело не в том, что ваша дружба мне вредит, ведь иначе полиция уже давно бы во всем разобралась и лишила бы меня удовольствия решать эту задачу.— Он взглянул на часы.— Уже почти одиннадцать. Я втайне надеялся, что после первого перерыва мы хоть немного продвинемся вперед, но, увы, рассчитывать на это было напрасно, ведь все вы так крепко связаны. Боюсь, мы только зря теряем время. Я остался на прежнем месте, но хочу еще раз попытаться. Кто из вас согласен провести ночь в этом доме, ну если не всю, то хотя бы четыре или пять часов? Теперь я буду опрашивать каждого с глазу на глаз. Итак, кто будет первым?

Никто не ответил.

Только Элеонора Вэнс воскликнула:

— Бог мой! Опять все с начала!

— Вы забыли, что мои клиенты — это ваши заказчики.

— Я должен проводить мисс Фрэзер,— сказал Билл Медоуз,— а потом смогу вернуться.

— Нет, это я ее провожу,— сказал Тилли Стронг.

— Ну что за вздор! — воскликнула Дебора Коппел.— Мы живем так близко отсюда, что просто можем взять такси.

— Правильно, и я поеду с кем-то из вас! — согласилась мисс Фрэзер, обращаясь к обоим мужчинам.

— Тогда и я смогу с кем-нибудь отправиться,— сказала Элеонора Вэнс.

— Позвольте, никаких такси вам не понадобится,— весьма веско произнес президент компании «Ни-Спот» и даже привстал с диванчика.— У входных дверей стоит моя машина, и я всех смогу развезти по домам. Поэтому вы можете спокойно оставаться у мистера Вульфа.— Он подошел к столу.— Меня другое волнует. Я сегодня здесь целый вечер, и что-то ваши способности, мистер Вульф, не произвели на меня ожидаемого впечатления.

— Я и сам поражаюсь,— согласился с ним Вульф.— С удовольствием отказался бы теперь от этого дела, но что скажут утренние газеты?!

Увидев в эту минуту, что наши гости направляются к двери, он крикнул:

— Один момент, прошу вас! Я еще ни о чем с вами не договорился. Сделаем так: кто-то первым придет ко мне завтра утром для беседы с одиннадцати до часу,

следующему отводится время с двух до четырех... потом сделаем перерыв, после чего от половины девятого до полуночи я снова буду заниматься с вами. Согласны?

Я взял блокнот с карандашом и составил расписание визитов. Все были так предупредительны друг к другу, что это заняло совсем немного времени и не составило никакого труда.

После их ухода Оуэн сделал неодобрительное замечание по поводу моих записей. И кроме того, сказал ехидно, что и у Вульфа не всегда все гладко выходит: «На этот раз и он порезался бритвой».

— Он действительно поранился во время бритья,— холодно ответил я,— но не понимаю, как вы могли об этом узнать: брил-то он ноги, потому что сперва собирался принимать гостей в коротких штанишках.

По-видимому, Оуэн начисто был лишен чувства юмора, ибо дом наш покинул глубоко оскорбленным.

С нами остался Билл Медоуз, который удостоился чести занять красное кресло.

Фриц Бреннер принес подкрепление: сэндвичи и выпивку.

Около четырех часов я проводил наконец Билла Медоуза до дверей.

Возвратившись в бюро, я сказал Вульфу:

— Может быть, мы пригласим завтра Саула, Орри, Фреда и Джонни, чтобы хоть они помогли нам чем-то?

— Не имею такого желания,— ворчливо ответил Вульф.— Не имею я также и привычки бросать деньги на ветер, когда еще не знаю даже, с чего начать. Пускай уж мистер Крамер со своими сотрудниками работает по старинке. Кто придет ко мне утром?

— Дебби, мисс Коппел.

— Да, ты впервые поступил по-мужски.— Вульф повернулся к двери.— Доброй ночи.

6

За тридцать три часа до полудня четверга Вульфом были допрошены мисс Коппел, мисс Фрэзер, мисс Вэнс, Натан Трэйб и Тилли Стронг. Я испещрил в блокноте почти сто страниц, но сколь незначительно было их содержание!

Мы, правда, добились кое-каких откровений, но они совсем ничего нам не давали.

Билл Медоуз и Натан Трэйб сообщили, что играли в тотализатор на бегах.

Мисс Вэнс призналась, что ее брат, электротехник, имеет доступ к материалам, содержащим цианистый калий.

Тилли Стронг поставил нас в известность, что отпечатки пальцев служащих есть на всех четырех бутылках.

Эти незначительные сведения проясняли лишь то, что нам, как и полиции, будет трудно чего-нибудь достигнуть.

Дебора Коппел рассказала, что шесть лет назад, после смерти брата от цианистого калия, она долго думала об этом. Лоуренс Коппел умер в маленьком городке Флетвилле в Мичигане.

Тогда Вульф спросил, не проживал ли там поблизости человек по фамилии Эрхард.

Еще я пригласил к Вульфу профессора Савареze и был послан за мисс Шеппард. До сих пор мы знали о ней только то, что ее родители живут в Бронксе (Викслей-авеню, 829), что у нее светлые волосы и голубые глаза и что отец ее работает на складе. В среду после четырех, когда мисс Фрэзер обычно выезжает из дому, я взял в гараже машину и отправился в путь.

Жилище было из тех, в которых люди селятся, только когда у них нет возможности устроиться в другом месте. От швейцара, который, между прочим, вполне соответствовал этому прибежищу, я узнал, что три дня назад миссис Шеппард вместе с дочерью уехала и до сих пор еще не возвращалась. Потом он объяснил, что мистер Шеппард каждое утро около половины седьмого уходит на работу и застать его можно только после пяти.

Я взглянул на часы — было десять минут пятого — и, вручив швейцару доллар, попросил его оставаться поблизости, чтобы подать мне знак при появлении Шеппарда.

Ждал я на лестничной клетке совсем недолго, когда появился какой-то мужчина. Я вежливо поинтересовался:

— Вы мистер Шеппард?

— Поваливайте! — рявкнул он.

— Меня зовут Арчи Гудвин. Я работаю сейчас для мисс Маделины Фрэзер и узнал, что ваши жена и дочь...

— Проваливайте!

— Но я только хотел...

— Проваливайте!!!

Меня прямо подмывало врезать ему по узкому подбородку, но важнее всего было узнать местожительство его дочери, а в бессознательном состоянии он вряд ли смог бы мне чем-то помочь.

Я вернулся обратно, поставил машину возле дома, вошел в контору и набрал номер Маделины Фрэзер.

Ответила Дебора Коппел, и я спросил:

— Вам известно, что Нэнси со своей матерью покинула квартиру?

Оказалось, что да.

— Но до сих пор ни вы, ни мисс Фрэзер не упоминали об этом.

— А вы не интересовались.

— Вам же обоим задавали вопросы о мисс Шеппард!

— Но не про ее местонахождение.

— Могу я узнать, где она сейчас?

— Это мне не известно.

— А мисс Фрэзер?

— Нет, мы обе не в курсе.

— Откуда же у вас информация о том, что она уехала?

— Мисс Фрэзер позвонила, и ей ответили.

— Когда это было?

— Это было... это было... в воскресенье.

— А куда, не сказали?

— Нет.

Дальше расспрашивать ее не было смысла, и я повесил трубку.

Прежде всего мне пришла в голову мысль позвонить сержанту Перли Стеббинсу из комиссии по расследованию убийств. Но Стеббинс захотел бы обменяться информацией, а мне нечего было ему предложить. Поэтому я решил позвонить Лону Коэну из «Газетт».

— Оказывается, Нэнси Шеппард и ее мать исчезли.

— Знаю. Отец ее ужасно дергается из-за того, что она замешана в деле об убийстве. Обозлился, как жука! двоим нашим фоторепортерам выдрал волосы.

— Да-да, я уже с ним познакомился. Куда же он упрятал жену с дочерью?

— Понимаешь, они ведь отправились в отпуск с согласия Крамера и — это полчаса назад стало извест-

но — остановились теперь в отеле «Амбассадор» в Атлантик-Сити.

— Действительно? А кто оплачивает номера?

Этого он не знал, и мы распрощались.

Когда Вульф появился в конторе, я рассказал ему последние новости. Он уже побеседовал с тремя из восьми подозреваемых, но эти разговоры не дали никаких результатов. Вульф хотел что-то добавить, но в это время в контору вошел Саул Пензер.

Саул Пензер работал на свой страх и риск. Он не состоял у нас в штате. Но это было и не нужно, потому что некоторые его качества приносили ему постоянный приличный заработок. Обычно он сам выбирал себе дела. Однако никогда еще не бросал в беде и не оставлял на произвол судьбы Ниро Вульфа, если тому нужна была помощь.

Он пообещал спозаранок отправиться в Атлантик-Сити и доставить оттуда мисс Шеппард для разговора с Вульфом. И если нужно, он, мол, привезет ее без матери.

Когда Саул Пензер ушел, появился Фриц Бреннер с подносом. Я посмотрел на него с удивлением: Вульф перед обедом никогда не пил пива. Но под салфеткой оказалось совсем не пиво, а напиток «Ни-Спот». Рядом стояли три стакана.

Фриц так и остался у письменного стола Вульфа.

Вульф недоверчиво посмотрел на бутылку, достал открывалку, поддел пробку и разлил напиток по стаканам.

— По-моему, — пробормотал я, — это приведет к совершенно не нужным жертвам. Эрхард тоже не знал, каков этот напиток на вкус, и только из вежливости сделал несколько глотков. — Я отодвинулся.

— А может, — сказал Вульф, — он уже пробовал «Ни-Спот» прежде. — Вульф поднял стакан, принялся и скорчил гримасу. — Убийце незачем было знать, пил его Эрхард прежде или нет.

Я отхлебнул немного.

— Если попробовать, это не так страшно. — Я стал пить дальше. — Мы сможем установить разницу во вкусе, если подсыпем в стакан цианистого калия. У вас не найдется его под рукой часом?

— Не говори ерунды, Арчи. — Вульф встал и направился к умывальнику. — Теперь обязательно нужно сделать глоток воды.

Вульф всегда придавал большое значение правильной работе желудка.

После обеда, когда Вульф разговаривал с Тилли Стронгом, позвонил Саул Пензер.

— Я на вокзале в Атлантик-Сити,— сказал он.— Через двадцать минут я или сажусь в нью-йоркский поезд, или ныряю в море — решение за вами, Вульф. Я использовал с мисс Шеппард трюк, который до сих пор ни разу не давал сбоя, но тут был полнейший провал. Когда я попытался обратиться к ней на улице, она позвала полицейского и пожаловалась на мою настойчивость, вернее, назойливость. Потом я попробовал позвонить ей по телефону, но на каком-нибудь четвертом слове она просто повесила трубку. Это уже третий мой промах за десять лет работы с вами, и такого я не могу себе простить. Мне не нужно от вас ни гонорара, ни возмещения издержек.

— Ерунда! — В обращении с Саулом Вульф никогда не раздражался.— Расскажите мне о подробностях, только попозже. Вы сможете быть у меня в конторе в шесть?

— Да.

— Хорошо, тогда приходите.

Ровно в два часа раздался звонок в дверь. Прибыл профессор Саварезе.

7

Каждый когда-нибудь слышал об исключениях, которые подтверждают правила. Профессор Саварезе был как раз одним из таких счастливицов. Общепринято считать, что волосы у итальянца должны быть цвета воронова крыла, а рост — относительно небольшим. Еще одно убеждение рисует математика расположенным к сухости и педантизму, пребывающим где-нибудь в стратосфере, как в доме родном, а на земле разве что навещающим изредка родственников.

Ну а Саварезе, итало-американский профессор, был высоким крепким блондином, похожим на свежий мартовский ветер.

В первые же двадцать минут он поведал нам, как захватывающе интересно было бы вывести ряд формул, — конечно, чисто математических, — которые могли бы найти применение в работе детектива. Он был убежденным сторонником теории вероятностей и сразу при-

вел нам в подтверждение своих мыслей несколько характерных примеров.

— Возьмем самый простенький для сыщика случай,— предложил он с радостной улыбкой.— Трое слуг украли из сейфа в господской комнате кольцо с бриллиантами. Давайте обозначим их буквами «икс», «игрек» и «зет», и тогда...

— Прошу вас! — не выдержал Вульф.— Вы отклоняетесь от темы!

Саварезе посмотрел на него озадаченно.

— Я что, действительно отклоняюсь? А какая, собственно, была тема?

— Смерть мистера Сирилла Эрхарда и ваша к ней причастность.

— О, да, конечно.— Он улыбнулся так, словно собрался просить прощения, потом улыбнулся еще раз и развел руками.— Может быть, мы еще сумеем вернуться и к моей любимой проблеме? Меня чрезвычайно волнует эта...

— Да, только позже. А теперь я бы хотел спросить вас, кто во время той передачи подал мистеру Эрхарду стакан и бутылку?

— Право, не знаю. Видите ли, мне в высшей степени интересно установить различие между вашим методом и методом полиции. Вы, похоже, пытаетесь перейти от фактора вероятности к фактору достоверности. А следовательно, видите во мне убийцу с шансами один к пяти, но в ходе нашей беседы этот шанс может возрасти до одного к четырем, к трем и так далее либо упасть до одного к десяти. Тогда вы будете уверены в том, что как убийца Эрхарда я могу в расчет не приниматься. Существует показательная формула...

— Несомненно.— Вульф держался великолепно.— Если уж вы мечтаете сравнить мои методы с полицейскими, то должны разрешить мне хоть изредка вставлять словечко. Были вы знакомы с мистером Эрхардом до упомянутой передачи?

— О, да! В общей сложности я видел его шесть раз. Впервые — тринадцать месяцев назад. Все это я могу изложить без запинки, ибо полиция довольно обстоятельно меня расспрашивала. Поскольку вы наметили конкретный путь, я прежде всего останавлиюсь на пунктах, которые могут быть использованы для моего обвинения. Вы согласны?

— Вполне.

— Да, так я и подумал... Будучи математиком, я всегда интересовался практическим применением теории вероятностей к любой игре. Как ключ к нормальному случаю...

— Не теперь! — резко оборвал его Вульф.

— О нет, конечно, нет. Вообще, на скачках применять основное положение этой теории необычайно трудно. Изучая год назад возможности одной формулы, я решил немного подробнее начать штудировать газеты с предварительными данными заездов. Среди выписанной мною периодики был и «Трек-альманах», который выпускал мистер Сирилл Эрхард. Полицейские спрашивали, почему я выбрал именно его, но я тогда не смог ответить, поскольку просто об этом позабыл. Возможно, это возбудило их подозрения, но все же факт остается фактом — я не могу вспомнить, по какой причине выбрал эту газету. Как-то в феврале Эрхард опубликовал особенно интересный прогноз, я даже лично зашел к нему. Он был интеллигентным человеком, но, к сожалению, совсем не интересовался математикой, и я с ним встречался нечасто. Тем не менее позже мы еще раз виделись, а как-то провели даже вместе несколько дней у одного знакомого в Нью-Джерси. В общей сложности, повторяю, я видел его до той злополучной передачи шесть раз. Это ведь может навести на подозрения, не так ли?

— На ничтожные, — пробормотал Вульф.

Саварезе кивнул.

— Ваша объективность меня радует. Правда, дальше будет хуже. Когда радиовещательная компания устроила опрос желающих организовать справочный бюллетень, я написал туда письмо с предложением принять вторым гостем в такой программе мистера Эрхарда. — Саварезе улыбнулся. — Ну как теперь обстоит дело с шансами один к пяти?

— Но ведь это соотношение выдвинуто вами, а не мной. В полиции есть упомянутое письмо?

— Нет. По моим сведениям, радиокомпания всю переписку уничтожила.

Вульф заерзал в своем кресле.

— Что еще вы можете привести по так называемым пунктам обвинения?

— Дайте-ка подумать. — Он остановился. — Похоже, это все, если говорить о каких-то особенностях моего характера. Тогда следующим пунктом будет состояние

моих финансов. Жалованье профессора математики позволяет мне вести лишь весьма скромную жизнь, и все же я каждую неделю отдавал десять долларов за «Трек-альманах».

— Вы играете в тотализатор? Ставили на скачках?

— Нет, еще ни разу. Для этого я слишком много знаю, а если хотите — то и слишком мало. Более девяти процентов таких пари бывают следствием азарта, а не здравого смысла. — Саварезе развел руками. — Таким образом, мы приходим теперь на путь отрицания того, что я отравил Эрхарда. Позвольте привести вам некоторые аргументы. Я никак не мог поднести ему яд, поскольку сидел по диагонали от него и вообще не касался бутылок и стаканов. Затем — практически невозможно доказать, что я где-то купил, украл или еще как-нибудь достал цианистый калий. Далее, не нашлось бы ни малейшего подтверждения тому, что я в какой угодно форме получил или мог получить некую выгоду от смерти Эрхарда. Когда я в тот день без двадцати одиннадцати приехал в студию, все были уже в сборе и, подойди я к холодильнику, наверняка увидели бы это. Ну и наконец, не существует никаких причин для утверждения, что мое отношение к Эрхарду было иным, чем я его описывал. — Саварезе с сияющей улыбкой посмотрел на Вульфа. — Ну, как теперь? Один к тысяче?

— Я не говорил, что буду следовать вашей схеме, — проворчал Вульф. — У меня свои методы, и приходится то тут, то там ковыряться в разных мелочах. А вы, кстати, уже бывали в Мичигане?

Весь следующий час до того самого момента, когда Вульф должен был войти в лифт, чтобы отправиться в оранжерею на крыше, он обстреливал профессора Саварезе самыми разными вопросами. Тот отвечал очень кратко и дельно. Очевидно, он все еще тщился сравнить методы Вульфа с полицейскими, потому что выглядел скорее вдумчивым судьей, нежели человеком, которого подозревают в убийстве.

В начале пятого пришел Саул Пензер и уселся в красное кресло для посетителей.

— Я все испортил, и мне прямо стыдно показываться Вульфу на глаза, — мрачно начал он. — То, что я недооценил эту женщину, — одна из самых больших ошибок за всю мою карьеру.

До шести часов мы коротали время за картами, и,

когда пришел Ниро Вульф, я успел обобрать Саула на три доллара.

Вульф молча выслушал рассказ Саула и, объяснив ему, что извиняться за промах было незачем, велел позвонить после ужина, дабы получить дальнейшие указания.

Когда мы остались в конторе одни, Вульф откинулся в своем кресле и закрыл глаза. Я вставил бумагу в пишущую машинку и напечатал доклад о деятельности Саула Пензера, а когда нес его к шкафу, услышал голос Вульфа:

— Арчи!

— Да, сэр?

— Я должен обязательно поговорить с девчонкой. Соедини-ка меня с мисс Фрэзер.

Я исполнил его приказание, но мы спокойно могли не тратить время на этот звонок. Мисс Фрэзер выразила сожаление по поводу того, что мы еще не добились никаких результатов. Потом пообещала нам всяческую помощь, заявив, однако, что, по ее мнению, бесполезно звонить в Атлантик-Сити и пытаться убедить мисс Шеппард приехать в Нью-Йорк к мистеру Вульфу. Она, мол, без сомнения, откажется. Мисс Фрэзер согласилась посодействовать нам и попытаться повлиять на Нэнси, но сказала, что от ее матери не сумеет добиться большего, чем остальные. И в заключение мы узнали, что именно она оплатила матери и дочери дорогу в Атлантик-Сити и гостиницу.

— В самом деле? — ошеломленно спросил Вульф. — Но мисс Коппел заявила мистеру Гудвину, будто никто из вас не знает, куда они поехали.

— Мы действительно только сегодня утром прочитали это в газетах. Деньги на проезд и расходы я им давала, но о том, куда они отправляются, не было сказано ни слова.

Вульф повесил трубку, и я вынес на его усмотрение несколько предложений, но он уже вбил себе в голову, что прежде всего должен поговорить с мисс Шеппард.

— Доставь ее ко мне, — ворчал он.

Иного я и не ожидал.

— В полном здравии? — спросил я.

— Но ведь здесь ты сможешь снова привести ее в чувство. Нужно было сразу отправить тебя в Атлантик-Сити, потому что я-то знаю, как ты умеешь обращаться с молодыми девушками.

— Большое спасибо за комплимент, но она еще не-
совершеннолетняя, а не молодая леди.

— Арчи!

— Да, сэр?

— Привези ее!

8

За ужином Вульф рассказал мне о своем учителе математики из Монтенегро, у которого были зловещие длинные усы. И неожиданно у меня созрел один план, в связи с чем я после еды вновь посетил швейцара на Викслей-авеню. Получив там желаемую справку, я щедро отвалил ему очередной доллар из денег «Ни-Спот».

Затем я вернулся домой и подготовился к поездке в Атлантик-Сити. За прошедшие две ночи мне едва удалось поспать часа три, а в этот раз и того бы не набралось.

Хмурым пятничным утром, в половине седьмого, я уже стоял на платформе вокзала в Атлантик-Сити и во всю зевал. Потом, встряхнувшись немного, я направился к такси. Попросил водителя подождать и подошел к следующей машине.

— В это время дня мне всегда бывают нужны два автомобиля,— объяснил я шоферу.— Я поеду в первом, а вы последуете за нами. Потом мы проведем небольшое совещание.

— А куда вам нужно?

— Тут недалеко.— Я сунул ему в руку долларовую бумажку.— Все будет в порядке.

Он кивнул без особого воодушевления. Я сел в переднюю машину и попросил водителя остановиться не подалеку от отеля «Амбассадор».

Через несколько минут мы достигли цели, и, когда второе такси тоже остановилось сзади, я подал знак его водителю подойти.

— У меня есть враги,— сказал я обоим. Они переглянулись, и один из них заметил:

— Вы уж сами смотрите, как вам уладить свое дело, мы-то всего лишь таксисты. Лично у меня на счетчике пока только шестьдесят центов.

— Нет, вы всё неправильно поняли. Просто это мои жена и дочь, которые упорно отравляют мне жизнь. Сколько выходов у этого отеля?

— Два,— ответил один шофер.

— Три,— не согласился другой.

Они поспорили немного и пришли к заключению, что выходов все же три.

Я вручил каждому по пять долларов и сказал:

— Дальнейшая оплата будет полностью зависеть от того, сколько времени займет вся операция. А теперь слушайте внимательно.

Изложив им подробный план действий, я занял позицию у дверей, которые выходили к океану. Только тут я понял, какую допустил ошибку, отложив на время завтрак: желудок мой начал проявлять неудовольствие.

Через полчаса из-за угла показался один из таксистов, позвонил мне к своей машине и тотчас же ошарашил:

— Они только что отъехали, сэр.

— На вокзал?

— Да, по крайней мере, в том направлении.— Он круто развернул автомобиль.— Они взяли такси, Тони двинул за ними.

С риском свернуть себе шею мы помчались к вокзалу: до отправления поезда на Нью-Йорк у меня оставалось ровно одиннадцать минут.

Через четыре минуты мы затормозили перед зданием вокзала. Выходя из машины, я увидел, как передо мной какая-то женщина отпускает свое такси. Около нее стояла молодая девушка.

— Да уйдите же, наконец, в укрытие! — прорычал мой водитель.— Вы ведь не слепой, кажется, черт возьми!

— Обойдется,— пробормотал я,— я же у них за спиной. У нас просто особый вид холодной войны на нервах.

Тут откуда-то появился Тони, и я выдал обоим по очередной пятидолларовой бумажке. Потом подошел к контролю, где мать с дочерью как раз предъявляли билеты. Подождав, пока они займут свое купе, я тоже вошел в вагон.

В поезде я сразу же направился в ресторан, навестить пропущенный завтрак и выпить чашку-другую кофе. Немного погодя туда же пришли мать и дочь. А когда они вернулись в свое купе, нам оставался всего час пути до Нью-Йорка.

Мать была невысокой и миниатюрной, с седеющими волосами. Нэнси же выглядела значительно лучше, чем

я ожидал со слов Саула Пензера. У нее были длинные светлые волосы и темно-голубые глаза.

Я решил, что критическим должен стать тот момент, когда мы будем покидать вокзал «Пенсильвания» в Нью-Йорке. Я буквально наступал им на пятки, но они спокойно прошли через северный выход и повернули налево.

Затем они пересекли 9-ю авеню и зашагали по 35-й улице. Мне стало окончательно ясно, что они направляются к дому Ниро Вульфа. Особое удовлетворение вызывало у меня то, что время было удивительно подходящим: еще не наступило одиннадцать часов, и Вульф мог находиться в своей конторе.

Когда они остановились перед домом и уже собрались подниматься по лестнице, я обогнал их, открыл дверь своим ключом и сказал:

— Входите, пожалуйста, миссис Шеппард.

Переступая через порог, Нэнси сказала, обращаясь ко мне:

— Вы ведь ехали с нами в поезде — что-то здесь не так!

— Мистер Вульф ждет вас, думаю, все будет в полном порядке.

Я предложил им оставить в коридоре вещи, но они отказались, и я провел их в кабинет.

Вульф сидел за письменным столом. При нашем появлении он поднялся, чем доставил мне огромную радость: перед мужчинами он никогда не вставал, а женщинам объяснял, что при своей полноте не может позволить себе такие нагрузки. Теперь же я понял, что этим поступком он хотел выразить свое удовлетворение моими успехами.

— Миссис Шеппард, — сказал я, — это мистер Ниро Вульф. Мисс Нэнси Шеппард.

Вульф слегка поклонился.

— Приветствую вас, леди.

— Мой муж... — сказала мать боязливым, но тем не менее твердым голосом. — Где мой муж?

— Он скоро придет, — ответил Вульф. — Задерживается немного. Садитесь же, мадам.

Я ухмыльнулся на эти слова и покачал головой.

— Я вам очень признателен за эту помощь, но дело обстоит совсем не так. — Я посмотрел на обеих женщин. — Сейчас я все объясню и вам, и мистеру Вульфу. Телеграмма у вас с собой? Можно на нее взглянуть?

Мать начала было открывать свою сумочку, но Нэнси опередила ее.

— Не показывай! — закричала она, потом обернулась ко мне и прошипела: — Немедленно выпустите нас отсюда!

— Нет, сейчас, к сожалению, это не получится, но если через пять минут вы не передумаете, то сможете беспрепятственно уйти.

Я повернулся к Вульффу.

— В телеграмме говорится буквально следующее:

«Садитесь первый поезд Нью-Йорк отправляйтесь контору Ниро Вульфа 918 Вест там найдете меня оставьте вещи отеле поторопитесь».

Саул отправил ее сегодня в шесть тридцать с почтамта в Бронксе. Необходимая информация была получена от портье с Викслей-авеню.

— Значит, вовсе не отец посылал эту телеграмму? — Нэнси с яростью взглянула на меня. — Я ведь сразу поняла, что тут дело нечисто.

Она схватила мать за руку.

— Пойдем, мы должны сейчас же уйти отсюда!

— Но куда же, Нэн?

— Уйти, и все!

— Куда уйти-то? — раздраженно повторила мать. — Домой?

— В этом-то вся и суть, — сказал я без особого энтузиазма. — Вам предстоит выбрать один из трех вариантов. Во-первых, можно отправиться домой и попытаться объяснить мужу, как вы стали жертвой подложной телеграммы. Однако я вижу, что такая перспектива вас совершенно не устраивает. Во-вторых, вы можете сесть на ближайший поезд и вернуться в Атлантик-Сити, но в этом случае я тотчас же позвоню на работу вашему мужу и объясню, почему вы тут очутились.

Мать умоляюще посмотрела на меня, и я быстро подвинул ей стул, чтобы она могла сесть.

— Вы настоящий изверг! — крикнула Нэнси.

Я не обратил на нее внимания и продолжил, по-прежнему обращаясь к матери:

— Третий вариант состоит в том, что вы останетесь здесь, и мистер Вульф попытается выяснить у вас некоторые факты. Поскольку это может продлиться несколько часов, я предложил бы сразу и начать. Потом мы накормим вас превосходным обедом, а когда мистер

Вульф отпустит Нэнси, я провожу ее на поезд в Атлантик-Сити. Разумеется, все расходы, связанные с этой поездкой, мы берем на себя. Мистер Шеппард, с которым я знаком, ничего не узнает.— После небольшой паузы я добавил: — Вы сами можете выбрать любую из трех возможностей, тем более других у вас нет.

Нэнси села в красное кресло для посетителей.

— Это просто ужасно,— пробормотала ее мать упавшим голосом.— А вы уверены в том, что мой муж не посылал телеграммы?

— Абсолютно уверен, и все совсем не так ужасно, как вам кажется. Сегодня вечером вы снова будете в своем прекрасном гостиничном номере.

— Вовсе он и не прекрасный! — сказала Нэнси.— Душ бьет в сторону, а управляющий никак не соберется его починить.

Вдруг она зажала рот рукой, вытаращила глаза и вскочила с кресла.

— Боже мой! — взвизгнула она.— Где у вас радио? Сегодня же пятница, и сейчас как раз идет передача мисс Фрэзер.

— Наше радио не работает! — ответил я тоном, не допускающим возражений.— Дайте мне ваше пальто и шляпку.

9

За исключением перерыва на обед, миссис Шеппард так и просидела, опустив плечи, на одном из желтых конторских стульев. Вульфа ее присутствие отнюдь не вдохновляло: он даже предложил ей подняться в оранжею на крыше и полюбоваться чудесными орхидеями, но она попросту не обратила на это внимания. Похоже, миссис Шеппард была озабочена безопасностью своей дочери, а может быть, боялась, вернувшись в отель, найти еще одну телеграмму, подписанную ее мужем.

В моей записной книжке зафиксирован такой диалог.

Вульф: Вы, кажется, питаете большую симпатию к мисс Фрэзер, не так ли, мисс Шеппард?

Нэнси: О да, она просто не имеет себе равных!

Текст продолжается на другой странице.

Вульф: А почему вы, собственно, оставили колледж, если так хорошо учились?

Нэнси: Мне предложили место манекенщицы, и я не

могла устоять против соблазна получать приличное жалование.

Вульф: Вы и дальше собираетесь зарабатывать деньги на этом поприще?

Нэнси: О нет! Я всеми средствами буду стараться попасть в радиокompанию, чтобы потом делать программу вместе с мисс Фрэзер. Вот вы, мистер Вульф, много выступали перед микрофоном?

Следующая страница.

Вульф: Как вы провели время в Атлантик-Сити?

Нэнси: Отвратительное место, там можно совсем скиснуть.

Пока я должен был признать, что эта беседа мало дает Вульфу.

Фриц Бреннер пригласил нас обедать.

Потом мы снова вернулись в контору. Нэнси закурила сигарету, и тут я заметил, что вопросы Вульфа стали постепенно приближаться к самому преступлению. Сначала он интересовался, как именно думает Нэнси организовать новый клуб «Фрэзер-филиал», а потом перешел к отдельным передачам мисс Фрэзер.

Вульф выяснил, что каждый вторник, а иногда и по пятницам Нэнси принимает участие в программе. Чаще всего она сидит в первом ряду зрителей, но иногда ей позволяют делать кое-какие мелочи в студии. Мисс Фрэзер обещала со временем включить ее и в саму передачу, и Нэнси ждала этого всем сердцем. Здесь, правда, все зависело только от мисс Фрэзер, потому что на студии больше никто о ней ничего слышать не хотел.

— Какую же работу вам доверяли на студии? — добродушно спросил Ниро Вульф.

— О!.. — Она сделала неопределенный жест рукой. — Например, если кто-нибудь ронял листок со сценарием, я вскакивала и поднимала его. Иногда бывало нужно заменить скрипучий стул — это тоже обычно делала я. На той передаче, о которой вы спрашиваете, я принесла из шкафчика поднос со стаканами и поставила на стол.

— В тот раз, когда гостем программы был мистер Эрхард?

— Да. Я и раньше этим занималась.

— У вас есть ключ от шкафа?

— Нет, ключ у мисс Вэнс. Она и шкаф отпирала, и поднос вытаскивала. — Нэнси улыбнулась. — Однажды, помню, я уронила стакан, и вы думаете, мисс Фрэзер рассердилась? Она просто попросила меня принести кар-

тонный. Вы и представить себе не можете, какая это замечательная женщина!

— Да, чрезвычайно. И когда же это произошло?

— О, примерно год тому назад.— Как бы в подтверждение своим словам Нэнси кивнула головой.— Именно тогда на передаче впервые появились бутылки «Ни-Спот». Сначала мы ставили совсем простые стаканы, а потом их вдруг заменили...— Она внезапно замолчала.

— А почему заменили?

— Понятия не имею.

Я ожидал, что Вульф на время отложит свои вопросы, поскольку Нэнси сболтнула ненароком что-то лишнее и совершенно явно солгала, утверждая, будто не знает причины замены стаканов. Но Вульф неожиданно повернул все совсем по-другому.

— Наверное, стаканы были слишком хрупкими и их поменяли на более массивные, небьющиеся...— Вульф рассмеялся, будто от удачной шутки.— А вы когда-нибудь пробовали «Ни-Спот», мисс Шеппард?

— Я?! Вы что, потешаетесь надо мной? В честь основания моего клуба фирма прислала мне целый грузовик с этим напитком.

— Мне он не очень нравится, а вам?

— Ах, я даже не знаю. Конечно, сперва он кажется не слишком приятным. Когда у меня будет своя программа и появятся первые Шеппард-клубы, я поведу дело совсем по-другому.— Она наморщила лоб.— Как вы думаете, Нэнси Шеппард — неплохое имя для артистки или лучше звучит Нэн? Может, вообще стоит взять новое? Мисс Фрэзер была раньше Оксхолл. Потом она вышла за человека по фамилии Коппел. Он уже умер. А вот на радио она не воспользовалась ни тем, ни другим именем: новое выбрала.

— Любое ее имя звучало бы великолепно,— сказал Вульф с интонациями маститого критика.— Как-нибудь вы обязательно расскажете мне о своих клубах.— Вульф подумал немного и вдруг спросил: — А вам не кажется, что в «Ни-Спот» кладут перец?

— Право, не знаю, я над этим никогда не задумывалась. Во всяком случае, у него совсем другой вкус, чем у «Фризо».

— Да, ваша правда,— подтвердил Вульф.— Что же еще вы делали во время передачи?

— О, только то, о чем уже говорила.

— Ну а разве не вы подаете стаканы и бутылки мисс Фрэзер, мистеру Медоузу и остальным?

— Нет. Однажды попыталась, но они этого не допустили.

— Где вы находились в тот момент, когда случилось несчастье?

— Сидела у пианино. Вообще-то во время передач я должна быть среди зрителей, но иногда я нарушаю это правило.

— Вы не заметили, кто их тогда передавал, в частности мистеру Эрхарду?

Нэнси коварно усмехнулась.

— Ведь именно это вам и нужно узнать, верно? Нет, не заметила. Этот вопрос мне задавали в полиции по крайней мере миллион раз.

— Естественно. Ну а я спросил только единожды. Скажите, а не вы берете бутылки из шкафчика и ставите их в холодильник?

— Просто иногда помогаю. А вообще это обязанность мисс Вэнс, но поскольку она не может унести сразу семь бутылок, то берет только четыре, а я остальные три.

— Так. А в тот вторник вы тоже ей помогали?

— Нет, на мисс Фрэзер была тогда новая шляпка, и я так увлеклась ею, что даже не заметила, как мисс Вэнс сама принесла бутылки из шкафа.

— Значит, мисс Вэнс пришлось ходить дважды? — Голос Вульфа несколько подтвердел, и мои тренированные уши сразу уловили эту перемену. — Она точно подходила к холодильнику два раза?

— Абсолютно точно.

— Четыре да три — получается семь бутылок, — довольно сказал Вулф. — Мы оба умеем считать, а мисс Вэнс и мистер Медоуз, похоже, нет. Насколько мне известно, во время передачи разливаются только четыре бутылки, а остальные сохраняются как резерв. Мисс Вэнс и мистер Медоуз тем не менее утверждают, что бутылок всего было восемь, а не семь, как говорите вы. Мисс Вэнс заявляет, что относит два раза по четыре штуки, а вы толкуете о четырех и трех. — Вулф наклонился вперед, голос его стал совсем жестким. — Мисс Шеппард, вы немедленно объясните мне, почему они говорят о восьми бутылках, а вы о семи. Итак?

Она нерешительно посмотрела на него и промолчала.

— Ну же! — Его голос стегал теперь, как плетка.

— Понятия не имею, — фыркнула она наконец.

По ее лицу было видно не только то, что она прекрасно обо всем знает, но и то, что вообще решила ничего больше не говорить.

— Ну? — Вульф погрозил ей пальцем. — Очевидно, у вас сложилось совершенно превратное мнение, будто стоит вам только сказать: «Понятия не имею», — как я тотчас же отстану. Сначала вы попытались проделать этот фокус, когда разговор шел о стаканах, а теперь вот снова... Я даю вам ровно одну минуту, чтобы вы подумали и выложили мне чистую правду. Арчи, засеки время!

Я посмотрел на часы, потом — на Нэнси. Она все еще была полна решимости молчать. Я накинул еще секунд десять и провозгласил:

— Время истекло.

Вульф вздохнул.

— Боюсь, что вы, мисс Шеппард, и ваша мать сегодня уже не поедете обратно в Атлантик-Сити, поскольку...

Миссис Шеппард болезненно охнула, а Нэнси воскликнула:

— Вы же обещали!..

— Нет, это мистер Гудвин что-то вам насулил. Я же намерен дать ему сейчас несколько указаний. — Он повернулся ко мне. — Арчи, ты доставишь мисс Шеппард к мистеру Крамеру. Можно вместе с матерью, но, моему, ей лучше вернуться домой. Сначала я продиктую тебе письмо к мистеру Крамеру. В двух экземплярах пиши.

Вульф откинулся в кресле, закрыл глаза, облизнул губы и начал:

«В порядке расследования убийства Сирилла Эрхарда посылаю к Вам мистера Гудвина с мисс Шеппард. Каким образом она попала в Атлантик-Сити, объяснит мистер Гудвин. Я предлагаю незамедлительно арестовать мисс Маделину Фрэзер и предъявить ей обвинение в обдуманном, преднамеренном убийстве с помощью яда. Очевидно, ее покрывают все члены клуба. Беседуя со мной, все участники передачи вместе и каждый в отдельности утверждали, будто не могут вспомнить, кто именно подал бутылку и стакан мистеру Эрхарду. Это тем бо-

лее странно, что все остальное их память сохранила до мельчайших подробностей. Возможно, они боятся за свое положение, и, когда мисс Фрэзер будет арестована, осуждена и сурово наказана, этот страх пропадет. Все это я уже подозревал, но окончательно убедился лишь во время беседы с мисс Шеппард, которая, несомненно, принадлежит к тем, кто покрывает мисс Фрэзер. Она абсолютно спокойно дважды солгала мне: первый раз, утверждая, будто не знает причины замены стаканов в студии, а второй — не сумев объяснить противоречия в показаниях о количестве бутылок. Мистер Гудвин сообщит Вам все необходимые подробности.

Когда Вы посадите мисс Фрэзер за решетку, я хочу посоветовать Вам обратить особое внимание на замену стаканов. Это событие годичной давности наводит на мысль, что убийство Сирилла Эрхарда подготавливалось заранее. С помощью Ваших методов будет совсем не сложно получить от мисс Шеппард необходимую информацию. Я не знаю...»

— Арчи!

Нэнси неожиданно вскочила со своего места и, словно ураган, помчалась на меня. Не успел я опомниться, как она вырвала мою записную книжку и с глазами, полными слез, повернулась к Вульффу.

— Это вранье! Все это вранье!

— Но, Нэнси! — безнадежно простонала ее мать.

Я прыгнул к Нэнси, а Вульфф проговорил:

— Забери у нее записи, нам нужно закончить. Это истерика. Если она поступит так еще раз, я немедленно запру ее в ванной комнате!

— Нет! — закричала она. — Вы совсем с ума сошли. Замена стаканов там вообще ни при чем. Я действительно не знаю, почему это сделали! А вы...

— Тихо! — приказал Вульфф. — Если вы хотите что-то объяснить, сядьте на стул и перестаньте орать. Так почему же были заменены стаканы?

— Я понятия не имею! — Нэнси на мгновение запнулась и вдруг сказала спокойным голосом: — Я действительно не знаю почему. Могу только предположить, но, поделившись с вами своими мыслями, я нарушу обещание, которое дала мисс Фрэзер.

Вульфф кивнул.

— Я ведь говорил, что вы ее выгораживаете.

— Вовсе не выгораживаю! Она в этом не нуждается.
— Ради бога, не впадайте опять в истерику. Так какие у вас там предположения?

— Сперва мне нужно позвонить ей.

— Могу себе представить зачем: предупредить и посоветовать куда-нибудь скрыться!

Нэнси изо всей мочи стукнула по письменному столу Вульфа своей слабой ручонкой.

— А ну прекратите! — рявкнул на нее Вульф.

— Как это подло...

— Все, Арчи, запри ее в ванной и позвони инспектору Кармеру, пусть забирает ее прямо отсюда.

Я встал, но Нэнси не обратила на меня никакого внимания.

— Хорошо, — пробормотала она, — потом я объясню ей, что меня вынудили, да и мама подтвердит. Так вот, сначала я вообще не обратила внимания на замену стаканов — ну были бесцветные, ну стали непрозрачные, темно-коричневые, — но потом что-то произошло и с бутылками. Мисс Вэнс начала приносить уже не восемь штук, а только семь, и, кроме того, я во время передачи заметила на бутылке мисс Фрэзер полоску липкой ленты. С тех пор всегда ставилось только семь бутылок, и каждый раз на восьмой у мисс Фрэзер была видна эта полоска. Тогда-то я и подумала, что есть некая связь между заменой стаканов и отметиной на бутылке мисс Фрэзер, но это были только догадки.

— Мне бы хотелось, чтобы вы снова сели, мисс Шеппард: очень неудобно постоянно задирать голову.

— По мне, можете свою старую тыкву хоть пополам расколоть.

— Но, Нэнси! — простонала миссис Шеппард.

Нэнси присела на краешек красного кресла для посетителей.

— Когда вы дали мисс Фрэзер обещание, о котором только что упоминали? Недавно?

— Нет, много месяцев назад. Метка на бутылке, конечно, возбудила мое любопытство, и, когда я однажды спросила о ней мисс Фрэзер, она объяснила, что тут замешаны чисто личные обстоятельства, но все же взяла с меня слово никогда не говорить об этом. Потом она несколько раз интересовалась, держу ли я свое обещание... Я, конечно, заверила, что она может на меня положиться. Но вы заявляете, что мисс Фрэзер могут арестовать...

— Посмотрим! — пробормотал Вульф. — Значит, вам так никто и не объяснил, почему на бутылке появилась эта наклейка?

— Нет.

— У вас нет никаких идей на этот счет?

— Нет, я только знаю, что она всегда была в последний год. И похоже, здесь нет никакой связи с убийством. Надеюсь, теперь вы удовлетворены?

— Да, почти, — ответил Вульф.

— Тогда я могу ей позвонить?

— Нет! Вы не должны забывать, что расследование она поручила мне и потому я сам проинформирую ее о положении вещей. Скажите, в день смерти мистера Эрхарда липкая лента тоже была?

— Точно я не видела, но думаю, что была, как всегда.

— Вы действительно этого не видели?

— Может быть, вы считаете, что я и сейчас лгу?

Вульф покачал головой.

— Нет, не считаю, поскольку ваш голос звучит теперь по-другому. В таком случае не могли бы вы сказать, как выглядела эта ленточка и где она прилеплась?

— Обыкновенная узкая полоска в нижней части горлышка.

— Всегда на одном месте?

— Да.

— Какой она была ширины?

— Вы ведь знаете — такой, наверное. — Нэнси показала на пальцах примерно сантиметра полтора.

— Какого цвета?

— Коричневого, как и бутылка.

— Она каждый раз была такой?

— Да.

— Следовательно, она совсем не бросалась в глаза?

— Нет, совсем нет.

— Вот видите, и все-таки зрение вас не подвело. — Вульф бросил взгляд на часы, а потом посмотрел на меня. — Когда отправляется ближайший поезд на Атлантик-Сити?

— В четыре тридцать, — ответил я.

— Тогда у них еще достаточно времени. Возмести миссис Шеппард все расходы, а потом проводи их на вокзал. Проследи, чтобы они по дороге ни с кем не смогли переговорить по телефону: об их сегодняшнем пре-

бывании в городе никто не должен знать. Подожди, пока поезд не отправится.

— Мы действительно возвращаемся? — пробормотала мать Нэнси, и ее голос прозвучал так, словно она давно перестала на это надеяться.

Когда я вернулся с вокзала, Вульф был уже в оранжерее на крыше, а в моей записной книжке красовалась следующая инструкция:

«А. Г.

Вызови всех семерых на шесть часов.

Н. В.»

Я озабоченно уставился на послание. Почему он не мог отпустить мне и этим господам немного больше времени? На моих часах было без десяти минут пять, и мне пришлось подавить в себе внезапное желание подняться в оранжерею и объясниться с Вульфом.

Как и следовало ожидать, я столкнулся со значительными трудностями. Билл Медоуз принялся ворчать, что уже сообщил абсолютно все, чем располагал, и, дабы склонить его к приезду, я вынужден был произнести несколько скрытых угроз. Маделина Фрэзер и Дебора Коппел тоже сперва противились, но, поколебавшись, пришли к мнению, что либо им нужно освободить Вульфа от этого задания, либо по возможности помогать ему. В результате обе согласились приехать, захватив с собой Элеонору Вэнс. Один Натан Трэйб не высказал никаких возражений. Профессор Саварезе укатил на выходные из города, а Тилли Стронга я вообще не смог найти.

Около шести часов я позвонил Вульфу в оранжерею и доложил о результатах. В ответ на его недовольное ворчание, я заметил, что добыть пятерых из семи человек за такое короткое время не так уж плохо, тем более в пятницу вечером. Он возразил, что было бы значительно лучше занять всех.

Вульф никогда не появляется раньше гостей. Возможно, он считает, что уронит таким образом свой престиж. В конторе он показался только после того, как я известил его по телефону о прибытии всех приглашенных.

Войдя, он слегка поклонился и немедленно уселся в кресло, даже для него слишком просторное. Трэйб сразу задал ему вопрос, почему он выставил всех репортеров. В обычных условиях Вульф отреагировал бы на это

какой-нибудь колкостью, но сейчас его мысли были заняты складывающимися обстоятельствами, и он сделал лишь неопределенный жест рукой.

— Я попросил вас прийти сюда с одной конкретной целью,— начал Вульф дружелюбно,— и, если вы боитесь опоздать к ужину, мы постараемся разобраться как можно быстрее. Во вторник вечером я заявил, что все вы меня обманываете, но тогда я еще не знал, в чем. Почему, черт возьми, вы ничего не рассказали о липкой ленте на бутылке мисс Фрэзер?

Они сразу поняли, куда гнет Вульф. Только Трэйб посмотрел на него озадаченно.

— Липкая лента? — переспросил он. — О чем это вы?

Остальные четверо за считанные секунды сообразили, как им реагировать на слова Вульфа.

— Так кто же из вас объяснит мне это? — повторил вопрос Вульф. — Только не все сразу.

— Но мы даже не представляем, что вы имеете в виду,— пробормотал Билл Медоуз.

— Чушь! — Дружелюбности в голосе Вульфа как не бывало. — Не надо тратить драгоценное время. Мисс Шеппард провела у меня сегодня весь день, и потому я теперь обо всем осведомлен. — Он поднял глаза на мисс Фрэзер. — Она очень долго держалась, мадам, но все же заговорила, когда я пригрозил ей большими неприятностями.

— Что тут происходит? — спросил Трэйб.

— Ничего особенного, Нат,— ответила мисс Фрэзер, — это такой пустяк...

— Да, ничего особенного! — неожиданно громким голосом сказал Билл Медоуз. — Просто тут есть...

— Подожди, Билл,— вмешалась Дебора Коппел. Она взглянула на Вульфа. — Может быть, вы все-таки откроете нам, что именно наговорила Нэнси?

— Конечно,— ответил Вульф. — В нижней части горлышка бутылки, которую мисс Фрэзер получает во время передачи, всегда бывает кусочек липкой ленты.

— И это вся ее информация?

— Ну... самая главная. Так для чего же нужна эта отметка?

— А Нэнси этого не объяснила?

— Она утверждает, будто ей ничего неизвестно.

Дебора Коппел нахмурилась.

— Но ей и не должно быть известно! А дело совсем простое. Мы же вам рассказывали, как мисс Вэнс перед

эфиром приносит бутылки и помещает в холодильник. За полчаса они, конечно, не полностью охлаждаются, а поскольку мисс Фрэзер любит напитки по-настоящему охлажденные, ее бутылка ставится в холодильник раньше остальных.

— Интересно, кто же следит за этим? И когда?

— Да по-разному. Иногда за день до эфира, а иногда бутылка остается в холодильнике с предыдущей передачи...

— Боже праведный! — пробормотал Вульф. — Не думал я, что вы такая недалекая.

— Я и не считаю себя недалекой, мистер Вульф.

— Ну тогда вам не к лицу отделяваться подобным объяснением.

— Однако оно соответствует истине! — вызывающе воскликнул Билл Медоуз.

— Мой дорогой сэр, и вы — туда же? — прорычал Вульф. — Отчего же мисс Шеппард не поверила этому и отчего с нее почти насильно взяли обещание молчать? Разве не проще было бы заранее ставить в холодильник все бутылки? Ведь...

— Дело в том, что кто-нибудь... — Билл Медоуз внезапно осекся.

— Совершенно верно, кто-нибудь мог бы вытащить их, поскольку холодильник не запирается. — Вульф покачал головой. — Нет-нет, так дальше не пойдет. Достаточно с меня вашей лжи, хотелось бы услышать и правду. Так зачем же на бутылку наклеивалась эта полоска?

Заговорила Элеонора Вэнс:

— Дело за вами, мисс Фрэзер, по-моему, надо все рассказать.

— Нет! — решительно возразила Дебора Коппел.

— Я тоже не вижу другого выхода, Дебби, — тихо проговорила Маделина Фрэзер. — Нам не следовало так глупо врать мистеру Вульфу. — Ее красивые серо-зеленоватые глаза взглянули на босса. — Если об этом узнает общественность, нас ждет катастрофа. А не могли бы вы дать мне слово, что об этом никто никогда не пронюхает?

— Как же я могу такое обещать, мадам? — Вульф развел руками. — В данной ситуации это полностью исключается. Тем не менее я могу пойти вам навстречу и молчать до тех пор, пока не выясню всех подробностей.

— Ну хорошо. И за все мы должны благодарить проклятого Эрхарда. Липкая лента наклеивалась на мою бутылку, потому что я не могу употреблять «Ни-Спот».

— Отчего же?

— Оттого, что он вызывает у меня расстройство желудка.

— Господи помилуй! — вырвалось у Натана Трэйба.

— Ничего не могу поделать, Нат, но это так, — сказала Маделина Фрэзер.

— Это и есть те самые личные обстоятельства? — спросил Вульф.

Она кивнула.

— Боже мой, что может быть хуже: рекламировать напиток, всячески восхвалять его вкус и тонизирующие качества! Ну представьте, какую реакцию это вызвало бы в обществе. Нет, сперва я пыталась пить «Ни-Спот» хоть понемногу, но у меня ничего не вышло. Тогда я решила вычеркнуть его из программы, но Оуэн и Андерсон об этом и слушать не стали. Прямо беда, но я ни глотка не могу вынести.

— С чем вас и поздравляю! — сказал Вульф.

Трэйб издал что-то вроде стоны и посмотрел на Вульфа.

— Об этом никто-никто не должен знать.

— И тем не менее теперь это знают все, — проговорила Дебора Коппел.

— Значит, вы напиток чем-то заменяли? — спросил Вульф.

— Да, это был единственный выход, — ответила мисс Фрэзер. — Черным кофе. Я могу пить кофе литрами — холодный и горячий. Это не особенно бросается в глаза: кофе примерно такого же цвета, как и «Ни-Спот», а в стаканах разница совсем пропадает, поскольку они темно-коричневые и непрозрачные.

— Кто варит кофе?

— Моя кухарка в моей собственной квартире.

— А в бутылки кто наливает?

— Тоже кухарка. Она и пробкой запечатывает в фирменной посуде «Ни-Спот».

— Когда? В день передачи?

— Нет, накануне. Бутылка остается у меня дома.

— Липкую ленту тоже она приклеивает?

— Нет, это забота мисс Вэнс. Перед эфиром она забирает у меня кофе и ставит в студийный холодильник.

Конечно, тут приходится действовать осторожно, чтобы никто ничего не заметил.

— Какое же это для меня облегчение,— внезапно сказал Билл Медоуз, вытирая пот со лба.

— Почему? — спросил Вульф.

— Я же знал, что это рано или поздно всплывет, и теперь рад, что все открылось не полиции, а вам. Предположение, будто кто-то собирался отравить именно Эрхарда, абсолютно неверно. Яд-то был в кофе, и Эрхард выпил его по ошибке.

Трэйб со стоном схватился за голову и уставился в одну точку.

Вульф нахмурил лоб.

— Значит ли это, что полиции вообще неизвестно, куда был подсыпан яд?

— Нет, не значит.— Билл Медоуз старался теперь быть учтивым, в меру своих возможностей, конечно.— Но она пока сохраняет это в тайне. В газетах об этом не было ни слова. Служащие, конечно, в курсе, что отравлен был кофе, но, по их мнению, он предназначался Эрхарду, а в действительности его готовили для мисс Фрэзер.— Билл наклонился вперед.— Черт побери, неужели вы не понимаете, какую службу нам может все это сослужить? Если только что-то всплывет, тогда конец нашей программе. Потому-то мы сперва всё и утаили!

— Как вы объяснили служащим появление кофе в бутылке?

— Мы вообще ничего не объясняли. Ведь не зная, кто подсыпал туда яд, мы могли не знать и того, откуда возник кофе.

— А что вы сказали о липкой ленте?

— Тоже ничего.

— Почему?

— Да потому что нас ничего не просили говорить.

— Чушь! Наверняка просили.

— Нет.

— Спасибо, Билл,— улыбнулась Маделина Фрэзер и повернулась к Вульфу.— Он просто хочет меня выручить. Припомните, пожалуйста, как мистер Стронг схватил бутылки и попытался их спрятать от врача. Но мы отняли их, и я полоску счистила.

— Бог мой! — Вульф кивнул.— Это же просто чудо, что бутылка не попала в общую кучу для мытья.— Он опять обратился к Биллу Медоузу: — Вы сказали, что

мистер Эрхард отравился только благодаря случайно-сти. Как же это все-таки произошло?

— Трэйб передал ему бутылку. Он же не знал, что...

Все протестующе загомонили, а Натан Трэйб даже вскочил со своего места.

Щеки Билла покраснели, но он твердо решил не сворачивать с избранного пути.

— Мы все равно подошли к этому и теперь можем спокойно говорить правду.

— Ты же не будешь утверждать, что это был именно Натан,— злобно бросила мисс Коппел.

— Но я знаю это точно, и вы все тоже. Одному Трэйбу не был известен смысл отметки. Кроме того, я сам видел, как он подал бутылку Эрхарду. Конечно, мистер Вульф, мы не сказали этого в полиции.

— Хватит, наконец, покрывать меня, Билл! — проговорила мисс Фрэзер. — Это же я придумала притвориться, будто никто ничего не может вспомнить.

Все опять заговорили одновременно.

Вульф поднял руку.

— Прошу вас, мистер Трэйб! Вообще-то, ваш ответ не важен, ведь вы понятия не имели об условном знаке. Но для проформы я хочу спросить, подавали ли вы бутылку мистеру Эрхарду?

— Я ничего не знаю, и Медоуз тоже! — вызывающе прокричал Натан Трэйб.

— Но вы помогали передавать бутылки и стаканы?

— Я уже это говорил. — Трэйб безнадежно махнул рукой.

— Тут еще кое-что есть, — обратилась к Вульфу Маделина Фрэзер. — Когда я подняла свой стакан, то сразу почувствовала, что в нем «Ни-Спот». Значит, кто-то по ошибке взял мой. Помеченную бутылку я увидела перед мистером Эрхардом: он сидел как раз напротив меня. Сначала я испугалась какого-нибудь неуместного вопроса или замечания по поводу кофе, но, к счастью, он промолчал. А потом вдруг вскочил с ужасным криком... Ну, остальное вы сами знаете...

— Он же совсем не слушает, Маделина, — заметила Дебора Коппел.

Это было вполне справедливо, ибо Вульф откинулся в кресле и закрыл глаза. Такая поза могла бы обмануть даже меня, если бы не два момента: во-первых, перед едой он никогда не спал, а во-вторых, указатель-

ный палец его правой руки слегка постукивал по подлокотнику.

Наконец Вульф ожил.

— Я мог бы пригласить вас на ужин или попросить вернуться потом, но если даже мисс Фрэзер устала от того, что ее так упорно выгораживают, то я и подавно уже по горло сыт этим затянувшимся блефом. Судя по всему, речь идет о покушении в тот день на жизнь мисс Фрэзер. Какие вы можете представить доказательства, опровергающие мою версию? У кого было желание убить мисс Фрэзер и почему? Кто имел доступ к бутылке с кофе? Кто-нибудь готов ответить на эти вопросы?

Вульф медленно обвел взглядом пятерых людей, сидевших перед его письменным столом. Никто ничего не ответил.

— Может быть, кто-то предпочитает беседу с глазу на глаз? Ему я предложу прийти ко мне позже.

— Если бы я мог добавить еще что-то, то сделал бы это сейчас,— сказал Билл Медоуз.

— Вот-вот,— пробубнил Трэйб.

— С трудом верится,— мрачно пробормотал Вульф.— Наверное, чтобы разговорить вас опять, нужна вторая мисс Шеппард. Ладно, даю вам последний шанс: если вы по каким-либо соображениям не хотите беседовать со мной в общей компании с остальными, то могу напомнить о телефоне — будет вполне достаточно одного звонка. Но в любом случае советую не откладывать такую возможность в долгий ящик. Это все.

Вульф встал.

Им пришлось это явно не по душе, ибо они сгорали от желания узнать намерения Вульфа. Больше всего волновала их судьба тайны, которую ему доверили. Узнает ли мир о том, что «Ни-Спот» плохо действует на желудок мисс Фрэзер?

Вульф, однако, воздержался от дальнейших высказываний. Самым настырным оказался Натан Трэйб. Он задержался позже остальных и даже попытался проникнуть за Вульфом на кухню, так что выдворить его мне удалось только с применением силы.

Выйдя с кухни, Вульф, к моему удивлению, направился не в столовую, а в контору, хотя ужин ждал его именно в столовой. Я последовал за ним.

— Что это значит? Вы не проголодались?

— Соедини меня с мистером Крамером.

Я подошел к письменному столу и набрал номер полицейского управления.

Вульф снял свою трубку.

— Алло, здравствуйте, сэр,— начал он дружелюбно.— Да... нет... нет... действительно. Если вы сможете прийти ко мне после ужина, я с удовольствием объясню, почему вы так мало продвинулись в деле Эрхарда. И не только это! Мне кажется, я сумею порадовать вас и еще кое-какой ценной информацией. Нет, только в девять часов, сэр!

Вульф положил трубку, наморщил лоб и зашагал в столовую. Когда он сел за стол, повязывал салфетку и наклонялся над тарелкой, лицо его выражало полнейшее удовлетворение.

11

Инспектор Крамер удобно устроился в красном кресле для посетителей, придвинул к себе предложенную бутылку пива и пожевал окурки сигары.

— Да-да,— согласился он,— результаты всех наших поисков можно купить у нас за десять центов. Либо я старею, либо убийцы становятся все более ловкими.

Его волосы действительно поседел за последнее время, а живот несколько округлился, хотя до живота Вульфа ему было еще далеко. Впрочем, глаза его не потеряли своей великолепной остроты, а плечи пока не согнулись под бременем лежащей на них ответственности.

— Но,— продолжал он,— от вас я ожидаю сведений отнюдь не десятицентовой стоимости. Вы так сияете, будто получили в подарок хорошую герань!

— Я не выношу герани!

— Откуда же тогда эта радость? Или вы уже у того рубежа, когда Арчи может предъявлять соответствующие счета?

Он называл меня Арчи, если хотел подчеркнуть, что имеет какое-то отношение к нашему коллективу, но это не совсем соответствовало истине.

Вульф покачал головой.

— Нет, до него я еще не добрался, но все же теперешним положением доволен. И потом, я думаю, что заработать гонорар поможете мне вы со своим штатом. Разве это не причина для радости?

— Судя по газетным сообщениям, заплатят вам не плохо,— сказал Крамер.

— Да, верно.

— Но за вашу работу, а не за чужую.

— Конечно,— подтвердил Вульф, откидываясь в кресле и вздыхая.— Вы обладаете несомненной способностью осмысливать ситуацию. Хотите, чтобы я ее описал?

— С удовольствием послушаю: вы великолепный рассказчик.

— Вы оттого не достигли почти никаких результатов за целых десять дней, что не знали важнейшего факта. Мне же он известен. Причем я беседовал с теми людьми, которых ваши работники уже дважды допрашивали. И этот факт стоил мне многих трудов. Почему же я должен ни за что ни про что раскрывать его, даже не наслаждаясь своим триумфом?

Крамер отставил стакан в сторону.

— Это уже зависит от вас.

— Итак, дело в том, что без моей информации вы ничего не сможете. А вот когда она будет у вас в кармане, то останется лишь масса такой работы, которую я один никогда не выполню. Вы же имеете целую армию сотрудников. Разве не полиция должна ловить убийцу?

— Это дьявольски неприятный вопрос,— проворчал Крамер.

— Совсем нет. Так вот, мое предложение состоит в том, что я сообщаю вам необходимую информацию, а вы берете преступника. Позднее мы побеседуем о том, как бы вам удалось его поймать без моей помощи. Если вы согласитесь с тем, что это было бы невозможно, то сообщите об этом моим клиентам, и гонорар будет мне обеспечен. Устного подтверждения для них вполне достаточно, никаких бумаг тут не потребуется. Мне, конечно, совершенно безразлично, как вы объясните все своему начальству и журналистам.

Крамер заворчал. Вынув изо рта сигару, он уставился на нее так, будто ожидал увидеть на кончике какого-нибудь отвратительного жука. Потом опять сунул ее в рот и пристально посмотрел на Вульфа.

— Вы не могли бы сказать все снова?

Вульф повторил свои слова так, будто читал по бумажке. Крамер опять что-то пробурчал.

— И вы надеетесь, что я на это пойду?

— По-моему, я выразился достаточно ясно.

— Да-да, когда вы так ясно выражаетесь, нужно быть особенно начеку. Что же от меня требуется после того, как я узнаю этот таинственный факт?

— Вы просто честно подтвердите мне, когда и от кого получили эту информацию.— Вульф нетерпеливо махнул рукой.— Она, конечно, согласуется со всем, что уже имеется в вашем распоряжении, например, с тем, что в той бутылке никакого «Ни-Спот» не было, а был кофе.

— Ну, это они вам рассказали.

— Или с тем, что на ее горлышке ваша лаборатория нашла следы какого-то постороннего вещества.

— А вот этого они не могли рассказать.— Крамер еще больше сощурился.— Такие сведения вы могли получить только от одного из шести человек, которым платит жалованье полицейское ведомство. И прежде чем мы двинемся дальше, вы назовете мне его имя.

— Тьфу! — воскликнул Вульф.— Деньгам моих клиентов я могу найти лучшее применение, чем разбазаривать их на полицейских. Что, собственно, вам не нравится в моем предложении? Я вообще-то надеялся, что вы сразу его примете. Ведь иначе мне придется нанять десятка два парней и делать все самому, а мне бы этого совсем не хотелось.

— Ну хорошо.— Крамер сидел в напряженной неестественной позе.— А эту вашу новость я прямо сейчас узнаю?

— Конечно. Мистер Гудвин даст вам экземпляр протокола, но сначала я хотел бы попросить вас в интересах моих клиентов по возможности сохранить в тайне одну деталь.

— Но при расследовании убийства я ничего не могу утаивать.

— Это мне известно, но я же сказал — по возможности.

— К сожалению, такого я не могу обещать. Ну, что же это за деталь?

— Мисс Фрэзер не может пить «Ни-Спот», он вызывает у нее расстройство желудка.

— О, черт побери! — Крамер ошеломленно уставился на Вульфа.— Эрхард выпил кофе вместо «Ни-Спот», и он не желудок ему расстроил, а отправил на тот свет.

Вульф кивнул.

— Да, я в курсе, но именно это и не нужно преда-

вать огласке. Однако наша беседа длится уже около часа, и я вижу, что ваш стакан пуст. Арчи!

Я встал и принес нашему гостю бутылку пива. При этом я непрестанно спрашивал себя: неужели Вульф действительно отдаст на съедение инспектору Крамеру все, что мы с таким трудом раздобыли?

Так оно и вышло. Он выложил решительно все. А когда дословно привел даже текст телеграммы, посланной мною Шеппардам, я уже кусал себе локти, потому что это было не его, а моих рук дело.

В заключение Крамер задал целый ряд вопросов, на которые Вульф покорно ответил. Затем я должен был покинуть свое рабочее место, чтобы Крамер мог позвонить к себе в бюро.

— Роуклифф? Запишите мои указания! — Теперь это был до кончиков ногтей полицейский инспектор. — Я сейчас в конторе мистера Вульфа. На этот раз мы получили у него конкретные данные. Придется начать все сначала. Здесь убийство произошло по ошибке. На самом деле яд предназначался для мисс Фрэзер. Примерно через полчаса я лично сообщу вам все подробности. Вызовите всех занятых в этом деле. Свяжитесь с шефом и прокурором. Пригласите Элеонору Вэнс, Натана Трэйба и кухарку мисс Фрэзер. За остальных возьмемся завтра. Кого я посылал в Мичиган? Ах, да — Дарста. Отзовите его, мне необходимо с ним поговорить...

И дальше в том же духе. Наконец Крамер повесил трубку и вернулся в свое красное кресло.

— Ну что у вас еще? — спросил он.

— Больше ничего, — ответил Вульф, — я желаю вам успеха.

Разговаривая по телефону, Крамер швырнул окурок сигары в мою корзину для бумаг. А теперь вытащил новую и, даже не взглянув на нее, сунул в рот.

— На этот раз вы, вне всякого сомнения, дали мне ценнейшую информацию, и я спрашиваю себя: почему?

Вульф усмехнулся.

— Разве я сейчас не слышал, как вы приказывали своим людям работать на меня?

— Да, конечно. — Крамер раскурил сигару. — Все выглядит вполне невинно, но я-то давно вас знаю. У вас больше нет никаких предложений?

— Нет.

Было неудивительно, что Крамер сомневается в словах Вульфа: за его плечами лежало уже немало разо-

чарований. Однако я должен был признать, что Вульф сейчас мог только обратиться за помощью в полицию.

— Может, вы хотите посоветовать арестовать мисс Фрэзер и остальных причастных к делу, потому что они своим поведением тормозили расследование? — спросил Крамер.

Вульф отрицательно покачал головой.

— Мой дорогой сэр, вам в первую очередь следует заняться убийцей, не отвлекаясь на подобные мелочи. Надеюсь, вам удастся выяснить, у кого это появилось желание отравить мисс Фрэзер. Какие же сейчас могут быть еще советы? Ведь вы в таких ситуациях разбираетесь гораздо лучше меня. Вам предстоит рассмотреть массу вариантов, а если вы захотите со мной поговорить, то я всегда к вашим услугам.

Крамер встал и покинул нас.

12

Спору нет, то соглашение, которое Вульф заключил с Крамером, пошло нам на пользу.

Тем не менее у него было слабое место: дело-то расследовала полиция, а Вульф, сообщив ей все свои сведения, должен был безраздельно предаваться отдыху.

В течение следующей недели мы черпали информацию лишь из газет. В один из дней я нанес короткий визит сержанту Перли Стеббинсу и даже дважды был принят инспектором Крамером. Впервые меня встречали в полиции с распростертыми объятиями, надеясь заполучить какую-нибудь новенькую подробность, и, видит бог, — она была действительно необходима, чтобы сдвинуться наконец с мертвой точки. Газеты проводили яростные нападки на комиссию по расследованию убийства Эрхарда за ее вялую работу.

Вульф откладывал книгу лишь для того, чтобы просмотреть прессу или послушать мой отчет об очередном посещении полицейского управления. Когда я предлагал ему предпринять что-нибудь свеженькое, он снова молча брался за книгу.

Он совсем не высказывал своего отношения к ходу расследования. Элеонора Вэнс была арестована, а через два дня выпущена под залог. В полиции я смог лишь узнать, что ей, не считая кухарки, было удобнее всех подмешать в кофе яд. Конечно, под подозрением находились и другие.

Но самым главным стал теперь вопрос о мотиве. Убийства всегда имеют множество причин, и трудность их расследования в том и состоит, что необходимо найти единственно верную. Несколько лет назад один мужчина в Бруклине убил своего зубного врача за то, что он вырвал ему не тот зуб.

В нашем деле тоже было немало вариантов. Примерно шесть месяцев назад мисс Фрэзер и Билл Медоуз так поругались, что последний был ею уволен и в течение трех недель не допускался к подготовке передач. Теперь они утверждали, что стали наилучшими друзьями.

Не так давно Натан Трэйб пытался настроить против мисс Фрэзер ее работодателей. Однако сейчас они горячо заверяли всех в самых искренних чувствах друг к другу...

Наиболее вероятным мотивом можно было бы считать деньги Маделины Фрэзер. Прокурор узнал содержание ее завещания. В нем мисс Фрэзер выделяла двум детям своей сестры из Мичигана по десять тысяч долларов, а остаток отдавала Деборе Коппел. Составлял он примерно полмиллиона долларов, а такая сумма вполне могла побудить к тому, чтобы чуть-чуть поиграть с цианистым калием. Между тем Дебора Коппел и Маделина Фрэзер были весьма дружны. Они вместе провели юность, а позднее мисс Фрэзер вышла замуж за Лоуренса, брата Деборы.

Была заново расследована смерть Лоуренса Коппела, главным образом потому, что он тоже умер от цианистого калия. Правда, будучи фотографом, он имел постоянный доступ к этому яду, и полиция Мичигана придерживалась твердой версии о самоубийстве. Лучшим доказательством тому было прощальное письмо этого ипохондрика другу, прокурору Мичигана.

Того, что кто-либо из причастных к нашему делу находился в то время в Мичигане, полиция не установила.

Не считая нескольких визитов к нему инспектора Крамера, мистера Андерсона и еще пары человек, Вульф ограничивался ролью наблюдателя.

В субботу после обеда к нам пожаловал Тилли Стронг. Он только что подвергся интенсивному восьмичасовому допросу и находился в соответствующем настроении. Склонившись над письменным столом Вульфа, он начал сухо говорить что-то относительно предательства, совсем не обращая внимания на то, как при этом его очки съехали на самый кончик носа.

Он утверждал, что Вульф своим поведением, приведшим к обману клиентов, аннулирует имеющееся соглашение и теряет всякую надежду на получение гонорара и возмещение издержек. Кроме того, возникшие убытки требуют привлечения его к ответственности.

Вульф резко осадил Стронга и заметил, что соглашение ни в коем случае не может быть изменено, тем более расторгнуто.

— Разве? — Стронг напрягся как струна. Его галстук сбил в сторону, волосы прядями упали на лоб. Суетливым движением он сдернул очки. — Вы действительно так думаете? Ну это еще посмотрим! И потом, вы подвергли опасности жизнь мисс Фрэзер: мы же хотели прикрыть ее и тем самым защитить.

— Всё? — саркастически спросил Вульф.

— Нет, не всё! — не владея собой, крикнул Стронг. — Кроме вас, никто не знал, что яд был предназначен для нее. А теперь весь мир в курсе. Кому же сейчас под силу уберечь ее?

Поведение Стронга стало столь вызывающим, что я в конце концов должен был его выпроводить. При его комплекции это не составило особого труда.

Как и следовало ожидать, Тилли Стронг был не единственным, кто считал, что Вульф злоупотребил их доверием и продал полиции. Остальные также высказали нам свое мнение либо лично, либо по телефону. Особенно удручен был Натан Трэйб, находившийся под впечатлением от слов Билла Медоуза о том, как он, Трэйб, передавал бутылки и стаканы.

В понедельник после обеда к нам заявился профессор Савареze. Он тоже пришел прямо с длительного, изнуряющего допроса и также пребывал в сквернейшем настроении. Больше всего его волновало, отчего в полиции совсем не спрашивали об их отношениях с Эрхардом. Этого он себе не мог объяснить. Они копались в его собственной биографии с самого рождения и, судя по вопросам, искали какую-то связь между ним и мисс Фрэзер. Это опрокинуло все его идеи о теории вероятностей и разрушило тем самым великолепную возможность применить их на криминалистической базе.

Некоторое время Вульф слушал спокойно, но, когда профессор перешел границу всякого терпения, снова подал мне знак освободить его от назойливого посетителя. На сей раз я выполнил это указание с некоторым колебанием, ибо Савареze был сегодня особенно разговор-

чив, и я бы охотно спросил у него, какую математическую формулу можно было бы применить к желудочным страданиям мисс Фрэзер после глотка «Ни-Спот».

Все это было в понедельник. В пятницу вечером, неделю спустя после заключения соглашения с Крамером, я пришел в контору и застал Вульфа с книгой в его кресле.

— Я сейчас иду в свой клуб,— сообщил я.

Он ограничился кивком.

— Вы даже не спросите, в какой именно. Вам же отлично известно, что ни в какие клубы я не хожу. И вообще,— мрачно продолжал я,— хватит с меня, сыт по горло. День за днем сидеть здесь сложа руки и дожидаться, когда вы наконец поймете, что задача детектива — добывать сведения и расследовать дело. Вы просто слишком ленивы для любых действий. Вы считаете себя гением, но если гений обязан вести такую жизнь, то я лучше останусь тем, что я есть.

Со стороны казалось, что он целиком поглощен чтением.

— В конце концов, мне все это надоело. Ну конечно, вы перепоручили полиции ту работу, которую, собственно говоря, должны были выполнить сами. Отчего же вам не попробовать заняться другим делом, если это кажется слишком трудным? Их даже в прессе полно. Разобрались бы, например, с той бандой, которая вчера украла на 17-й улице грузовик с сыром. Или с учеником пятого класса, угодившим горошиной прямо в глаз своему учителю. Подробности можно найти в «Таймсе», на пятьдесят восьмой странице. Впрочем, если вы непременно хотите заниматься одними убийствами, презирая все остальное, возьмитесь за предсказательницу Бойлу Пул, убитую вчера вечером выстрелом в затылок. О ней сегодня все газеты шумят.

Вульф перевернул страницу.

— Завтра суббота,— продолжал я,— и, получив, как обычно, свое жалованье, я отправлюсь на бокс в Мэдисон-Гарден, ибо мне надоело смотреть, как вы сидите в этом кресле.

Но в Мэдисон-Гарден я не пошел, а из ближайшего кафе позвонил Лону Коэну в редакцию «Газетт».

Немного погодя мы уже сидели за столиком в ресторане «Пьетро». Поболтав сперва о политике, о боксе и об убийствах, я мимоходом заметил, что, по-моему,

пресса слишком уж придирается к полиции по поводу дела Эрхарда.

Коэн удивленно уставился на меня.

— Помилуй бог, разве Крамер грозился отнять у вас лицензию? — спросил он.

— Нет, это дело действительно чрезвычайно трудное, — ответил я, потянувшись к вазочке с земляными орехами. — Полицейские стараются вовсю, и несправедливо было бы постоянно поливать их грязью. На твоём месте я бы сочинил статью, которая бы заинтересовала читателя и полностью отразила истину.

— Черт возьми! — Коэн внимательно на меня посмотрел. — Великолепная идея! А что бы ты посоветовал написать?

— Ну, в любом случае — несколько подходящих выдержек из дела. Читателей оно еще волнует. Потом, я бы отказался от того, что уже навязло у всех на зубах, — от втолковывания мысли о неспособности полиции разобраться в сложном вопросе. Нет, я бы соорудил большой материал под заголовком «Слишком стар или слишком толст!», не сказав в нем ни одного плохого слова о полиции и не назвав имени Ниро Вульфа. Упомянул бы лишь о том, какие надежды пробудились у общественности, когда за расследование взялся один блестящий частный детектив. Мол, судя по его прежним успехам, можно было рассчитывать, что он быстро справится и с этим преступлением, но потом пришло-де горькое разочарование, поскольку за десять дней он не продвинулся ни на шаг. А причину, мол, нужно искать в том, что он либо слишком постарел, либо растолстел слишком. Теперь, мол, ничего другого не остается, как положиться на расторопность нашей полиции, не доверяя так называемому гению. Тут можно было бы полицию слегка похвалить. В заключение я бы сказал о том, что она отдаёт все свои силы, хотя пока видимых успехов в деле Эрхарда не достигла.

Лон раскрыл рот, желая что-то возразить, но я продолжил:

— Можешь быть уверен: читатель такую статью проглотит с удовольствием. Кроме того, я, конечно же, при первой возможности отблагодарю тебя за эту услугу и сообщу газете, которая напечатает этот материал, несколько новых фактов.

Я подал официанту знак, и он наполнил наши стаканы.

Много бы я дал за то, чтобы узнать, читал ли Ниро Вульф это сочинение прежде, чем я показал его в субботу вечером. Называлось оно «Ложная тревога» и полностью совпадало с тем, что я говорил Лону Козну.

Я, конечно, знал, что Вульфа статья ни в коем случае не разволнует, но все-таки должен был соблюдать осторожность, дабы он ничего не заподозрил.

Повернувшись к нему на своем крутящемся кресле, я, как бы между прочим, спросил:

— Да, вы уже видели «Ложную тревогу» в «Газетт»?

— А что там такое? — проворчал он.

— Вы обязательно должны с этим познакомиться. — Я встал и положил газету к нему на стол. — Забавно, но мне кажется, будто я сам это написал. Тут самые мои сокровенные мысли. Пожалуй, эта статья — лучшее из всего, что я читал за последнее время.

Вульф взялся за газету, а когда я посмотрел на него уже со своего места, оказалось, что он держит ее, полностью закрывая лицо. Вульф вообще читает довольно медленно, а сейчас прошла целая вечность, пока он не закончил.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Наверняка это состряпал какой-нибудь ничтожный писака, сидящий на диете из-за расстройства желудка.

— Да-да, если бы только бедняга знал, как вы измучились за прошедшую неделю, сколько бессонных ночей провели!

— Придержи язык, Арчи!

— Конечно, сэр!

Пока это было все, но я еще не смирился с поражением. Потом к нам зашел старый друг Вульфа Марко Вукчич, и я с удовольствием отметил, что ему статью не показали, иначе это было бы плохим знаком.

Когда Марко ушел — он, между прочим, был администратором лучшего в Нью-Йорке отеля, — Вульф снова взялся за свою книгу. Прочитал страниц десять, швырнул ее на стол, встал и подошел к массивному глобусу. Но, похоже, тот заинтересовал его не больше, ибо он тут же включил приемник и пробежался по всей шкале от начала до конца. Потом, проворчав себе что-то под нос, он возвратился в свое кресло и, наморщив лоб, уставился в одну точку. Делая вид, что погружен

в чтение журнала, я краешком глаза наблюдал за ним.

— Арчи!

— Да, сэр?

— Прошло десять дней...

— Да, сэр...

— ...с тех пор, как ты привез мисс Шеппард из Атлантик-Сити.

— Да, сэр.

Вульф немного подождал, чтобы я сделал из его слов какой-то вывод. Однако я упорно молчал, и тогда он продолжил:

— Тогда у нас была надежда, что дело завершится в обычном порядке. Но десятидневный срок не подтвердил этого.

— Не подтвердил, сэр.

— Позвони мистеру Крамеру.

Когда связь была установлена, Вульф пригласил инспектора к себе.

— Я очень занят,— проворчал тот.— Да и зачем? У вас есть что-нибудь для меня?

— Да.

— Что именно?

— Это я сообщу вам только лично. Думаю, дело приобретает совсем иную окраску.

— Чего только вы не скажете! Через полчаса буду у вас.

Это мне окончательно не понравилось. Ведь двадцать долларов за выпивку для Лона Козна я уплатил вовсе не для того, чтобы оказаться теперь перед перспективой слушать какую-то незначительную беседу между Вульфом и Крамером. Конечно, слова Вульфа о том, что у него есть нечто новенькое, были примитивной ложью. Просто он решил ничего не менять в своей удобной праздной жизни.

Крамер строевым шагом вошел в контору, сел в красное кресло для посетителей и проворчал:

— Больше всего на свете мне хочется, чтобы вы прекратили наконец свое эксцентричное жеманство и занялись делом. Работы у меня по горло. Но тем не менее я приехал. Итак, что же вы можете сообщить?

— Мои слова по телефону были, возможно, несколько преждевременными, но они в любом случае правы.

— Какие слова?

— Ну... вы чего-нибудь добились?

— Нет.

— Значит, стоите на том же месте, что и неделю назад?

— Ближе я теперь только к пенсии.

— Тогда я хотел бы задать вам несколько вопросов о Бойле Пул, той самой, которую в пятницу утром нашли мертвой в ее конторе. Газеты утверждают, что это убийство. Вы с ними согласны?

Я уставился на Вульфа, ибо такая внезапная перемена была для меня совершенно непонятна. Но тут я заметил, как вспыхнули глаза Крамера, и, поняв, что оба они в чем-то меня опередили, решил ограничиться ролью слушателя.

Крамер кивнул.

— Да, это убийство. А вы что, хотите найти клиента и заработать?

— Преступника вы отыскиали?

— Мы вообще ничего не отыскиали.

— Значит, расследование прошло впустую?

— Впустую.

— Расскажите вкратце об этом деле.

Крамер заворчал.

— Кроме двух фактов, которые мы не сочли возможным обнародовать, все было в печати.— Крамер откинулся в кресле, будто сознавая, что беседа продлится несколько дольше, чем он предполагал.— А почему бы вам не сказать сначала, зачем вы этим интересуетесь?

— Сейчас скажу. Убитый Сирилл Эрхард издавал бюллетень скачек, который стоил десять долларов в неделю. Убитая мисс Бойла Пул издавала газету с прогнозами политической и хозяйственной деятельности и с такой же ценой.

— И это все?!

— Я думаю, этого достаточно, чтобы спросить себя кое о чем. Конечно, методы убийств совершенно различны, ведь мистер Эрхард был отравлен, а мисс Пул — застрелена. Кроме того, существует версия, что яд предназначался вовсе не для мистера Эрхарда, а для мисс Фрэзер, тогда как мисс Пул, несомненно, стала жертвой преднамеренного убийства. Но все же тут прослеживается и явная связь. Например, было бы небезынтересно сравнить списки подписчиков этих изданий.

— Да, я тоже об этом подумывал.

— Вот как? — переспросил Вульф несколько раздра-

женно, ибо ему всегда очень не нравилось, если кто-то опережал ход его мыслей.— Значит, вы кое-что уже сделали и...

Крамер покачал головой.

— Я только сказал, что подумывал об этом. Но никакого сравнения мы не смогли провести, потому что этих списков нет.

— Ерунда. Должны быть. Вы их искали?

— Конечно. Да спохватились мы поздно. В случае с Эрхардом пришлось дожидаться, пока швейцар открывает его крошечную контору, и она оказалась уже так обчищена, что мы не смогли найти ни одного клочка бумаги. Что касается мисс Пул, то здесь дело обстояло иначе: она была застрелена в своем кабинете, но труп нашли лишь на следующее утро, а за это время там уже кто-то побывал.

— Так-так,— пробормотал Вульф.— Но вы все же вели поиски?

— Само собой разумеется. Оба издания печатались в маленьких типографиях, и списка абонентов у них не было. Ни мистер Эрхард, ни мисс Пул не пользовались ничьей помощью. Вдова и двое детей Эрхарда не имеют ни малейшего представления о его делах, а тем более о подписчиках на его бюллетень. Ближайшая родственница мисс Пул живет где-то в Колорадо и тоже, конечно, ничего не знает о ее работе. Дальнейшие розыски не дали никаких результатов: никто не видел, чтобы кто-нибудь к ней входил, оружие не найдено, отпечатков пальцев нет...

Вульф нетерпеливо кивнул.

— Все это я очень хорошо себе представляю. Но сейчас меня больше интересует вопрос о том, есть ли какая-нибудь связь между мистером Эрхардом и мисс Пул.

— Мы ее не обнаружили.

— Где находилась мисс Фрэзер и ее сотрудники в то время, когда была застрелена мисс Пул?

Крамер с удивлением уставился на Вульфа.

— Вы думаете, дело может повернуться и так?

— Ну, во всяком случае, такую возможность я бы не исключал. Разве нет?

— Да, конечно. То, что обе конторы были опустошены, мы пока сохранили в тайне.— Крамер взглянул на меня.— Надеюсь, вы не станете немедленно сообщать об этом своему другу Коэну из «Газетт»?— Затем он

снова обратился к Вульффу: — Тут все не так просто, ведь время убийства установлено с точностью только в четыре — пять часов. Мы, конечно, допросили компанию мисс Фрэзер, но это не дало ощутимого эффекта.

— А мистер Саварезе, мисс Шеппард и мистер Шеппард?

— Что?! — Крамер вытаращил глаза от удивления. — Какое, черт побери, отношение могут иметь Шеппарды к этому делу?

— Право, не знаю... Просто Арчи недолгобливает мистера Шеппарда, а я за время долгой работы с ним уже убедился, что человек, вызвавший его антипатию, в большинстве случаев и оказывается убийцей.

— Какая чушь! Миссис Шеппард с дочерью постоянно находятся в Атлантик-Сити. Что касается Саварезе, то я собирался, конечно, еще раз просмотреть протокол его допроса, но в любом случае он пока вне подозрений. Кроме Саварезе и мисс Фрэзер мы нашли еще двух подписчиков издания Эрхарда. Они объяснили, что играют на скачках, используя его материалы, — и это все!

— Я бы хотел потолковать с ними, — сказал Вульф.

— Можете сделать это прямо сейчас: они у меня в конторе.

— Уф! Вы же отлично знаете, что я никогда не выхожу из дома по делам. А вас посещать и подавно не люблю. Нет-нет, дайте лучше Арчи их координаты, и он побеседует с ними дома.

Крамер пообещал поручить Стеббинсу передать адреса по телефону. Было ясно, что на этот раз он действительно оказался в затруднительном положении, потому что обычно не очень-то приветствовал такое сотрудничество.

Они еще немного беседовали, но больше Крамер не сообщил ничего важного, а у Вульффа вообще с самого начала сказать было нечего. Дальше я уже слушал их вполуха, пытаясь прояснить что-то для самого себя и нащупать предполагаемую Вульффом связь между двумя делами.

После того как Крамер наконец откланялся, Вульф некоторое время сидел с закрытыми глазами и надувал щеки. Это мне понравилось. Значит, статья в газете возымела свое действие.

Потом он посмотрел на меня.

— Арчи!

— Да, сэр?

— Возьми записную книжку!

Я сделал необходимые приготовления.

— Все прежние подписчики изданий Сирилла Эрхарда и Бойлы Пул должны незамедлительно связаться со мной. Дай соответствующие объявления в «Газетт», в «Ньюс» и в «Геральд трибюн». Выбери броский шрифт и проследи, чтобы текст поместили на приемлемой странице.

— Могу я сам сходить за ответами? Тем самым мы бы сэкономили время.

— Хорошо.

Когда я вставил лист в пишущую машинку, резко зазвонил телефон. Сержант Перли Стеббинс назвал мне обещанные адреса.

14

Утро понедельника было для нас, как и в былые дни, деловым, а не полным ожидания, как в последнюю неделю. Но все же я чувствовал себя не в своей тарелке. Я всегда предпочитал происшествия, которые бы укладывались в ясную схему. Возникавшие по ходу расследования осложнения почти не трогали меня, пока была видна четкая и осязаемая основная линия. Вначале наш гонорар зависел от того, удастся ли нам обнаружить человека, подсыпавшего яд в кофе. А теперь следствие должно было ориентироваться еще и на смерть некой Бойлы Пул.

Вульф придерживался того мнения, что особенно важно сейчас встретиться с двумя бывшими подписчиками бюллетеня Эрхарда.

Поэтому я сразу взялся за дело, и ровно в одиннадцать часов первый посетитель ждал Вульфа в конторе. Мы пригласили его к себе после того, как Вульф, подумав над этим вопросом, решил никуда меня не посылать, а поговорить с обоими лично.

Этот наш гость играл на скачках много лет. В феврале прошлого года одному из его знакомых, который постоянно выписывал «Трек-альманах», посчастливилось: ему выпал главный выигрыш. Тогда он тоже купил этот бюллетень и получал его целых девять недель, не достигнув, однако, никаких успехов. Поэтому подписку он прекратил. Это было все.

У второго нашего посетителя, вернее, посетительни-

цы, дело обстояло несколько иначе. Ее звали Мари Леконн. Она была владелицей салона красоты на Мэдисон-авеню. Она, надо сказать, не приняла бы моего приглашения, если бы каким-то образом не пришла к ложному выводу, будто Вульф работает по заданию полиции. Я, естественно, не стал ее разубеждать.

Тем же утром Мари Леконн провела в нашей конторе почти два часа, но тоже не сообщила ничего заслуживающего внимания.

«Трек-альманах» она выписала семь месяцев назад, в августе прошлого года, и получала его до самой гибели Эрхарда. Нет, скачками она никогда не увлекалась. Нет, она не может припомнить, что именно побудило ее к приобретению бюллетеня.

Вульффу пришлось здорово попотеть с нею, но она была чрезвычайно осторожна и сдержанна в своих высказываниях.

Когда она покинула наш дом, я сказал Вульффу:

— Может, будет лучше, если Саул Пензер последит за ней?

Он презрительно фыркнул.

— Это сделает Крамер со своими людьми. А кроме того, я надеюсь, что наше объявление быстро приведет нас к цели.

— К какой конкретно? К раскрытию убийства?

— Нет. Пока я хочу только выяснить, почему люди, не имеющие отношения к тотализатору, выписывали альманах, который может заинтересовать одних лишь любителей!

Пока пришлось ограничиться этим. Объявление появилось в утренних газетах во вторник, и когда я просмотрел их все, то убедился, что поместили его на выигранных местах и текст хорошо бросается в глаза.

После завтрака я поехал в «Геральд трибюн» и получил там телеграмму:

«Позвоните Мидлэнд, 5-37-84. Дункан».

Я вошел в ближайшую телефонную будку, бросил в автомат монету и задумался. Сначала хотел позвонить Крамеру и узнать владельца номера 5-37-84, но потом решил поступить иначе. Ведь если этот след куда-нибудь выведет, то полиции лучше не нападать на него раньше нас. Поэтому я набрал другой телефон и, когда отозвался Фриц, попросил его связаться с оранжереей на крыше.

— Да, Арчи?

Голос Вульфа звучал слегка раздраженно. Я знал, что в это время дня он обычно занимается своими саженцами и не терпит, когда его отрывают от любимого дела.

На мое сообщение о телеграмме Вульф сказал:

— Ну свяжись с этим номером и условься о разговоре в одиннадцать или позже.

Позвонив уже из дому, я попросил мистера Дункана. Это, конечно, могла быть и миссис, и мисс, но после нашей беседы с Мари Леконн я предпочел бы общаться с мужчиной.

Какой-то человек недовольным голосом объяснил мне, что сейчас с мистером Дунканом поговорить нельзя. А потом спросил, не надо ли что-нибудь ему передать.

— Он скоро вернется? — поинтересовался я.

— Затрудняюсь вам ответить, я могу только его проинформировать.

Тогда я сказал, чтобы мистер Дункан по возможности в одиннадцать часов или позже приехал в контору мистера Вульфа.

Он не приехал. Вульф появился в кабинете ровно в одиннадцать, уселся в свое кресло, потребовал пива и занялся ботаническим справочником, который притащил с собой.

В половине двенадцатого на мой вопрос о том, не стоит ли еще раз позвонить в Мидлэнд, чтобы узнать, получил ли Дункан приглашение, Вульф ответил, что будет ждать до обеда.

Задребезжал телефон; и я снял трубку.

— Бюро Ниро Вульфа, говорит Арчи Гудвин.

— Мне передали ваше сообщение для Дункана, позвольте, я побеседую с мистером Вульфом.

Я прикрыл микрофон рукой и обратился к боссу:

— Что-то этот голос кажется мне знакомым. Может быть, вы его узнаете?

Вульф взял свою трубку.

— Да, мистер Дункан? Ниро Вульф слушает.

— Как ваши дела? — поинтересовался голос.

— Большое спасибо. Мы с вами общались прежде, сэр?

— Ну... по телефону.

— Правда?

— Да, и даже дважды. Девятого июня сорок третьего года я позвонил вам, чтобы дать хороший совет по

делу генерала Карпентера. А в сорок шестом, шестнадцатого января, позвонил снова и порекомендовал ограничиться определенными рамками в деле мисс Тремонт.

— Да, теперь припоминаю.

Я тоже его вспомнил и сейчас злился, что не сразу узнал этот холодный, безличный мужской голос, навевающий почему-то мысли о трупе.

Мужчина продолжал:

— Мне понравилось, как вы выполнили мою рекомендацию. Это убедило меня в том...

— Я сделал это потому, что так нужно было для работы, а совсем не оттого, что вы так велели, мистер Цэк.

Теперь в голосе Вульфа звенел металл.

— Ого, значит, вам известно мое имя? — спросил мужчина тем же тоном.

— Конечно. Выяснить его было не так уж и трудно. Я привык, что мне постоянно угрожают, и предпочитаю быть в курсе того, кто это делает. Да, я знаю ваше имя. Но ведь в этом нет ничего предосудительного, поскольку мистер Арнольд Цэк многим знаком.

— Я не давал вам разрешения шпионить за мной, мне это совсем не по душе.

— На это я и надеялся. А потом, я ведь тоже не давал вам права запугивать меня и мною командовать, я от этого также не в восторге.

— Со мною лучше не ссориться. Поэтому я и телеграмму послал, и беседую сейчас с вами. Я уже дважды говорил, как восхищаюсь вами, и не хотел бы, чтобы это чувство сменилось каким-нибудь не столь приятным. Вы, конечно, не могли предвидеть, что ваше объявление в газете придется мне не по нраву. Думаю, не стоит связываться с расследованием, которое вам явно не по плечу. Я могу снова дать вам хороший совет — выбросьте его из головы. Вы ведь меня поняли, не правда ли, мистер Вульф?

— О да, мистер Цэк. Вы выражаетесь предельно ясно. Но это же я могу сказать о себе. Я привык все доводить до конца. Причем без малейшего волнения по поводу того, понравится это вам или разочарует. Вас совершенно не должно касаться, как я выполняю свою работу. Вам тоже все понятно?

— Конечно. Но теперь вы, по крайней мере, в курсе дела: я вас предупредил.

В трубке послышались гудки.

Вульф отодвинул телефон, развалился в кресле и

закрыв глаза. Некоторое время я молча смотрел на своего босса.

— Да,— сказал я наконец.— Вот собачий сын! Может, стоит навести справки о его номере?

Вульф отрицательно покачал головой.

— Безнадежно. Это, конечно, будет какой-нибудь маленький безобидный магазинчик, а телефон у него совсем другой!

— Похоже, он весьма удивился, когда вы назвали его имя. Кстати, как вам удалось его выяснить?

— Два года назад я справлялся о нем без твоего ведома. Уж больно он беззастенчиво угрожал нам. Мне не хотелось взваливать на тебя такое.

— Ведь это Цэк фон Вестчестер, правда?

— Да. Узнав его голос, вообще-то нужно было подать тебе знак положить свою трубку. Не следовало тебя посвящать в это. Теперь ты должен постараться его имя забыть.

— Ага!.. Чем же, собственно говоря, так страшен этот парень? Может быть, он людоед, да еще особенно предпочитающий молодых и прекрасных юношей?

— Нет, он куда хуже.— Вульф открыл глаза.— Если когда-нибудь по роду своей деятельности я вынужден буду бороться с ним, мне придется покинуть этот дом и найти укромное местечко, где можно было бы работать и по возможности еще есть и спать, пока я не прикончу его. Впрочем, сама эта мысль мне отвратительна и я искренне надеюсь, что пути наши никогда не пересекутся.

— Ну, тогда я могу лишь сказать, что с удовольствием завел бы с ним знакомство. Было бы хоть не так скучно...

— Сейчас же выбрось это из головы! — Вульф поморщился. Потом взглянул на часы и спросил: — Не мог бы ты узнать, не ответил ли еще кто-нибудь на наше объявление?

15

Ни во вторник, ни в среду мы не получили больше ни одного ответа.

Я этому не удивлялся, помня все время о человеке, которого мне приказали забыть.

Когда в среду после обеда я сделал Вульфу замечание на этот счет, он только проворчал себе под нос что-то неразборчивое.

— Мы могли бы хотя бы указать в объявлении, что люди получают назад деньги, истраченные на подписку,— сказал я.

Молчание.

— Можно было бы дать второе объявление и подчеркнуть там это специально. Или предложить вознаграждение каждому, кто укажет подписчиков изданий Эрхарда или Бойлы Пул.

Молчание.

— В конце концов, я мог бы снова побеседовать со всеми участниками передачи, начав с мисс Фрэзер.

— Да, так и сделай.

Я недоверчиво взглянул на него и увидел, что говорит он серьезно.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Ну, если вам приходится дожидаться моих предложений, то вы действительно сидите в луже.

Я набрал номер. Ответил Билл Медоуз. Голос у него был сначала немного недовольным, но мне удалось убедить его. Положив трубку, я сказал Вульффу:

— Думаю, с этим визитом следует повременить. Мисс Фрэзер и мисс Коппел нет дома. Билл весьма прозрачно намекнул, что у Деборы какие-то неприятности с властями. А мисс Фрэзер, похоже, отправилась выручать ее. Может быть, ей нужна помощь? Стоит ли мне вмешиваться?

— Во всяком случае, попробуйся.

Я позвонил в полицейское управление. Инспектора Крамера не оказалось, но был более полезный человек — сержант Перли Стеббинс.

— Задание, которое я для вас выполняю, требует одной справки,— сказал я.

— Так-так,— пробормотал он в ответ.— Нам тоже нужна справка. Может быть, у тебя что-нибудь завалялось для нас?

— Сейчас нет. Мы тут как раз с мистером Вульфом совещаемся. Как обстоят дела с мисс Коппел и мисс Фрэзер?

Перли захохотал. Вообще он очень редко смеется. Я подождал, пока он не успокоится, и спросил:

— Что же тут смешного?

— Вот уж не думал, что доживу до такого дня,— глупо хихикнул он.— Ты спрашиваешь у меня, как обстоят дела с вашими клиентами! Что это с твоим шефом?

— Ну, знаешь ли, когда немного придешь в себя, позвони мне, если захочешь.

— А ты разве не слышал, что натворила мисс Коппел?

— Нет, но в твоём изложении охотно бы послушал.

— Я думаю, что мы пока не будем предавать это огласке.

— Мы с мистером Вульфом тоже.

— Договорились?

— Да.

— Ну хорошо. Ты знаешь, конечно, что всем им запретили покидать город. А сегодня рано утром мисс Коппел выехала на такси в аэропорт Ла-Гардиа. Ее взяли при попытке сесть в самолет на Детройт. Она утверждала, что собиралась навестить больную мать во Флетвилле, поблизости от Детройта. Никаких доказательств болезни матери у нее, конечно, не оказалось, а мы между тем узнали, что она, как всегда, находится в добром здравии. Ну, что ты скажешь о наших новостях?

— А где мисс Фрэзер?

— Она сейчас у прокурора, вместе со своим адвокатом обсуждает вопрос о залоге.

— А зачем, по-вашему, мисс Коппел хотела лететь?

— Тут я ничего не могу сказать. Может быть, Вульф побеседует об этом с инспектором?

Я попытался было еще что-нибудь выведать, но он и сам больше ничего не знал, а если и знал, то имел, значит, строжайшее запрещение разговаривать об этом.

Все это я передал Вульфу, а когда он только слегка кивнул мне, с удивлением уставился на него.

— Похоже, беседа с обеими леди вас уже не интересует? Разве вы не хотите узнать у мисс Коппел, с какой целью она собиралась в Мичиган?

— Ого! Ее допрашивают в полиции, не так ли? — В голосе Вульфа появились грустные нотки. — Многие часы я беседовал с этими людьми, но добился хоть чего-то, только взяв в руки плетку. Теперь снова понадобится сила. Свяжись-ка еще раз с газетами.

— А когда обе леди вернутся, следует мне поехать на квартиру к мисс Фрэзер?

— Конечно.

Во всех трех газетах я узнал, что для нас нет никаких новостей. После того как Вульф в четыре часа поднялся в оранжерею, я еще посидел, а затем снова позвонил в редакции.

В «Геральд трибюн» — ничего... в «Ньюс» — ничего. А вот девушка из «Газетт» сказала, что ответ по нашему шифру есть.

Я схватил плащ и шляпу и полетел туда.

Водитель моего такси оказался философом.

— Так редко видишь теперь радостные мужские лица, — начал он.

— Я еду жениться.

Он хотел что-то ответить, но передумал. Взгляд же его отразил целую гамму разнообразнейших мыслей.

Перед зданием редакции я отпустил машину и помчался вверх по лестнице.

Это был небольшой светло-голубой конверт. На обратной стороне его значилось:

«Миссис В. Х. Михаэлс. Ист Энд-авеню, 390 Нью-Йорк. Сити, 28».

Внутри оказался один-единственный листок бумаги, весь испещренный мелкими аккуратными буквами:

Шифр П-304

«Отвечая на Ваше объявление, сообщаю, что, хотя я и не была подписчицей указанных Вами изданий, но надеюсь помочь Вам некоторыми ценными сведениями. Напишите мне, пожалуйста, или позвоните по телефону: Линкольн, 3-48-08. Однако прошу Вас сделать это не ранее десяти часов утра и не позднее половины шестого вечера. Это особенно важно.

Хильда Михаэлс».

До указанного в письме времени оставалось еще сорок минут. Я вошел в телефонную кабину и набрал номер. Ответил женский голос. Я попросил разрешения побеседовать с миссис Михаэлс.

— Я миссис Михаэлс.

— С вами говорит человек, который давал объявления под шифром П-304. Я только что...

— Как вас зовут? — прервала она мои объяснения.

— Мое имя Арчи Гудвин. Я мог бы приехать к вам через пятнадцать минут или...

— Не надо. Вы из полиции?

— Нет, я работаю на частного детектива Ниро Вульфа. Вы о нем слышали?

— Разумеется. Объявление вы дали по его поручению?

— Да, он...

— Почему же тогда он сам мне не позвонил?

— Потому что я сейчас только получил в редакции ваш ответ. Я говорю из автомата в здании «Газетт». Вы пишете...

— Так вот, мистер Гудвин, я сомневаюсь, что смогу сообщить мистеру Вульффу что-то интересное.

— По-моему, следует ему самому предоставить возможность это решить. Вы не согласились бы навестить его в конторе. Адрес...

— Я знаю адрес. Не исключено, что на той неделе или позже я выберу время зайти...

Эта женщина начала действовать мне на нервы. Впервые, она не давала мне закончить ни одной фразы, а во-вторых, наверняка встречала мое имя в газетах в связи с делом Эрхарда и могла бы не делать вид, будто совершенно с ним не знакома.

Я убедительно сказал:

— Мне кажется, вы не совсем понимаете, в какую историю оказались замешаны, миссис Михаэлс. Вы...

— Почему? Что же я натворила?

— Вы проходите по делу об убийстве, которое совместно расследуется сейчас мистером Вульфом и полицией. Поэтому мистер Вульф и хочет поговорить с вами как можно скорее, а не на следующей неделе. Думаю, вам следует навестить его немедленно. Если же вы начнете жалеть о своем письме, мистер Вульф вынужден будет передать дальнейшее разбирательство по этому пункту в руки полиции — и в какое положение вы попадете? Тогда вы...

— Я и не говорю, что жалею.

— Нет, но...

— Я буду в конторе мистера Вульфа в шесть часов.

— Прекрасно! Должен ли я...

Естественно, она тут же оборвала меня на полуслове, насмешливо сообщив, что в состоянии сама нанять такси.

16

Ее появление было просто потрясающим. Она сбросила меховое манто прямо на спинку красного кресла для посетителей. Под манто оказался темно-красный костюм, совершенно не шедший к ее непропорциональной фигуре. Ее женские округлости располагались совсем не там, где надо. У нее было круглое, с мягкими чертами лицо.

Я должен был признать, что Вульф невзлюбил эту даму с первого взгляда, а что касается ее самой, то она,

совершенно очевидно, вообще никого терпеть не могла.

Несколько мгновений Вульф смотрел на бледно-голубой конверт, потом поднял взгляд на посетительницу.

— Вы пишете, мадам, что, возможно, имеете для меня кое-какую информацию. Ваша осторожность понятна и даже похвальна. Вы хотели сначала установить, кто именно дал объявление в газету. Ну а теперь, когда вам и это стало известно, наверное, больше нет никаких препятствий к тому, чтобы...

— Этот человек просто засыпал меня угрозами,— фыркнула она.— Такими методами никаких сведений вы от меня не добьетесь.

— В таком случае я должен сообщить, что мистер Гудвин порою любит забегать вперед. Арчи! Возьми свои угрозы назад!

Мне стоило больших усилий выдавить из себя улыбку.

— Я беру свои слова назад, миссис Михаэлс. Я просто хотел...

— Если я вообще стану что-нибудь рассказывать,— продолжала она, не обращая на меня никакого внимания и адресуясь только к Вульфу,— то исключительно по своей доброй воле, а кроме того, я требую, чтобы наш разговор был сохранен в тайне. Меня, конечно, не касается, что вы станете предпринимать дальше, но вы дадите мне честное слово нигде и никогда не упоминать моего имени. Никто не должен знать, что я писала вам и приходила сюда.

Вульф отрицательно покачал головой.

— Это исключено, мадам. Вы разумная женщина и должны понять нас. Обстоятельства могут сложиться так, что вам придется выступить на процессе об убийстве в качестве свидетельницы. Кроме того, я смогу вам сказать что-то конкретное только после того, как услышу вашу информацию.

— Ну хорошо,— уступила она.— Я признаю свою ошибку. Мне нужно в семь часов быть дома, и я хочу сразу же перейти к сути. Мне известен кое-кто из подписчиков издания Бойлы Пул. Отчетливо помню, как два или три месяца назад видела целую стопку этих газет. С тех самых пор я никак не могу восстановить, где она мне встречалась. И написала я вам только в надежде вспомнить об этом.

— В самом деле? — мрачно пробормотал Вульф.— А я-то назвал вас разумной женщиной. Итак, вы собираетесь придерживаться такой версии, а...

— Да, именно.

— А если мистер Гудвин повторит свои угрозы?

— Ах, нет! — произнесла она с отвращением.

— Ваше объяснение смешно выглядит, миссис Михалс. Вы утверждаете, что написали нам и пришли сюда по объявлению...

— Мне нечего возразить против того, что мои действия и даже моя внешность несколько забавны.

— Тогда у меня не остается другого выбора. Я принимаю ваши условия: мы все оставим между нами. Однако никаких гарантий или обещаний давать не будем.

Ее глаза сузились.

— А ваше честное слово?

— Бог мой, конечно. Арчи!

— Мое честное слово, — произнес я как можно серьезнее.

Она сделала какое-то странное движение головой, напомнимшее мне о старой толстой сове, которую я однажды видел в зоопарке.

— Подписчиком указанного вами издания восемь месяцев назад стал мой муж, — сказала она.

Та сова в зоопарке напала тогда на мышь, потому что была голодна. А наша посетительница хотела причинить боль своему мужу. Это было ясно по ее тону.

— Если уж вам непременно нужно называть что-нибудь смешным, то подумайте об этих моих словах, — продолжала она. — Он не интересуется ни политикой, ни экономикой. Он благополучный врач и живет только работой и своими пациентами. Зачем ему понадобилось это издание? Почему он месяц за месяцем платил Бойле Пул такие суммы? Я сама унаследовала неплохое состояние, и в начале нашего супружества мы существовали на мои деньги. Но, сделав карьеру, он, конечно, перестал нуждаться в моих сбережениях. Ему совсем ни к чему...

Внезапно она встала. Казалось, эта ее привычка перебивать была настолько сильна, что временами не давала покоя ей самой. Она взяла манто.

— Пойдите, — сказал Вульф. — Я же дал вам честное слово, и теперь прошу поделиться со мной некоторыми подробностями. Что ваш муж...

— Это все, — фыркнула она. — У меня нет желания отвечать на разные глупости. Если бы вы были действительно хорошим детективом, вам бы не понадобилось задавать мне больше никаких вопросов. Я сказала все, что необходимо, и теперь могу лишь надеяться...

Она стала натягивать мантию на плечи, и я подошел к ней, желая помочь.

— Итак, мадам,— переспросил Вульф,— на что же вы надеетесь?

Она внимательно посмотрела на него.

— На то, что у вас трезвый ум. Хотя по вашей внешности этого не скажешь.

Она резко повернулась и покинула контору. За прошедшие годы я провожал к выходу множество посетителей. Среди них были воры, обманщики, убийцы и другие преступники, но еще ни разу я не получал от этого тако-го удовольствия, как сейчас.

К тому же, помогая ей одеваться, я заметил, что она уже давно не мыла шею.

Для нас не было новостью то, что ее муж оказался преуспевающим врачом: перед встречей с миссис Михаэкс мы успели расспросить доктора Волмера. Михаэкс был гинекологом с хорошей практикой.

Вернувшись в контору, я сказал Вульф:

— Иной раз мне бывает приятно потешить себя мыслью о женитьбе — но, бог мой, это!..

Вульф кивнул и передернул плечами.

— Конечно. Однако мы не имеем права упускать из виду ее информацию.— Он бросил взгляд на часы.— Может быть, его еще удастся застать на приеме, попробуй-ка.

Я набрал номер, и, когда сумел убедить ассистентку позвать доктора к телефону, Вульф снял трубку со своего аппарата.

— Доктор Михаэкс? Говорит Ниро Вульф... Да, сэр, насколько я знаю, в Нью-Йорке лишь один человек с таким именем. У меня небольшие затруднения, и я хотел бы просить вашей помощи.

— Я сегодня не принимаю, мистер Вульф, и боюсь, что в качестве врача ничего не смогу посоветовать вам.

— Доктор, вы не нужны мне как врач. Мне бы хотелось побеседовать с вами об одном издании, которое вы выписывали. А упомянутая трудность состоит в том, что я не могу выйти из дома. Конечно, неплохо было бы послать к вам моего помощника и даже полицейского, но я бы предпочел побеседовать лично. Все, разумеется, останется между нами. Вы не могли бы прийти ко мне сегодня после обеда?

Похоже, что привычка перебивать собеседника была присуща только его жене, ибо доктор не только дал

Вульф спокойно выговориться, но даже потом ничего не ответил, так что последнему пришлось снова переспросить его:

— Не причинит ли это вам каких-то неудобств, сэр?

— Дайте-ка минуточку подумать. Честно говоря, сегодня у меня был весьма напряженный день.

— Очень прошу вас.

Секунд, через десять он устало сказал:

— Полагаю, бессмысленно просто посылать вас к черту. К тому же я не хочу говорить об этом за глаза, а потому приеду около девяти часов.

— Прекрасно. Вы уже приглашены куда-нибудь на обед, сэр?

— Нет, обычно я обедаю дома, а в чем дело?

— Мне пришло в голову, что я мог бы позвать вас к себе. У меня прекрасный повар. Кстати, вы знаете бренди «Римайзер»? Это довольно необычный сорт.

— Ну, теперь я обречен. И конечно, приду. Скажите мне ваш адрес.

Вульф назвал ему координаты и повесил трубку.

— Теперь я тоже обречен,— проворчал я.— Вы приглашаете на обед незнакомого человека! А может, он вас отравит.

— Да, но если он встретится дома с этой бестией, они сумеют договориться обо всех деталях, а на такой риск я не хочу идти.

— Ерунда! Вы просто не могли перенести мысли, что бедняга вообще не приедет, вот и упомянули о «Римайзере», которого во всех Штатах всего-то бутылок тринадцать, да и те находятся в вашем погребе.

— Какая чушь! — сказал Вульф и пошел на кухню.

17

После обеда Фриц подал в контору кофе и бренди. Последние два часа мы находились будто и не в Нью-Йорке, а в Египте. Наш гость, как и Вульф, провел в этой стране несколько лет, и потому они считали теперь своим долгом обмениваться впечатлениями и воспоминаниями.

Доктор Михаэлс сидел в красном кресле для посетителей. Весь его вид говорил о том, что он и вправду преуспевающий врач с хорошей практикой на Парк-авеню.

— Обед действительно пошел мне на пользу,— проговорил он.— У меня есть целый ряд пациенток, которым

я мог бы прописать подобное питание. Ну а теперь не пора ли перейти к делу?

— У меня совсем не было желания подстраивать вам какую-то каверзу, сэр,— сказал Вульф.

Михаэлс улыбнулся.

— То же говорит и хирург, когда берется за скальпель. Нет, давайте сразу все выясним. Моя жена вам написала или приходила?

Вульф сделал удивленную мину.

— Ваша жена? Разве мы вспоминали о вашей жене?

— Хорошо, оставим это. Скорее всего, она просто заручилась вашим словом.— Доктор пожал плечами.— Честно говоря, когда вы по телефону попытались нажать на меня, я не очень удивился, поскольку уже привык к подобным вещам. Но сначала испугался, подумав, что имею дело с полицией. И конечно, теперь мне намного легче оттого, что все обернулось по-другому.

Вульф слегка наклонил голову, показывая, что комплимент пришелся ему по душе.

— Однако, сэр, не исключено, что мне придется передать расследование в руки полиции.

— Да-да, я вас понимаю, но все же надеюсь, что до этого не дойдет. А теперь скажите, она только показала вам эти анонимки или отдала в руки?

— Ни то, ни другое. Причем обратите внимание на то, что слово «она» ввели в нашу беседу вы, а не я. Так что никаких документов я не видел и не имею, да и сильно сомневаюсь, что вообще их получу.— Вульф откинулся в кресле и закрыл глаза.— Может быть, вам лучше рассказать мне все с самого начала?

— Да, по-моему, тоже, будь оно все неладно.— Михаэлс сделал глоток из своего стакана и поставил его обратно на столик.— Итак, сначала?

— Пожалуйста!

— Так вот, об анонимных письмах я впервые услышал месяцев девять назад. Мой коллега даже показал мне такое, полученное им по почте. В письме утверждалось, что я путаюсь со своими пациентками. Немного погодя я заметил, что мои лучшие давние клиентки очень изменились ко мне. А позже от одной из них я узнал, что она тоже получила две анонимки. Через несколько дней и моя жена показала мне два таких письма.— Доктор нахмурил лоб.— Излишне объяснять, какой урон может нанести врачу подобная корреспонденция. Разумеется, я подумывал передать это дело в полицию, но тут была

доля риска. По той же причине я и частного детектива не стал нанимать. Спустя несколько дней, вечером, мне позвонили. По-моему, жена снимала трубку на втором аппарате, но это вас не должно интересовать. Я надеялся...

Доктор Михаэлс ненадолго замолчал, и Вульф сказал:

— Вы говорили о телефонном звонке.

— Да. Это был женский голос. Он напомнил об анонимных письмах и пообещал, что они прекратятся, как только я подпишусь на одно издание. Эта женщина назвала нужный адрес и добавила, что еженедельный взнос в десять долларов я смогу выплачивать так, как мне будет удобно. Она очень убедительно заверяла, что анонимок больше не будет, а напоследок сказала, что подписку нужно оформить лишь на год и потом можно не возобновлять.— Михаэлс развел руками.— Я выписал абонемент, и все. Первые восемь недель я аккуратно платил по десять долларов, а потом просто внес деньги за год вперед. После этого не было ни одного анонимного письма, иначе бы я знал о них.

— Очень интересно,— пробормотал Вульф.

— Конечно,— подтвердил Михаэлс.— То же самое сказал один врач, когда к нему попал больной с приросшей к ребру долей легкого. Однако он никогда бы не произнес этого в присутствии пациента.

— Вы совершенно правы, сэр, и я приношу вам свои извинения. А что, эти письма печатались на машинке?

— Да, на довольно простой бумаге, но всегда очень грамотно.

— Вы оплачивали абонемент по чеку?

Доктор кивнул.

— Та женщина дала мне понять, что ей это совершенно безразлично.

— У нее была какая-нибудь особенность в голосе?

— Ну, речь у нее довольно приятная и абсолютно без акцента. Как-то раз я позвонил в редакцию этого издания и попросил позвать мисс Пул. А когда она ответила, заговорил с ней об одной статье. У мисс Пул был высокий тембр, не похожий ни на какой другой.

— Ага, вы позвонили ей специально!

— Да, я надеялся хоть так что-нибудь выяснить.

— Я хочу задать вам один вопрос, доктор Михаэлс.

— Пожалуйста, ради бога.

— Я говорю это с большой неохотой, но это необхо-

димо и чрезвычайно важно. Причем я сразу же обращаю ваше внимание на то, что мне нужен только честный и правдивый ответ, в противном случае будет лучше совсем промолчать. Что вас больше устраивает?

Михаэлс улыбнулся.

— Ладно, я либо отвечу, либо промолчу, но ведь такое тоже будет ответом, да?

— Хорошо. Скажите, намеки, которые делались в анонимных письмах, содержали хоть зернышко истины?

Доктор немного подумал и произнес:

— Я полагаюсь на ваши слова и считаю, что речь действительно идет об очень серьезном деле. Объяснения вам нужны подробные?

— Да, по возможности.

— Тогда это должно остаться в строжайшей тайне.

— Я понимаю.

— Этого достаточно. Мне совсем не нужно требовать от вас клятв. Нет, в этих намеках не было ни капли правды. Я всегда знал границы, которых нельзя переступать человеку моей профессии. Тем не менее я охотно подтверждаю, что уже давно тоскую по женскому обществу, возможно, именно этим объясняется и моя ранняя женитьба. Может быть, определенную роль тут сыграло и ее наследство, хотя я всегда буду это отрицать. Но в любом случае я тосковал по обществу женщины — и совсем не обязательно моей жены. Она никогда не пользовалась моими услугами как врача. Когда ей нужна помощь, она идет к одному из моих коллег. Врач никогда не должен брать на себя ответственность за близкого человека — за того, которого он любит или ненавидит.

— Может быть, тут и нужно искать объяснение этим анонимкам?

— Мне это не совсем ясно.

— Приводились там какие-нибудь имена?

— Нет.

Вульф удовлетворенно кивнул.

— Я очень обязан вам, доктор Михаэлс, ведь из-за меня вы пережили несколько неприятных минут. Теперь я ни в коем случае не передам это дело в руки полиции, но предсказать, что предпримет тот человек, с которым я связан, не могу. — Вульф наклонился и нажал кнопку звонка. — А сейчас я попрошу принести пива, и потом, мы ведь не закончили дискуссию о мечети в Талане.

— Если не возражаете, я бы с удовольствием еще отведал вашего чудесного бренди, — ответил наш гость.

Я извинился и покинул контору, не имея никакого желания выслушивать бесконечные разглагольствования по поводу высоты свода таланской мечети.

Когда я вернулся, было уже начало двенадцатого, и наш гость собирался восвояси. Похоже, со времени прихода к нам его настроение резко изменилось к лучшему.

Пожимая на прощание руку Вульф, — а такое босс разрешает делать очень редко, — Михаэлс, повинувшись внезапному порыву, произнес:

— Я хотел бы кое о чем вас спросить.

— Пожалуйста, — ответил Вульф.

— Понимаете, мне нужно воспользоваться вашими услугами. Конечно, я за все заплачу.

— Я слушаю.

— Каким способом можно избавиться от преследователя, таскающегося за вами по пятам?

— Бог мой! — Вульф расхохотался. — И давно он у вас, этот хвост?

— Уже несколько месяцев.

— Так-так. Арчи?

— Конечно, в любое время, с огромным удовольствием.

— Ну, не хочу больше занимать ваше время. — Это была откровенная ложь. — Ведь уже довольно поздно...

— Какие пустяки. Садитесь, прошу вас.

После того как я увидел его жену, мне было так понятно его нежелание идти домой!

18

В четверг утром я сказал себе, что мы сделали еще один шаг вперед. Появившись после завтрака в конторе, Вульф сказал:

— Арчи, позвони инспектору Крамеру!

— Конечно, сэр.

Закончив разговор, я отправился немного прогуляться и, используя свободное время, вошел в телефонную будку, дабы побеседовать о том, на что Вульф наложил строжайший запрет.

Как только на другом конце провода отозвался Лон Коэн, я сразу объяснил ему, что речь идет о чисто дружеской услуге. А потом спросил, что ему известно о человеке по имени Арнольд Цэк.

— Это тебя не должно касаться, — ответил Лон.

— В каком смысле?

— В очень простом. Ничего я о нем не знаю. Правда, слышал, что он влиятельная личность, но другие говорят, будто он не имеет никакого веса в обществе. Репортеры болтают, что того, кто встает у него на дороге, в один прекрасный момент находят в море в виде труп, объединенного акулами, но ты сам понимаешь, насколько можно доверять подобным слухам. Надеюсь, все это останется между нами?

— Разумеется.

— Так вот, я уже интересовался им в нашем архиве, но нашел только то, что в начале войны он предоставил свою яхту в распоряжение флота. И еще: теперь он живет в самом красивом доме Вестчестера.

Я вернулся домой.

Чуть позднее одиннадцати пришел Крамер. Обычно во время визитов к Вульф, глаза его блестели, но на этот раз лицо инспектора имело кислое выражение.

— У вас что-нибудь есть для меня? — спросил он у Вульфа, входя в комнату.

Наставив на инспектора палец, Вульф сказал:

— Знаете, мистер Крамер, порой я начинаю казаться себе ослом. Когда три недели назад я прочитал в газетах, что мистеру Эрхарду платили за его бюллетень по десять долларов в неделю, я решил, что уже подобрался к истине. Но речь идет не только о том, что этому предшествовал какой-то шантаж, а вообще о методе, с помощью которого он этого добивался.

— И теперь вам все известно?

— Да, мне рассказали.

— Кто?

— Это не играет никакой роли, потому что здесь замешана абсолютно невинная жертва. Повторить вам его признание?

— Конечно!

Вульф наморщил лоб.

— А может быть, вы уже кое-что знаете?

— Да.— У Крамера был такой вид, что становилось ясно: это не простое хвастовство.— Вы и сами понимаете, что я вовсе не хочу обвинять в чем-то нью-йоркскую полицию, ибо это лучшая полиция в мире. Но ведь не каждый ее сотрудник находится в курсе всех дел. Например, моя задача — руководить комиссией по расследованию убийств. Так вот, примерно полтора года назад некий гражданин сделал заявление шерифу одного из полицейских участков. Этого гражданина поносили в

различных анонимных письмах, адресованных его знакомым и друзьям, и вдруг какой-то мужчина по телефону заявляет ему, что, если он подпишется на «Трек-альманах», эти письма тотчас же прекратятся. Обращаясь к шерифу, оскорбленный человек утверждал, что в анонимках не было ничего, кроме примитивной лжи, и требовал восстановления справедливости. Шериф связался с начальством, и они сразу же поехали к издателю «Трек-альманах» — Эрхарду. Тот, конечно, все отрицал, уверяя, будто кто-то ведет под его именем дурную игру. Заявитель же не узнал в голосе Эрхарда того неизвестного, которого слышал по телефону. Эрхард отказался предъявить список своих подписчиков, а поскольку больше никаких обвинений против него не выдвигалось, то и предпринять в дальнейшем ничего не смогли. Анонимок же с тех пор не было.

— Прекрасно, — пробормотал Вульф.

— Черт возьми, что же в этом прекрасного?

— Извините, пожалуйста. И как дальше повернулось?

— Никак. Начальник вышел на пенсию и живет теперь на своей ферме. Шериф сейчас занимается ребятами, которые в Бронксе забрасывают камнями проходящие поезда и трамваи. Разыскивая подписчиков обоих изданий, мы наткнулись на некую Мари Леконн, владелицу салона красоты. Она призналась, что, поскольку и ее знакомым досаждали анонимными письмами, ей тоже пришлось подписаться на это издание. А в полицию она раньше не обращалась, не желая привлекать к себе внимания. — Крамер сделал неопределенный жест рукой. — Вам этого достаточно?

— Конечно, — ответил Вульф.

— Ну, хорошо, я ведь пришел потому, что и для себя жду чего-то от этого визита. Вот вы утверждали, что яд предназначался для мисс Фрэзер, а не для Эрхарда. А как быть с Бойлой Пул? Может, оба работали рука об руку? Видит бог — такого сумасшедшего случая у меня еще не было! Или вы просто захотели провести меня?

Инспектор Крамер достал сигару и сунул ее в зубы. Вульф отрицательно покачал головой.

— Нет. Я и сам ничего не представляю. Ваш рассказ подтверждает, конечно, некоторые мои мысли, но как бы установить детали? Вы не очень торопитесь?

— Нет, черт побери!

— Тогда давайте попытаемся определить, какие роли исполняли тут мистер Эрхард и мисс Пул. Предположим, что я — наглый шантажист, которому нельзя, однако, сильно рисковать.

— Эрхард отравлен, а женщина застрелена, — прокрипел Крамер.

— Правильно, — подтвердил Вульф, — но я, наглец, вышел сухим из воды. Мне, конечно, известны люди, которых можно использовать еще и еще. Кроме того, я весьма терпелив и имею в распоряжении все необходимые средства. Лишь один человек из замешанных в этом деле знает истинную долю моего в нем участия. — Вульф потер руки. — Ограничиваясь лишь небольшими деньгами, я не даю своим жертвам возможности поставить меня в трудное положение. В конце концов, я ведь посягаю только на доллары. При этом мне следует приниматься только за таких людей, которые станут платить, не обращаясь с жалобами в полицию. Даже если одна из жертв и отправится туда — что со мной может случиться? На этот вопрос вы только что ответили, мистер Крамер.

— Тот шериф, о котором я рассказывал, на редкость глупый парень, — проворчал инспектор.

— Э, нет, ведь на сцене появился и его начальник. А что произошло бы, предъяви такие заявления многие граждане? Тогда мистеру Эрхарду пришлось бы признаться, что кто-то из его врагов на него посягает. Но даже если бы мистеру Эрхарду стало совсем тяжело, со мной бы абсолютно ничего не случилось. Ведь, не зная меня, он не мог бы и выдать.

— Но он же доставлял вам деньги, — возразил Крамер.

— Нет, он никогда не вступал со мной в личный контакт. Все было организовано блестяще. При таких условиях вполне возможно было довести число подписчиков, скажем, до пятисот. Ну, предположим, их насчитывалось всего двести. Это означает две тысячи долларов в неделю. Если мистер Эрхард получит за издержки половину, мне останется совсем не плохой доход. Затем передо мной встанет вопрос: сколько подобных изданий я могу себе позволить? В Нью-Йорке, пожалуй, четыре и даже пять, а ведь сюда можно добавить и еще по паре изданий из других городов с миллионным населением. Ладно, ограничимся двенадцатью. В таком случае мой годовой доход составит шестьсот тысяч долларов, и если

вспомнить, что речь идет об абсолютно не облагаемой налогами сумме, то большего и желать будет нечего.

Крамер хотел что-то возразить, но Вульф остановил его движением руки.

— Все это весьма тонко задумано,— продолжал Вульф,— но загвоздка в том, что я ограничиваю свои требования. Каждый шантажист, выколачивая очередной взнос, уверяет, что он будет последним, а я не только обещаю, но и держу свое слово. Мое основное правило: никогда не заставлять человека возобновлять подписку.

— А вот этого вы не докажете.

— Нет, конечно, но именно в этом и заключается вся прелесть моего плана. Жертва куда скорее смирится с болью, которую я приношу, зная точно, когда все это кончится. Если я буду требовать постоянно, может случиться катастрофа. Однако я так не поступаю. Мне нужно лишь следить за тем, чтобы число подписчиков всегда находилось в неких пределах.— Вульф кивнул в знак подтверждения своих мыслей.— Это основное правило необыкновенно важно для меня. Конечно, в таком деле, как и в любом другом, есть свои трудности. Например, может случиться, что мистера Эрхарда убьют. Увы, к таким событиям я, конечно, не подготовлен и потому сразу же убираю из его конторы все материалы, даже если они и не могут навести на мой след. Один из моих помощников в ближайшие дни звонит всем подписчикам и предлагает перевести взносы на счет другой газеты. Тут убивают и мисс Пул, но, к счастью, в моем распоряжении великолепная система оповещения. И здесь из ее конторы тоже выносятся вся документация. Можно, конечно, предположить, что мой помощник видел убийцу и даже узнает его, но меня, естественно, это нисколько не интересует. Мне гораздо важнее застраховаться от таких неприятных неожиданностей. Следовательно, я уничтожаю списки и тут же завожу новые. А здесь уже поле деятельности неограниченно, потому что речь может идти о каком-нибудь курсе иностранного языка или о чем-то в этом роде.— Вульф откинулся в кресле.— Вот такие дела, мистер Крамер.

Инспектор на мгновение задумался и сказал:

— А я уж решил было, что вы сами ухлопали обоих. В этом тоже можно найти какой-то смысл, не так ли?

— Конечно, но с некоторым натягом. Ну зачем же мне убивать мистера Эрхарда, да еще таким методом? Для чего избавляться от мисс Пул в ее собственной кон-

торе? Нет, нет, если бы мне нужно было убить их, я бы придумал что-нибудь другое.

— Значит, яд был приготовлен для Эрхарда?

— Конечно,— ответил Вульф,— хотя это допущение не очень-то мне по душе.

Крамер скептически посмотрел на него.

— Вы кое-что упустили: взяв на себя эту роль, вы забыли упомянуть настоящее имя своего героя. Не хотите ли назвать его сейчас, а заодно дать мне и адрес?

— Нет,— твердо сказал Вульф.— Во-первых, я сильно сомневаюсь, что вы сможете с ним покончить, а во-вторых, он бы сразу понял, кто на него указал. Тогда мне пришлось бы самому его уничтожать, а я для этого не настолько силен. Ведь в конце концов я работаю для того, чтобы обеспечить себе жизнь, а не сократить ее.

— Какая чушь. Похоже, вы рассказали мне один из своих последних снов. По сути дела, у вас нет никаких доказательств существования такого человека.

— И все же, мистер Крамер, вы не можете отказать мне в определенном интеллекте.

— Ну да, еще скажите, что вы обмениваетесь с этим типом черенками орхидей. Впрочем, если на его счету нет убийств, мне с ним все равно делать нечего. Так что же, продвинулись вы хоть на шаг вперед? Вы что, пригласили меня послушать об этих проклятых двенадцати газетах в разных городах?

— Лишь отчасти, потому что никак не предполагал, что ваш шериф вдруг вспомнит такую историю. Тем не менее это не все. А вы не хотите рассказать, почему мисс Коппел пыталась вылететь из Нью-Йорка?

— Охотно рассказал бы, но мы сами этого не знаем. Вульф кивнул.

— Ну что, опять сделать предложение?

— Слушаю вас.

— Надеюсь, оно придется вам по душе. Вы недавно сказали мне, что проводите расследование среди бывших подписчиков и при этом не имели никакого успеха с мисс Фрэзер и профессором Савареze. Сколько, собственно, людей в вашем распоряжении?

— Столько, сколько захочу.

— Тогда назначьте человек десять, а то и больше проверять мисс Вэнс и ее сотрудников. Причем нужно в первую очередь обратить внимание на тех, кто получает анонимные письма.

Некоторое время Крамер, наморщив лоб, смотрел в одну точку. Потом спросил:

— Почему именно мисс Вэнс?

Вульф покачал головой.

— Если я отвечу, вы непременно решите, что это мой очередной сон.

— О каком количестве адресатов и писем может идти речь?

Вульф недоуменно поднял брови.

— Мой дорогой сэр, неужели вы думаете, что, зная это, я воспользовался бы вашей помощью?

— Но вы уже попросили о ней. Если ваше предположение верно почему бы вам не прибегнуть к услугам нескольких человек и не уплатить им из денег ваших клиентов?

Вульф с отвращением фыркнул.

— Ну хорошо, я так и сделаю. Но вам в таком случае больше нет необходимости этим заниматься, иначе опять вмешается какой-нибудь шериф.

Крамер неожиданно встал. Я думал, что он так молча и покинет нас, но ошибся.

— Какая дешевка, Вульф: ведь если бы я не рассказывал вам о шерифе, вы бы ничего и не знали!

Он повернулся и, тяжело ступая, направился к выходу. Я невольно отметил про себя, что нервы у обоих напряжены до предела, ибо прошло уже три недели со времени убийства Сирилла Эрхарда, а преступник все еще не был пойман и спокойно гулял на свободе.

19

В пятницу утром к нам пришли два посетителя, которых мы уже давно не видели: Вальтер В. Андерсон и Фред Оуэн, руководитель прессы и рекламы той фирмы, где Андерсон был президентом. Поскольку теперь они не притащили фотографов, я их сразу же впустил. Вульф приветствовал их без всякого воодушевления, но, по крайней мере, и без ворчания. Как только они уселись, он сказал:

— Очень живо представляю себе ваше нетерпение, но могу сказать лишь то, что дела у меня идут ничуть не лучше. Даже не предполагал, что все это настолько затянется. Никакой убийца легко не сдается, но у нашего, кажется, особая антипатия к такой перспективе. Может, рассказать вам о наших успехах?

— Они нам известны,— ответил Оуэн.

— И даже слишком хорошо,— подтвердил президент. Вульф насупился.

— Я отлично вас понял, и не к чему было это отдельно подчеркивать.

— Вообще-то, мы вами довольны, мистер Вульф...— сказал Оуэн.

— А я — нет,— опять вступил президент.— Сперва я думал, что дело как-нибудь уладится, но, бог мой! Шантаж! Это вы, кстати, несете ответственность за сегодняшнюю статью в «Газетт».

— Ну...— Вульф на секунду задумался.— Ответственность в первую очередь несет человек, проводивший эти махинации. Я всего лишь ознакомился с его делишками.

— Это не играет никакой роли.— Андерсон решительно махнул рукой.— Я ни в коем случае не могу допустить, чтобы продукт моей фирмы в глазах общественности каким-то образом связывался с шантажом.

— Я придерживаюсь такого же мнения,— сказал Оуэн.

— Но убийство — тоже довольно гнусное дело,— сказал Вульф.

— Нет,— возразил Андерсон.— В убийстве есть нечто волнующее и сенсационное, а шантаж и анонимные письма всегда грязны.

Он вынул из внутреннего кармана конверт и достал из него один-единственный листок бумаги.

— Вот ваш чек на всю сумму. Мне совершенно безразлично, получу ли я назад взносы остальных клиентов. Пришлите мне представление о всех ваших издержках и непредвиденных расходах. А я больше не желаю этим заниматься.

Оуэн взял у него чек и положил на письменный стол Вульфа. Рассмотрев документ, тот спросил:

— Значит, так? А вы говорили об этом с остальными?

— Нет, и делать этого не намерен. А чего вы еще хотите? Или вам плохо заплатили?

— Гонорар действительно очень хорош, но как объяснить ваше неожиданное отступление? Что же могло нагнать на вас такой панический страх?

— Ничего.— Андерсон слегка поклонился Вульфу.— Я просто пришел объявить вам, что для меня все уже решено. Если вы слушали сегодняшнюю программу мисс Фрэзер, то знаете, что продукция нашей фирмы в ней

уже не рекламировалась. Я могу лишь повторить, что никакого страха не испытываю, но, когда того требуют обстоятельства, поступаю как человек дела.

Он встал, наклонился над письменным столом Вульфа и ткнул в чек коротким толстым пальцем.

— Я не обманщик и оплачу ваши издержки точно так же, как выплачиваю сейчас гонорар. Я ничего не имею против вас лично, но с этой минуты вы работаете не на меня! — Каждое свое слово Андерсон подчеркивал, ударяя по столу указательным пальцем.

— Пойдемте, Фред! — обратился он к своему сотруднику, и они покинули контору.

Я поплелся к выходу убедиться, что вместе с ними не уплыла моя новая летняя шляпа, которая обошлась мне в двадцать долларов. Потом снова уселся за стол и сказал Вульфу:

— Он, кажется, сильно взволнован.

— Сейчас мы напишем ему письмо.

Я взял блокнот. Вульф откашлялся.

«Многоуважаемый господин Андерсон!

Помятуя о нашей сегодняшней беседе в моей конторе, хочу обратить Ваше внимание на то, что мой гонорар зависит не только от Вас, но и от других клиентов, по каковой причине я стану продолжать свою деятельность до тех пор, пока не будет выполнена моя задача. А до того времени позволю себе сохранить полученный от Вас чек в своем сейфе. С глубочайшим уважением и т. д.».

Продиктовав письмо, Вульф откинулся в кресле, закрыл глаза и надул щеки. В таком состоянии он не слышит даже шума пылесоса, когда я убираюсь совсем рядом.

За исключением обеда и его обычного пребывания в оранжерее, Вульф провел в таком состоянии целый день.

Около полуночи я вежливо спросил его:

— Мне заказать для вас кофе?

Он сказал еле слышно:

— Иди спать.

Я так и поступил.

Подав на следующее утро завтрак Вульфу и вернувшись на кухню, Фриц Бреннер сказал, что босс хочет видеть меня наверху.

Он сидел в кровати непричесанный, в настолько привлекательной пронзительно-желтой пижаме, что мне оставалось лишь пожалеть о том, что кроме Фрица я был единственным, имеющим привилегию видеть его в этом костюме.

— Инструкции, — пробубнил он.

Я сел и приготовил блокнот.

Вульф закрыл глаза и начал диктовать:

«Поскольку вы дружите с Элеонорой Вэнс, эта информация может иметь для вас некоторое значение. В последний год Вашего пребывания в колледже умер один человек, смерть которого была обставлена настолько естественно, что подробно ее и не расследовали. Также никогда не разбирался факт исчезновения целого флакона цианистого калия из электромагазина брата мисс Вэнс. Было бы весьма интересно узнать, нет ли какой-нибудь связи между двумя этими событиями».

— Это все?

— Да. Без подписи и без конверта. Листок сложи и запачкай, чтобы он выглядел не совсем свежим. Сегодня суббота, и, поскольку пресса наверняка болтает об изъятии «Ни-Спот» из программы мисс Фрэзер, возможно, участники передачи отдыхать не станут. А если они еще и совещание проведут, то это вообще нам на руку. В любом случае покажи им это письмо и спроси, не встречал ли кто-нибудь из них чего-то подобного.

— И мисс Вэнс тоже спросить?

— В зависимости от обстоятельств.

— А как быть с профессором Саварезе?

— О нем не волнуйся. — Вульф потянулся к своему кофе. — Это все.

Я встал.

— Но я же добьюсь лучших результатов, если буду знать конечную цель. Может быть, вы ждете, что мисс Вэнс так сразу и расколется?

Конечно, мне следовало подумать о том, что Вульф, одетый в пижаму, не очень-то потекает подобным разговорам.

— Твое дело — следовать моим указаниям, — неприязненно буркнул он. — Я не стал бы прибегать к этой тактике, если бы знал больше.

Я вышел, размышляя о том, что мне, как хорошему

солдату, нужно выполнить приказ. И еще, по-моему, к мисс Вэнс невозможно было придаться в принципе.

Около половины десятого позвонив Биллу Медоузу, я узнал, что в одиннадцать часов на квартире мисс Фрэзер состоится совещание, на которое приглашен и он сам.

Примерно в одиннадцать я связался с оранжереей, доложил Вульфю о положении дел и уехал.

На этот раз пароль не потребовался, но тем не менее попасть в квартиру № 106 оказалось совсем не так просто. Вероятно, в последнее время дом осаждали репортеры. Швейцар позвонил по телефону, и через несколько минут ко мне спустился Билл Медоуз.

— Мисс Фрэзер просит узнать, действительно ли речь идет о неотложном деле, — сказал он после того, как мы поприветствовали друг друга.

— Да, мистер Вульф считает его первостепеннейшим.

— Тогда пойдемте.

Мы поднялись на лифте и вошли в большой, как зал, холл, где почему-то все и собрались.

Мисс Фрэзер затерялась на зеленом диване среди массы подушек. Дебора Коппел устроилась перед пианино. Элеонора Вэнс сидела на краю огромного письменного стола. Тилли Стронг расположился в обширном кресле, а Натан Трэйб возвышался в центре помещения. У противоположного конца дивана стояла Нэнси Шеппард.

— Это Гудвин пришел, — сообщил Билл Медоуз, хотя в этом все уже убедились сами. Потом он добавил, обращаясь к мисс Фрэзер: — Он толкует о каком-то важном деле.

— Это займет много времени, мистер Гудвин? — спросила мисс Фрэзер.

Она выглядела очень свежей и отдохнувшей.

— Боюсь, что да, — ответил я.

— Тогда я должна буду попросить вас немного подождать. — Казалось, что она говорит об одолжении. — Мистеру Трэйбу некогда, он торопится на деловую встречу, а мы обязательно должны прийти к какому-то решению. Вам должно быть известно, что мы потеряли заказчика. Кому-нибудь подобное событие испортило бы настроение, но только не нам. Вы знаете, сколько фирм хотят занять место «Ни-Спот»? Шестнадцать!

— Чудесно! — воскликнул я. — Я, конечно, охотно подожду.

Я занял кресло, стоящее в стороне.

А в следующее мгновение о моем существовании на-
чисто забыли все присутствующие за исключением Нэн-
си, по лицу которой было видно, что она не слишком-
то мне доверяет.

— Мы должны проголосовать,— сказал Тилли Стронг,
тиская в руках очки.— По-моему, только пять фирм за-
служивают внимания.

— Четыре,— возразила Элеонора Вэнс, быстро взгля-
нув в какую-то бумажку.— Я уже вычеркнула «Флафф».
Таково, кажется, и твое мнение, Маделина?

— Это вполне достойная фирма,— с сожалением за-
метил Трэйб.— Она предоставляет своему отделу рек-
ламы три миллиона долларов.

— Ты только все осложняешь,— сказала Дебора Коп-
пел.— Ведь мы не можем заключить договор с каждой
фирмой, и потом, я полагала, что ты за «Мельтетт».

— Да,— сказал Трэйб,— но на карту ставятся такие
суммы! Что вы думаете о «Мельтетт», мисс Фрэзер?

Он единственный обращался к ней без фамильярно-
стей.

— Я их еще не пробовала.— Она оглянулась, словно
искала что-то.— Где образцы?

Нэнси немедленно ответила:

— На пианино.

— Мы должны, наконец, прийти к соглашению,— ска-
зал Стронг, подчеркивая эти слова выразительным же-
стом.— И потому я хочу повторить, что все наши заказ-
чики решительно высказались против подачи их продук-
ции так, как это было с «Ни-Спот».

— Ну, это мы уже уладили, потому-то и идет речь
только о четырех фирмах,— ответила Элеонора Вэнс.

— И вообще,— заявила мисс Фрэзер,— решать, како-
ва будет программа и ее оформление,— нам, а не заказ-
чикам.

— Конечно, ты хочешь сказать, что все в первую оче-
редь зависит от тебя, Маделина,— раздраженно провор-
чал Билл Медоуз.— Но мы это и так знаем.

— Значит, осталось четыре фирмы,— повторила Эле-
онора Вэнс.

— Ну хорошо, давайте наконец голосовать,— выска-
зался Тилли Стронг.

— Мы не сдвинулись ни на шаг,— проговорила Дебо-
ра Коппел.— И самое плохое во всем этом то, что ника-
ких серьезных возражений каждой из фирм предъявить

невозможно, поэтому окончательное решение остается за Маделиной.

— Я готов,— сказал Трэйб тоном человека, который сжег за собой все мосты,— отдать свой голос за «Мельтэтт».

Выслушав заключительные аргументы, я должен был признать, что каждый присутствующий выбрал из четырех фирм какую-то свою. Кроме того, по-моему, ни у кого на лице не было раскаяния убийцы.

Поскольку у меня в кармане лежало «анонимное письмо», то все свое внимание я, естественно, сконцентрировал на Элеоноре Вэнс. Но ее, как и остальных, полностью поглотила проблема предстоящего голосования.

В конце концов число фирм сократилось до двух, и Трэйб опять попросил мисс Фрэзер попробовать образцы предпочитаемого им «Мельтэтт».

— Они наверху, на пианино,— сказала Маделина Фрэзер,— подай-ка мне их, Дебора.

— Нет! — пронзительно вскрикнула Нэнси Шеппард.

Дебора Коппел, взявшаяся было за красную коробку, удивилась.

— Что случилось, Нэнси?

— Они могут быть опасны,— ответила Нэнси, протягивая руку к конфетам.— Разрешите сначала мне.

Все ошеломленно уставились на нее.

— Не пори чепухи! — презрительно сказала Дебора Коппел.

— Пожалуйста, разрешите...

— Ерунда!

Дебора демонстративно достала из пачки пралине, надкусила и тут же внезапно выплюнула.

Увидев, как исказилось ее лицо, я мгновенно подскочил к ней.

Она же, вскинув руки, приглушенно вскрикнула:

— Маделина! Не допускай, чтобы...

Тут подбежал Билл Медоуз, за ним — мисс Фрэзер, и мы потащили Дебору к дивану. Но, выскользнув из наших рук, она в конвульсиях упала на пол.

— Немедленно врача! — крикнул я Трэйбу. И тут заметил, что Нэнси собирается прибрать коробку с пралине.— Оставьте все как есть и держите себя в руках! — набросился я на нее. А потом обратился к остальным: — Никто ничего не должен трогать! Понятно?

Только в четыре часа дня у меня появилась возможность уехать домой. Но я решил выждать и попытаться выяснить еще какие-нибудь подробности. Ниро Вульф я, конечно, уже сообщил о случившемся по телефону.

Когда появился врач, Дебора Коппел была уже мертва, и ее тело вынесли.

Сидя на зеленом диване, лейтенант полиции Роуклифф из комиссии по расследованию убийств и один из прокуроров, обсуждали вопрос вероятности почувствовать запах цианистого калия. В самой своей основе он показался мне пустым, ведь те, кто могли на него ответить, уже ушли из нашего мира.

За широким столом другой лейтенант допрашивал Билла Медоуза. В столовой два детектива в штатском терроризировали мисс Вэнс. На кухне какой-то сержант беседовал с горничной Корой.

В следующей комнате я нашел Тилли Стронга и Натана Трэйба, сидящих у стены. У окна стояла Нэнси. В центре расположился полицейский. Наблюдая за ходом дела, из одного помещения в другое бродил, как призрак, сержант Перли Стеббинс.

И наконец, мисс Фрэзер в ее спальне лично допрашивал инспектор Крамер. Приехал также заместитель шефа нью-йоркской полиции комиссар О'Хара.

Инспектор Крамер, знакомый со всеми участниками драмы по предыдущим допросам, сосредоточился сперва на выяснении их передвижений во время совещания.

По поводу коробки с конфетами «Мельтэтт» никаких разногласий не было. Натан Трэйб, который так ратовал за эту фирму, принес сюда пралине в пятницу, поскольку уже знал, что «Ни-Спот» из программы выходит.

Это было после обеда, между половиной третьего и тремя часами, и никто не смог точно сказать, что случилось с коробкой потом. Только Кора видела ее в субботнее утро на пианино, когда стирала с него пыль.

К четырем часам уже пришел ответ из химической лаборатории. Из десяти пралине «Мельтэтт», оказавшихся в пачке, только одна еще была весьма искусно начинена двенадцатью граммами цианистого калия. Остальные не представляли никакого вреда.

Дактилоскопические исследования ничего не дали.

Я вернулся в гостиную, бросил что-то на ходу сержанту Стеббинсу и сел в просторное кресло. В квартире

я остался, повторяю, в надежде получить еще какую-нибудь информацию для Ниро Вульфа.

Через несколько минут появилась некая леди и объяснила сержанту Стеббинсу, что ее вызвал инспектор Крамер. Сержант немедленно отвел ее в спальню мисс Фрэзер.

Эта леди, по моим данным, была одной из наиболее способных представительниц женского контингента криминальной полиции. И я очень живо мог представить себе, зачем она тут понадобилась. А когда через несколько минут Крамер и О'Хара вышли из спальни и инспектор сказал Перли Стеббинсу: «Позовите всех!» — мои предположения подтвердились.

Перли поспешил выполнить приказ, а Натан Трэйб, как бы между прочим, спросил:

— Вы уже что-то выяснили, инспектор?

А вот такого можно было ожидать: Крамер вообще не обратил на него внимания. Я же, чтобы сохранить хоть какую-то видимость приличия, ответил:

— Конечно, мистер Трэйб. Сотрудники полиции пришли к чрезвычайно важному решению: сейчас всех присутствующих будут обыскивать.

Когда все собрались, инспектор Крамер наконец заговорил:

— Если вы отнесетесь к нам с пониманием, мы постараемся по возможности облегчить предстоящую процедуру. Вы не должны судить нас за строгое к себе отношение, ведь перед нами пример вашего поведения после убийства мистера Эрхарда. Я собираюсь сообщить вам, что сейчас каждого из вас обыщут... По существующему положению мы вправе сделать это и в полиции. Но мисс Фрэзер уже согласилась на обыск, который сейчас и проводит в ее спальне одна из сотрудниц нашего ведомства. Женщин будут по очереди вызывать туда, а в другом месте лейтенант Роуклифф станет обыскивать мужчин. Есть ли у кого-нибудь возражения?

Все промолчали, только Нэнси Шеппард выкрикнула, не сдержавшись:

— Я никогда не позволю себя обыскивать!

Когда обыски были закончены и Перли Стеббинс передал инспектору Крамеру письменные отчеты, О'Хара пробормотал:

— А как с Гудвином?

Крамер уставился на меня.

Поглядеев на О'Хару, я ухмыльнулся.

— А если я буду сопротивляться, комиссар?
— Можете попробовать, но это бесполезно.
— Еще посмотрим! И потом, не забудьте, кто за мной стоит!

Он шагнул в мою сторону.

— Значит, вы отказываетесь, да?

— Вы чертовски правы!

Он обернулся.

— Сейчас же доставьте его в мое бюро, инспектор. Там с ним спокойно разберутся.

— Слушаюсь, сэр! — Крамер нахмурился. — Но может быть, сперва пройдем на минутку в соседнюю комнату? Кажется, я не совсем верно обрисовал вам ситуацию и...

— Я в курсе! Вы уже объясняли, что Вульф занимается этим делом. И вот — еще одно убийство! Я по горло сыт тем, как он водит вас за нос! Немедленно отправьте Гудвина ко мне!

— Выполняйте! — приказал Крамер Перли Стеббинсу.

Бюро О'Хары занимало боковой флигель полицейского управления и благодаря деньгам его жены было весьма шикарно обставлено.

Я устроился в уютном кресле. Все содержимое моих карманов, за исключением письма, которое Перли Стеббинс сцапал своей ручищей, лежало на столе красного дерева.

Раскрасневшись от усердия, Перли горячо говорил мне:

— Не будь глупцом! Ты же не справишься с О'Харой. Посмотри, уже больше шести часов, ну где ты будешь ночевать? — Он помахал передо мной письмом. — Лучше расскажи вот об этом.

Я отрицательно покачал головой.

— Знаешь, Перли, это издевательство. Вы же ни у кого ничего не нашли. И теперь ты считаешь, что подловил меня, абсолютно невиновного. — Я взглянул на время. — Мне срочно нужно поговорить с одним человеком. Уже седьмой час. Спустившись из оранжереи, Ниро Вульф будет ждать моего отчета. Боюсь, что мое отсутствие его разочарует. Ты, конечно, представляешь, какие меры он может предпринять. Бьюсь об заклад: он уже позвонил мисс Фрэзер и поговорил с инспектором Крамером.

— Да помолчи ты! — раздраженно бросил сержант Стеббинс. — Вот сейчас О'Хара появится, и уж тогда ты

точно загремишь в камеру, набитую клопами и блохами.

— Я бы предпочел твое общество,— сказал я.

— Тогда объясни, что это за листок?

— Нет. Питая непреодолимое отвращение к анонимным письмам, я даже слышать о них не могу.

Он пересел в кресло и тупо на меня уставился.

Поднявшись, я достал из книжного шкафа какую-то научную криминалистическую брошюру.

Предчувствие подвело Перли: О'Хара все не показывался. Временами я тайком смотрел на часы.

Тишину нарушил резкий телефонный звонок. Сержант снял трубку на столе О'Хары, выслушал чьи-то наставления, вернулся в свое кресло и сказал:

— Это заместитель шефа полиции. Он пошел обедать, а мне приказал следить за тобой.

— Прекрасно,— ответил я,— как раз книга увлекательная попалась.

Без десяти девять появились О'Хара и Крамер. Я небрежно перевернул страницу.

Пока О'Хара пристраивал шляпу на крючок, Крамер уселся в кресло. Обойдя свой необъятный письменный стол, О'Хара тоже сел.

Крамер взглянул на сержанта Стеббинса и спросил:

— Он выражал готовность сделать заявление?

— Нет, сэр.

Перли передал письмо инспектору.

Сержант уже зачитывал его по телефону, но теперь они пожелали убедиться во всем собственными глазами. Я встал, вернул на место брошюру, эффектно потянулся и снова уселся.

Крамер буквально пронзил меня взглядом.

— Как вы можете это объяснить?

— Я уже все рассказал вашему сержанту, который, бедняга, так до сих пор и не поужинал. Письмо не имеет к убийствам никакого отношения, и потому я решительно отказываюсь отвечать на любые о нем вопросы.

— Однако! Не забывайте, что выступаете сейчас в роли обвиняемого.

— Конечно. Перли уже предупредил меня. А почему, собственно говоря, вы не хотите обратиться к мистеру Вульффу? Может быть, его великодушие распространится настолько, что он обо всем вас проинформирует.

— Ну тебя к лешему! Смотри, Гудвин...

— Я сам допрошу его, инспектор,— проворчал О'Хара, поднялся и, вновь обойдя вокруг стола, приблизился

ко мне.— Если вы думаете, что вам или Вульфу все сойдет с рук, то это просто смешно. Анонимные письма в этом деле — очень существенная деталь. Заявившись сегодня в квартиру Фрэзер, вы притащили в кармане анонимку, которая фактически обвиняет одного из присутствовавших при убийстве. Вы действительно отрицаете какую-либо связь этого письма с совершенным преступлением?

— Конечно. И надеюсь, что у мистера Вульфа такое же мнение.— Я решительно взмахнул рукой.— Это называется солидарностью!

— Вы отдаете себе отчет в том, какую кашу завариваете своим упрямством?

— Вполне.

О'Хара повернулся к инспектору Крамеру и рывкнул:

— Доставьте сюда Вульфа! Черт возьми, это нужно было сделать еще несколько часов назад!

Я уже внутренне подготовился к тому, что сейчас только ключья полетят, но тут на столе О'Хары зазвонил телефон. Сообразив, что оба его начальника не в состоянии теперь вести нормальный разговор, сержант Перли Стеббинс сам снял трубку и ответил, но секунду спустя подозвал Крамера:

— Вас, инспектор.

И покуда О'Хара смотрел на меня, мрачнее тучи, Крамер стоял, прижимая к уху телефонную трубку. Когда же разговор наконец завершился, лицо у него было такое, словно он никак не может переварить услышанное.

— Ну? — спросил О'Хара.

— Центральная справочная сообщает, что в десять часов должно быть опубликовано заявление Ниро Вульфа о том, что ему удалось раскрыть все три убийства без помощи полиции. Вся необходимая информация будет представлена прокурору завтра. Справочная интересуется, не хотим ли мы добавить от себя какие-нибудь комментарии.

Запрокинув голову, я от души рассмеялся. Жалко, что у меня не было фотоаппарата, дабы запечатлеть выражение лица О'Хары на веки вечные.

— Проклятый толстяк! — пробормотал Перли Стеббинс.

— Если Вульф выполнит свою угрозу, мне придется оставить службу,— сказал Крамер.

— Что...— О'Хара облизнул губы.— Что вы предлагаете?

Крамер не ответил. Достал сигару, с отсутствующим видом сунул ее в рот, потом вытащил, внимательно рассмотрел и неожиданно швырнул в корзину для бумаг. Затем, плюхнувшись в одно из кресел, сказал, задыхаясь:

— Есть только два варианта: либо предоставить Вульффу свободу действий, либо просить Гудвина немедленно связаться с ним, дабы тот задержал свое заявление.— Крамер вздохнул еще тяжелее.— Мне неловко обращаться к Гудвину с этим. Может быть, вы попытаетесь?

— Нет! Это же чистейший шантаж! — закричал О'Хара, брызгая слюной.

— Конечно! — подтвердил Крамер.— Но в подобных ситуациях с Вульффом шутить не надо: его сообщение должно появиться в прессе через тридцать пять минут.

— А вдруг он блефует? — заскулил О'Хара, не желающий мириться с создавшимся положением.

— Несомненно. Но мы должны подождать дальнейших событий. Если вы не собираетесь просить Гудвина о любезности, у меня не остается другого выхода — я сейчас же связываюсь с шефом полиции.

С этими словами Крамер встал.

Даже бровью не поведя, О'Хара посмотрел на меня и спросил:

— Вы не сделаете это для нас?

Я усмехнулся.

— А вы отмените приказ о моем аресте?

— Само собой разумеется.

— Хорошо. Вы заявили это при свидетелях.— Я подошел к столу, взял письмо, конфискованное сержантом Стеббинсом, и заинтересовался: — Можно воспользоваться вашим телефоном?

Потом устроился в кресле О'Хары и попросил соединить меня с Ниро Вульфом. Телефонистка узнала мое имя и отключилась.

Примерно через полторы минуты в комнату ворвались двое вооруженных полицейских.

— Что вам здесь нужно? — закричал О'Хара.

— Телефон... — заикнулся было один из них.— Гудвин... мы же не знали...

— Черт вас возьми! — зашумел Стеббинс.

Оба мгновенно испарились, и я тут же услышал в трубке знакомый голос.

— Это Арчи,— сказал я.

— Где ты там шатаешься, черт подери? — нетерпеливо спросил он, но было понятно, что это нетерпение относится не ко мне.

— Я в конторе О'Хары, говорю по его аппарату. Тут еще инспектор Крамер и сержант Стеббинс. По правде говоря, эти двое ни в чем не виноваты: все затеял О'Хара. Но сейчас он уже раскаялся. Я могу в любую минуту покинуть это здание, но О'Хара хочет попросить вас доставить ему удовольствие, отложив ненадолго заявление, которое вы собирались сделать. Возможно это?

— Конечно, все зависит от меня. Между прочим, я это устроил через мистера Ричардса.

— Так я и думал. Посмотрели бы вы на О'Хару, когда ему сообщили эту новость. Ну, через двадцать минут я буду дома, только скажите Фрицу, что я страшно голоден.

— Можешь передать от меня мистеру О'Харе, что он — неисправимый дурак. Что касается заявления, то для его отсрочки мне нужно обговорить вначале некоторые условия.

Я повесил трубку, откинулся в кресле и с улыбкой посмотрел на троих мужчин, пожирающих меня глазами.

— Сейчас он перезвонит: там еще какие-то условия надо обговорить. — Я взглянул на О'Хару. — Он просил передать вам, что вы — неисправимый дурак, но поскольку это не совсем тактично, то передавать я ничего не стану.

— Ну, я еще доберусь до него, — выдавил из себя О'Хара.

Они начали о чем-то совещаться, но, занятый своими мыслями, я не слушал.

Неужели Вульф добился того, что казалось мне почти невозможным?

Через какое-то время снова зазвонил телефон. Я снял трубку.

Вульф попросил сказать полицейским, что его сообщение пока отложено, и потребовал у меня отчета о событиях сегодняшнего дня.

— Прямо сейчас? — удивился я. — По телефону?

— Да, и как можно точнее, — ответил Вульф. — Мне немедленно нужны все детали.

Пришлось сделать Вульфу полный отчет об убийстве, которое произошло на моих глазах. Полицейские внимательно слушали. Временами Вульф вставлял кое-какие вопросы, а когда все уже было закончено, пожелал уточ-

нить отдельные места. В заключение он дал мне несколько указаний и потребовал их повторить.

— Все в порядке,— сказал я.— Передайте Фрицу, что я голоден как волк.

Повесив трубку, я заметил:

— Сожалею, что это заняло столько времени, но ведь он мой работодатель. Заявление в прессе, как я уже говорил, пока отложено. Присутствие инспектора Крамера и сержанта Стеббинса при заключительном этапе данного дела он считает нужным. Далее, необходимо, чтобы пятерых сегодняшних гостей мисс Фрэзер срочно доставили к нему. На наличии Нэнси Шепард он не настаивает, но профессор Саварезе, мистер Андерсон и мистер Оуэн из компании «Ни-Спот» быть должны обязательно. Он также категорически требует предоставить ему возможность вести дело по своему усмотрению, и тогда поминка убийцы будет сегодня гарантирована.

Я встал и направился было к гардеробу за своими пальто и шляпой, но обернулся.

— Уже одиннадцатый час, и у меня нет ни малейшего желания принимать участие в завершении этого затянувшегося расследования с пустым желудком. Эрхарда убили двадцать пять дней назад, Бойлу Пул — девять, а со смерти мисс Коппел прошло десять часов...

— Что ему нужно от Андерсона и Оуэна? — мрачно спросил Крамер.

— Не знаю. Могу только сказать, что мистер Вульф ценит приятных собеседников.

— А вдруг мы не сумеем их найти?

— Ну так хотя бы попытайтесь. В конце концов, вы ведь инспектор полиции...

— На это может потребоваться не один час.

— Да, по всей видимости, об отдыхе вам придется сегодня забыть, но тут уж ничего не попишешь.

У двери я снова обернулся.

— О, совсем забыл объяснить вам по указанию Вульфа, что анонимное письмо о мисс Вэнс было лишь неосуществленной попыткой. Я сам напечатал его утром, и, если для вас это имеет какое-нибудь значение, вы сможете хоть сегодня сличить его со вторым моим экземпляром.

— Но почему, черт возьми,— забормотал О'Хара,— вы сразу не сказали об этом?

— Потому что не выношу тона, которым мне задава-

ли вопросы, комиссар. Во всем мире мне известен только один человек, более чувствительный, чем я,— Ниро Вульф.

22

Я совсем не удивился, когда инспектор Крамер в точности выполнил все указания Вульфа. Незадолго до полуночи все приглашенные собрались в нашей конторе.

Обстановка, естественно, была напряженной. Элеонора Вэнс ерзала в кресле, заслонив лицо руками, Тилли Стронг сидел, закрыв глаза и повесив голову. Маделина Фрэзер, исполненная достоинства, возвышалась в красном кресле для посетителей, которое я лично для нее специально придвинул.

Билл Медоуз, обхватив руками затылок, замер, уставившись в одну точку на потолке. Глаза Ната Трэйба были воспалены, а галстук сбился в сторону.

Профессор Саварезе тихо беседовал с сержантом Стеббинсом. Наверное, излагал ему свои последние теории, потому что тот время от времени кивал головой.

Андерсон и Оуэн пришли последними и теперь вполголоса разговаривали с инспектором Крамером.

Тихо зашуршал лифт, и появился Вульф. Все голоса сразу смолкли, а профессор Саварезе устремился к моему боссу пожать руку.

Президент Андерсон проворчал:

— С каких это пор вы руководите нью-йоркской полицией?

Вульф прошел за свой письменный стол, уселся в кресло и, посмотрев на часы, сказал:

— Уже поздно, не так ли? — Потом взглянул на президента компании «Ни-Спот». — Не стоит сейчас пускаться в пререкания, ведь не силой вас сюда привели, согласны? Надеюсь, вы услышите, чем все кончится. Так почему бы просто не сесть и не успокоиться?

Вульф оглядел собравшихся.

— Впрочем, наверное, следовало бы ответить на вопрос мистера Андерсона, хотя он имеет чисто теоретический характер. Нет, я вовсе не команду нью-йоркской полицией, отнюдь. И не завоевываю себе авторитет. Так ведь, мистер Крамер и мистер Стеббинс?

Инспектор кивнул.

— Это всем известно.

— У меня неясность.

— Да, мистер Медоуз?

— Если мы собрались не для протокола, то почему Гудвин записывает?

— Все зависит от того, чего мы собираемся достигнуть. В одном случае эти записи могут остаться в нашем архиве. В другом — будут фигурировать на суде в качестве доказательств. Сядьте, пожалуйста, мистер Саваре. Мне будет спокойнее, если каждый устроится поудобнее. — Вульф поерзал в кресле. — С самого начала я хочу объявить вам, что нахожусь в затруднительном положении. Я пообещал мистеру Крамеру, что, покидая сегодня этот дом, он сможет захватить с собой убийцу. И хотя имя его мне известно точно, никаких улик против него нет. И все же...

— Одну минуту, — вмешался Крамер.

Вульф отрицательно покачал головой.

— Пока наш разговор должен быть неофициальным, и я могу лишь посоветовать вам сохранять спокойствие. — Вульф опять обвел всех взглядом. — Сразу же объясню, как я вычислил убийцу. Вообще-то подозрения у меня были давно, но последние сомнения развеялись два часа назад, когда мистер Гудвин сообщил, что целых шестнадцать фирм вызвались занять в программе место «Ни-Спот».

— Ради бога! — воскликнул Натан Трэйб. — Оставьте эти детали, касающиеся только нас, и скажите наконец правду.

— Прошу вас набраться терпения, сэр, — укоризненно произнес Вульф. — Я здесь не лекцию читаю, а выполняю определенную работу, от которой зависит арест и осуждение убийцы. У меня, как уже сказано, нет никаких доказательств, и, если на протяжении сегодняшней ночи вы мне не поможете, их не будет никогда. Собственно, след появился вчера утром, во время визита мистера Андерсона и мистера Оуэна. Они-то и навели меня.

— Это бесстыдная ложь! — закричал Андерсон.

— Вот видите! — Вульф развел руками. — В своем чрезмерном рвении, сэр, вы, чего доброго, сядете когда-нибудь не на тот поезд. Как же можно утверждать, будто я лгу, если даже не известно, что я собираюсь сказать? Вчера вы явились ко мне, вручили чек на весь гонорар и сообщили, что не хотите больше пользоваться программой мисс Фрэзер. А причиной назвали нежелание слышать любое упоминание о шантаже рядом с вашей продукцией. Это так?

— Да, но...

— Никаких «но»! Потом я в течение двенадцати часов размышлял над новым поворотом дела. Если бы тогда я знал, что вашего места добиваются шестнадцать фирм, то пришел бы к разгадке намного скорее. Но я об этом и не подозревал. Конечно, я спрашивал себя, что же побудило вас занять такую позицию: сперва всю били в барабан рекламы и вдруг отступились! Почему?

— Я же вам говорил...

— Да, говорили. Но ваши доводы были так неубедительны. Взвесив отдельные обстоятельства и разные их сочетания, я пришел к единственно возможному выводу: вы каким-то образом узнали имя убийцы — одного из участников программы мисс Фрэзер. И тогда я понял, что речь идет не о мисс Коппел, или мисс Вэнс, или мистере Саварезе... да-да, тем более не о профессоре Саварезе. Программа возникла и существует благодаря лишь мисс Фрэзер, и говорить можно было только о ней. Вы были убеждены, что мисс Фрэзер сама отравила мистера Эрхарда, не исключали и убийство ею мисс Пул... Поэтому-то и решили удрать подальше и от нее, и от ее программы. Вижу по вашему лицу, что я прав.

— Нет,— холодно возразил Андерссон.— И то, что я сейчас скажу, не очень-то вам понравится. Вы закончили?

— Нет,— только начал. Как же нужно было поступить с этим простым умозаключением? Сначала я хотел применить некоторые ухищрения, пытался даже впутать сюда мисс Вэнс, надеясь, что кто-нибудь из участников передачи выложит наконец всю правду.

— Так, значит, вы виноваты в этом безобразии? — раздраженно спросила мисс Вэнс.

Вульф кивнул.

— Мне нужно было предоставить мистеру Крамеру повод предпринять хоть что-нибудь. Сегодня утром я поручил мистеру Гудвину написать анонимное письмо, в котором уличали именно вас.

— Довольно дешевый трюк,— проворчал Билл Медоуз.

— Но он этого не сделал,— сказала мисс Вэнс.

— Напротив,— возразил Вульф.— Письмо он принес с собой и не показал только потому, что в события вмешалась смерть мисс Коппел. Сообрази я все на сутки раньше, она осталась бы жива. Но я уже не могу принести ей свои извинения, а кроме того, у меня своя задача.

Вульф снова внимательно посмотрел на Андерсона.

— Поверьте, то, что я пристаю к вам с ножом к горлу,— необходимо и неизбежно. Вот послушайте-ка интересный факт! мисс Фрэзер только в первых передачах пила «Ни-Спот», а потом вынуждена была от него отказаться, ибо он вызывал у нее расстройство желудка.

— Очередная ложь,— заявил Андерсон.

— Ну, это нетрудно доказать. Скажите, мисс Вэнс, мои слова соответствуют действительности?

— Да.

— Мистер Стронг?

— Я не думаю, чтобы...

— Проклятье! Ведь вы даже на том же стуле сидите, что и в тот вечер, когда мы все это установили. Так да или нет?

— Да.

— Мистер Медоуз?

— Да.

— Полагаю, этого достаточно, мистер Андерсон?

— Они это придумали в отместку мне, ведь я отказался от их программы,— презрительно пробурчал Андерсон.

Вульф энергично затряс головой.

— Э, нет: шестнадцать различных фирм вызвались занять ваше место, а это говорит о том, что у программы не было даже мало-мальской заинтересованности в вас. Нет-нет, мистер Андерсон. У вас, конечно, к шантажу аллергия, но я вынужден его применить. Как бы, по-вашему, поступила пресса с сенсационным сообщением о том, что мисс Фрэзер не переносит «Ни-Спот»?

— Вы просто сумасшедший! — Андерсон даже содрогнулся. — Газеты примут такую информацию, Фред?

Но руководитель рекламы от удивления потерял дар речи.

— Конечно, примут,— ответил за него Вульф. — Как вы этому помешаете?

Андерсон вопросительно посмотрел на Оуэна, но тот вытаращился на Вульфа, словно на дьявола во плоти.

— Все это бессмысленно,— продолжал Вульф. — Я провел в размышлениях весь вчерашний день и твердо убежден теперь, что кто-то сообщил вам о скором разоблачении мисс Фрэзер.

— О, бог мой! — простонал Фред Оуэн.

— Черт поberi! — прошипел Андерсон. — Но я дал честное слово!

— Кому? — немедленно спросил Ниро Вульф.

— Вы, конечно, можете его держать, — пробурчал Оуэн, — но это — полный наш крах.

— Я поклялся молчать.

— Вот как? Это упрощает дело. — Вульф отвел взгляд от Андерсона. — Мистер Медоуз, я задам вам чисто гипотетический вопрос: если бы вы взяли с мистера Андерсона подобное обещание, то вернули бы его в создавшихся условиях?

— Это не я, — ответил Билл.

— Об этом вас никто не спрашивал. Вы же знаете, что вопрос условный. Разрешили бы вы ему взять назад свое обязательство молчать?

— Да.

— Мистер Трэйб?

— Да.

— Мисс Вэнс?

— Да.

— Мистер Стронг?

— НЕТ!!!

Все дружно посмотрели на Тилли Стронга.

— Ага! — пробормотал Вульф, откидываясь в кресле.

— Великолепно! — восторженно вскричал профессор Савареze. — И так просто!

— Вы же сами сказали об условности вопроса, и мой ответ не имеет никакого второго смысла, — пробубнил Тилли Стронг.

— Совершенно верно, — подтвердил Вульф. — Но по выражению вашего лица мне все стало ясно.

Подобная ситуация оказалась Стронгу не по плечу: губы его задрожали, и он смог лишь пробормотать:

— Это же была чистая условность!

Вульф вздохнул.

— Итак, сэр, давайте рассмотрим дело подробнее. Я не упрекаю вас в том, что вы утаили от нас свою информацию. Так многие поступают, и часто — по причинам куда более низменным. Вы сообщили мистеру Андерсону о надвигающемся разоблачении мисс Фрэзер. — Вульф пожал плечами. — Поскольку мистер Стронг вот-вот откроет нам, как он пришел к убеждению, что мисс Фрэзер — убийца, то ты, Арчи, загляни в ее сумочку, потому что эта женщина способна на все.

Крамер даже подскочил.

— Я не допущу...

— А с вами я не разговаривал! — буркнул Вульф. —

Проклятье! Вы разве не видите, какие у нас проблемы? Арчи!

Я встал и побрел мимо Вульфа. Мое положение можно было назвать очень незавидным. И только я потянулся к сумочке мисс Фрэзер, она взглянула на меня своими красивыми серо-зелеными глазами.

— Не прикасайтесь ко мне!

Я отдернул руку, и мисс Фрэзер обратилась к Вульфу:

— А вам не кажется, что пора и меня выслушать?

— Нет, мадам. Могу лишь посоветовать вам немного подождать. В конце концов, вы станете просто оспаривать свою вину, а для чего?

— Я и пальцем не пошевелю, чтобы оправдаться, — с отвращением ответила мисс Фрэзер. — Но не могу же я сидеть и молча слушать всю эту чепуху!

— Я отлично знаю о вашей изворотливости, мадам. Вы будете отпираться, даже если мистер Гудвин найдет у вас в сумочке револьвер, из которого застрелили мисс Пул!

— Он к ней не притронется!

Я посмотрел на инспектора Крамера, но он, очевидно, не был еще готов к каким-то действиям. Я принес стул и устроился рядом с мисс Фрэзер. Теперь, конечно, я не мог ничего записывать, но ведь не стал бы Вульф требовать от меня невозможного!

— Так будет хорошо? — спросил я у босса.

Он кивнул и обратился к Тилли Стронгу:

— Надеюсь, вам ясно, что отпираться бессмысленно? Мистер Крамер уже знает, что вы скрыли от него важную информацию, а обещание мистера Андерсона в создавшейся ситуации становится невыполнимым.

Вульф помолчал и продолжил:

— Вчерашнее сообщение в печати о двух случаях шантажа было последним звеном цепи. Давайте предположим, что несколько недель назад мистер Андерсон получил анонимное письмо с разными слухами о мисс Фрэзер. Это письмо он ей показал, и тем дело и закончилось. Вскоре, во время передачи, был отравлен мистер Эрхард, а поскольку мистер Андерсон знал, что мисс Фрэзер выписывала издание Эрхарда, он вдруг все понял. Конечно, отсюда напрямую не вытекало, что мисс Фрэзер была убийцей, но мистер Андерсон все же посчитал разумным держаться от нее подальше.

— Никаких анонимок я не получал, — заявил Андерсон.

— Охотно верю.— Вульф не отводил взгляда от Тилли Стронга.— По моему, анонимное письмо получил вовсе не мистер Андерсон, а кто-то другой, для кого оно стало окончательным подтверждением. Такая версия все объясняет и, главное, ничему не противоречит. Делается ясным даже то, почему должны были умереть мистер Эрхард и мисс Пул.— Вульф кивнул, как бы отвечая сам себе.— Да-да, именно так все и было. Наверное, профессор Саварезе сумел бы вывести отсюда немало интересных теорий, но мы отложим это до лучших времен. В анонимке, предъявленной мисс Фрэзер одним из ее сотрудников, были некоторые порочащие ее факты, однако корреспондент и не предполагал, что они соответствуют действительности. Мисс Фрэзер немедленно приступила к решительным действиям и отравила мистера Эрхарда. Потом, узнав из некоего телефонного разговора, что мистер Эрхард был не единственным обладателем ее тайны, убрала заодно и мисс Пул.

— Боже мой! — вырвалось у Андерсона.— Ведете такую серьезную игру и даже не имеете ни одного козыря!

— Совершенно с вами согласен, сэр,— ответил Вульф.— Дальнейшее зависит от вас или от мистера Стронга. Чего еще вы от меня ждете? Может быть, вытащить пару кроликов из цилиндра?

Андерсон встал и подошел к Стронгу.

— Не дурите, Тилли,— сказал он,— вы же видите ему и так все известно.

— Да, в веселенькую историю я вляпался,— жалобно проговорил Стронг.

— Так сколько писем вы получили? — быстро спросил Вульф.

— Два.

— Когда?

— В феврале.

— Вы их кому-нибудь показывали, кроме мисс Фрэзер?

— Только мисс Коппел.

— Где они сейчас?

— Не знаю, я отдал их мисс Фрэзер.

— Что в них было написано?

Стронг открыл было рот, но промолчал.

— Не будьте же ослом,— рыкнул Вульф.— Ведь мистер Андерсон тоже свидетель. Говорите, что было в письмах?

— Ну, якобы мисс Фрэзер чрезвычайно повезло, что

прощальное послание ее мужа не обследовал ни один эксперт.

— Что еще?

— Больше ничего. В другом письме, правда, в иной форме, обыгрывался тот же факт.

Вульф взглянул на Андерсона.

— Он вам рассказывал об этом, сэр?

Президент кивнул.

— Да. А разве этого было недостаточно?

— Правильно.— Теперь Вульф смотрел на даму, сидящую рядом со мной.— Мисс Фрэзер! Я слышал только об одном прощальном письме вашего мужа: о том, что было адресовано его другу, мичиганскому прокурору. Не оставил ли он еще какого-то?

— По-моему, я вовсе не обязана вам помогать.— Ее мелодичный голос совсем не изменился, и только теперь я понял, почему Вульф считал эту женщину исключительно опасной.— Неужели вы верите таким небылицам? Если мистер Стронг и получал какие-то анонимки, то ни мне, ни мисс Коппел он их не показывал.

— Нет, показывал, будь я проклят! — воскликнул Стронг, роняя с носа очки от возмущения.

— Конечно, у нас нет никаких улик, и вы это знаете, мадам. Слова мистера Стронга противоречат вашим. Очевидно, дело все в том прощальном письме.— Он взглянул на инспектора.— Нельзя ли его найти, мистер Крамер?

Крамер взял себя в руки; устроился за моим столом, снял трубку и набрал номер.

— Диксон? Я в конторе Ниро Вульфа. Да, все в порядке, недостает только одной мелочи. Поручите Дароту немедленно позвонить во Флетвилл, штат Мичиган: его там лично знают. Лоуренс Коппел перед смертью оставил своему другу какое-то послание. Его необходимо заполучить: от этого многое зависит. Потом выпишите ордер на обыск в квартире мисс Фрэзер, возьмите несколько человек и поезжайте туда. В первую очередь ищите цианистый калий. Что?! Да, конечно, это она. Поторопитесь!

Крамер повесил трубку и подошел к мисс Фрэзер.

— Можете продолжать, Вульф,— пробурчал он.

— Я бы, кажется, всю ночь проговорил,— спокойно заметил босс.— Мисс Фрэзер была долго счастлива, но продолжительное благополучие — удел лишь порядочных людей. Своего мужа, как я понимаю, она отправила на тот свет столь изощренным способом, что сумела обла-

пошить не только полицию, но и мисс Коппел. В случае с мистером Эрхардом она опять действовала так чисто, что снова смогла отвлечь от себя все подозрения.

— С этим ясно,— проворчал инспектор.— А как с убийством мисс Коппел?

Вульф кивнул.

— Это ее последний шедевр! Мисс Коппел все эти годы была близка с ней. Интересы ее защищала. Возможно, и ей присылали письма с разными слухами о мисс Фрэзер. И она попыталась слетать в Мичиган, чтобы разобраться в своих подозрениях на месте.

— Понятно,— сказал Крамер,— но...

— Вы хотите спросить, почему к последнему убийству я применил слово «шедевр»? Видите ли, это же была голая импровизация, но, судя по описанию Гудвина, Фрэзер исполнила ее мастерски. И главное, она ничем не рисковала, ведь если бы конфеты взял кто-то другой, она бы просто этому помешала. Ее расчеты всегда оправдывались.

— Это неправдоподобно,— сказала Маделина Фрэзер.— Всего несколько часов назад у меня на руках умерла любимая подруга. И, говоря по совести, сейчас я должна стоять у ее гроба, а не слушать здесь ваши детективные басни.

— Хватит придуриваться! — твердо сказал Билл Ме-доуз.

Она медленно перевела взгляд на него.

— Значит, и ты предаешь меня, Билл?

— Я видел, как умирала Дебора, и верю, что убила ее ты!

— Билл! — надломленным голосом воскликнула мисс Вэнс.— Я больше этого не выдержу! — Она дрожала всем телом.

Билл нежно дотронулся до ее плеча.

— Хорошо, девочка. Надеюсь, что она получит по заслугам. Ты ведь тоже была там. А если бы ты пралине попробовала?

Зазвонил телефон, и я взял трубку. Попросили инспектора Крамера, и Перли Стеббинс занял его пост подле мисс Фрэзер. Освободившись, инспектор сказал Вульфу:

— Письмо уже доставлено.

— Хорошо,— удовлетворенно ответил тот.— Может быть, теперь вы ее уведете? Я уже целый час хочу выпить стакан пива, но в присутствии этой женщины бо-

уюсь рисковать, чем черт не шутит...— Он огляделся.— Приглашаю всех, господа, наверняка вас мучает жажда.

Но гости отклонили его призыв и покинули наш дом.

23

Эксперты назвали прощальное письмо Лоуренса Коппела лучшей фальшивкой из всех, что они когда-нибудь видели.

Цианистый калий обнаружили в каблуке комнатной туфли мисс Фрэзер. Вероятно, он остался от тех запасов, которые были похищены из мастерской мужа бывшей миссис Коппел.

Восемнадцатого мая мисс Фрэзер была осуждена за преднамеренное убийство Деборы Коппел. Похоже, прокурор счел это дело наиболее простым.

Когда на следующее утро мы с боссом сортировали ботанические каталоги, зазвонил телефон. Я поднял трубку на своем столе.

— Бюро Ниро Вульфа. У аппарата Арчи Гудвин.

— Могу я поговорить с мистером Вульфом?

— Кто его спрашивает?

— У меня к нему личное дело.

Я прикрыл микрофон рукой.

— Это по личному вопросу. Тот самый тип, имя которого я забыл.

— О! — Вульф нахмурился, отложил каталог и снял трубку параллельного аппарата. Свою я класть не стал.

— Ниро Вульф слушает.

— Ваш голос ни с чьим не спутаешь! Как вы пожиаете?

— Большое спасибо. А мы разве знакомы?

— Да. Я звоню, чтобы выразить свое бесконечное восхищение вашим последним расследованием. Правда, в результате у меня возникли некоторые осложнения, но вы в них не виноваты. Мои источники информации весьма надежны, и я могу лишь поздравить вас с тем, как великолепно вы ограничили следствие предложенной мною сферой. Я просто преклоняюсь перед вами.

— Я, конечно, не возражаю против восхищения,— ответил Вульф,— но, выполняя любую задачу, я сам устанавливаю себе границы. И если бы сейчас наши пути пересеклись, можете не сомневаться: так легко дело бы не закончилось.

— Что ж, мне повезло... или вам.

На линии щелкнуло, и разговор прервался.

Я повесил трубку и, поглядев на Вульфа, ухмыльнулся.

— Вот бестия!

Вульф что-то проворчал в ответ, и я опять вернулся к каталогам.

— Маленькое предложение,— сказал я.— Почему бы не позвонить доктору Михаэлсу и не спросить, не предлагал ли ему кто-нибудь перевести абонемент на другое издание? Хотя это не много даст: он все оплатил вперед. Ну а Мари Леконн?

— Нет, я принципиально против сложностей, когда мне за них не платят, а здесь мой гонорар был бы слишком велик.

— Пожалуй...— Я полез в каталог.— Может быть, придет когда-нибудь и такой день.

— Может, и придет... А что, «цугфеталум чинитум» на твоей странице?

— Боже милостивый, нет! Он же начинается с буквы Ц!

Коротко об авторах

Картер Браун

Картер Браун — наиболее известный псевдоним Аллана Джеффри Йетса, родившегося в Лондоне 1 августа 1923 года. Образование он получил в Эссексе, потом служил в военно-морском флоте. После демобилизации работал звукооператором на киностудии, несколько лет плавал на торговом судне в Сидней. В 1953 году был опубликован его первый роман «Безоружная Венера». С тех пор под псевдонимами Картер Браун, Питер Картер Браун, Питер Картер-Браун появилось более ста его романов с целым рядом серийных персонажей, среди которых наибольшего внимания заслуживает Ал Виллер — лейтенант полиции из небольшого городка близ Лос-Анджелеса... В целом творческие изыски писателя не уходят дальше дичайшего нагромождения удивительных приключений и любовных спен, описанных, впрочем, легко и весело. Откровенная ориентация на непритязательный вкус принесла автору сотни миллионов тиража и почти полное игнорирование со стороны литературной критики.

Около сорока детективных романов А. Д. Йетс опубликовал также под псевдонимом Кэролайн Фарр.

Сейчас он живет в Австралии.

Питер Чейни

Питер Чейни — псевдоним английского писателя Реджинальда Саутуса Чейни, родившегося в Лондоне 22 февраля 1896 года. Еще школьником он начал публиковать свои произведения стихи и статьи в журналах для мальчиков. В его юношеской биографии есть и период увлечения драматургией. Во время первой мировой войны Чейни был призван в армию и дослужился до звания лейтенанта; демобилизовавшись, опубликовал два сборника сентиментальных стихов, писал песни, короткие рассказы. Первая попытка в детективном жанре относится к 1923 году. Она оказалась неудачной. Ничем не проявил себя Чейни в качестве лавочника, букмекера, политика, радиокомментатора, издателя. Популярности он добился лишь в возрасте сорока лет, напечатав роман «Этот человек опасен» (1936 год), в котором появился один из его ведущих серийных персонажей — агент ФБР Лемми Кошен (тринадцать романов, 1936—1953 годы). Некий критик, желая похвалить автора, заметил, что читатели наверняка откажутся от любых других книг Чейни, если в них не будет этого героя. Чейни принял вызов и в следующем году опубликовал роман «Мастер на все руки» с британским частным сыщиком Слимом Келигеном в главной роли, положившим начало еще одной, не менее популярной серии (двенадцать романов, 1937—1953 годы).

Чейни работал преимущественно в жанрах крутого и шпионского детектива. В серии с Лемми Кошеном он оказался первым из британских авторов, кто стал активно использовать приемы, характерные для массовой продукции — американских крутых боевиков. Кроме того, он соединил американский сленг с жаргоном полицейских и воров, добившись живой экспрессивности текста. Кстати, имя героя — Лемми Кошен, производное от выражения «Дай мне пой-

мать тебя» — вполне характеризует его манеру поведения и тип мышления.

Развитие линии творчества Чейни можно увидеть в романах Хэммета, Спиллейна, Флеминга, К. Брауна. Он написал около полусотни романов, выпустил свыше двадцати сборников рассказов.

Умер П. Чейни в Лондоне 26 июня 1951 года.

Рекс Стаут

Родился в 1886 году в городе Ноблесвилль, штат Индиана. Примечательным событием в его молодости была служба на яхте президента Рузвельта; позже он десять лет отдал гостиничному бизнесу — от рядового сотрудника до управляющего отелем. Лишь к сорока годам Стаут определился как профессиональный писатель. Его первые романы, правда, датированы 1913—1914 годами, когда он ориентировался на творчество Ф. С. Фицджеральда и У. Фолкнера. Почти всю жизнь он занимался еще и общественной деятельностью в области литературы и культуры. В 1958 году был президентом Американского клуба писателей детективного жанра. Творчество Стаута разнообразно: здесь и традиционные реалистические романы, и научная фантастика, и детективы. Наиболее известен его обширный, создававшийся на протяжении трех десятилетий (с 1934 года) сериал, герои которого — частные сыщики из Нью-Йорка Ниро Вульф и Арчи Гудвин. Они действуют в сорока шести произведениях писателя, изданных тиражом свыше 10 миллионов экземпляров. Это классика американского интеллектуального психологического детектива.

Умер Р. Стаут в городе Денбюри, штат Коннектикут, 27 октября 1975 года.

<i>Картер Браун</i>	
Неортодоксальный труп	5
<i>Питер Чейни</i>	
Ядовитый Плющ	99
<i>Рекс Стаут</i>	
Больше одной смерти	269
<i>Коротко об авторах</i>	382

Литературно-художественное издание

ЯДОВИТЫЙ ПЛЮЩ

Сборник

Перевод с английского

Редакторы *Н. И. Калинина, Е. Е. Таболина*

Художественный редактор *Е. Ю. Воронцова*

Технический редактор *Н. И. Аврулис*

Корректор *И. С. Додолева*

ИБ № 18

Сдано в набор 17.12.91. Подписано в печать 12.02.92. Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,16. Уч.-изд. л. 21,85. Тираж 500 000 экз. (2-й завод 250 001—500 000 экз.). Заказ 2640. С — 4.

«СКС». 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»,
103473 Москва, Краснопролетарская, 16.

RAIDERS IN THE MOUNTAINS OF INDIA

I. Butterfield